ЭМИ СИЛЬВЕР

ВОССОЕДИНЕНИЕ



Воссоединение
Эми Сильвер

Аннотация
Эми Сильвер. Воссоединение
Пролог
Часть первая
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая
  Глава семнадцатая
  Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Часть вторая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая
Глава тридцать седьмая
Глава тридцать восьмая
Глава тридцать девятая
Глава сороковая
Глава сорок первая
Глава сорок вторая
Часть третья

Глава сорок третья
Глава сорок четвертая
Глава сорок пятая
Глава сорок шестая
Глава сорок седьмая
Глава сорок восьмая
Глава сорок девятая
Глава пятидесятая
Глава пятьдесят первая
Глава пятьдесят вторая

Аннотация

Джен, Эндрю, Лайла, Натали и Дэн. Они были лучшими университетскими друзьями и искренне верили, что их дружба устоит перед любыми ударами судьбы. Но ужасная трагедия изменила их жизни навсегда…

Теперь, семнадцать лет спустя, они вновь собираются в доме Джен во Французских Альпах, где когда-то были так счастливы, – встречаются, еще не зная, что в ночь снежной бури им предстоит посмотреть в лицо своему прошлому. Задаются вопросы. Звучат обвинения. Раскрываются старые тайны. Чем же эта ночь закончится для каждого из них?..

Эми Сильвер
Воссоединение

Посвящается маме, с огромной любовью

Я бы хотела поблагодарить Лиззи Кремер и Джиллиан Холмс за их полезные советы и бесконечное терпение. Благодарю также Гарриет Мур, Летти Смитерс, Глинн Хокинс и Джейми Уилдинг.

© Amy Silver, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Пролог

Воскресенье, 10 марта 1996 г.

Здравствуй, красавица!

Привет из дождливого Корка. Надеюсь, у тебя все в порядке.

Вот захотелось черкнуть тебе несколько слов. После того как я вчера вечером получил твое сообщение, я долго лежал без сна и думал о том, какой я идиот, и как мне повезло, что ты у меня есть, и как я жалею, что заставил тебя плакать. Господи, я так виноват. Прости.

Так вот, прошлой ночью я не мог спать, все думал о том, какая ты была расстроенная, и хотел снова тебе позвонить, хотел услышать твой голос, но боялся, что ты уже спишь и я тебя разбужу. Так что в конце концов я встал и спустился вниз, нашел в кухонном шкафу открытую бутылку «Бушмилс»[1] *и выпил все до конца. Предполагаю, что это виски*

---

[1] Примечания: 1

Сорт виски. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Ронана. Он меня убьет. Вероятно, мне лучше уехать из города, прежде чем он обнаружит пропажу.

Но я отвлекаюсь от темы. Главное, что я сидел там, в темной кухне, и думал о том, сколько счастья ты принесла в мою жизнь.

Я вернулся в постель и все равно не мог уснуть, поэтому стал прокручивать события в голове, от начала до конца – так я иногда думаю. Бывает, я прокручиваю «Крестный отец-2» или весь фильм «Славные парни», сцену за сценой. Прошлой ночью я думал о нас. О том последнем дне во Французском доме, перед отъездом домой.

Все лето там было восхитительно, а потом, в последний день, угораздило разразиться дождю – с утра зарокотал гром, и небеса разверзлись, и я был уверен, что крыша не выдержит и мы все насквозь вымокнем. Прошлой ночью я думал о том дне и проигрывал его в голове, сцену за сценой.

За ночь вдруг похолодало, и утром мы растопили камин. Дров почти не

осталось, поэтому кто-то должен был пойти за ними в сарай под хлещущим дождем, и жребий выпал бедняге Эндрю. А у него было сильное похмелье, помнишь? Единственное, чего ему хотелось, это завалиться обратно в кровать, но Лайла бы этого не допустила, так что он потащился на улицу, и поскользнулся, и упал на обратном пути, и порезал руку, и твердил нам потом про это весь день.

Впрочем, все было отлично, правда? Потому что сосед-фермер, тот ворчливый хмырь, принес нам сосисок и яиц (небось обрадовался, что мы уезжаем), так что мы поджарили большую яичницу и сидели, запивая ее галлонами кофе и болтая ни о чем, потому что делать больше было нечего и все страдали после выпитого. Мы строили планы, уже мечтая о следующем лете, когда снова сюда вернемся. Ревущий в камине огонь, запотевшие стекла, запах сосисок и кофе и стучащий за окном дождь. И ты сидишь рядом и держишь меня за руку под столом, ослепительная, просто роскошная – и это после того, как накануне выпила

почти столько же красного вина, сколько сама весишь, а спала меньше трех часов. Как тебе это удается? Ты просто колдунья. Должно быть, так.

Господи, как мне не хотелось уезжать. А сейчас я жду не дождусь, чтобы туда вернуться. Ждать осталось уже меньше четырех месяцев.

В какой-то момент (кажется, это было после того, как мы решили, что уже достаточно поздно открывать новую бутылку вина) Нат заявила, что просто не может вернуться в Англию той же самой девчонкой, какой уехала, поэтому потребовала, чтобы Лайла отрезала ей волосы. Помнишь, ты была в ужасе? Ее длинные каштановые волосы кучей лежали на полу, а Лайла орудовала ножницами, словно какая-то зловещая маньячка. А потом она закончила, и Нат выглядела блестяще: крохотный эльф с огромными зелеными глазами. Дэн с Эндрю были потрясены и все пялились на нее, будто никогда прежде не видели.

Наконец дождь закончился, и Дэн заставил всех выйти на улицу, чтобы он мог

сфотографировать нас, дом, нас перед домом, нас на фоне каменной стены, нас на фоне долины, на фоне горы, нас, нас, нас. Вы, девушки: ты, Лайла и Натали – позировали у стены, как супермодели, три красавицы, а Эндрю валялся на мокрой траве и стонал по поводу своей больной головы и порезанной руки. У тебя есть эти фотографии? Мне кажется, я никогда их не видел. Хотелось бы получить их, повесить на стену.

Снова пошел дождь. Ты взяла меня за руку и сильно ее сжала – сказала, что кружится голова и ты чувствуешь себя не в своей тарелке, как это бывает у тебя с похмелья, а я ответил, что ты почувствуешь себя лучше, если выпьешь еще. Поэтому мы все пошли в дом и пили красное вино и остатки того жуткого сидра и танцевали под Генсбура и Донну Саммер. Ты помнишь, когда мы пошли в постель в ту ночь, когда улеглись на матрасе в задней комнате, мы были едва живые, животы болели от смеха. (Кстати, я тебе говорил, что у тебя самый прекрасный смех, какой я слышал?)

Это были лучшие дни, верно? Ничего, в сущности, не происходило, ничего особенного. Мы просто ели, и пили, и танцевали, и смеялись, и я никогда не был счастливее.

Я прокрутил тот день в голове минувшей ночью, и когда проснулся сегодня утром, все мои мысли были только о тебе. Я бы хотел всегда помнить, какими мы были в тот день, что мы чувствовали – ты, я и все остальные. Мы должны держаться за это счастье. Говорят, оно не длится бесконечно.

Мама передает привет.

Жду не дождусь, чтобы увидеться с тобой, красавица, хочу тебя до боли.

Вся моя любовь с тобой.

Конор

Часть первая

Глава первая

Декабрь 2012 г.

Когда Джен уже раз в четырнадцатый за этот день поднялась по лестнице, она заметила на одной из каменных ступенек каплю крови. Надо отчистить, подумала она. Позже. Когда закончит подготавливать спальни, когда проверит, что в ванных нет ни пятнышка, когда раскинет постельные покрывала и сотрет пыль с подоконников, когда убедится, что в кухне и гостиной достаточно сухих дров, когда разместит в вазах цветы. Белые чайные розы для Эндрю и Натали, кроваво-красные орхидеи для Лайлы. За ними она ездила на машине к шикарному флористу аж в Драгиньян, почти два часа туда и обратно. Смешно, наверно, но в то утро это казалось важным. Придать дому дух гостеприимства. Она не могла решить, что купить для Дэна: пионы казались слишком женственными, лилии — похоронными, гвоздики — слишком дешевыми. В конце концов она купила маленький горшок с черными бархатными петуниями, который поставила на письменный стол у окна, того окна, что выходит на заросли деревьев позади дома и

поднимающуюся за ними гору.

После покупки цветов она потратила еще триста с лишним евро на яркие покрывала для кроватей и для дивана внизу, на диванные подушки в цветных чехлах с пронзительными африканскими принтами, на темно-красный ковер для гостиной. Это было запредельной глупостью, ведь через пару недель ей придется запаковать все обратно. И что со всем этим делать? Она даже точно не знала, куда после этого поедет. А сейчас, поставив розы на сундук во второй спальне, той, которую предназначила для Эндрю и Натали, она спросила себя, не было ли это все напрасным. Джен стояла у окна, глядя на долину, и ежилась; было три часа дня, и свет за окном почти погас, неумолимо надвигались угольно-серые облака. Внизу было включено радио; прогноз погоды изменился. Плохая погода, которую предсказывали на середину следующей недели, перенеслась на несколько дней раньше, на выходные, но, глядя сейчас на небо, она сочла даже этот прогноз чересчур оптимистичным. Казалось, что вот-вот разразится буря. На земле после случившегося пару дней назад сильного снегопада лежал толстый слой снега, но дороги пока были чистыми. Если буря разразится слиш-

ком скоро и выпадет много снега, дорога будет занесена и ее гости никогда сюда не доберутся.

Закончив с цветами, она пошла в ванную, намочила тряпку и вытерла кровь на лестнице. Это она порезала палец, разделывая к обеду бараний бок. Обычное дело, но по какой-то причине ей показалось, что вытирание крови предвещает что-то зловещее. Краем глаза она вроде бы заметила в полутемном доме какое-то движение; ей сделалось страшно. Она спустилась, растопила камин в гостиной и включила все лампы.

Но даже с зажженными огнями и горящим камином, с новенькими яркими покрывалами и диванными подушками, несмотря на все старания Джен придать дому обжитой вид, он казался пустым и холодным. До ее приезда сюда два месяца назад он больше года стоял незаселенный и так и не избавился от этого налета заброшенности. Чтобы дом стал прежним, живым и уютным, требовалось время, думала она, а также люди, вещи. Из Парижа Джен привезла не так уж и много: одежду, книги и кухонную утварь, ноутбук и радиоприемник, больше, пожалуй, ничего. Остальное по-прежнему было здесь, упакованное в помеченные ее именем коробки, ожидающие отправления в место назначения.

Впрочем, дело было не только в одиночестве, дело было во времени года. Ветер пронзительно выл в долине и прорывался в дом, свистя сквозь щели под дверьми и дребезжа старыми витражными окнами. Это был первый раз, когда Джен приехала сюда зимой, и теперь вот бродила по дому, не снимая с плеч одеяла.

Атмосфера этого места менялась зимой. Становилось слишком тихо. Летом слышалось звяканье коровьих колокольчиков, блеяние овец в полях, рокот тракторов вдалеке, птичье пение. Зимой ничего этого не было, и глубочайшее спокойствие лишь в редких случаях нарушалось звуком грузового мотороллера, одного из этих забавных трехколесных фургончиков, тарахтящего по пролегающей внизу дороге, или неожиданным треском дров в камине, который всегда заставлял ее испуганно вздрагивать. Эта тишина лишала ее присутствия духа, звенела в ушах. Приходилось включать радио, чтобы ее заглушить. А по ночам она оставляла радио включенным, чтобы заглушать другие звуки, не дававшие ей спать: поскрипывание деревянных балок, шепот или завывание ветра в кронах деревьев за домом, ужасный плач лис, похожий на плач брошенных младенцев.

Холод можно было учуять по запаху. Летом воздух полнился ароматом лаванды и розмарина, которые росли на клумбах вдоль фасада. Раньше тут были также вьющиеся розы. Аромат древесного дыма, конечно, оставался, но за ним чувствовалось что-то еще, сырое, нетронутое, запах холодного камня, неприятный, будто могильный. Свойства света зимой также отличались. Джен помнила, каким дом был в июле, с распахнутыми окнами и дверями, с закрепленными на крючках ставнями; тогда солнечный свет вливался внутрь вместе с ароматом цветов и трав. Сейчас же ощущение было такое, будто каких-то частей комнат свет вообще не касается, будто она живет в постоянной тени.

И здесь были призраки. Никаких соседей (ближайшая деревня Вильфранш, с населением в 1489 человек, находилась в пяти минутах езды вниз по горе; выше были только хижины пастухов, а совсем высоко один-два фермерских дома). Только призраки. Они сидели за кухонным столом, они искали дрова для растопки в сухостое за домом, нежно гладили Джен по спине, когда она стояла перед зеркалом в ванной, чистя зубы. Тут был Конор, который стоял на стремянке, обнаженный по пояс, и постукивал ногтями по балке; были

Натали и Лайла — они загорали на лужайке перед домом; Эндрю слушал в кухне новости по радио; Дэн сидел на сухой каменной изгороди с записной книжкой и сигаретой во рту.

И вот теперь, сегодня, если позволит погода, они действительно вернутся сюда, те из них, кто сможет это сделать. И в ее сознании они будут в точности теми же самыми. Люди ведь не так сильно меняются, верно? Ее собственная жизнь переворачивалась вверх тормашками не раз и не два, но она ощущала себя почти такой же, как в двадцать один год. Да, немного потрепанной, более круглой и медлительной, но, по сути дела, не сильно отличающейся от себя прежней. Те же убеждения, те же пристрастия. Она, как и раньше, любила все, что связано с языком, словом, любила Оффенбаха, парусный спорт; обожала море, но ненавидела пляжи; обожала собак, но не тех, что держат парижане и которые умещаются в сумочках. Она и сама не знала, было это однообразие ее недостатком или чем-то, чем можно гордиться. Ей нравилось думать об этом как о чем-то таком, что предполагает силу характера, но иногда она задавалась вопросом, не означает ли это, что ее просто заклинило.

Она нервничала и не находила себе места.

Сейчас, когда их прибытие неотвратимо приближалось, она почти желала, чтобы пошел снег. Она представила, что вот они уже во Франции, вот уже спешат сюда, к ней, и ей вдруг стало страшно. Но назад пути не было. Она почувствовала напряжение в животе: было ли то от нервов или давал о себе знать ребенок, сказать трудно. Она не могла отделаться от чувства, что, возможно, совершила ужасную ошибку. Она пошла в кухню и налила себе бокал красного вина, стараясь не испытывать по поводу этого чувства вины. В конце концов, она провела в этой стране почти двадцать лет, а француженки считают это пустяком.

В паре сотен миль к югу, в гостиничном номере в Ницце, худая девица полулежала на кровати, опираясь спиной об изголовье, и ее длинные светлые волосы не вполне прикрывали голую грудь. Она наблюдала, как ее любовник беспорядочно закидывает в чемодан свою одежду.

— Тебе лучше сегодня остаться, — сказала блондинка. — В горах пойдет снег, и ты застрянешь на дороге. Останься со мной. — Сказав это, она приподняла левое колено и, ухватив пальцами ноги прикрывающую ее простыню, сдвинула ее

чуть ниже, обнажая еще несколько дюймов[2] своей бледной плоти. Она прикусила нижнюю губу. Глаза встретились с глазами Дэна. Тот рассмеялся.

— Я не могу остаться, Клодия, моя приятельница ждет меня. Все равно твой самолет отправляется в полночь.

— До этого еще много часов, — ответила она, как можно соблазнительнее надувая губки. Она еще больше подтянула к себе левую ногу и сдвинула простыню в конец кровати, оставшись совершенно нагой.

Дэн сел на край кровати и наклонился над ней, чтобы поцеловать. Она крепко обвила его руками, притягивая к себе. Спору нет, это было соблазнительно, вся она была соблазнительной. Мало того, она была особенной.

Они пробыли в Ницце три дня. Там проходил кинофестиваль, мини-фестиваль, множество достойных некоммерческих фильмов и гневных документальных фильмов, сделанных двадцатитрехлетними юнцами с экстравагантной растительностью на лице. В сравнении с ними он был стариком и, можно сказать, безумно

---

[2] Примечания: 2
Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

успешным, что в их глазах, конечно, означало «продажный». Им еще предстоит многое узнать. В любом случае было трудно чувствовать себя оскорбленным, находясь в номере люкс в «Пале де ла Медитерране» с самой красивой девушкой в Ницце.

Мысль о том, чтобы остаться с ней, пусть всего лишь на несколько часов, была так сильна, что от нее почти невозможно было отказаться. Почти. Потому что он должен ехать. Нет, не просто должен; он хотел поехать. Сказать, что его интерес возбудило электронное письмо Джен, свалившееся на него как гром среди ясного неба месяц назад, — значит ничего не сказать. Дженнифер Донливи, девушка, которая сбежала, удрала. Девушка, которую он не видел сколько там, лет шестнадцать? Она хотела с ним встретиться, она пригласила его и, конечно же, других обратно во Французский дом. Написала, что дом продается и что им, возможно, захочется увидеть его в последний раз.

Если когда-либо ему и делали предложение, от которого он не мог отказаться, это было оно самое. Шанс вернуться в тот дом, в то место, где, как он по-прежнему чувствовал, во многом началась его карьера. Он обрел все свои лучшие

замыслы, написал все свои лучшие тексты, сидя на каменной изгороди с видом на долину со своей необыкновенной записной книжкой в кожаном переплете (подарком от Джен ко дню рождения), куря «Голуаз блонд». Он усмехнулся при этом воспоминании. Что правда, то правда, в те времена он был высокомерным кретином. Сейчас ему было интересно, какие воспоминания взбудоражатся, если он вернется туда, пройдется по тем комнатам. Осталось ли там еще что-то вдохновляющее?

А еще он с нетерпением ждал возможности проехать на своем новеньком «Ауди» по тем невероятным петляющим горным дорогам. Громко включенная музыка, выброс адреналина на крутых поворотах, масса времени подумать. Такого он давно уже не испытывал, это пойдет ему на пользу. Запустит творческое мышление. К тому же им с Клодией будет неплохо несколько дней побыть врозь; это подсластит встречу, подогреет страсть.

Но прежде всего дело было в Джен. Он не позволял себе много о ней думать, он уже давно этого не делал, но как может он упустить шанс увидеть ее снова, выяснить, где она была все это время, что представляет собой сейчас? Она исчезла с экрана

радара, он не смог обнаружить ни странички в «Фейсбуке» или в «Твиттере», ни одного упоминания в «Гугле». Когда он только получил ее письмо, то раскопал несколько старых фотографий, снимки, на которые не смотрел лет десять. Ему было любопытно увидеть, как она выглядит теперь. По-прежнему ли красива? Располнела ли? Ему также любопытно было посмотреть на всех остальных, и ему пришлось себе признаться, что он ждет не дождется, чтобы лицезреть встречу Натали и Лайлы. У него было ощущение, что ради такого зрелища стоит запастись попкорном.

— Я обещал Джен быть там сегодня, — сказал он. — Я просто не могу не приехать. Я даже не уверен, что у меня верный номер ее телефона, она подумает, что со мной что-то случилось. А с тобой мы увидимся через три дня в Париже. Через три дня опять будем вместе. Да?

— Разумеется, — ответила Клодия, сложив губки в презрительную гримаску. Она подтянула простыню обратно до талии и отвернулась, предоставляя ему великолепный вид своей кремовой, слегка веснушчатой спины.

— Рождественский сочельник в Париже, — сказал Дэн, протягивая руку и касаясь ее гладкого плеча.

— Разумеется, — повторила Клодия, но так к нему и не повернулась.

Им потребовалось больше сорока пяти минут, чтобы добраться до начала очереди на прокат автомобилей, и к тому времени как они наконец нашли свой серебряный «Ситроен» посреди стоянки размером с футбольное поле, полной серебряных «Ситроенов», было почти темно и начинался дождь. Они заблудились, пытаясь выехать из Марселя, главным образом потому, что Натали слишком увлеклась своим телефоном, чтобы читать дорожные знаки. Эндрю ничего не сказал: меньше всего сейчас требовалось затевать ссору.

— Может, лучше где-нибудь остановиться, переждать ночь в отеле? — спросила Натали. Ее левая рука была прижата к груди, пальцы так вцепились в ремень безопасности, что побелели костяшки. С каждым крутым поворотом, с каждым перестроением в другой ряд ее правая рука резко хваталась за приборную панель. Всякий раз, как она это делала, Эндрю старался не вздрагивать. Натали не любила ездить в плохую погоду.

— Ты помнишь, каково там, наверху? Ужасные горные дороги. Я думаю, слово «живописные» —

это эвфемизм, означающий «извилистые, узкие, идущие вдоль края огромного чертова обрыва». А ты знаешь, как французы водят. Это будет кошмар. Плюс у нас нет шин для езды по снегу. Надо было запастись.

— Все будет в порядке, Нат. Я поеду медленно. Нам некуда спешить.

Она тихонько вздохнула.

— Почему бы нам просто где-нибудь не остановиться? Мы ведь можем приехать к Дженнифер завтра, когда будет светло и погода наладится. Если бы мы где-нибудь остановились, я бы могла позвонить девочкам, похоже, сейчас у меня нет сигнала.

Эндрю глубоко втянул воздух.

— Джен нас ждет, Нат, — сказал он, натянуто улыбнувшись жене. — А девочкам мы звонили из Хитроу, у них все прекрасно.

Так же прекрасно, как в то утро, когда они с Натали оставили их в доме деда и бабки в Шептоне. На самом деле прекрасно — это слабо сказано; девчонки были в восторге, что родители уезжают, и даже не трудились это скрывать. Наблюдая, как родительская машина выезжает с подъездной дорожки, они радостно хлопали друг дружку по ладоням и предвкушали четыре дня бесконечно-

го рождественского шопинга, финансируемого дедушкиной кредиткой, а также позволение выпить бокал игристого вина перед обедом.

Натали не любила ездить на машине в плохую погоду, это верно, но Эндрю прекрасно понимал, что в ее нежелании отправляться в эту поездку было нечто большее. Она не хотела оставлять девочек так близко к Рождеству и не разделяла желания мужа снова увидеть тот дом. Потребовалась также немалая сила убеждения, чтобы она согласилась пребывать в одном помещении с Дэном.

Эндрю же ждал с нетерпением. Нет, не возможности увидеть Дэна, хотя и против этого он не возражал. Он не питал к нему той вражды, что его жена. Для этого он не чувствовал в себе достаточно сил. Дэн попросту стал для него не столь важен, как прежде. Эндрю ехал только ради Джен. Он чувствовал, что каким-то образом пренебрег обязанностью заботиться о ней, хотя Натали всегда напоминала ему, что это глупо. Именно Джен сделала для них невозможным остаться в ее жизни, точно так же, как сама не смогла остаться в их жизни. И все-таки Эндрю не мог отделаться от чувства, что мог бы сделать что-то еще, должен был бы сделать что-то еще.

Они редко говорили на эту тему, потому что все разговоры о случившемся тогда неизбежно кончались спорами, но когда эта тема всплывала, Натали упорно настаивала на том, что Эндрю не обязан нести ответственность за Джен, а Эндрю так и не сумел объяснить жене, почему он считает, что должен.

Впрочем, помимо этого ему просто хотелось увидеть ее снова, эти ее теплые карие глаза, полные смеха. И увидеть ее именно в том месте. Это будет нечто.

— Я действительно считаю, — говорила тем временем Натали, — что нам следует позвонить девочкам, дать им знать, что мы добрались благополучно.

— Мы позвоним им из дома, Джен, — сказал Эндрю, — когда действительно благополучно доберемся. — Он пожалел об этих словах, как только они у него вырвались. Он не это имел в виду, но прозвучало так, будто возможен какой-то другой расклад. Он протянул руку и успокаивающе стиснул ее колено. — Их, вероятно, все равно нет дома, твоя мама, скорее всего, уже поехала с ними за покупками.

— Держи руки на руле, Эндрю, — взмолилась Натали. В голосе ее прозвучали слезы, и эта чрез-

мерная реакция вызвала у него раздражение, но он промолчал. Послушно расположив руки на руле в положении «без десяти два», он лишь повторил:

— Все будет хорошо, Нат. Я поеду медленно.

* * *

Таксиста-марокканца звали Халид. У него была обаятельная улыбка и уверенность гонщика «Формулы-1».

— Я родом из Имлила, знаете это место? В Атласских горах. Тубкаль — знаете такую гору? Здешние дороги по сравнению с тамошними просто автострады.

— Отлично, — сказала Лайла, тайком делая еще один глоток водки из маленькой бутылки, купленной в дьюти-фри. Потом предложила Заку, но он покачал головой.

— Нервничаешь? — спросил он.

Она чуть пожала плечами.

— Незачем бояться, — бодро сказал Халид. — В этой стране я никогда не попадаю в аварии.

Да, она нервничала, но не по поводу езды. Вся ситуация была немного неестественной. Примерно месяц назад она получила письмо, написанное почерком, который тотчас узнала.

Джен сообщала ей, что Французский дом выставлен на продажу, и интересовалась, не хочет ли Лайла приехать и увидеть его в последний раз. Остальных она тоже пригласила — чувствовала, что встреча старых друзей давно уже назрела. Первым побуждением Лайлы было выбросить письмо в мусорную корзину. Через несколько часов она извлекла его оттуда и прочла еще раз, затем — еще раз. Было бы чудесно увидеть Джен после стольких лет. Но всех остальных? В одном доме? Дело кончится кровопролитием.

Она обсудила это с Заком, когда он пришел с работы. Старые друзья, сбор в доме, в котором гостили когда-то давно. Тогда провели лето, подновляя дом для отца Джен. Теперь она его продает и пригласила всех туда в гости.

— Звучит заманчиво, детка, — сказал Зак, но что он мог знать.

Сейчас, сидя в машине, она была уверена, что это ужасная затея. Что могут все они сказать друг другу после первых приветствий и вопросов «как поживаешь?»? Это будет похоже на «Фейсбук», где ты вступаешь в контакт с людьми из своего прошлого. Только этот «Фейсбук» будет живым, и ты не сможешь просто выключить ноутбук и уйти, когда поймешь, что на самом деле существует

вполне веская причина, почему твоя дружба с этими людьми давным-давно закончилась.

Зак погладил пальцами ее щеку и, ухватив за подбородок, легонько повернул ее лицо к себе.

— Ты выглядишь такой встревоженной, детка.

— Знаешь, это просто ненормально, что она связалась со мной через столько лет. Я имею в виду, что мы посылали друг другу поздравления на Рождество и все такое, но я не видела ее лет пятнадцать. Не могу поверить, что все это только из-за дома.

— А ты разве не спрашивала? Когда послала ей имейл с согласием?

— Спрашивала. Она ответила, что просто хочет нас увидеть. Господи, надеюсь, она не умирает.

— Лайла!

— Ну, кто ее знает? Хотя я думаю, она не пригласила бы незнакомого человека, если бы умирала, правда?

— Я уверен, что она не умирает.

— Вероятно, нет. Я буду рада ее увидеть, — сказала она, надеясь убедить не столько своего бойфренда, сколько себя. — Действительно рада.

Она придвинулась ближе к Заку и перекинула через его ногу свою, так что почти оказалась у него на коленях.

Халид наблюдал за ними в зеркальце заднего вида.

— Медовый месяц? — спросил он.

Лайла рассмеялась.

— Это не медовый месяц. Просто поганый уикэнд.

— Поганый?

— Просто небольшой отпуск, — поправил Зак.

Благодарение богу за Зака. Даже если все это будет ужасно и неловко, по крайней мере у нее есть Зак, человек-буфер. Он был так мило обходителен, так приятен, так симпатичен внешне, что оказывал успокаивающее действие на окружающих и умел снимать напряженность. Ему бы следовало быть посланцем мира при ООН или участником переговоров об освобождении заложников или кем-то еще в таком роде. Но при этом он являлся чертовски профессиональным инструктором по фитнесу. Как жаль, что за это ему платили гроши.

Ну вот. Она вспомнила об этом, и теперь эта мысль засела у нее в голове, та самая мысль, которая мучила ее перед тем, как она вытащила письмо Джен из корзинки для бумаг. Деньги. Лайла была в стесненном положении и устала от этого. Нищета ее не устраивала, не устраивала

никогда. Она не знала насчет Джен или Эндрю с Нат (и никогда их об этом не спросит), но у Дэна деньги были. Она знала, что у Дэна есть деньги и, откровенно говоря, он ей должен.

К тому времени как они добрались до места, стемнело, и они почти пропустили поворот, резкий поворот направо, вверх по горе. С дороги дома не было видно — он появлялся не раньше, чем проедешь половину подъездной дорожки, и выглядел обманчиво маленьким на фоне вздымавшейся за ним горы. Они затормозили перед ним как раз в тот момент, когда начал падать снег. Лайла, твердо решившая, что раз уж ей предстоит встретиться с прошлым, она должна сделать это стильно, была в сапогах с четырехдюймовыми каблуками и открытыми носами; Заку пришлось отнести ее к парадной двери, пока Халид выгружал из багажника чемоданы.

Зак поставил Лайлу на пороге.

— Спасибо, милый, — промурлыкала она и одарила его французским поцелуем, стараясь источать уверенность, которой не чувствовала. Достав из сумочки зеркальце, она оглядела свое лицо. Ущипнула кожу на скулах и прикусила нижнюю губу, чтобы добавить им цвета. Положила зеркальце обратно в сумку и вынула

маленькую бутылочку водки. Один быстрый глоток, легкое движение рукой по волосам, и она была готова. — Итак, сделаем это, — сказала она, нажимая кнопку звонка.

Наконец они добрались, несмотря на таксиста, который почти столкнул их с дороги, когда они сворачивали от Вильфранша; «Мерседес» на скорости обгонял грузовик, катящийся вниз с горы. Вскрик ужаса застрял у Натали в горле, и с тех пор она едва ли издала хоть звук. Она вцепилась в дверную ручку и уперлась подбородком в грудь, не отваживаясь смотреть вперед. Они ползли вверх по горе. Она была права насчет дорог, узких и извилистых. Ему следовало ее послушаться.

Когда же она все-таки подняла взгляд, то старалась смотреть прямо вперед, на дорогу, или направо, в сторону горного склона, где пласт снега в метр высотой служил доказательством многонедельных сильных снегопадов. Но она ничего не могла с собой поделать: то и дело бросала взгляд влево, где снежный пласт обрывался вниз, в ущелье. Эндрю включил радио. Натали тут же его выключила.

— Сконцентрируйся на дороге, — сказала она и пожалела, что ее голос звучал так брюзгливо, так мрачно.

Проблема была в том, что она и чувствовала себя брюзгливо и мрачно. Что они делают? Зачем сюда прилетели и зачем едут теперь на машине в эту чертову даль на три дня? Насколько разумнее было бы, если бы Джен сама к ним приехала. Она могла бы погостить на Рождество. (Боже, Рождество. Ей нужно столько всего сделать. Право же, эта поездка совсем не ко времени.) Надо было им проявить твердость, решительно отказаться от этой поездки, но только она видела, что для Эндрю так много значит вернуться на старое место. Лето, которое они провели в этом доме, возвысилось в его сознании почти до уровня мифа, в его памяти оно сияло золотом. Она это понимала, но сама чувствовала в отношении былого лишь легкую грусть; для нее то лето, каким бы сладостным оно ни было, несло в себе также и горечь. Вспоминая о нем, она всегда испытывала смешанные чувства.

И проныра Дэн тоже там будет. Она пообещала Эндрю, что будет мила с ним, но для того чтобы не дать этому мерзавцу пощечину, ей явно потребуется железный самоконтроль.

И, о боже, ко всему прочему ей хотелось бы, чтобы они проделали это путешествие при свете дня, предпочтительно без снега. Тем не менее,

слава богу, они добрались. Против ожидания она почувствовала прилив счастья при виде дома, живописно припорошенного снегом, в идиллическом уединении стоящего на склоне горы. Одинокий, но приветливый: из труб по обеим концам крыши валил душистый сосновый дым, из окон на свежевыпавший снег лилось теплое сияние.

— Боже, — выдохнула Натали, — здесь так чудесно. — Она повернулась к Эндрю и улыбнулась, и он, судя по виду, испытал такое облегчение, что ей стало стыдно за то, что она была такой придирчивой по дороге, за то, что все усложняла. — Извини, любимый, — сказала она, беря его за руку.

— Не за что извиняться, — заверил он, сжал ее руку и наклонился, чтобы поцеловать в губы.

Потом Эндрю вытащил сумки из багажника. Натали стояла на пороге дома, спиной к двери, всматриваясь в долину и во вздымающиеся за ней горы, белые шапки которых были подсвечены лунным светом. Из дома доносились голоса, смех. Внезапно она занервничала, пожалела, что не заготовила заранее каких-то интересных фраз, и, глядя на свои расклешенные брюки, кроссовки и парку цвета хаки, пожалела, что недостаточно

хорошо подготовилась. Могла бы по крайней мере подстричься.

— Все в порядке, любимая?

Она кивнула и снова взяла его за руку, затем приподняла и отпустила дверной молоток. Тревожно громкий звук расколол тишину.

— Идем, — послышался голос. — Я открою, ладно?

Сердце Натали легонько екнуло в груди. Это не был голос Джен. Она бросила взгляд на Эндрю; он посмотрел на нее, глаза их расширились. Натали чуть тряхнула головой, что-то было не так — она это знала, они оба знали, и она поднесла руку к лицу, чтобы прикрыть искривившийся в непроизвольном ужасе рот. Дверь распахнулась, на пороге стояла она, худая, как шпала, платиновая блондинка с пятном ярко-красной помады на губах. Лайла.

— Вот и вы наконец, — произнесла она с улыбкой убийцы и голосом, которым можно было резать стекло. — Мы уж гадали, куда вы запропастились. Как, черт возьми, поживаете?

Понедельник, 26 августа 1996 г.

Дорогая Нат!
Извини, что не удалось увидеться с

тобой на выходных. Я горел желанием приехать, но Лайла пришла домой рано утром в плохом состоянии, и я не мог оставить ее одну. Зрачки, как блюдца, дрожит, трещит без умолку, пугается собственной тени и несет самую невероятную чушь. Не могла спать, не могла ничего есть. Она тусовалась с парнями с работы. Похоже, она переносит наркотики гораздо хуже, чем ей кажется.

Сейчас она наконец-то уснула. Думаю, проваляется весь день. Да здравствуют банковские каникулы! Я позвонил ее матери сегодня утром, она говорит что-то о посттравматическом стрессе после аварии, но это полная чепуха. Это ведь началось раньше, ты же знаешь? Я хочу сказать, понятное дело, что недавно стало хуже, но загулы и скрытность – это началось раньше. Черт, я не знаю, что делать. Оба мы несчастны в этих отношениях, но я не могу вот так ее бросить. Я предложил обратиться к семейному психологу, думаю, ты можешь себе представить, какой успех это имело.

Мне жаль, что она не приезжала наве-

стить тебя в последние несколько недель, ты же понимаешь, это не потому, что ей на тебя наплевать. Она постоянно о тебе говорит. Она просто не может посмотреть в лицо фактам.

Боже, услышь мои стенания.

Как ты, Нат? Я надеюсь, физиотерапия идет хорошо. Я знаю (что я знаю? Я ничего не знаю) – я понимаю, что ты усердно работаешь, и надеюсь, что недалеко то время, когда ты снова встанешь на ноги, такая же сильная, как была. Та нелепо красивая медсестра, должно быть, немного облегчает боль?

Как у тебя продвигается чтение «Бесконечной шутки»?[3] *У меня поначалу шло туго, но я думаю, бросать не стоит. (Лайла не хочет ее читать. Она бегло ее пролистала и сказала: «Чего ради ей это читать? Ей что, нечем больше заняться?» Потом она обозвала меня псевдоинтеллектуальным кретином и пошла выпить. Возможно, она права. Она посоветовала мне принести тебе «Дневник*

---

[3] Примечания: 3
Роман американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса.

Бриджит Джонс»[4]*, который считает уморительным. Я прочел несколько страниц и должен признать, книжка довольно забавная. Я привезу ее тебе, когда приеду в следующий раз.)*

Я не видел Дэна пару недель, хотя он звонил на прошлой неделе и утверждает, что очень много работает. Они с Лайлой время от времени пересекаются в Сохо. Он сказал, что планирует вскоре навестить тебя. Может, я привезу его через уик-энд? В этот уик-энд я хочу, чтобы мы были только вдвоем.

От Джен никаких вестей. Я написал ее матери, и она прислала очень короткое сообщение, что Джен сейчас не в Англии. Никаких подробностей. Они явно все еще очень злы на меня. Интересно, может, Джен в Корке, у Мэгги? Как бы ни была добра со мной Мэгги, думаю, меньше всего ей хотелось бы сейчас говорить со мной. Может, ты черкнешь ей строчку? Ладно, поговорим об этом при встрече.

Я все время думаю о тебе. Знаю, что

---

[4] Примечания: 4
Роман английской писательницы Хелен Филдинг.

не надо, но ничего не могу поделать. Я считаю минуты до того момента, когда буду рядом с тобой, это единственное, что сейчас имеет для меня смысл.

С огромной любовью,

Эндрю

P. S. Между прочим, мне известна дата суда. Это 12 декабря, как раз к Рождеству. Откровенно говоря, чем раньше, тем лучше, мне просто хочется, чтобы все поскорее кончилось.

Глава вторая

Все пошло не так, как она себе представляла, и в то же время, пока события разворачивались, Джен не переставала думать, что именно так все и должно было пойти и глупо было воображать себе что-то другое. Она рассчитывала, что первыми прибудут Эндрю и Натали и у нее будет возможность провести с ними добрые полчаса наедине перед приездом Лайлы. Это дало бы ей возможность неторопливо объяснить им, что она не была стопроцентно честна насчет списка гостей. Если бы она преподнесла им эту новость мягко, без посторонних, за бокалом вина, все было бы хорошо.

Но случилось по-другому. Первым приехал Дэн. Он подкатил к дому в сверкающем серебристом авто, и она наблюдала из окна гостиной, как он вылезает из машины, как, задрав голову, смотрит на дом, потом — вниз, на долину, и затем снова на дом. Он стоял, уперев руки в бока, на лице играла тень улыбки, и вид у него был смехотворно мальчишеский. Волосы коротко подстрижены, кожа на носу слегка покрыта веснушками, словно он часто бывает на солнце.

Когда она открыла дверь, он будто удивился ее появлению, будто ожидал увидеть кого-то другого. Он словно потерял дар речи. И она тоже была захвачена врасплох, потому что он был не таким, как она представляла. Джен читала о его фильмах и его успехе, знала о его многочисленных связях с женщинами и ожидала, что он окажется нахальнее, самоувереннее, шумнее, чем прежний старина Дэн. Однако он стоял перед ней, застенчиво улыбаясь, с запинкой ее поприветствовал и робко поцеловал в щеку. Потерянный мальчик.

Он вошел, и она закрыла за ним дверь, и некоторое время они стояли в прихожей, просто глядя друг на друга и ничего не говоря. Лицо Дэна слегка покраснело, а Джен начала смеяться и предложила выпить. Впрочем, она не успела ему налить, потому что именно в тот момент услышала, как подъехала другая машина, услышала хлопанье дверей, смех и громкий, уверенный стук в дверь. Она улыбнулась Дэну, сделав глубокий вдох, открыла дверь, и на нее, вместе с волной холодного воздуха, обрушилась Лайла.

— Джен! О господи, Джен! — Лайла смеялась и плакала, крепко обнимая Джен. Она вцепилась в нее, и Джен не могла сказать ни слова. Она едва могла дышать и просто стояла, заключенная в

объятия Лайлы, и сама обнимала ее, чувствуя, как вздымаются и опадают острые лопатки. Это было как обнимать скелет. В конце концов Лайла отпрянула.

Она смеялась, утирая слезы со щек, размазывая по лицу тушь для ресниц.

— Джен! О боже! Посмотри на себя! Ты набрала вес. — Она снова засмеялась, притягивая к себе Джен. — Тебе это идет! Нет, правда. Ты выглядишь чудесно.

— А ты выглядишь точно так же, как прежде, — отозвалась Джен, хотя это было не совсем правдой. Лайла стала даже еще худее, еще блондинистей, с огромными голубыми глазами над острыми как бритва скулами. Она выглядела почти инопланетянкой, карикатурой на саму себя.

— О, ты очень добра, — сказала она, с притворным видом скромницы откидывая волосы за плечи. — А это Зак. — Она величественно указала на молодого, исключительно красивого мужчину, которого привезла с собой. Он выглядел лет на двадцать пять. Зак обменялся рукопожатием сначала с Джен, потом с Дэном, а Лайла тем временем осматривалась, издавая забавные негромкие восклицания. Через несколько мгновений она осознала присутствие Дэна и приветствовала его

— не то чтобы холодно, но и не сердечно.

Джен на кухне занималась напитками, когда услышала, как подъехала третья машина. Она как раз откупоривала бутылку красного вина, когда Лайла крикнула, следует ли ей отворить. И прежде чем Джен успела вмешаться, Лайла настежь распахнула входную дверь. На пороге стояли Натали и Эндрю, с разинутыми ртами, ошалевшие, и когда Эндрю наконец посмотрел на Джен, у него был такой вид, будто ему дали под дых.

Натали была в ярости, и извинения Джен, даже на ее собственный взгляд, звучали шаблонно и льстиво.

— Я просто хотела, чтобы вы все приехали, — услышала Джен собственный голос, сопровождаемый слащавой и глупой улыбкой. — И я знала, Нат, я знала, что ты не захочешь приехать, если…

— Если что? — выпалила Лайла, незамедлительно вступая в борьбу. — Они бы не приехали, если бы знали, что *я* приеду? — Она закурила, яростно затягиваясь, при этом ее худые щеки еще больше провалились. — Ну и наглость.

— Извините, — сказала Джен. — Мне правда жаль. Это была ошибка.

— Пожалуй, да, — тихо произнес Эндрю. Он потянулся к руке жены, потупившись, он не решался встретиться взглядом с Джен и выглядел удрученным. Джен чувствовала, что вот-вот расплачется. — Думаю, будет лучше, если мы с Нат спустимся на ночь в деревню.

— Нет! — решительно и страстно воскликнула Натали. — Я никуда сегодня больше не поеду, Эндрю. Абсолютно исключается. Мы останемся здесь на ночь и уедем утром.

Чувствуя себя глупо и сконфуженно, Джен развела пары по их комнатам. Лайла, твердо вознамерившаяся перещеголять Натали в обидчивости, нетерпеливо удалилась вместе со своим спутником и захлопнула за собой дверь; Джен осталась сопровождать молчаливых Эндрю и Натали. Она открыла дверь спальни и широко им улыбнулась, чувствуя себя гостиничным портье, ожидающим чаевых. Натали стремительно прошмыгнула мимо нее прямиком в ванную, бормоча что-то о необходимости принять ванну. Эндрю остался на пороге, положив руку на дверной косяк. Легонько постучал по нему костяшками пальцев.

— Крепко держатся, да? — произнес он, и на его губах появилась легкая улыбка гордости. В

то лето, как же это было давно, Эндрю и Конор починили здесь, на втором этаже, большую часть дверных коробок. Они подперли провисшие стропила и починили крышу, закрепили широкие дубовые балки, спасли дом от обрушения.

— Держатся отлично, — ответила Джен. Она сидела на краешке кровати, наблюдая за ним, ожидая, когда он на нее посмотрит. По-настоящему на нее посмотрит.

Но Эндрю любовался на свою давнишнюю работу, поглаживал стены и обследовал половицы, словно выискивая проседание или сухую гниль. Он внимательно осмотрел потолочные балки, проверил оконные переплеты и наконец, закончив свое обследование, повернулся к ней. Он стоял, высокий, уперев руки в бока, и впервые с момента приезда смотрел ей прямо в глаза.

— Дом выглядит отлично, — сказал он и, прежде чем она успела ответить, продолжил: — Не могу поверить, что ты его продаешь.

Джен вздохнула, поднялась на ноги и встала перед ним. Она знала, что он будет огорчен, но, глядя на него сейчас, видя его удовлетворение оттого, что он видит дом снова, оттого, что стоит здесь, на том месте, где они так усердно трудились, она поняла, что это окажется тяжелее, чем

ей представлялось.

— Я в нем даже не живу. Да, сейчас я здесь, но это в кои-то веки. А теперь папа умер, и мама определенно не хочет сюда приезжать… — Она пожала плечами. На какую-то секунду оба неловко улыбнулись друг другу. Она не могла придумать, что бы еще сказать, ей с трудом верилось, что он действительно здесь, стоит пред ней. Это казалось нереальным.

— Эндрю! — позвала Натали из ванной комнаты. — Ты не мог бы подойти на секунду?

Эндрю с драматическим видом пожал плечами и развел руками.

— Мне жаль, — сказала Джен почти шепотом, — что все так получилось с Лайлой.

Эндрю тряхнул головой, отмахиваясь от извинений.

— Все в порядке. Поговорим утром. — Он улыбнулся ей и на секунду стал похож на себя прежнего, или по крайней мере ей показалось, что тот, прежний Эндрю находится где-то здесь, рядом.

Спускаясь вниз, Джен задержалась на середине лестницы, положив руку на холодную каменную стену. Она запыхалась, сердце билось чересчур быстро. Отдышавшись, она посмотрела на сту-

пеньки и поняла, что проглядела еще одну каплю крови.

— Проклятое пятно, — пробормотала она, спустившись до конца и направляясь в кухню. Там ее ждал Дэн; прислонившись к кухонной стойке, он попивал пиво и проверял свой телефон. Он выглядел на первый взгляд как дома и в то же время совершенно не на месте. От этого диссонанса у Джен закружилась голова. Она не могла позволить себе слишком долго задерживаться на этой мысли. Не сейчас, у нее еще много дел.

— Извини, — сказала она ему. — Я подумала, что будет лучше сначала разместить остальных. — Он поднял взгляд и улыбнулся, затем снова обратился к своему телефону. — Хочешь теперь пойти посмотреть свою комнату?

Она повела его через черный ход, через двор к постройке, которая когда-то служила амбаром, а теперь была модернистскими апартаментами с раздвижными стеклянными дверями, спальней на антресолях и душевой.

— Обалдеть, — выдохнул он. — Вот это усовершенствование.

— Ну, — улыбнулась она. — Не каждый день у меня гостит знаменитый кинорежиссер. — Он бросил на нее быстрый взгляд, в глазах его про-

мелькнуло желание защититься, словно бы он заподозрил, что она издевается. — Шучу, — быстро сказала она. — Тут был жилец. Писатель из Парижа, довольно знаменитый на самом деле, толстые тома ужасающей популярной философии. — Она говорила торопливо, сбивчиво, фразы набегали друг на друга. — Так или иначе, он снимал это жилье целую вечность, долгие годы. Он приезжал сюда на полгода, использовал это место, чтобы писать и развлекать женщин. Это был его писательский кабинет.

— То есть сама ты не жила в доме? — Дэн выглядел удивленным.

— Нет. Считалось, что это убежище мамы и папы, но на самом деле они сюда не приезжали, потому что вообще никогда никуда не хотели ездить вместе. Потом они развелись, и после этого папа заболел. Я не хотела сюда возвращаться в одиночестве. Так что папа решил сдать его внаем, и Делакур — тот писатель — год за годом его снимал. В конце концов пару лет назад он купил собственное жилье, и дом с тех пор пустовал. Ну, пока я не приехала.

— А теперь твой папа хочет его продать?

— На самом деле теперь он мой. Папа умер в прошлом году.

— О, прости.

Это было сказано совершенно без эмоций. Неуверенный в себе потерявшийся мальчик, который появился у нее на пороге меньше часа назад, исчез. Перед ней был совсем другой Дэн, превосходно владеющий собой, бесстрастный, отстраненный. Похоже, он старался не встречаться с ней взглядом. Джен немного подождала, пока он что-нибудь скажет.

— Ну, тогда я тебя оставляю? Приходи обедать, когда отдохнешь. Хорошо?

— Отлично. Спасибо, Джен. — Он опять уставился в телефон.

Джен вернулась в кухню, накрыла на стол и открыла бутылку красного вина, чтобы дать ему подышать. Дала и себе отдышаться. Пока еще нельзя было сказать, что это полная катастрофа. Просто всем требовалось какое-то время, чтобы прийти в себя. Она услышала скрип половиц в холле и подняла взгляд. В дверях стоял Эндрю и наблюдал за ней.

— Выпьешь? — спросила она.

— Ах, Джен. Нат действительно нехорошо себя чувствует, она лежит, так что… Извини, что нам придется пропустить обед.

Джен улыбнулась сквозь стиснутые зубы.

— Может, принести вам что-нибудь наверх?

— Все нормально, — заверил он. — Не беспокойся. — Он был смущен, ему хотелось поскорее уйти. Джен не стала обострять ситуацию, в конце концов, все это была ее вина. Так что, возможно, этот уик-энд все же обернется полной катастрофой.

7 сентября 1999 г.

Электронное письмо от Дэна к Лайле, Эндрю и Натали

Дорогие все!

Мне жаль, что все так обернулось в тот вечер. Я не собирался никого задеть или обидеть, хочу, чтобы вы это знали. Жаль, что вы не дали мне возможности объяснить.

Во-первых, тот фильм – это вымысел. Я знаю, что есть места, люди и события, которые выглядят знакомо, но они не являются точным отражением тех мест, людей или событий, которые были источником моего вдохновения. Вы были источником моего вдохновения, только и всего. Я не снимал фильм о вас или о том несчастном происшествии.

Во-вторых – я понимаю, что это звучит

неубедительной отговоркой, – окончательный монтаж сделан не мной. Были определенные сцены, в частности, в конце, против которых я возражал. Я боролся за то, чтобы включить некоторые сцены и исключить другие, и проиграл.

Я бы хотел увидеться с вами, со всеми вами, поговорить глаза в глаза и объяснить, что именно я намеревался сделать, а что – нет. Пожалуйста, дайте мне такую возможность.

В особенности же, пожалуйста, поймите, что я никак не хотел обидеть никого из вас. Вы – моя семья, и вы это знаете.

Дэн

Глава третья

Дэна тоже не оставляло чувство, что этот уик-энд обернется катастрофой. Обед протекал мучительно, на этот счет не могло быть двух мнений. Будь такая сцена в кино, ее трудно было бы смотреть, она бы заставляла зрителей ежиться и чувствовать себя неловко, сползать вниз по сиденью и закрывать глаза; переживать же ее в реальности оказалось по-настоящему больно. Минута за минутой невыносимой тишины за пережевыванием пищи (был подан хороший бараний бок и вино — единственный положительный момент за весь вечер). Лайла дулась, ее крутой мачо время от времени изрекал банальности, Джен выглядела бледной и напряженной.

На долю Дэна выпало попытаться спасти вечер. Он сделал все, что было в его силах. Он рассказал им о Клодии, красивой немецкой актрисе, о новом «Ауди», на котором проделал весь путь от Лондона до Ниццы, о летнем доме, который подумывал купить. Наконец он заговорил о своих планах на Рождество, о номере люкс, который зарезервировал в «Ритце», где планировал встретиться с Клодией (как только она выложит эту

неприятную новость своему мужу).

Он мог бы с тем же успехом разговаривать сам с собой. Да, Джен кивала и улыбалась и внимательно слушала, но было видно, что по-настоящему она не проявляет интереса к тому, что он говорит. Это обескураживало. Вызывало разочарование. Честно говоря, он считал, что все должны быть под изрядным впечатлением. Все-таки, на минуточку, его девушка была кинозвездой.

Лайла, похоже, вообще его не слушала, потому что в ту же секунду, как он умолк, она сменила тему, с жаром напустившись на Джен за то, что она затеяла эту странную встречу.

— Тебе следовало по крайней мере предупредить меня, что ты не собираешься говорить им про мой приезд, — сказала она Джен, и лицо ее исказилось убийственной гримасой. — Получилось по-настоящему неловко. И в любом случае я не понимаю, почему она так бесится. Это она увела моего парня. Это я должна исходить злостью.

— Ты встречалась с *ним*? — спросил ее бойфренд, явно позабавленный. — С тем малым наверху?

— Да, с *ним*, — выпалил Дэн, тотчас почувствовав необходимость вступиться за Эндрю, которого, как он чувствовал, в каком-то смысле

оскорбили. — И что из этого?

— Оставь Зака в покое, — сказала Лайла, протягивая руку и гладя своего парня по шее. — Он только спросил. — Лайла подалась вперед, переплела пальцы перед своим лицом и склонила голову набок. Она сверкнула в Дэна убийственной усмешкой, и он почувствовал, как внутри у него все сжимается. Ему не следовало ничего говорить; теперь он только вызвал огонь на себя. — Мистер Паркер, — продолжила Лайла, глотнув вина. — Великий кинорежиссер. Я не видела вас… ух, даже не знаю. Сколько мы не виделись, Дэн?

Дэн проглотил комок.

— Ты прекрасно знаешь сколько, Лайла. Тринадцать лет.

— К счастью для некоторых, — сказала она и, подхватив бутылку, вылила последние несколько капель себе в бокал. Потом повернулась к Заку: — В прошлый раз я видела Дэна на премьере его первого фильма. «Один день в июне». Он имел изрядный успех, верно, Дэн? Ты, должно быть, заработал кучу денег.

Дэн кивнул. Он не сводил взгляда с лица Лайлы, потому что ему было нестерпимо смотреть на Джен. Конечно, он знал, что это случится, и был

готов к тому, что в какой-то момент возникнет дискуссия насчет того фильма. Он только надеялся, что эта стычка будет более мягкой, что на него не будет наступать готовая к драке Лайла. Надеялся, что сможет поговорить об этом наедине с Джен.

— О чем был фильм? — вежливо спросил Зак, и в этот момент Дэну захотелось дать ему по морде.

Он глубоко вздохнул.

— Ну, это было…

— Предполагалось, что фильм о несчастном детстве Дэна, — громко вклинилась Лайла. Она приподняла бутылку и поставила ее обратно. Джен встала, чтобы принести другую. — Но на самом деле фильм был совсем не о нем. Он был о нас, о некоторых событиях, случившихся с нами, и о том, какие мы все ужасные люди и какой чудесный Дэн…

— Это неправда, Лайла.

Джен вернулась к столу с новой бутылкой.

— Я несправедлива, Джен? А что ты об этом подумала?

Дэн с трудом заставил себя поднять взгляд на хозяйку, но когда он это сделал, то не увидел гнева или печали, а увидел смущение.

— Ну, я подумала… — Было ясно, что она не видела фильма. Прежде ему никогда не приходило в голову, что она не станет его смотреть, но сейчас он это понял. — Ну, дело в том, что… — снова попыталась она что-то выразить.

— Ты его не видела, да? — спросил Дэн.

Джен кивнула.

— Его не показывали во Франции, — ответила она с извиняющейся улыбкой. На самом-то деле фильм там показывали, но он не хотел ее поправлять, он просто улыбнулся и позволил ей налить ему еще бокал вина.

Ему бы следовало почувствовать облегчение. Он не знал, как бы она прореагировала на фильм, он мог показаться ей отвратительным. В конце концов, другим-то показался. Но вместо облегчения он испытал разочарование. Ему было интересно, что она почувствовала при просмотре, узнала ли сцены, на которые сама повлияла в те давние времена, когда они сидели вечерами и разговаривали. Лайла была права: он заработал на фильме много денег; фильм открыл для него двери, положил начало его карьере. Но он заплатил за него свою цену. И если она его не видела, никогда даже не хотела увидеть — что ж, тогда, пожалуй, цена выглядела высоковатой.

Дэн отодвинул стул. Он собирался встать, принести извинения и уйти в свою комнату, подальше от них всех, позвонить Клодии, забыть об этом ужасном вечере, но Лайла еще не закончила.

— Не могу поверить, что ты не видела его фильм, Джен, — сказала она, закуривая.

— Ну, понимаешь, как я уже сказала…

— Он есть на DVD, — бодро возразила Лайла. — Думаю, ты найдешь его интересным.

— Лайла, — вмешался Дэн, — давай оставим это, хорошо?

— Нет, почему же? Это ведь твой шедевр. И Джен выходит в нем вполне неплохо, верно? Немного непостоянной, пожалуй, капельку взбалмошной… — Лицо Лайлы дышало злобой. — Перепархивающей с одного на другого…

— Лайла, перестань.

— Я же предстаю бессмысленной, протухшей от наркотиков сукой, так?

— О господи, Лайла! — Дэн вскочил. — Это же вымысел! В фильме нет Джен, так же, как нет тебя. Вымысел, понимаешь? Там, в начале, даже говорится об этом: всякое сходство с реальными персонажами, живыми или мертвыми, бла-бла-бла…

— Ну, раз ты так говоришь, Дэн… — приподняв одну бровь, с тонкой улыбкой сказала Лайла. Она наклонилась вперед и постучала сигаретой по краю его бокала, стряхивая пепел в вино.

Час спустя он лежал на кровати в амбаре, слушая потрескивание постройки. Ветер усиливался. Дэн дрожал, несмотря на тепло комнаты, представляя себе, каково это может быть — оказаться на улице в такую погоду, в горах за домом или в лесу. Он выскользнул из постели и спустился по приставной лестнице, намереваясь убедиться, что раздвижная дверь заперта, и тщетно пытаясь выбросить из головы сотню образов из ужастиков, которые, явившись к нему с холода, алкали тепла и пищи. У него всегда было сверхактивное воображение.

Дэн посмотрел на телефон, чтобы узнать время. Почти полночь. Он был слегка разочарован, что у него нет пропущенных звонков и сообщений: ни любовных посланий от Клодии, ни даже простого вопроса о том, благополучно ли он добрался. Если подумать, это было с ее стороны довольно невнимательно. В конце концов, ему пришлось подниматься в заснеженные горы на скоростном автомобиле. Он подумал, не позвонить ли ей, но решил, что она, вероятно, уже в самолете. И

ему не хотелось выглядеть эмоционально зависимым.

Ему пришлось заставить себя держаться хладнокровно, как ни в чем не бывало, что он делал всегда. У него это не очень хорошо выходило. Он думал о своем приезде, случившемся всего несколько часов назад, о том, как перебирал в голове те слова, которые хотел сказать Джен и всем остальным, как собирался беззаботно влететь в дом, похлопать Эндрю по спине, подмигнуть Лайле и чмокнуть ее в щеку. А потом он приехал, и оказалось, что больше никого нет, и он неуклюже пробормотал: «Привет» — и покраснел, не зная, что лучше: обнять Джен или поцеловать. Конечно, ему следовало ее поцеловать, но он полез обниматься, и это вышло неуклюже и просто… брр. Он чувствовал, что краснеет при одном воспоминании об этом.

И оттого у него наступила гипертрофированная реакция, как бывало всегда, он замкнулся в себе. И именно от этого, когда она повела его смотреть амбар и сказала, что ее отец умер, он едва отреагировал, не обнял ее, не поцеловал, как положено, как сделал бы нормальный человек, как сделал бы старый друг. Он просто застыл и отвернулся, и, черт побери, что она должна была подумать?

Он опять схватил телефон и набрал номер Клодии. Конечно же, попал на голосовую почту, но потом подумал, что, возможно, она сама в это время звонит, возможно, даже набирает ему в этот самый момент, поэтому он позвонил ей опять, и вновь ему предложили оставить сообщение, и теперь у нее будет два пропущенных звонка от него, и он все-таки будет выглядеть эмоционально зависимым.

Пронзительно завыл ветер, и Дэн вскочил. Было ясно, что он не заснет, если еще не выпьет.

Среда, 21 февраля 1996 г.

Привет, Дэн.

Как дела? Не могу поверить, что Норвич действительно так ужасен, как ты утверждаешь.

Или, возможно, это потому, что ты не мог часто выходить из дому – ты много писал. И у тебя получилось действительно хорошо – я под таким впечатлением. Ты настоящая звезда. Не могу поверить, что столько всего произошло с прошлого лета. Мои подробные записи прилагаются…

Как ты увидишь, мое впечатление в

целом положительное. Хотя не могу отделаться от чувства, что не хватает сцены или двух. Я знаю, что ты написал это в своем безумно крутом европейском натуралистическом стиле, и мне это нравится, я просто думаю, не требуется ли тут момент драматизма: что-нибудь пугающее, судьбоносное, душераздирающее – не сделает ли это вещь более законченной? Я не предлагаю тебе превратить это в классический блокбастер, состоящий лишь из начала, середины и концовки. Так или иначе, поскольку записи, как я уже сказала, прилагаются, думаю, там все это объяснено лучше.

Как идет поиск финансирования? На выходных я видела Лайлу, она говорит, что будет рада добровольно помогать тебе пристроить сценарий на киностудию – кажется, она думает, что у нее есть необходимые для этого способности. Может, она и права. Кстати, она показалась мне сейчас более адекватной, менее маниакальной, хотя и психанула за обедом. Эндрю, кажется, по-прежнему в напряге, она наехала на него, когда он

предложил, чтобы после закрытия они пошли прямо домой. Очевидно, имелась в виду какая-то вечеринка, которую надо посетить, люди, которых надо повидать.

Кстати о людях, которых надо повидать: не хочешь ли ты приехать в Лондон на этот уик-энд? В Британском институте кино с этой пятницы показывают «Ночь на Земле», и ты единственный человек, которого я знаю, помимо себя, кто любит этот фильм. К тому же Конор собирается в Ирландию (опять), помочь брату с ремонтом дома. Вроде как они почти закончили. Я слышу это с прошлого октября…

У Конора все в порядке, хотя он очень много работает, так что с этой работой и поездками в Ирландию нам почти не удается видеться. Моя работа отвратительна. Начальница самая большая стерва, какую я когда-либо видела. Слава богу, что это только до лета.

Не могу дождаться лета! Как ты думаешь, тебе удастся приехать во Францию в этом году? Надеюсь, что удастся. Мне не хватает общения с тобой.

Как твоя личная жизнь, плейбой? Учудил что-нибудь забавное на Валентинов день?

Если не планируешь ничего интересного на эти выходные, приезжай, повеселимся. И сможем поговорить о кино.

С огромной любовью,

Джен

Глава четвертая

Натали не могла уснуть. Она лежала в темноте, глядя, как падает снег, слыша, как дыхание Эндрю делается глубже и медленнее, по мере того как он погружается в сон. У нее сна не было ни в одном глазу, тело беспокойно подрагивало, в голове пульсировала кровь. Она могла бы включить свет. Эндрю не станет возражать, просто перевернется на другой бок и тут же опять заснет, а если даже не заснет, все равно не рассердится. Крепче прижмется к ней и будет держать в объятиях, пока она будет читать, она это точно знала. Только читать ей не хотелось и еще меньше хотелось, чтобы ее обнимали. В глубине ее существа бурлил гнев.

Ярость, вызванная двуличием Джен, за последние несколько часов не ослабла ни на йоту. Без предупреждения собирать их всех вместе было жестоко по отношению к ней, к Эндрю и даже к Лайле. Хуже всего, что она не имела возможности выразить эти чувства громко, в той резкой форме, в какой ей хотелось. Потому что в этом случае Эндрю не был бы на ее стороне. Он понимал ее чувства, но принимал бы в расчет

и другую сторону. Он бы простил. Эндрю всегда простит Джен. Считалось, что на Джен нельзя сердиться. Прошло столько лет, столько воды утекло, а по-прежнему считается, что ей нельзя злиться на Джен.

Нат чувствовала себя злой, взвинченной и очень голодной. Они не ели ничего после бутербродов из фастфуда, которые купили для перелета, и свои она съела в зале ожидания, не могла даже дождаться, пока они сядут в самолет. Она медленно села в постели, стараясь не разбудить Эндрю. Тихонько, одну, потом другую, перекинула ноги через край кровати и поставила ступни на приятно теплый деревянный пол. Выпрямилась, осторожно изогнулась из стороны в сторону, разгружая мышцы и суставы спины. Спина, как всегда, у нее ныла после путешествия. Наконец она поднялась на ноги, вытащила из чемодана хлопчатую спортивную фуфайку Эндрю (она не позволила ему распаковаться — в этом не было нужды, поскольку на следующее утро они непременно уедут) и крадучись вышла в коридор. Двери в спальни Джен и Лайлы были закрыты, свет потушен. Она прошлепала к краю лестницы и стала вглядываться вниз: откуда-то исходило теплое свечение. По-видимому, еще горел камин.

Держась рукой за стену для устойчивости, она на цыпочках спустилась по лестнице, ощущая под ногами холодный камень.

Огонь горел в камине в гостиной, но свет был потушен. Слава богу, в кухне никого не было, поэтому она совершила набег на холодильник и взяла себе клинышек сыра бри, а в шкафу нашла несколько крекеров. В доме было абсолютно тихо, если не считать треска догорающих поленьев в соседней комнате. Она торопливо ела, стоя в темноте, у кухонной стойки. Нат съела второй крекер, третий, четвертый. Глубоко вдохнула, выдохнула.

Она почувствовала себя успокоенной. У нее была эмоциональная связь с едой, так говорила ей мать. Это длилось многие годы, с тех самых пор, как она столько времени провела в больнице. Когда она оттуда вышла, она ела. Оправдываясь, Нат говорила, что это лучше, чем пить или быть зависимой от болеутоляющих. Мать всегда улыбалась на это и говорила: «Конечно, лучше, дорогая», затем возвращалась к своему зеленому салату. У матери был восьмой размер[5], и она любила поговорить о том, что до сих пор влезает

---

[5] Примечания: 5
Примерно 42-й российский размер.

в костюм, который надевала, отправляясь в свадебное путешествие.

Сосущее ощущение в животе утихло; она почти чувствовала, как у нее в крови поднимается сахар, уходит напряжение из шеи и плеч. Нат положила на тарелку еще несколько крекеров и забрала свою добычу в гостиную, все еще тускло освещенную несколькими горячими угольями в камине. Села в одно из потертых кожаных кресел, поставила тарелку на колени и продолжила есть.

В то лето, что они провели здесь, в этом доме, они готовили на огне. Тогда здесь не было кухонной плиты, только небольшая газовая плитка, которую они купили в супермаркете «Леклерк», так что они готовили или на улице на решетке, или в доме на плитке. Они поджаривали хлеб и пекли картошку, готовили рыбу в фольге. Вот в этой комнате они жили. И даже спали здесь иногда, когда шел дождь. Наверх не ходили, потому что крыша текла. Натали и Лайла всегда должны были быть ближе всех к огню, потому что всегда больше всех мерзли. Эндрю имел обыкновение лежать у Лайлы за спиной, обняв ее сзади. Джен и Конор сворачивались клубочками в углу под окном; Дэн любил лежать у противоположной

стены. Он параноидально боялся, что искры из камина подожгут его спальный мешок.

От этих воспоминаний у нее образовался комок в горле. Она вспомнила, как просыпалась в бледном свете зари, открывала глаза, и первое, что видела поутру, было лицо Лайлы, длинные ресницы, светлые волосы, рассыпающиеся по плечам. А если Натали чуть поднималась, опираясь на локоть, то видела Эндрю, наполовину спрятавшего лицо в шею Лайлы. Иногда оказывалось, что он тоже не спит, и тогда он смотрел на нее снизу вверх и улыбался, беззвучно произнося одними губами: «Доброе утро».

Горечь и сладость. Все лето она провела рядом с лучшей подругой, безнадежно влюбляясь в парня лучшей подруги и всеми силами стараясь не хотеть его. Старания были безуспешными. Она старалась снова. У Эндрю не было сложных воспоминаний об этом месте: когда он думал о Французском доме, он думал о Коноре, о длинных летних днях, о том, как они с ним работали бок о бок на стропилах, чиня крышу, или пили ледяное пиво на лужайке перед домом, в окружении красивых девушек в бикини. Натали тогда была ему просто другом. Она была второстепенным персонажем, подружкой Лайлы, тихой книжницей,

посиживающей в тени дубов, чтобы не обгореть на солнце.

Чувства Натали по поводу Французского дома были завязаны в тугие узлы, которые невозможно распутать. Были вспышки яркого счастья, перемешанные с воспоминаниями об отчаянном, безнадежном вожделении и уколами вины.

Больше всего ей нравилось раннее утро, до того как солнце становилось слишком жарким. У нее вошло в привычку отправляться первым делом в деревню, нередко оставляя остальных еще спящими, чтобы купить свежего хлеба или круассанов. Туда и обратно было чуть меньше шести миль, добрых полтора часа ходьбы — оживленной вниз с горы, более медленной обратно в гору. Шесть миль! Сейчас она с трудом проходила две. Иногда к ней присоединялся Эндрю; иногда он шагал вместе с ней вниз, а затем обратно бежал бегом — он много занимался спортом в университете и не хотел терять форму. Они спорили о политике или говорили о книгах, время от времени просто шагали молча, а перед ними расстилалась красота летних альпийских предгорий.

Иногда во время этих прогулок Натали воображала, что видит в выражении лица Эндрю или слышит в тоне его голоса какой-то намек на то,

что его чувства к ней больше не являются чисто платоническими.

Порой, если она наносила особенно сокрушительный словесный удар или делала особенно проницательное замечание, он останавливался, поворачивался к ней и улыбался или качал головой с таким выражением в глазах, которое предполагало нечто вроде благоговения, и ее сердце пускалось вскачь.

А в доме она наблюдала, как Лайла драит пол или покрывает лаком одну из дверей — красивая даже с краской на лице, вспотевшая, всегда смеющаяся по поводу чего-нибудь, громогласная, уверенная в себе. Натали смотрела на нее тогда и думала: как нелепо даже на секунду представить, что Эндрю может захотеть ее, Натали, когда у него есть Лайла. Тогда она корила себя и ей было стыдно, что она воображает себе такое. Думала, какой пустой была бы ее жизнь, какой скучной и однообразной без Лайлы. Порой чувство вины хватало ее за горло и встряхивало, сжимало трахею, не давало дышать.

Натали почувствовала зуд от соленой воды на коже и поняла, что плачет. Она встала с кресла, отнесла пустую тарелку в кухню, снова давая глазам привыкнуть к темноте. Ей показалось, что

через заднее окно она видит какое-то движение во дворе, и беззвучно охнула. Кто-то был там — она слышала, как дергается ручка двери. Крик застрял у нее в горле. Дверь отворилась, в кухню проник свет.

— Иисусе! — воскликнул Дэн, увидев ее. — Что ты здесь делаешь в темноте?

— Я не могла заснуть.

— Со мной чуть инфаркт не случился.

— Я не знала, что ты там. Я подумала… — Она оборвала себя, потому что, произнеси она это вслух, прозвучало бы слишком глупо. Она увидела тень и подумала о Коноре, подумала, что он крадется в дом поздно ночью с заднего двора, после работы в сарае.

— Мне просто страшно захотелось еще пива. Я не привык ложиться так рано.

Было начало третьего ночи. Дэн подошел к холодильнику, держась на ногах будто бы не совсем твердо, как если бы до этого выпил уже не одну бутылку.

— Выпьешь со мной, Нат?

От испуга она забыла, что надо на него злиться. Теперь, услышав свое имя, она об этом вспомнила.

— Нет, я не буду пиво. Предоставляю это тебе, —

ответила она.

— Ой, да ладно, Нат. — Он усмехнулся ей дерзкой мальчишеской ухмылкой, приподняв одну бровь, — этот его прием она хорошо помнила. Он часто прибегал к нему в прошлом, и с изрядным успехом.

Впрочем, на Натали это никогда не действовало. Она пронзила его непреклонным взглядом.

— Не надо. Не надо говорить со мной так, будто мы друзья.

— Будет тебе, Нат. — Он вынул из холодильника две бутылки пива и протянул одну ей. — Пожалуйста. Выпей со мной.

Вопреки здравому смыслу она ее взяла. Они прошли в гостиную и сели у огня. Дэн попытался завести светскую беседу.

— Как дети, Нат? Сколько им сейчас? Восемь или девять, должно быть?

— Им двенадцать.

— Нет, серьезно?

— Да, Дэн, серьезно.

— Поразительно. — Пауза. — А ты хорошо выглядишь. Все в порядке? — Это было мучительно. Он продолжал что-то говорить, извиняться перед ней за то, что столько времени не поддерживал связь, не приезжал их навестить. Он-де был

очень занят, работал, путешествовал. Нат слушала вполуха. Единственное, что крутилось у нее в голове: зачем она здесь? — Сколько лет прошло? — привлек ее внимание вопрос Дэна.

— Семь.

— Нет. В самом деле? Семь лет? Поразительно.

— Мы обедали, помнишь? Ты повел нас в «Нобу». Ты был с той актрисой, испанкой. Исхудалой, обкокаиненной. Не помню ее имя.

— Элена.

— Точно.

— То был хороший вечер, правда?

— Нет, Дэн, не был. Твоя актриса явно думала, что мы с Эндрю невыносимо скучны, потому что говорим о всяких банальностях: о наших детях и работе. Ты весь вечер оглядывал зал в поисках каких-нибудь своих знаменитых друзей, а для Эндрю все закончилось пищевым отравлением.

— О! Прошу прощения. — Дэн выглядел задетым. — Мне запомнилось, что мы хорошо провели время.

— Тебе всегда хорошо удавалось переписывать историю.

— Ах, Нат.

Она знала, о чем он подумал, поэтому перебила его:

— Я не говорю о фильме. Забудь про чертов фильм. Я говорю об этом. — Она обвела рукой вокруг. — Обо всем этом. Чем мы вообще здесь занимаемся? Не понимаю, почему мы пытаемся повернуть время вспять, к чему вся эта ностальгическая поездка? Пытаемся притвориться, что мы по-прежнему друзья, так, что ли?

— Мы по-прежнему друзья.

— Нет. Ты даже не можешь вспомнить возраст моих детей. Мы не друзья. И знаешь что? Я даже не уверена, что мы ими когда-то были. Мы были лучшими подругами с Лайлой, которая встречалась с Эндрю, он же был лучшим другом Конора, который встречался с Джен. Я не совсем понимаю, каким боком ты сюда подходишь.

Едва слова слетели с ее губ, она тотчас о них пожалела, даже еще раньше, чем Дэн вздрогнул.

— Это несправедливо. Вы были очень важны для меня, все вы. Вы были моей семьей.

Подобно убийце, чувствующему, что нож вонзен, она, пройдя точку невозврата, продолжала настаивать на своей ошибке.

— Ладно, в колледже еще была какая-то близость, согласна. Ты пытался затащить меня в постель, в промежутках между другими девушками, только потому, что я не спала ни с кем

другим. Думаю, ты, наверное, меня жалел.

Дэн покачал головой:

— Это неправда. Это неправда.

— Но сейчас? Кто мы друг другу сейчас? Все мы? Осталось ли что-нибудь, что удерживает нас вместе? Я больше не дружу с Лайлой, которая больше не встречается с Эндрю, у которого нет лучшего друга, потому что Конор умер. Так что же осталось?

Пятница, 19 июля 1996 г.

Дражайшая Джен!

Посылаю это тебе через твоих родителей. Я не знаю, где ты. Не знаю, передадут ли они это тебе.

Я так скорблю.

Слова кажутся такими же бессмысленными в написанном виде, как и в сказанном. Но ты знаешь, только ты знаешь, как я скорблю. Его нет уже три недели и шесть дней. Это кажется невозможным.

Моя мать потеряла своего отца, когда была подростком. Она приехала навестить меня вчера и сказала, что самое трудное вот что: когда похороны

позади и прошло «надлежащее» количество времени, люди ожидают, что ты продолжишь жить. Вставать утром, одеваться, чистить зубы, ходить на работу. А это кажется невозможным.

Мои родители были добры. Я знаю, что они разочарованы, убиты горем, я знаю, что им стыдно, отчаянно стыдно. Они хорошо это скрывают. Я собираюсь поехать и погостить у них, как только помогу Лайле обосноваться у ее матери. Я не могу оставить ее одну.

На прошлой неделе меня навестил Ронан. Он тоже был очень добр. Он привез мне кое-что: фотографии, коллекцию виниловых пластинок Конора, вещи, которые, по его мнению, Конор хотел бы отдать мне. Это было невыносимо. Мне хотелось, я просто жаждал, чтобы он меня ударил, сжал руки в кулаки и ударил меня и продолжал бить, пока ничего бы не осталось.

Мы пошли выпить пива в «Грейхаунд». Когда он прощался, то пожал мне руку, похлопал по спине и сказал: «Можно, я буду тебя навещать?» Если бы я в тот

момент закрыл глаза, если бы просто слушал его голос, его интонацию, я мог бы поклясться, что это Конор. Ничто в этом мире не могло бы убедить меня в ином. Я ничего не смог сказать, я просто повернулся и ушел.

Каждую ночь я проигрываю это у себя в голове. Все, что сделал, чего не сделал, каждое неверное решение. Я бы отдал жизнь, чтобы все это вернуть.

Я не знаю, где ты. Пожалуйста, возвращайся.

Я так скорблю.

С любовью,

Эндрю

P. S. Нат очнулась. Она вышла из комы десять дней назад и сейчас нормально говорит, и нет признаков повреждения мозга. Врачи по-прежнему не могут сказать точно, обретет она или нет полный диапазон движений. Она спрашивает о тебе. Ей приснилось, что ты пришла ее навестить. Я сказал, что ты приходила, пока она была без сознания. Возможно, ты с ней говорила? Возможно, она могла тебя слышать.

Глава пятая

Эндрю лежал на боку, уставившись на веснушки на шее Натали, как раз под линией волос. Она лежала к нему спиной, лицом к окну. Шторы были задернуты, но яркое серебро солнечного света, сочась через щель между портьерами, падало на кровать, на плечо Натали, освещая кончик шрама, который начинался у основания шеи и тянулся до середины спины, параллельно позвоночнику. Он хотел до нее дотронуться, но не посмел. Не хотел будить. Он допускал, что она все еще спит, — и надеялся, горячо надеялся на это, хотя сомневался, что можно спать при таком шуме.

По другую сторону стены, за изголовьем их кровати Лайла и ее бойфренд громко и увлеченно занимались сексом. Прошло уже некоторое время, как они начали, но Эндрю был совершенно уверен, что они еще не скоро закончат. Прошло уже больше пятнадцати лет, как Эндрю в последний раз слышал звуки, издаваемые Лайлой во время секса, но он их помнил и знал, что сейчас ей еще далеко до конца.

Делу не помогало то, что, не считая экста-

тических криков Лайлы, дом был погружен в совершенную тишину. Ни пения птиц, ни дорожного движения, ни самолетов над головой, ни полицейских сирен. Весь мир был окутан и заглушен снегом. Эндрю отчаянно хотелось заткнуть уши пальцами, чтобы заглушить ор, но он не отваживался шевельнуться, потому что тогда Натали будет точно знать, что он не спит и что они оба некоторое время лежат, слушая звуки такой страсти и такого возбуждения, каких они теперь, похоже, не способны испытывать вместе, а ему не хотелось так ее огорчать. Он хотел, чтобы она могла притворяться, что тоже спит.

Потом пошли стоны. Он был уверен, что это не Лайла, что это ее бойфренд, и это было даже хуже. Это был отвратительный, гортанный, животный звук, нечто между болью и наслаждением, и Эндрю не смог выносить его больше ни секунды. Он откинул одеяло, выскочил из кровати, схватил свою фуфайку, которая по какой-то причине висела на стуле рядом с дверью, и удалился как можно быстрее, не глядя на жену.

Внизу Дженнифер, одетая в джинсы и объемистый, похожий на пончо джемпер, с повязанным поверх него фартуком, стояла у плиты и жарила сосиски, одновременно слушая радио, которое

играло какую-то жуткую французскую попсу, и подпевала, тихо и фальшиво. Какое-то время он просто стоял у подножия лестницы, наблюдая за ней. Смотрел на волосы цвета воронова крыла, длинные и блестящие, вьющиеся у нее по спине, на линию шеи, на бледную, кремовую кожу, такую же юную, как ему помнилось. Она по-прежнему была так прелестна. Джен бросила взгляд через плечо и заметила, что он на нее смотрит.

— Вкусно пахнет, — сказал Эндрю, большими шагами входя в кухню.

Джен положила вилку, которую держала в руке, и повернулась к нему, чтобы поприветствовать, чуть склонив голову набок и улыбаясь, отчего на левой ее щеке появилась глубокая ямочка. Он хотел было ее обнять, но не обнял, а просто застыл, переполненный сильнейшим приливом счастья в сочетании с чувством сожаления, таким мощным, что оно комом застряло в горле. Ему пришлось отвернуться.

По другую сторону кухонной стойки был стол, квадратная плита бледного ясеня, твердая, как мясницкая колода. Он уставился на него, сделал шаг вперед, провел пальцами по гладкой поверхности. Почувствовал на себе взгляд Джен. Обернулся, и оба они улыбнулись.

— Привет, старший брат, — сказала она.

— Привет, сестренка.

Джен вытерла руки о фартук, подошла к нему и обвила его руками. Они долго стояли так, обнявшись. Привычка называть друг друга братом и сестрой появилась у них еще в университете — глупая шутка, их способ подразнить Конора, у которого на какой-то момент появился страх, что его лучший друг и его девушка стали чересчур близки.

Она разжала объятия.

— Будешь кофе? — спросила она. — Яичницу, сосиски?

— Да, буду все.

— Отлично. По-прежнему пьешь черный?

— Вообще-то стыдно признаться, но теперь я больше пью травяной чай, чем кофе, но кофе выпью любой.

Она рассмеялась.

— Травяной чай? Боже милостивый, что она с тобой сделала?

Он тоже засмеялся, но наступившая затем тишина была неловкой, неназванная «она» нависла в воздухе.

Джен поставила кофе на поднос перед ним. Он отпил глоток; кофе был крепким и горьким, от

него кожу будто иголками покалывало. И на вкус он был замечательный, как сигареты и дешевое красное вино; это был вкус молодости. Он сунул руку под столешницу, провел пальцем по бороздкам с обратной стороны, витиеватым буквам. Указательный палец не без труда разобрал вырезанное имя. Дженнифер. Это было ее место.

— Что ты будешь делать с этим? — спросил он, поднимая взгляд на Джен. — Со всей мебелью? Когда продашь дом?

— Зависит от того, кому я его продам. Наиболее вероятно, что это будет летний дом, так что, как мне видится, будущие владельцы захотят сохранить большую часть мебели. Впрочем, кресла и диван, вероятно, придется вывезти. — Она либо не понимала, о чем он спрашивает, либо намеренно игнорировала это.

— Тяжело, наверное, думать о продаже дома? — спросил он, по-прежнему мягко и осторожно, бродя вокруг да около темы.

— Тяжелее здесь жить. — Она на время прекратила готовить завтрак, вытерла руки, выражение лица ее было напряженным. — Думаю, со временем я бы снова его полюбила. Думаю, полюбила бы. Но есть обстоятельства, — сказала она таинственно, — которые достаточно давно

препятствуют тому, чтобы я здесь осталась и это проверила.

Эндрю на миг представил себе что-то зловещее, ситуацию в духе фильма «Жан де Флоретт», как кто-то пытается изгнать незваную английскую гостью.

— И мне страшно. Мне страшно, когда я здесь.

Вот это было уже на самом деле что-то зловещее, в этом он был уверен.

— О, не смотри так! — сказала она, улыбнувшись. — Ничего ужасного. Просто здесь одиноко. По ночам пробирает дрожь, когда ты одна — все скрипит, и ветер воет, и место такое уединенное. Я лежу в кровати и думаю, как меня можно изрубить топором на кусочки и никто не услышит моих криков. — Она опять засмеялась, и он тоже; было невозможно не поддаться, ее смех был как музыка. — Думаю, если бы я осталась здесь, то кончилось бы тем, что я превратилась бы в Джека Николсона из фильма «Сияние», которому везде мерещились жуткие покалеченные дети.

— Это его сыну.

— Как?

— Его сын видел жутких близняшек. А сам он спятил и пытался всех убить. И сочинял книгу, которую можно охарактеризовать как очень

скучную.

— О да. Одна работа, без забавы… — Джен выбрала с крючка над стойкой самый большой и убийственный с виду нож и замахнулась им в его сторону. — Теперь ты знаешь, зачем я на самом деле пригласила вас сюда…

Из-за угла послышался негромкий звук, кто-то деликатно кашлянул. Джен быстро положила нож и прекратила смеяться. Эндрю наклонился вбок, чтобы посмотреть, кто там, и увидел Натали, рядом с ней стоял чемодан, вид у нее был отнюдь не веселый.

— О, здравствуй, милая, — поздоровался он. — Иди выпей чашку кофе.

Она не тронулась с места.

— Молоко и сахар, Нат? — спросила Джен.

Натали прикрыла рукой глаза.

— О'кей, — ответила она. — Но только если наспех проглотить. Нам с Эндрю нужно двигаться.

— Нат, — умоляюще проговорила Джен. — Пожалуйста, останься.

— Нет, Джен. Не в этих обстоятельствах. Неужели ты не видишь, что это нечестно, что ты заманила нас сюда обманом…

— Это уже перебор, — сказал Эндрю и почти тотчас пожалел об этом. Натали повернулась к

нему и, всплеснув руками, покачала головой.

— Какой сюрприз. Ты принимаешь ее сторону.

— Тут нет никаких сторон, Нат. Я просто думаю, что если уж мы тут…

— То можем насладиться воссоединением? Нет. Я не хочу воссоединения. Я не хочу ударяться в воспоминания. Я приехала сюда ради тебя, Эндрю, потому что ты хотел приехать, но приехать сюда и обнаружить, что нам лгали…

Джен подошла к ней и взяла руки Натали в свои. Сначала Нат пыталась вырваться, потом сдалась.

— Прости меня, Нат. Я была не права. Сама не могу поверить, что так поступила. После того как я это сделала, я все время пыталась придумать способ сообщить тебе, что Лайла тоже будет здесь, но так, чтобы ты не отменила свой приезд. Я смалодушничала. Я подумала, что когда вы сюда приедете и всех увидите, как только окажетесь здесь, в доме…

— Что мы тебя простим. Что ж, ты была наполовину права.

— Останьтесь на обед. Вы должны остаться на обед.

— Мы ничего не должны…

— Нет, придется. Ты выглядывала в окно? —

Они одновременно повернулись и посмотрели в окно, где девственный снег лежал в несколько дюймов толщиной на карнизах и на лужайке. — Прошлой ночью выпал, должно быть, фут[6] снега. Вам не удастся никуда выехать ближайшие несколько часов. В деревне есть снегоуборщик, он обычно чистит дорогу, но это будет не раньше середины дня. На данный момент вы здесь застряли. Извините.

Натали прокашлялась. Вздохнула.

— Могу я тогда воспользоваться твоим домашним телефоном? — Ее голос звучал напряженно, как если бы кто-то давил ей на горло. — Или Интернетом? У тебя есть доступ в Интернет? Мой телефон не ловит сигнал, а я хочу связаться со своими дочерьми.

— Конечно. Телефон наверху, а в моей комнате есть ноутбук. — Когда Натали повернулась, чтобы идти наверх, Джен бросила на Эндрю беспокойный взгляд, виновато пожала плечами и чуть улыбнулась.

Он не стал обострять ситуацию. Он знал, о чем думает Джен. Всегда ли Нат так взвинчена? Всегда ли у нее такой тяжелый характер? Нет,

---

[6] Примечания: 6
Фут — мера длины, равная 30,5 см.

не всегда. Да и сейчас дело было не в характере. Все было гораздо сложнее. С Нат дело обстояло так, что пришлось научиться считывать знаки. Любой другой, глядя на нее, на чопорность ее движений, на то, как она стоит, скрестив на груди руки, подумал бы, что она зажатая, отстраненная, закрытая. Посторонний человек услышал бы ее голос и, уловив в нем эту напряженную ноту, решил бы, что она вот-вот закатит скандал.

Но Эндрю услышал не сетование, он услышал боль. И увидел — по тому, как она повернулась, чтобы заговорить с ним, по тому, как повернула целиком корпус, а не одну только голову, — что спина беспокоит ее больше, чем обычно. Она держала руки скрещенными на груди, чтобы напоминать себе, что надо стоять прямо, потому что это ослабляет напряжение в позвоночнике и немного облегчает боль. Что надо было понять в Натали, так это что она жила с постоянной болью. Некоторые дни были хуже других. Но чего никто не осознавал, так это того, что она была самым отважным человеком, какого Эндрю знал.

Поэтому, когда Натали заговорила о «своих дочерях», он не стал заострять на этом внимание. Когда она направилась вверх по лестнице, чтобы попытаться им позвонить, он улыбнулся Джен

и сказал:

— Все будет в порядке. Когда она поговорит с девочками и что-нибудь съест, сразу почувствует себя лучше. Спина, понимаешь?

— Знаю. Некоторые дни хуже других.

Значит, он говорил ей это раньше. Должно быть, писал в письмах, он не помнил, чтобы говорил ей это с глазу на глаз. Было всего ничего случаев, когда он мог ей это сказать; за последние шестнадцать лет они виделись всего пару раз. Да, всего два раза после похорон. Эндрю и Натали однажды навестили ее в Париже, когда девочкам было лет пять-шесть, а Джен жила тогда со своим мужем, преподавателем колледжа, «не от мира сего», который по возрасту годился ей в отцы. Они также коротко виделись, когда умер отец Джен. Но они не были на свадьбе Джен, а Джен не была на их свадьбе. Ее не было с ними, когда родились их дети и когда их крестили, не было на его сороковом дне рождения. Он приглашал, но Джен не нравилось возвращаться в Англию, и в этом она была очень упряма, а Натали ненавидела путешествовать. Через какое-то время он грустно смирился с тем, что его отношения с Джен будут поддерживаться через письма.

Джен поставила перед ним тарелку яичницы

с сосисками.

— Надеюсь, ты сможешь убедить ее остаться, — сказала она. — Прошло так много времени, Эндрю. Мы слишком долго не виделись.

Быть может, дело было в желании оградить Натали, а может, просто игра кофеина в крови сделала его легкомысленным и покладистым, но он подавил в себе побуждение выпалить: «А чья это вина, Джен?» Вместо этого он спросил:

— Как давно ты здесь живешь? Ты действительно живешь здесь или по-прежнему обитаешь в Париже? Здесь у тебя просто отпуск? — Все его вопросы сводились к одному: я ничего не знаю о твоей жизни.

Джен села напротив него, зажав обеими руками чашку с кофе и наклонив голову; при этом волосы ее падали вперед, так что он не мог разглядеть выражения ее лица.

— Я решила переехать обратно в Англию, — сказала она тихо. — Не хочу больше здесь оставаться. И я не имею в виду конкретно здесь, я имею в виду во Франции. Что же касается этого дома, то я уже сказала. Он такой уединенный, это не то место, в котором… Словом, здесь одиноко. И повсюду, куда я ни посмотрю, в каждой комнате, на каждой стене, на каждой балке, дверной петле

и дверной ручке, на столе, за которым мы сейчас сидим, присутствуют напоминания о том, как здесь было когда-то. Напоминания о том, что когда-то здесь было все что угодно, кроме одиночества, здесь были мы, и нас было много. — Она подняла на него взгляд и улыбнулась. — К тому же это непрактично. Так что я решила продать дом и переехать в Англию. И я хочу… — голос надломился, и она замялась. — Послушай, я знаю, что не заслуживаю этого, но я хочу снова войти в вашу жизнь. И хочу, чтобы вы стали частью моей жизни. Хочу познакомиться с вашими дочерьми… — Она подняла руку, чтобы не дать ему возразить. — Да, знаю, это несколько поздновато, но я все равно прошу. Я прошу вас меня простить.

1 января 1998 г.

Дорогой Эндрю!

Мне следовало сделать это давным-давно, я столько раз пыталась облечь в слова то, как я сожалею, что вот так уехала, что покинула вас. Но я не могу.

Моя мать пересылала мне письма, которые ты мне писал. Спасибо.

Я начинаю все заново. Пытаюсь начать

заново. Другого пути я не увидела.

У меня все в порядке. Я сейчас живу во Франции, работаю в переводческом отделе одного из крупных рекламных агентств. Работа не то чтобы захватывающая, но интересная и по-настоящему напряженная. Думаю, поглощенность делом и сильная усталость хорошо на мне сказались. Когда я уезжала, то представляла себе, что буду отсутствовать всего несколько месяцев, а теперь я здесь уже полтора года и по-прежнему пытаюсь начать с нуля.

Я думаю, что правильно поступила, уехав, хотя понимаю, что ты можешь смотреть на это по-другому. Я все время думаю о тебе, и Лайле, и Нат, и Дэне. Я думаю о вас, но не представляю, как бы я сумела снова быть рядом с вами, без него. Я не могу себе этого представить, одна мысль об этом вызывает во мне панику, и у меня перехватывает горло.

Моя жизнь здесь вполне отшельническая, и хотя я одинока, я не так уж против этого возражаю. Всю неделю я работаю, а по выходным хожу по мага-

зинам и готовлю, но большей частью гуляю. Я чувствую, что знаю теперь в Париже каждый дюйм, каждый парк – от Люксембургского сада до Бют-Шомона, каждую мощенную булыжником улицу и каждый рынок. Когда-нибудь, когда все уляжется, я бы хотела показать их вам.

Я нисколько не удивилась, узнав, что вы с Натали теперь вместе. Думаю, что у вас с ней давно к этому шло, невзирая ни на какие обстоятельства. Мы все это видели, даже Лайла. Могу себе вообразить, как тяжело она это восприняла, но эта девчонка из тех, кто в жизни не пропадет. Она вас простит.

Если увидишь Дэна, передай ему, пожалуйста, от меня привет.

Надеюсь, ты не считаешь меня слишком эгоистичной. Должно быть, считаешь слабой. Не знаю, что на это сказать. Только каждую ночь я вижу один и тот же кошмар и каждое утро, проснувшись, обнаруживаю, что это правда.

Люблю тебя, дорогой друг. Мне тебя не хватает.

Джен

Глава шестая

Лайла молча стояла на ступенях лестницы, подслушивая. Она напряженно вслушивалась в то, что говорилось, стараясь разгадать настроение. До нее доносились голоса лишь Эндрю и Джен, больше ничьи. Джен говорила о продаже дома и переезде в Англию. О боже, может, она умирает? Впрочем, она не похожа на умирающую. У нее вполне цветущий, рубенсовский вид. Лайла на цыпочках спустилась еще на несколько ступенек. Сейчас Джен извинялась перед Эндрю.

За что? Вряд ли только за то, что пригласила его, не сообщив полный список гостей. Вероятно, она говорила о прошлом. О том, как она уехала. Да, конечно, это было довольно бездушно, но Лайла и сама могла поступить точно так же, будь она на месте Джен. Просто удрать, начать все с нуля. Нет ничего хуже, чем бесконечное препарирование и пережевывание прошедших событий. Лучше засунуть все это куда-то подальше и забыть. Лайла сомневалась, что Эндрю это поймет. Его реакция на переломные события была противоположной: он любил исследовать все до мельчайших подробностей, словно таким способом можно было

отыскать некий глубокий смысл.

Она решила выскочить на улицу, выкурить сигаретку, перед тем как встретиться с остальными. Задевая полами красного шелкового халата о каменные стены, она бесшумно прокралась мимо входа в кухню, подняла тяжелый засов на входной двери и выскользнула на снег.

От холода у нее перехватило дыхание; такое ощущение, будто в лицо ей выплеснули ведро ледяной воды. Было светло почти до боли в глазах, солнце, отражаясь от снега, ослепляло. Она пожалела, что оставила темные очки наверху, пожалела, что не оделась как следует, прежде чем выходить сюда: легкое белье, тонкий слой шелка и сапоги-угги были недостаточной защитой от холода. Тем не менее она закурила, глубоко затянулась и впервые с момента прибытия почувствовала, что приехать сюда было хорошей идеей.

Она не слишком об этом задумывалась, но если бы ей вдруг сказали, что Французский дом продан и она уже никогда туда не вернется, ей стало бы грустно. Она бы пожалела, что уже никогда не сможет постоять на этой ступеньке и посмотреть на просторную лужайку перед домом, на каменную стену и то, что за ней. Этот вид что-то

включал у нее внутри. Нет, не так — находиться здесь было все равно как приподнять какое-то покрывало; это позволяло ей еще раз ясно увидеть вещи, давно затуманившиеся. Это возвращало фрагменты воспоминаний, что-то похожее на эхо, мерцающие образы, немое кино на стене.

Она вспомнила, впервые за все время, какую-то ссору с Эндрю. Что-то незначительное, что-то смехотворно мелкое, кажется, она переключила радио на волну «Мелоди FM», тогда как он хотел слушать новости. Ссора разрослась, и в конце концов Лайла, надувшись, протопала вверх по лестнице, бросилась на кровать и укрылась с головой. Ей хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Ей надоел этот дом, надоела неослабевающая жара, пыль и паутина и чертова изнурительная работа. Ей хотелось оказаться в Жюан-ле-Пен на Антибе, куда она ездила вместе с матерью, когда была моложе, до того, как кончились деньги. Хотелось очутиться на частном пляже у отеля «Бель Рив». Неужели им обязательно проводить все лето в этом месте, неоплачиваемыми работниками папаши Джен.

Раздался тихий стук в дверь.

— Пошел вон! — завопила она.

— Лайло? — Это была Натали.

— Извини, Нат, — крикнула она, не снимая с головы простыни. — Думала, это тот засранец.

Натали тихонько толкнула дверь.

— Не сердись. Ты же знаешь, каким он становится, если не может получить свою порцию ежедневных новостей.

Лайла простонала.

— Мне здесь осточертело. Неужели мы не можем поехать куда-то еще? — Она стянула с головы простыню и села в кровати. — Я знаю! Давай уведем машину Эндрю и поедем на море.

— Лайла, мы не можем этого сделать…

— Можем! Только на день-другой. Искупаемся в Средиземном море, подцепим сексуальных французских мальчиков… Мы этого заслуживаем!

Натали забралась на кровать рядом с ней, тоже залезла под простыню и натянула ее им на головы, на манер палатки.

— Мы не можем этого сделать. И ты не хочешь подцеплять французских мальчиков, ты просто рассержена.

Лайла перевернулась на бок и обхватила Натали рукой.

— Неужели тебе иногда этого не хочется? Побыть где-нибудь еще?

Натали тоже улеглась на бок, так что они ока-

зались лицом друг к другу, чуть не соприкасаясь носами.

— Мне здесь хорошо.

Нат пошла в соседнюю комнату и конфисковала из портсигара Дэна косяк. Они сидели на кровати и курили, а потом Нат решила, что, поскольку Лайла была лишена радостей радио «Мелоди FM», она споет французские поп-песенки, чтобы ее подбодрить. Они лежали на кровати и все смеялись и смеялись, пока слезы не потекли из глаз, пока не начали ловить ртом воздух. Вдруг, ни с того ни с сего, Нат подскочила и стала выбираться из постели. Она почти добралась до двери, а затем остановилась и чуть наклонилась, соединив коленки, ее лицо сделалось темно-красным.

— Нат? Что с тобой? Ты что, описалась?

Сейчас, семнадцать лет спустя, Лайла стояла на пороге дома и в голос смеялась. Она выбросила окурок в снег, и ей вдруг отчаянно захотелось вбежать в дом и сказать: «Вы помните, как Нат описалась?» Но она, конечно, не могла этого сделать, потому что поклялась под страхом смерти никому об этом не рассказывать, поэтому единственными людьми, которые знали об этом, были Нат и она сама. И у нее было такое чувство, что Нат уже больше не сочтет это смешным.

Холод пробирал насквозь. Она толкнула входную дверь и прокралась обратно.

— Доброе утро, — сказала она, просовывая голову в дверь кухни. — Кофе здесь дают?

— Лайла! Господи. Ты же вся посинела, знаешь об этом? — Джен была в ужасе. — Ты что, была на улице? Кажется, я слышала, как дверь открывалась — какого черта ты там делала? — Джен схватила ее за руку и потащила к дровяной печке. — Сядь здесь. Я налью тебе кофе.

Лайла позволила усадить себя ближе к огню, сверкнув в Эндрю своей фирменной улыбкой непослушной маленькой девочки.

— Выходила покурить, — подмигнула она ему. — Как ты, Дрю? Выглядишь измотанным.

— Спасибо, Лайла. А ты выглядишь… замерзшей.

Лайла села и скрестила ноги, позволяя халату соскользнуть с бедер. Посмотрела на Эндрю из-под полуопущенных ресниц.

— Ой, да ладно. Я выгляжу лучше, скажешь, нет?

Он нетерпеливо тряхнул головой, как если бы имел дело с капризным ребенком, но она заметила краску, заливающую ему шею, а потом и лицо.

Несмотря на стычки по поводу радиостанций, они были очень счастливы здесь, она и Эндрю. Да, ей иногда хотелось сбежать на Ривьеру пить коктейли и хоть изредка ходить на танцы, но большую часть времени она была довольна, работая над домом и над своим загаром, играя в волейбол на лужайке, занимаясь любовью с Эндрю жаркими часами в спальне наверху; оба были подтянутые и бронзовые от загара, настолько спортивные, насколько можно себе представить. Глядя на него сейчас, седеющего, немного погрузневшего, с ссутулившимися плечами, с чуть излишне тяжелой челюстью, она могла бы испытать шок: контраст с прежним Эндрю был разительным. Но Лайла не испытала шока, потому что и седина, и изнуренность, и покатость плеч — все это произошло не за двадцать лет. Все это произошло практически в одночасье, и она была этому свидетельницей.

Дэн и Нат вошли в кухню с противоположных сторон (Дэн из двери черного хода, Нат из холла), но практически одновременно. Лайла улыбнулась Натали, которая ее проигнорировала и, подойдя к Эндрю, заговорила с ним приглушенным голосом. Лайла шумно вздохнула.

— У тебя есть томатный сок, Джен? Я мечтаю о

«Кровавой Мэри». Дэн? Не соблазнишься?

Дэн пожал плечами, потом кивнул. Его покрасневшие глаза были лишь наполовину открыты, судя по виду, выспаться ему не удалось.

— «Кровавую Мэри», Джен? — Та отказалась. — Как насчет вас двоих? — спросила Лайла, адресуясь к Эндрю и Натали.

Натали подняла на нее взгляд, лицо ее ничего не выражало, рот был сжат в тонкую линию.

— М-м-м… — промычал Эндрю.

— Нет, спасибо, всего достаточно, — сказала Натали. Ничего. Ни малейшего проблеска эмоций.

Лайла опустила взгляд и с полуулыбкой через плечо посмотрела на Эндрю.

— Ты уверен, Дрю?

Она заметила, как сжались челюсти Нат, но сама Нат ничего не сказала. Лайла была немного разочарована, она подумала, что эта ее выходка должна была попасть в цель. В конце концов, никто, кроме Лайлы, никогда не называл его Дрю: для остальных он всегда был Эндрю. Придется нажать посильнее.

— Да ну же, — сказала она, улыбаясь шире. — Ты же знаешь, что хочешь. — Она встала, чтобы приготовить коктейли. Почувствовала, как Натали сверлит ей взглядом спину, и адреналин в

крови начал прибывать.

Лайла перевела свое внимание на Дэна, который смотрел на нее несколько нервно. Было понятно, он думает о том, что она сказала накануне. Он задавался вопросом, собирается ли она снова действовать ему на нервы. Вручая ему его коктейль, она сладко улыбнулась.

— Хорошо спал, малыш?

— М-м. Да, прекрасно, спасибо. — Он выглядел озадаченным, чего она и добивалась. Ей надо было выбить его из седла, спутать ему карты. Начать с уколов, затем перейти на ласку. Что-то вроде флирта. Именно таким способом можно получить от них все, что хочешь. Она села рядом с Дэном, прямо напротив Эндрю, по диагонали от Натали. Джен суетилась вокруг них, принося еду, разливая кофе. Огонь потрескивал, солнце светило. Лайла подняла свой бокал.

— Ваше здоровье, — сказала она с улыбкой. — Действительно приятно снова всех вас увидеть.

Они чокнулись. Лайла наслаждалась слегка смущенными и озадаченными выражениями их лиц.

— А твой… э… Зак не будет с нами завтракать? — спросила ее Джен, ставя в центре стола большой кувшин апельсинового сока.

— Он еще в постели, — ответила Лайла. — Пусть спит, — продолжала она, с напускной скромностью потупив взор. — Думаю, я его изнурила. — Она бросила взгляд на Эндрю и улыбнулась.

Щеки Эндрю опять покраснели. Натали завела глаза к потолку и выдохнула сквозь поджатые губы.

Впрочем, Лайле было недостаточно ее заведенных кверху глаз и раздраженного вздоха. Она хотела, чтобы Натали что-то сказала, как-то отреагировала. Подошла бы любая словесная реакция, даже яростная. Она просто не могла вынести вот это: молчание, ощущение, что тебя игнорируют, полную отчужденность. Даже вчера вечером, когда Натали рассердилась, она рассердилась на Джен, она общалась с Джен. У Лайлы было ощущение, что единственное, чего хочет от нее Натали, это чтобы она уехала.

Было время, когда они с Нат жили жизнями друг друга, делили каждую радость и неудачу, заканчивали друг за друга фразы, понимали друг друга с полуслова. Они часами разговаривали допоздна, планируя свое восхитительное будущее. Они собирались вместе снять квартиру в Лондоне; Нат стала бы работать над своим рома-

ном, Лайла, держа в голове образ Сэм Джонс[7], сколотила бы себе состояние в области связей с общественностью. Они собирались поехать на Дальний Восток, в Южную Америку, проехаться по Соединенным Штатам или Австралии. Иногда к ним присоединялся Эндрю, иногда он любопытным образом отсутствовал. Такие планы были у них до крушения. До.

14 января 1996 г.
Электронное письмо Натали Лайле

Привет, Лайло!

Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Я решила тебе написать, потому что, похоже, у нас не получается связаться по телефону.

Я беспокоюсь. Это на тебя не похоже. Не показываться, когда мы договорились встретиться, и не отвечать на мои звонки.

Я знаю, ты сказала, причина не в каком-то моем поступке, но я не могу отделаться от чувства, что виновата я. Почему бы иначе ты не хотела со мной

[7] Примечания: 7
Персонаж телесериала «Секс в большом городе».

разговаривать? Ты всегда со мной разговариваешь. Порой даже тогда, когда я этого не хочу!

Я знаю, тебе неприятно из-за офисной вечеринки, но не бери в голову. Все на таких сборищах ведут себя как идиоты. Не надо так расстраиваться. Уверена, ты была не самой худшей.

Я тут подумала, может, нам вместе заняться в январе своим здоровьем. Я громадная (134 фунта[8]! А-а-а-а!), и мне бы очень пригодился сподвижник по фитнесу. Мы могли бы некоторое время воздерживаться от алкоголя, есть здоровую пищу, делать пробежки… Это будет весело. Ладно, это будет ад, но мы найдем способ превратить его в веселье.

Люблю тебя,

Нат

15 января 1996 г.
Электронное письмо Лайлы Натали

---

[8] Примечания: 8
Фунт — единица массы, равная 0,454 кг.

Привет, родная. Пишу наспех, с ужасного бодуна, стараясь не встречаться взглядом с коллегами, так как вчера вечером меня повело не в ту сторону. Опять. Я знаю. Скверная, скверная Лайла. Ни за что не стану я трезвенницей в ближайшее время. Скорее умру. Созвонимся.

Лайло

15 января 1996 г.
Электронное письмо Натали Лайле

Лайла, опомнись. Ты должна разобраться с этим, ты не можешь так продолжать. И я не хочу знать, не хочу слышать таких вещей. Эндрю мой друг, ты прекрасно знаешь, как хорошо я к нему отношусь. Не обращайся с ним так. Зайдешь сегодня вечером? Проведем тихий вечер дома, поболтаем немножко.

Нат

17 января 1996 г.
Электронное письмо Лайлы Натали

Привет. Извини, что не пришла к тебе, тут полно дел. Не психуй! Когда я говорю, что меня повело не туда, я имею в виду не то, что ты думаешь. Просто небольшой глупый флирт, а потом, на следующий день я чувствовала себя идиоткой. Все одно и то же. Да, я знаю, как ты любишь Эндрю. Я тоже его люблю, но боже мой, Нат. Мне надо поговорить с тобой, потому что дела идут скверно и я не знаю, как мне поступить. Когда я думаю об этом на трезвую голову, мне кажется, это может закончиться. Давай встретимся. Ты свободна во вторник? Я иду на коктейльную вечеринку в Сохо, но мы могли бы придумать что-то после этого.

Лайло

17 января 1996 г.
Электронное письмо Натали Лайле

Ты сама не знаешь, что говоришь, Лайло. Это не кончается.

19 января 1996 г.
Электронное письмо Лайлы Натали

Нат, я должна отменить нашу сегодняшнюю встречу. Извини, извини, извини. Вчера очень поздно закончили, чувствую себя совершенно истрепанной, должна поспать. И ты права, я сама не знала, что говорю. Я так нуждаюсь в нем именно сейчас, иногда я чувствую, что он единственный для меня надежный якорь.

Лайло

Глава седьмая

Джен была не уверена, что «Кровавая Мэри» — такая уж хорошая идея. Она была не уверена, что алкоголь до обеда — вообще хорошая идея, но в такой нестабильной ситуации он почти непременно должен был вызвать неприятности. Конечно, если только не служил для того, чтобы сгладить трения. Пока было трудно сказать. Лайла была странно обворожительной с Дэном, с которым так резко поцапалась накануне, и предсказуемо неуживчивой с Нат, явно стараясь действовать ей на нервы, флиртуя с Эндрю. Пока что Натали, сжав губы, хранила величественное молчание, но Джен чувствовала, что долго так не продлится.

Надо было их чем-то отвлечь. Джен требовалось перехватить у Лайлы инициативу в разговоре. Она села за стол, долила всем кофе и прокашлялась, как бы собираясь произнести речь. Все выжидательно посмотрели на нее.

— Я понимаю, что вы все должны посчитать странным мое внезапное побуждение снова собрать вместе нашу старую компанию. Это и впрямь странно. И, конечно же, дело не только

в этом доме. Мне трудно объяснить, но я хотела извиниться перед вами, перед всеми вами. — Говоря это, она смотрела на Эндрю. — Я никак не ожидала, что все так обернется, никак не хотела, чтобы мое отсутствие стало таким долгим. — Эндрю накрыл ее руку своей, но она не подняла взгляд, ей нужно было договорить. — Когда я уезжала, я думала, будет лучше, если я просто на время оторвусь. Не только от вас, а от Лондона, от Англии, от всего, чего он касался, от всего, где мы были вместе. Я собиралась вернуться. Но только я застряла. Это трудно объяснить. Кажется, я это уже говорила?

Она обвела взглядом их лица. Все с пристальным вниманием следили за ней, причем на лицах были написаны разные выражения: от участливого до насмешливого.

— Вы считаете это нелепым. Да, это звучит эгоистично. — От Джен не укрылось выражение глаз Натали, молчаливое согласие с ее последними словами. — Я просто хотела перед вами извиниться. За то, что сбежала. За то, что изменила все к худшему.

Какое-то время стояла тишина, а потом заговорила Лайла:

— Так что же произошло? Мы слышали, ты

уехала в Ирландию, погостить у матери Конора. И, честно говоря, это не очень похоже на то, что ты удалилась от всего, чего он касался.

— Это было всего на несколько недель, Лайла. После этого я вернулась к своим родителям, а затем получила работу в Париже, и тогда это казалось идеальным вариантом. Я могла бы уехать на полгода, на год, вновь обрести присутствие духа и вернуться обратно. Мы могли бы опять сойтись, опять быть вместе.

— Но только ты не вернулась. — У Дэна опять был тот самый вид, то выражение холодной отстраненности, словно он наблюдал за ней с некоторого расстояния.

— Как я уже сказала, я застряла. История, которую я написала для себя, о том, что случилось с нами, с Конором, о том, как я собиралась с этим жить, как справляться, она сделалась реальной, словно зажила собственной жизнью. Она завладела мной.

— Но ты все-таки вырвалась из этой истории, верно? — сказала Натали. — Ты вышла замуж за Жан-Люка, построила собственную жизнь.

— И это не сработало. Было ощущение, что я на неверном пути, как будто отклонилась от правильного. И это было несправедливо по от-

ношению к нему. Он был хорошим человеком, а я сделала его несчастным. Так что брак закончился, и я попыталась начать сначала. — Она беспрерывно поворачивала в руках кофейную чашку. — Был еще некто. Я встретила еще одного человека много лет спустя после Жан-Люка. Его звали Николя. Тогда это ощущалось по-другому, ощущалось как впервые что-то настоящее после Конора. — Пальцами правой руки она провела по поверхности стола, до самого угла. — Помните то великое торжественное открытие? — спросила она их. Дэн удивленно посмотрел на стол.

— Это что, он? Стол Конора? Он до сих пор здесь? Господи, до меня не дошло…

— Он работал над ним все лето, — сказала Нат. Теперь она тоже принялась щупать пальцами деревянную поверхность. — Предполагалось, что это секрет, только все мы догадались, кроме Джен.

— И нам всем приходилось изображать удивление, когда он его обнародовал, — подключилась Лайла. — Но было совершенно очевидно, что все мы знаем, что это такое, мы были никуда не годными актерами.

— Но мы не знали, что находится на обратной стороне столешницы, — сказал Эндрю.

Все дружно съехали вниз со своих стульев, скрючились под столом и, выгнув шеи под неудобными углами, стали пытаться разглядеть резьбу на нижней поверхности столешницы. Да, по краям были написаны их имена: Дженнифер Донливи, Эндрю Муркрофт, Лайла Льюис, Дэн Паркер, Натали Хьюсон, Конор Шеридан; а в центре значилось: «Вместе навсегда», и еще стояла дата: 21 августа 1995 г.

Эндрю стукнулся головой, выбираясь из-под стола. В его глазах стояли слезы, и Джен спросила себя, не ударился ли он нарочно, чтобы другие не заметили, что он плачет. Нат обняла его за плечи и поцеловала в щеку.

— Вы помните, — сказала она, — он оборудовал что-то вроде мастерской в том старом дровяном сарае. Не думаю, что он сохранился, а?

— Да, в какой-то момент его снесли, — подтвердила Джен. — Теперь вместо него новый, более современный.

— Он то и дело прокрадывался туда потихоньку, часто поздно вечером, и всегда ужасно злился, если кто-то пытался заглянуть внутрь.

— Мы называли этот его сарай домиком онаниста, — вставила Лайла, перехватывая взгляд Нат, и они вместе захихикали.

— Я помню тот вечер, когда мы внесли этот стол сюда, — сказал Дэн, поворачиваясь к Эндрю.

— И нам с тобой надо было нести эту штуку, как бы не догадываясь, что это такое. Мы оба перед этим напились пива, и ты уронил его на ногу Конору. Как же он взбесился! — Теперь уже все смеялись. — Скакал по заднему двору на одной ноге, ругаясь и обзывая нас идиотами и тупыми ослами…

— Он всегда начинал вести себя очень по-ирландски, когда злился, — улыбнулась Джен. — Но его вспыльчивость была как тропический шторм, правда ведь? Буря, ветер, гроза, а через пять минут уже все тихо.

— М-м-м. В отличие от некоторых людей. — Эндрю метнул в Нат косой взгляд, сопровождаемый кривой усмешкой.

— О боже, да! Уж эти ссоры, в которые ты ввязывалась с Конором… — принялась смеяться Джен.

— Ну, он всегда так любил покомандовать, — запротестовала Натали.

— Он? Покомандовать? — Теперь Эндрю и Дэн тоже смеялись, даже губы Лайлы дрогнули.

— А потом, после этого, ты часами дулась… — сказал Эндрю, обнимая Нат за плечи.

— Неправда! — раздраженно ответила она, но

не оттолкнула его руку, и именно в этот момент Джен увидела, что затея собрать их всех вместе все-таки не обернулась катастрофой.

Она подлила гостям еще кофе, Лайла, тихонько напевая себе под нос, приготовила еще несколько коктейлей, но к тому моменту, когда снова села за стол, выглядела так, что вот-вот расплачется.

— Что такое, детка? — спросила Джен, протягивая руку и дотрагиваясь до ее щеки. Лайла взяла ее руку и задержала в своей.

— Я просто вспоминала, — сказала она, опять садясь за стол. — О боже. Ты помнишь, как он проделывал эту штуку в колледже… Это всегда меня убивает… — Она замолчала, но Нат знала, куда она клонит.

— С книгами, ты имеешь в виду? — На глаза у нее тоже навернулись слезы. — Записки, которые он имел обыкновение оставлять для Джен? — Лайла кивнула, шмыгая носом. — Он приходил и забирал у меня список книг на неделю, а потом шел в библиотеку и находил те книги, которые тебе, Джен, надо было читать, а затем оставлял в них маленькие записки для тебя в надежде, что ты возьмешь тот экземпляр, который он выбрал.

— И иногда так и получалось, — улыбнулась Джен. — Это делало хождение в библиотеку го-

раздо более интересным.

Когда Зак наконец спустился к завтраку, он застал их всех промокающими глаза. Джен быстро поднялась на ноги и принялась хлопотать вокруг него, накладывая еду. Когда же Зак спросил у Лайлы, что случилось, она просто промурлыкала: «Ничего, малыш» — и поцеловала его, и, похоже, его это удовлетворило. У Джен сложилось впечатление, что он был не самым лучшим из партнеров, но она могла понять, в чем состоит его привлекательность. Когда он зевнул и потянулся, его фуфайка задралась, обнажая кубики брюшного пресса, а под ними — четко обозначенные кости таза. Лайла перехватила ее взгляд, приподняла бровь и ухмыльнулась, а Джен засмеялась и отвернулась.

— Ты так и не досказала свою историю, — сказала Лайла. — О мужчине, которого встретила. В которого влюбилась. Почему он не присутствует на нашем счастливом маленьком воссоединении?

— Николя, — протянула Джен, обмахивая лицо рукой, делая вид, что это жар от печи залил его краской. — Ну, он оказался таким, сами знаете. Французским.

— То есть?

— Неспособным к верности. Не то чтобы совсем неспособным, просто считал, что верность — это нечто ненужное. Если можно так выразиться. Я мирилась с этим некоторое время, но в конце концов решила, что не могу. Я упаковала свои вещи и перебралась сюда. Я не знала, куда мне еще приехать. Это было пару месяцев назад. Но, приехав сюда, я поняла, что не могу здесь оставаться. Этот дом не может быть тем местом, где я начну все с чистого листа, он может быть только временным пристанищем.

— Почему? — спросил ее Эндрю. — Что не так с этим домом? Ты могла бы работать здесь как фрилансер, то есть… Я знаю, это эгоистично с моей стороны, но продавать этот дом?.. Как-то неправильно.

— Я знаю, как ты к нему относишься, Эндрю. Знаю. Но я не могу здесь оставаться. Это неподходящее место, чтобы растить ребенка.

Все ошеломленно застыли, перестали пить и уставились на нее.

— Ребенка? — переспросил Эндрю.

— Да, — ответила Джен, и на губах ее заиграла робкая, застенчивая улыбка. — Разве я не упоминала? Я беременна.

14 мая 1995 г.

Дж.

Я тут думал о ЖПВЭ (Жизни после выпускных экзаменов), и вот. Вот что, я думаю, нам надо сделать:

1. Уехать из колледжа (очевидно).

2. Переехать в Лондон, заработать немного денег.

3. Поселиться вместе.

4. Поехать на некоторое время в Азию. Таиланд, Вьетнам, ну ты понимаешь, в таком духе. Преподавать английский, принимать галлюциногены.

5. Вернуться в Британию, заработать еще немного денег.

6. Пожениться.

7. Переехать во Французский дом. Я буду изготавливать красивые предметы мебели в амбаре. Ты будешь переводить на французский великие произведения литературы.

8. Нарожать кучу детей.

Что ты думаешь?

Люблю тебя.

К.

P. S. Наслаждайся «Немецкой идеологи-

ей»[9]*. По мне, так это нечто убийственное.*

[9] Примечания: 9
Философская работа К. Маркса и Ф. Энгельса.

Глава восьмая

Через двор, в переделанном амбаре, Дэн, понурив голову, сидел на расположенной на антресоли кровати. Он набрал номер Клодии. Звонок был переброшен на голосовую почту. Он спрашивал себя, поговорила ли она уже с мужем или, может, говорит с ним прямо сейчас? Он представил их себе в разгар скандала, слезы текут по ее идеально очерченным скулам, щекам и шее. В его воображении она выглядела невозможно красивой даже в самых напряженных обстоятельствах, включая расставание с мужем. Дэн никогда в жизни не встречался с ее мужем, тот никогда не приходил на съемочную площадку. Он надеялся, что у него не слишком вспыльчивый характер: он был директором какого-то благотворительного фонда. К тому же он был немцем, а значит, по правилам, у него в жилах должен быть лед. Но как на самом деле, кто знает? Дэн снова набрал номер Клодии, прослушал ее голос, низкий и хриплый, предлагающий, сначала по-немецки, а затем по-английски, оставить сообщение. Он не стал этого делать.

Дэн открыл свой чемодан, который не успел до

конца распаковать накануне. Его костюмы уже висели в стенном шкафу. Он привез хорошие костюмы, от Пола Смита и Ричарда Джеймса (ему нравилось носить одежду английских модельеров, никаких Гуччи или Дольче и Габбана). Но дальше костюмов дело не пошло, со всем этим пивом, вином и обедом, разговорами с Лайлой и Натали. Его рубашки, смятые, остались лежать в чемодане.

Он спустился по лесенке вниз. Повесил куртку-пилот от «Эй-Пи-Си» из стопроцентной кожи ягненка на спинку стоящего в углу комнаты рабочего кресла и занялся своими туалетными принадлежностями, аккуратно выстраивая их на полке в душевой: туалетную воду от Марка Джейкобса, чудодейственную маску с кислотами от «Рен», восстановительный шампунь от «Лаб сериес», кондиционер от «Кастаз», бритву «Жиллетт фьюжн».

Свое обмундирование для бега и кроссовки он оставил в чемодане; маловероятно, что ему удастся выбраться на пробежку в такую погоду. Обычно он придерживался нормы в пять миль ежедневно, минимум пять дней в неделю. В том бизнесе, которым он занят, каким бы нелепым это ни казалось, внешний вид имеет значение,

даже если ты стоишь по другую сторону камеры. Поэтому он старался поддерживать форму. И он знал, хотя никто никогда ему этого не говорил, что выглядит сейчас лучше, чем в двадцать пять лет. Тогда он был таким худым, таким непрочным. Сейчас его костяк был по-прежнему узким, но на костях наросло мясо, мускулистое и жесткое. Его темные волосы начинали седеть, но ему это нравилось, его это устраивало, потому что придавало ему некую серьезность, которой всегда не хватало его лицу, бледному, моложавому и чуть веснушчатому.

Он услышал, как хлопнула дверь, раздался смех. Лайла со своим пижоном рука об руку шагали по снегу к дровяному сараю. Дэну хотелось бы знать, что, помимо очевидного, она находит в этом парне. И ему было интересно, что подумали бы они все о Клодии. Девушки почувствовали бы ревность, она была так молода, так неотразима. Но понравилась бы она им? Он не был в этом уверен. Она была красива и талантлива, страстна и эксцентрична, но не отличалась особой сердечностью. Она была из тех женщин, которые нравятся мужчинам и умеют с ними обращаться. Дэн снова потянулся к телефону, снова позвонил Клодии и снова выслушал сообщение автоответчика.

Он стоял перед французскими окнами и, прищурившись, смотрел на яркое солнце. Трудно в этом признаться, но он всегда предпочитал плохую погоду. Было что-то скучное в ярком солнечном свете. Тем не менее скоро все переменится; ветер набирал силу, собирались тучи, под стать мрачному настроению Дэна. Он старался убедить себя, что это ощущение беспокойства и несчастья связано исключительно с Клодией. Он сделал глубокий вдох, встряхнул руками, покрутил плечами, стараясь расслабиться. Надо вернуться в дом и чего-нибудь выпить. Было почти что Рождество, выпить с утра — нормальное дело. Но он не хотел возвращаться в дом, потому что это беспокойство… оно не было связано только с Клодией. Тот маленький укол страдания, который он ощутил, когда Джен говорила о своем муже… он точно знал, в чем тут дело.

Тысяча девятьсот девяносто шестой год. Ему было двадцать три года. Он встретил ее в Ричмонде, на вокзале. Он не знал точно, чего ожидать, но помнил даже сейчас, шестнадцать лет спустя, чувство волнения, напряжение в животе. Они спустились к реке и повернули налево, прошли под мостом и обогнули поле, полное карамельного цвета коров породы Джерси, с огромными,

подернутыми влагой карими глазами. Была ранняя весна, зябко, погода менялась. Небо, хотя и голубое, имело бледный, морозный оттенок. Они немного поговорили об остальных, а затем, внезапно, Джен взяла его за руку и, встав перед ним на тропинке, сказала:

— Это не может случиться, ты знаешь, что нет. Я всегда была влюблена только в одного человека. И всегда буду. Я знаю, это кажется глупым, но мы действительно редкие птицы, два человека, которые предназначены друг для друга, только друг для друга. Вот такие мы, Конор и я. Я никогда не полюблю никого другого.

Он справился с этим великолепно. Наклонил голову набок, улыбнулся и сжал ее в объятиях, приподнял и покружил, стискивая как можно крепче. Он не позволил ей увидеть, что больно задет. Не сказал ничего, что было бы ей неприятно, не дал ей почувствовать себя неловко. Не разозлился, ни в малейшей степени, потому что поверил ей. Он действительно ей поверил. Так было тогда, и он продолжал верить ей после, на протяжении всех этих лет, это помогало ему не думать о ней. А теперь он вдруг обнаруживает, что это все-таки было неправдой.

Она влюбилась. Она была замужем. Она вы-

строила себе другую жизнь, а сейчас собиралась родить ребенка. Ну так что? Чего он ожидал? Что она навсегда останется привязанной к прошлому? Или что когда-нибудь он получит свой шанс? Что когда-нибудь окажется достаточно хорош? Он почувствовал, как в горле у него рождается смех. Как все глупо. Какое это имеет значение? Это было миллион лет назад. Просто ему хотелось получить шанс. Только и всего. У него было ощущение, что он всегда упускал возможности, словно его попытки заполучить настоящее счастье всегда каким-то образом пресекались. Как если бы кто-то постоянно и несправедливо его ущемлял.

Но он-то думал, что с этим примирился. Выбрав Клодию, он признал, что у него не будет семьи, с ней не будет. Ее одной будет достаточно. Ему просто необходимо было поговорить с Клодией, услышать ее голос, знать, что они на правильном пути и что через пару дней начнется их по-настоящему совместная жизнь. Этого будет достаточно.

Он позвонил ей в очередной раз, выждал много гудков, и наконец она ответила.

— Что такое? — спросила она шепотом. — Сейчас неподходящее время.

— Он там?

— Да, он здесь, ясное дело. Мы дома.

— Как у тебя дела? Все в порядке?

— Прекрасно.

— Ты с ним поговорила?

— Нет еще. Жду подходящего момента.

— Я по тебе скучаю. — Молчание. — Клодия? Ты там?

— Я здесь, да.

Дэн не хотел этого знать, но по какой-то причине не смог удержаться и спросил:

— Ты с ним спала?

— Дэн!

— Да или нет?

— Я его жена и была с ним в разлуке пять недель. Как ты думаешь?

— Господи, Клодия.

— Послушай, мне надо идти. Он сейчас войдет, мы идем на обед. Просто… прояви терпение, о'кей?

Она дала отбой.

Дэн опустился в рабочее кресло, упер локти в колени и обхватил голову руками. Его мутило. Зачем она сказала ему про это? Зачем он спросил? Чертов идиот. Внезапно он рассвирепел; вскочил на ноги, схватил глупый маленький горшок с глупым маленьким лиловым цветком и собрался

с силой швырнуть его о стену. Но вовремя остановился. Поставил горшок на место и тщательно замел под ковер высыпавшуюся землю. Уселся на пол, скрестил ноги и положил руки на колени ладонями вверх, соединив при этом кончик большого пальца с кончиком среднего. Закрыл глаза и сделал несколько вдохов и выдохов. Почувствовал себя немного лучше. Он попытался очистить сознание, забыть про здесь и сейчас, но тошнотворное чувство не уходило, и он не мог изгнать из головы картинку: голова Клодии откинута назад, белеет голая шея, и чье-то тело двигается поверх нее.

17 ноября 1996 г.

Дорогая Джен!

Я не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Эндрю говорит, что отсылает свои письма к тебе твоим родителям, но не уверен, пересылают ли они их тебе.

Прошло уже почти пять месяцев. Я ждал, понимая, что тебе понадобится время. Я знаю, ты, вероятно, хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Но я не хочу, чтобы ты думала, будто я не думаю о тебе. Каждую минуту я спрашиваю себя, где

ты и что делаешь. Придешь ли ты в себя и вернешься ли когда-нибудь обратно.

Я понимаю, почему ты уехала, но, пожалуйста, возвращайся.

У тебя нет причин чувствовать себя виноватой. Все это не твоя вина. Это моя вина, моя и Эндрю: это мы вели машины слишком быстро. Ужас состоит в том, что я избежал наказания. Во всяком случае, официального.

Эндрю не так повезло. Ему приговор будет вынесен в следующем месяце. С его юридической карьерой будет покончено. Хотя считают, что он избежит наказания в виде лишения свободы. Нат поправляется. Она по-прежнему в доме у родителей, но теперь уже большую часть времени не в инвалидном кресле, что, я думаю, свидетельствует о серьезном улучшении. Она поговаривает о возвращении в Лондон, о возвращении на прежнюю работу. Лайлу я вижу редко. Думаю, дела у нее не слишком хороши. Трудно сказать, потому что она не желает говорить об этом. Впрочем, она не сильная. Не такая сильная, как ты.

Мы скучаем по тебе, Джен.

Я не могу знать, что ты чувствуешь, но знаю, что вперемешку со всем горем будет что-то еще, и знаю, что это связано со мной. Могу ли я извиняться, не чувствуя раскаяния? Но, Джен, я не могу раскаиваться в этом, хотел бы мочь, хотел бы сожалеть о том, что это вообще случилось, но не могу. Не могу заставить себя желать, чтобы этого никогда не случалось.

Пожалуйста, дай мне шанс помочь тебе, Джен. Помочь справиться. Я только прошу о шансе.

Возвращайся.

Дэн

Глава девятая

В доме кончились дрова, и Зак вызвался принести. Лайла ухватилась за возможность отправиться вместе с ним, выкурить сигарету и уйти от разговоров о младенце. Она никогда не умела источать восторги по поводу материнства. Зак сходил наверх за куртками, и, выйдя через черный ход, они направились, рука об руку, мимо амбара, вверх по холму, к дровяному сараю. Яркое солнце слепило глаза.

— Хочешь вернуться за темными очками? — спросил Зак.

— Все нормально, — сказала она, заслоняя глаза рукой. Они смотрели на купу деревьев вдалеке, посреди холма, за сараем. Внезапно Лайла застыла на месте.

— Что такое?

— Ничего, — ответила она и зашагала дальше. Просто на миг ей показалось, что она увидела, как кто-то движется за линией деревьев. Ее это напугало. Она поморгала, но там ничего не было. Никого. И все равно она почувствовала, что ей не по себе. Было что-то в этой роще, что-то пугающее и вместе с тем притягательное. Она чуть крепче

сжала руку Зака; он повернулся к ней, улыбнулся и поцеловал в макушку.

— Красавица, — сказал он, и она тотчас почувствовала себя в безопасности.

Зак наполнял корзину дровами, а Лайла сидела на бревне и курила. Дров подходящего размера осталось не так много, поэтому Зак решил наколоть еще. Он снял куртку, взял топор и широко улыбнулся Лайле, которая фотографировала его на телефон.

— Ну, ты даешь, малыш. Настоящий Том из Финляндии[10].

— Что еще за Том?

Она лишь улыбнулась ему и покачала головой.

Через пару минут он прервал работу и отер пот со лба тыльной стороной перчатки. Заслоняя глаза от солнечного света, посмотрел вниз, на дом и на долину.

— Здорово, правда?

— М-м-м, — пробормотала она, глядя скорее на него, чем на открывающийся вид.

— Посмотри, Лайла! Это невероятно. Все это пространство. Этот чистый воздух! — Лайла сделала длинную затяжку. Зак поднял взгляд к

---

[10] Примечания: 10

Финский художник-рисовальщик, прославившийся созданием гротескных гомоэротичных рисунков.

небу. — Ты безнадежна. Должен сказать, я согласен с Эндрю, — сказал он, снова взяв топор и готовясь помахать им еще. — Джен сумасшедшая, что хочет продать этот дом.

— Я бы не хотела жить здесь совершенно одна, — сказала Лайла, чуть поеживаясь. — Во всяком случае, зимой. Хотя летом здесь по-другому. Летом здесь было чудесно.

— А, легендарное лето… какого там? Девяносто восьмого?

— Девяносто пятого. Ты еще ходил в школу, — заметила она, выгнув бровь. — Бегал в коротких штанишках.

— А ты была с Эндрю.

— Да.

— Он кажется симпатичным парнем, но я что-то плохо представляю вас вместе.

— Он был другим тогда. Совсем другим.

— В каком смысле?

— Более… мужественным. Он был в большей степени альфа-самцом.

— Эндрю? Эндрю в уютном свитере? Он никогда не был альфа-самцом.

Лайла засмеялась, пробежалась пальцами по волосам, отбросила окурок.

— Да нет, был. Когда мы учились в универси-

тете, Эндрю был «золотым мальчиком». Он был ярким, умным и первым во всем на свете: капитан команды регби, редактор университетской газеты — вся эта фигня. Он был дружелюбным и общительным, и все его любили. Если бы мы были в американской средней школе, он считался бы тем, кому успех обеспечен, тем, кто потом, вероятнее всего, удачно женится, станет богатым и всю жизнь будет купаться в счастье. — Она закурила другую сигарету и подняла взгляд на Зака, который выжидательно смотрел на нее, ожидая продолжения. Она пожала плечами. — Все обернулось для него не так здорово. То не его вина, были некоторые… обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

— Это долгая история.

Зак снова принялся колоть дрова; как всегда, он не стал настаивать. И это Лайлу устраивало. Она была не из тех, кто анализирует прошлое, она всегда считала менее болезненным не ворошить его, забыть. Она знала, что это малодушие. Это был ее способ не смотреть в лицо невзгодам, ее способ уклоняться от ответственности. Она полагала, что большинство людей в каком-то смысле так и поступают: Джен сбежала, Дэн придумывал сценарии и переписывал историю.

Впрочем, Эндрю был другим. Лайлу до сих пор, спустя столько лет, поражало, что не было такого момента, когда бы Эндрю пытался спрятаться от случившегося. Если бы за рулем была она, черта с два смогла бы она пойти на похороны. Но Эндрю и в голову не пришло не ходить. Лайла в ужасе предвкушала скандал — ее преследовали мелодраматические видения, как мать Конора набрасывается на Эндрю, называет его убийцей. Эндрю сказал, что, если его попросят удалиться, он повинуется. Но, конечно, никто не просил его удалиться. Когда они приехали в церковь, мать Конора стояла у входа и поприветствовала их как друзей. Поцеловала их и сказала, как сильно ее сын любил их обоих. Она попросила их сесть рядом с ней в первом ряду. Лайла помнила, как шла по проходу между рядами, держа Эндрю за руку, чувствуя себя глупой и пьяной (потому что уже приняла с утра в ванной), и задавалась вопросом, пройдут ли они когда-нибудь тот же самый путь в обратную сторону, когда она будет не в черном, а в белом. Она помнила, как искала взглядом Натали, а потом до нее дошло, что Натали здесь не будет, потому что она лежит на больничной койке без сознания, возможно, навсегда покалеченная, возможно, с поврежден-

ным мозгом. Потом на полпути она споткнулась, и Эндрю подхватил ее под руку. Она повернулась к нему, но он не смотрел на нее, его взгляд был устремлен прямо вперед. Он сказал ей, чтобы не надевала такие высокие каблуки, потому что они непрактичны.

Зак снова сделал перерыв и сейчас смотрел на подругу с легкой улыбкой на губах.

— Ты что?

— Ничего. Просто ты очень хорошенькая сегодня, когда сидишь на своем бревне, погруженная в раздумья. — Она засмеялась и покачала головой. — Я думаю, он тронутый, — заключил Зак.

— Кто тронутый?

— Эндрю. Если оставил тебя ради Натали. То есть, я понимаю, она хорошая девчонка и все такое, но нервозная, на мой вкус, красивые глаза, это я признаю, но… по сравнению с тобой… Абсолютно тронутый.

Лайла поднялась на ноги, подошла к нему и поцеловала в губы.

— Ты очень хороший, мой дорогой, но ты не знаешь и половины.

— Что ты имеешь в виду?

Она отвернулась от него, посмотрела вниз, на дом, симпатичный, как с открытки, укрытый

снегом, как одеялом, с вьющимся из труб дымом.

— Все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Так всегда бывает. Да, я была больно задета, очень даже задета всем, что произошло, но, оглядываясь назад, умудренная жизненным опытом, который дали мне эти годы, я могу понять, почему он в нее влюбился.

Зак покачал головой.

— Не понимаю, как ты можешь так говорить.

— Меня было трудно любить, Зак. Порой меня было очень трудно любить.

Он опустил топор и взял ее за руку.

— Это невозможно.

Лайла громко рассмеялась.

— Ты сам знаешь, что говоришь чепуху!

— Нет, — сердито возразил он, — тебя легко любить.

— О, милый, — промурлыкала она, — ты такой чудный. — Она улыбнулась ему застенчивой улыбкой, глядя из-под опущенных ресниц, и увидела, что от этого он буквально тает.

Они зашагали обратно вниз по холму, каждый неся по корзине дров. Проходя мимо амбара, они заметили в окне Дэна, сидящего на полу со скрещенными ногами и закрытыми глазами. Похоже, он занимался каким-то йоговским дыханием.

— О-о-о, — протянул Зак, и Лайла захихикала.

В доме Джен включила музыку, что-то непринужденное и нежное. Сама она оживленно разговаривала с Эндрю: они смеялись, она наблюдала, как он протянул руку и положил ей на живот. Раньше он называл себя ее старшим братом. Видя, как они сейчас общаются, Лайла почувствовала и счастье, и обделенность; а также чувство вины. Музыка кончилась, потом заиграла новая песня, «Can't Be Sure». Тотчас же Лайла перенеслась назад во времени и пространстве и оказалась в кемпинге в Сен-Мало, на слякотном поле на склоне холма; она сидела в палатке, потому что шел дождь, и пила вино из пластиковой бутылки, слушая группу «The Sundays».

Накануне Нат была отвергнута неким немногословным северянином с плохими волосами и еще худшей осанкой, и Лайла убедила ее немедленно уехать из колледжа в поисках «очистительного приключения». Они взяли у Джен машину и сквозь ночь двинулись к югу. Рано утром они достигли Дувра и наконец к обеду прибыли в дождливую, неприглядную северную Францию, где не вырисовывалось никаких приключений и было нечего делать, кроме как напиваться и слушать «The Sundays», и вот этим они и зани-

мались два дня напролет. «Ты знал, что желание страшное чувство?» — пели «The Sundays». Натали, которая сейчас мыла посуду в кухне, бросила на нее взгляд, и Лайла улыбнулась. Натали отвернулась.

15 апреля 1999 г.
Электронное письмо Лайлы Натали

Дорогая Натали!

Нет, я точно не собираюсь приходить на твою свадьбу. Ты что, правда думала, что я могу прийти?

Лайла

Глава десятая

Они остались. Ему удалось ее убедить. Или ее, так или иначе, убедил снег, или младенец, или просто тот факт, что уехать сейчас было бы неловко. Эндрю отнес их чемодан обратно наверх, и они распаковались.

— Что сказали девочки? — спросил ее Эндрю. — Они хорошо проводят время?

— Кажется, да, — ответила Натали. Она стояла к нему спиной, заново складывая его трусы-боксеры и аккуратно убирая их в верхний ящик дубового комода.

— Ты говорила с обеими?

— Угу.

— Грейс занималась на скрипке?

— Говорит, да.

— Хорошо. — Он подождал, пока она снова повернется к нему лицом. По тому, как она стояла, по положению плеч он видел, что она испытывает боль. Эндрю поставил пустой чемодан на пол, приблизился к ней и ласково положил руку ей между лопатками. — Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке, — сказала она, но он понял по голосу, немного высоковатому, что она борется с

болью. Он забрал оставшиеся вещи у нее из рук и убрал в ящик, потом отвел ее обратно к кровати. Она молчаливо и безропотно подчинилась. Она легла к нему спиной, и он, сбросив туфли, лег сзади, положив руку ей на поясницу. Натали любила тепло его руки, кажется, оно снимало напряжение.

— Хорошо бы, — тихо сказала она через несколько минут, — хорошо бы мы могли просто забыть обо всем этом. Хорошо бы ты мог забыть обо всем этом.

— Я знаю. — Но он не мог поддаться на ее увещевания, ни в какую не поддавался.

— Это как яд.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю… — Голос ее слегка надломился.

— Дать тебе таблетки?

— Пожалуйста. — Голос у нее был тоненький, он застревал где-то в глубине горла.

Эндрю пошел в ванную, порылся в ее косметичке в поисках обезболивающих — тех, что посильнее. Осталось шесть таблеток из двенадцати. В серебристой блистерной упаковке, на обороте которой было написано предупреждение насчет привыкания. Кто-то мог бы подсесть, но только не Нат, она была сильной. Она пила

их нечасто, но сегодня был плохой день. Вчера ей пришлось перетерпеть самолет, поездку на машине, нервное напряжение. Завтра станет лучше. Он налил стакан воды и отнес ей. Она приподнялась на локте и быстро проглотила две таблетки одну за другой, откидывая голову при глотании. Глаза ее при этом были закрыты, и белела обнаженная шея.

Потом она опять легла и протянула руку за спину — это был сигнал ему к ней присоединиться. Он устроился позади нее, просунул руку под кофточку и стал нежно массировать ей поясницу.

— У нас хорошая жизнь, — тихо сказала она. — У нас есть семья, и работа, и любовь друг друга. Я не хочу всего этого… прошлого… не хочу, чтобы оно отравляло наше благополучие. Вот что я имею в виду. Там слишком много печали, и слишком много боли, и слишком много обвинений. Мы с тобой пошли дальше, оставили это позади, построили свою жизнь. Это не наша вина, не твоя вина, что у других не получилось.

— Нат…

— Нет. Дай мне сказать. Джен и Лайла навсегда останутся женщинами, которым ты причинил боль. Ты по-другому их и не рассматриваешь. Но… — Она осторожно повернулась к нему лицом,

и он увидел, как на этом лице тенью мелькнула боль. — Ты уже заплатил сполна, сто, двести, триста раз, за то, что ты совершил. Только ты этого не видишь. По отношению к ним ты всегда будешь виноватым. Ты по-прежнему хочешь, чтобы они тебя простили. Я не хочу, чтобы ты провел всю оставшуюся жизнь, прося прощения. Ты этого не заслуживаешь. — Она закрыла глаза, и он легонько поцеловал ее в губы. Он старался придумать ответ, но она еще не закончила. Все так же с закрытыми глазами она сказала:

— Я хочу, чтобы наша жизнь была посвящена нам, посвящена настоящему. — Она чуть запнулась. — Я не хочу жить с призраками.

Он обнял ее и притянул ближе к себе.

— Я знаю, любимая.

Ему никогда толком не удавалось объяснить ей, что ему хочется жить с призраками. Это был его способ принятия того, что случилось, его путь к искуплению. И тут не было никакого самотерзания, как всегда думала Натали. Это был его способ справляться со случившимся. Его способ жить с этим.

Поначалу он не думал, что у него это получится. Он дал себе неделю. Проживем эту неделю и затем посмотрим. В день похорон, через шесть

дней после аварии, он встал рано. Они с Лайлой остановились в неопрятной гостинице типа «постель и завтрак» в центре Корка, номер был тесным и слишком жарким, без кондиционера. Когда они открывали окна, звуки с улицы не давали спать. Лайла все-таки уснула. У нее были какие-то таблетки, которые она взяла у матери.

Эндрю взял у нее сигарету, склонился над перилами балкона, смотрел на раскинувшуюся двумя этажами ниже улицу и курил. Солнце светило раздражающе ярко, было уже тепло, несмотря на семь часов утра, и было шумно: звяканье бутылок, глухой стук пивных банок, швыряемых на улицу. Сигарета вызвала тошноту, он притрагивался к ним, только будучи пьяным, а в то утро он был ужасающе трезв. Все ощущения были обострены, он чувствовал неприятное щекотание никотина во рту, прилипшую к вспотевшей пояснице футболку, дыхание Лайлы за спиной, вздымавшийся из глубины желудка ужас, подступавший к груди, а потом к горлу. Он думал о Джен, которую не видел пять дней, с того самого утра после аварии, когда они встретились в больнице. Думал о Натали, до сих пор не пришедшей в сознание. Думал о Мэгги, матери Конора. Даже на мгновение подумалось, что при минимуме

усилий он может броситься вниз, через перила, и все будет кончено.

Позже, когда он пытался дрожащими руками завязать шнурки на ботинках, до него дошло, что после этой недели будет другая. А потом еще одна. И ему придется найти способ справляться со всеми этими днями и неделями, потому что в глубине души он знал, что не будет бросаться ни через какие перила, ни сегодня, ни в другой день. Лайла вышла из ванной комнаты, встала на колени у его ног и поцеловала его. Он уловил запах алкоголя в ее дыхании. Было без четверти девять.

— Ты уверен, что надо? — спросила она.

Он не был уверен, он испытывал ужас, но все равно пошел. Он тогда не полностью все постиг, это случится позже и не без посторонней помощи. Но тот день был отправной точкой. Поскольку он никогда не мог от этого освободиться, ему пришлось жить с этим. И, как бы странно это ни звучало, он теперь уживался с призраком Конора если и не комфортно, то по крайней мере мирно.

Глаза Нат были закрыты: таблетки сделали ее сонной, он подумал, что ей удалось задремать, но когда попытался отодвинуться, она обвила его рукой. Он притянул ее ближе, зашептал ей

в волосы:

— То, что было с нами шестерыми, не ограничивается лишь печалью, болью и обвинениями, ты же знаешь. Помнишь? Помнишь, какими мы были когда-то?

Четверг, 21 ноября 1996 г.

Дражайший Эндрю!

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии. Я только что закончила писать другое письмо, которое в качестве твоей характеристики будет отправлено судье, занимающемуся рассмотрением дела. Поскольку я хочу, в меру своих сил, облегчить твое страдание, я решила рассказать тебе, что я написала.

Судье, конечно, и без меня станет известно, что ты есть и всегда был честным, законопослушным, трудолюбивым молодым человеком. Об этом мне не требовалось говорить. Не сомневаюсь, что он знает все о твоих учебных и других достижениях, о тех достижениях, которые можно измерить оценками и вознаградить призами. Есть, однако, вещи, которые не так легко выразить

количественно.

Поэтому я написала о твоей доброте. Что ты был верным другом моему сыну, человеком, к которому он относился с уважением и восхищением, человеком, на которого мог положиться. Я рассказала, что из всех друзей Конора я бы охарактеризовала тебя не только как самого доброго, но и как самого ответственного. Я абсолютно точно знаю, что в тот день ты совершил ужасную ошибку, но знаю также, что не ты один в ней виноват.

Возможно, тебе трудно это представить, но я тоже была когда-то молодой. Я смутно припоминаю, каково это – быть на пороге взрослой жизни, те несколько лет, когда мир простирается перед тобой и ты чувствуешь себя совершенно непобедимым. Да, конечно, это иллюзия, но мало найдется среди нас таких (включая, полагаю, и судью), кто не чувствовал этого, кто, бросая взгляд назад, не обнаруживает в своей памяти, что когда-то шел на глупые риски и смеялся потом над собственной дерзостью. Для большинства из нас, для огромного боль-

шинства, эти риски не обошлись дорого или, во всяком случае, настолько дорого. Тебе не повезло, как и моему сыну.

Самое важное, однако, как я написала в своем письме, это то, что меньше всего, меньше всего на свете мой сын хотел бы увидеть тебя наказанным сильнее, чем ты уже наказан. Сознание, что ты отправишься в тюрьму, было бы невыносимым для него, так же как и для меня.

Вот, Эндрю, что я написала, для того чтобы мое письмо было представлено в качестве свидетельских показаний в суде. И это же я хочу сказать тебе. То, что ты совершил, могло бы тебя уничтожить. Могло разрушить твою жизнь. Оно забрало у тебя лучшего друга, поломало твою карьеру. Как я представляю, оно лишило тебя и многого другого.

Ты мог бы позволить этому тебя сломать. Я надеюсь, ты этого не сделаешь. Ты мог бы позволить этому навсегда поставить на тебе клеймо, и я совершенно уверена, что это было бы скверно. Я знаю, прозвучит банально, если я скажу тебе: сделай так, чтобы из этого вышло что-

то хорошее, – но именно этого я тебе желаю. Не убегай от этого, не прячься. Пусть оно останется с тобой. Пусть оно станет частью тебя.

Проживи хорошую жизнь, что бы ты ни вкладывал в это понятие. Найди себе кого-то, чтобы любить, кого-то, кто будет любить тебя. Не знаю, будет ли это та высокая блондинка, с которой ты встречаешься сейчас, или кто-то еще. Пусть это будет кто-то, кто тебя ценит.

Не борись с тем, что произошло. Пусть оно определяет твою жизнь, только не позволяй ему поглощать тебя. Безусловно, здесь тонкая грань. Я надеюсь, что ты сможешь ее найти.

Знаю, что на тебе лежит вина, с которой тебе придется уживаться, поэтому послушай меня: обо мне не беспокойся. У меня есть Ронан и чудесная невестка Клара, и скоро еще родится ребенок – я стану бабушкой и не могу тебе передать, как я этим взволнована. Я выживу. И ты тоже. Конор не хотел бы от нас ничего другого.

Удачи тебе.

С любовью,

Мэгги

Глава одиннадцатая

Эндрю сидел на краю кровати и писал эсэмэски. Натали закрыла за собой дверь ванной и пустила воду. Она уже принимала душ этим утром, но порой горячая ванна была единственным, что приводило ее в чувство. Эндрю болтал с девочками, ему это прекрасно удавалось таким способом. Нат не выносила текстовые общения, все эти сокращения и смайлики. Она любила говорить полными предложениями, правильно писать слова и расставлять все знаки препинания, даже когда общалась по электронной почте. Такие вещи были для нее важны.

Эндрю лучше удавалось осваивать новшества, отчего, похоже, предпочтения Грейс и Шарлотты за последнюю пару лет сместились с матери на отца. Натали старалась не обижаться. В самом деле, это было неизбежно; из них двоих Эндрю всегда был круче. Натали была слишком эмоциональной. Всегда была такой. Эндрю говорил, что это и есть самое крутое ее качество. Он, однако, нашел способ с легкой иронией переходить на один уровень с детьми, не вызывая у них побуждения нетерпеливо и скучающе закатывать

глаза, а именно с этим сталкивалась Натали, когда пыталась общаться с ними на равных.

Она осторожно погрузилась в ванну. Это было одним из величайших ее удовольствий. Она любила залезать в ванну, когда там было совсем мало воды, лежать, распластавшись, чувствовать, как тепло постепенно поднимается и окружает ее. Она откинула назад голову, так что уши оказались под водой и звук дыхания усилился. Помимо этого были и другие звуки, которые невозможно было точно распознать: люди ходили по дому, поднимались и спускались по лестнице, какие-то другие шумы, более глубокие, где-то дальше, голос, низкий и монотонный. Она плеснула воды на грудь и живот, чуть выгнула бедра, ощущая, как напряжение уходит из ее тела в воду. Она чувствовала легкий кайф от таблеток — они давали крохотный намек на возбуждение, высушивали горло, вызывали желание закурить.

За шестнадцать лет она не выкурила ни одной сигареты; бросила в больнице. На самом деле у нее не было особого выбора. Десять дней она пролежала в коме; еще сорок один была прикована к постели. Нет худа без добра, — сказала ее мать, узнав, что Натали бросила курить. Ее мать любила выискивать хорошие стороны. Как-то раз, то

ли в день рождения, то ли в Рождество, словом, на какой-то пьянке, она объявила гостям, что ее Натали попала в ужасную аварию, но в этом есть и хорошая сторона: она обрела Эндрю.

Когда гости ушли, Натали назвала мать жестокой и недалекой, и они несколько дней не разговаривали. Высказывание действительно было нелепым. Что, в конце концов, мать могла знать об этом? Ее там не было. Она не видела, как Эндрю начал смотреть на нее в то лето во Французском доме и потом тоже. Иногда Натали замечала это краем глаза, когда они возвращались из кино или вместе обедали в пабе, замечала, как он наблюдает за ней. Мать Натали не была свидетелем тех разговоров, которые они вели поздно ночью, и ночь за ночью, пока Лайла где-нибудь напивалась, съезжая с катушек, когда Эндрю понятия не имел, что с ней делать.

Ее мать об этом не знала. Но если она не знала, если была такой недалекой, тогда почему Натали это так раздражало? Почему так сильно ранило? В самой тайной глубине своего существа она знала почему, хотя не позволяла этой мысли обрести форму, протолкнуться наружу. Она знала, что даже если она сама не верит в это, другие верят. Лайла определенно верит. Джен, возможно, тоже,

но тут она не была уверена.

Нат снова скользнула под воду, закрыла глаза и еще раз прислушалась к приглушенному рокоту звуков в доме. Ей показалось, что она слышит разговор, шумы из кухни, звяканье друг о друга кастрюль и сковородок, глухую, низкую музыку, рваный смех Лайлы. Неуравновешенный, истерический смех, смех, который заставляет всех в комнате оглядываться.

В первый раз Натали увидела Лайлу на вечеринке, довольно официальном мероприятии в начале их первого университетского курса. Это было что-то вроде встречи-знакомства с деканом, где все в парадной одежде вежливо болтают с профессорами. Лайла, в кожаных брюках, сидела в углу, курила и шептала что-то на ухо какому-то парню. И то и дело звучал этот смех. Натали решила, что эта девушка нелепа. Нелепа, пугающа, невозможно красива.

Ну и красива же она была, все поворачивали головы. Было невозможно пойти с ней куда-нибудь в девичьей компании, потому что уже через несколько минут кто-нибудь начинал за ней увиваться. И тогда это давалось ей без усилий, в ней не было и намека на ту женщину, какой стала теперь. Она была сияющей, спортивной. Не то что

теперь — довольно странное, тощее как жердь существо, со слишком смуглой кожей и слишком светлым оттенком волос. Довольно печально, подумала Натали. Она задумчиво оглядела свой мягкий белый живот, свои тяжелые груди. Ладно, не все так печально.

По-настоящему Натали познакомилась с Лайлой лишь по прошествии недель, может быть, даже месяцев после той официальной встречи. Это было на матче по регби. Ее пригласил посмотреть игру один красивый ирландец, сосед по общежитию, некий Конор Шеридан, которым Натали даже коротко увлеклась, пока не увидела его с девушкой, которая выглядела так, словно сошла с картины Ренуара: фарфоровая кожа и волосы цвета воронова крыла. Натали не слишком увлекалась спортом, но стремилась получить всеобъемлющий университетский опыт и очень хотела познакомиться с какими-нибудь многообещающими мальчиками; те, что были на ее курсе, оказались недостаточно вдохновляющими.

Они трое сидели на краю трибуны: по одну сторону от Конора сидела его девушка, по другую — Лайла. На Лайле были джинсы и сапоги до колена на танкетке, она сидела, упершись локтями

в колени, грызла ноготь и не следила за игрой. Заметив Натали, Конор улыбнулся и помахал ей, приглашая присоединиться. Его девушка тоже улыбнулась. Лайла просто посмотрела на нее пустым взглядом.

Рядом с ними не было свободных мест, поэтому Натали пришлось сесть перед ними, у их ног. То и дело Конор и его девушка, которую звали Джен, вскакивали на ноги и издавали ободряющие возгласы. Затем Конор садился обратно, наклонялся вперед и объяснял Натали, что происходит на поле, Джен наклонялась вперед и предлагала ей лимонные леденцы, но сильнее всего на нее действовала нога Лайлы, постоянно подталкивавшая ее сбоку. Это раздражало. В какой-то момент во втором тайме терпение Натали лопнуло. Она обернулась и сказала:

— Извините, не могли бы вы перестать это делать? Меня это бесит.

Лайла прекратила и с любопытством посмотрела на нее.

— Как тебя зовут, я забыла? — спросила она.

— Натали.

— Да, верно. У тебя удивительные глаза, Натали, — сказала она и улыбнулась, и эта улыбка была как вышедшее из-за туч солнце. Натали

переключилась на игру, но Лайла снова тихонько подтолкнула ее ногой. — Тебе это нравится? — спросила она.

— Я не уверена, что понимаю все правила, — ответила Натали.

— Я тоже. Чертовски скучно, правда? Хочешь пойти чего-нибудь выпить?

— Ладно.

— Отлично, только нам надо спешить. Мой парень играет, и он будет злиться, если решит, что я не досидела до конца. Нам надо вернуться к тому времени, как он выйдет с поля. С поля? Или с площадки? Ну да неважно.

К тому времени как они сходили к палатке с пивом и вернулись обратно, Натали знала всю историю Лайлы. Родилась в Лондоне, росла в доме на Чарлз-стрит в Мейфэре. Ее папаша ездил на белом «Роллс-Ройсе». Когда Лайле было одиннадцать лет, папаша купил «Мазератти» и скрылся в туманной дали с двадцатипятилетней подругой, оставив Лайлу с матерью выплачивать долги. Они переехали в район Энфилд. «Это был ад», — сказала Лайла. Слова и фразы у нее сливались вместе, ей столько нужно было рассказать. Много лет они боролись с нуждой. «Чудо, что я вообще здесь, — сказала Лайла. — Даже двойное чудо: фи-

нансовое и академическое». Они шагали, сцепив руки, словно давние подруги. Лайла наклонилась и прошептала в ухо Натали: «Никому не говори, но я вовсе не такая умная».

Лайла была цинична и оптимистична в одно и то же время, дьявольски самокритична, щедра до неприличия. Она считала, что ей во многом повезло. Это рассмешило Натали, но Лайла действительно подсчитывала моменты своего везения, перечисляла их, записывала.

— Моя мать заставляла меня так делать. Надо начать с чего-то фундаментального, например: у меня есть крыша над головой, у меня есть водопровод, у меня есть еда в холодильнике. У меня есть выпивка в холодильнике. А потом ты поднимаешься выше и выше, к более исключительным вещам: у меня есть парень, который меня любит, у меня есть хорошие друзья, я получаю университетское образование. У меня есть ноги в сорок дюймов длиной от бедра до пальцев.

…До Натали донесся какой-то стук, приглушенный голос, потом голос стал более отчетливым. Она подняла голову.

— Нат? — в дверь стучался Эндрю. — С тобой там все в порядке? Натали?

— Все нормально, — крикнула она.

— Ты купаешься?

— Угу.

— Я тебе нужен?

— У меня все хорошо.

Перечисли, в чем тебе повезло, юная леди. У тебя есть крыша над головой, у тебя есть водопровод, у тебя есть еда в холодильнике. Деньги в банке. У тебя есть муж, который тебя любит, двое прекрасных детей. И прямо сейчас, в данный момент, у тебя нет боли.

Спустившись вниз, она застала Джен за приготовлением обеда, слева и справа от нее стояли Эндрю и Зак и давали указания.

— Так вот, что касается маринада, нужно порубить немного розмарина и тимьяна, смешать с оливковым маслом и добавить два-три зубчика чеснока, мелко порубленного. Плюс столовую ложку семян горчицы. Затем все это надо попросту втереть в мясо, понятно?

Зак выступал в роли шеф-повара, нож его так и мелькал над разделочной доской. Эндрю медленно чистил картошку.

— Могу я чем-то помочь? — спросила Натали.

— Налей себе выпить, — сказала Джен. — У нас все под контролем.

Нат прошла в гостиную, пододвинула к окну

одно из кресел и села, положив ноги на подоконник. Снаружи ветер гулял по долине, вздымал фонтанчики снега на верхушке садовой стены. Солнце, которое было таким ярким всего час или два назад, превратилось в бледное и водянистое, как тающий лед. Вдали небо было черно-серого цвета.

Она подтянула ноги, обхватила их руками, уперлась подбородком в колени. Из кухни доносился смех, и это радостное оживление составляло разительный контраст с неистовством погоды за окном, с пустотой пейзажа. Натали подумала о прежних, давнишних обитателях этого дома. Она с трудом могла вообразить, как одиноко им здесь было, как холодно и страшно, без электричества, без асфальтовых дорог. Она думала о семьях, которые жили здесь сто лет назад, об их детях, о том, были ли они счастливы. Сама она не хотела бы здесь жить. Она понимала, почему Эндрю так любил этот дом — никто не отрицал его красоты, — но Натали не могла себе представить, что живет здесь, что растит здесь ребенка. Она любила пригород. Любила нормальный уклад, любила, когда дети спокойно отводятся в школу и забираются обратно, а на стол в половине восьмого подается ужин.

Ей было слышно, как Эндрю и Джен болтают в кухне, как Эндрю расспрашивает ее о ребенке, о том, когда он должен родиться, делала ли она ультразвуковое исследование. Она спрашивала его о карьере, о работе Натали. По-прежнему ли она пишет? Ее веселое оживление раздражало Натали, и она почувствовала маленький, горячий укол гнева в затылке. Тебе нужно все это знать? Если бы ты действительно была нашим другом, ты бы все это знала. А где ты была, Дженнифер, когда я делала свое ультразвуковое исследование? Она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и постаралась, чтобы это неприятное ощущение исчезло.

Обед был вкусный. Говяжья грудинка, запеченная с овощами, а к ней пышная, нежная картофельная запеканка с луком. Запивали еду темно-вишневым «Пино Нуар». Разговор тек, то угасая, то возобновляясь, мягко обходя острые углы. Обсуждали планы Джен, то, где она будет жить, что будет делать. Только, похоже, у нее не было никаких планов, она знала только, что хочет вернуться в Англию, что парижский период для нее на данный момент закончен.

— А что насчет отца ребенка? — спросил ее Эндрю. — Разве он не захочет участвовать во всем

этом? Тебя это устраивает?

— Я думаю, он утратил право голоса в этом вопросе, — сказала Джен, вскидывая подбородок и сжимая рот в прямую, твердую линию.

— В самом деле? Ты не хочешь, чтобы он вообще имел какое-то касательство к ребенку? — в голосе Эндрю слышалось неодобрение, возможно, неразличимое для остальных за столом, но Натали его уловила и улыбнулась. Из многих вещей, к которым Эндрю относился серьезно, отцовство было на первом месте.

— Я простила ему его первую измену и вторую, — тихо ответила Джен. — После этого я попыталась ничего не замечать. Но когда мне стало известно, что он продолжает интрижку даже после того, как узнал о моей беременности, я решила, что с меня довольно.

— Джен, все это, конечно, ужасно, но это же его ребенок…

Натали откинулась на стуле, стараясь не слишком наслаждаться тем, что ее муж в кои-то веки противоречит Джен.

— Хотя это не так уж необычно, верно? — вмешался Дэн.

— Что именно?

— Ну, — продолжал он, задумчиво гладя сенсор-

ную панель своего мобильника, — я думаю, здесь это просто больше распространено. В Европе, я имею в виду. На континенте. У них более… свободное отношение к верности. Возможно, более зрелое отношение…

— О, ради бога, — пробормотал Эндрю, допивая остаток вина.

Дэн поглядел на него несколько удивленно.

— Что такое?

— Откуда это? Почему принято считать, что это по-взрослому и даже мудро — предавать человека, с которым ты пообещал быть вместе?

— Это не совсем то, что я имел в виду…

— Ты сказал, что это зрело. Неверность говорит о зрелости. То есть неумение придерживаться своих обязательств — это для тебя признак зрелости, да?

Дэн пожал плечами, покачал головой и вновь занялся едой. Натали смотрела на разгорающиеся щеки своего мужа и чувствовала, что сама краснеет от гордости.

Ее также позабавило, как быстро Дэн отступил. Спустя столько лет, когда столько воды утекло, их отношения друг с другом не так уж изменились. Дэн, известный кинорежиссер, по-прежнему подчинялся мнению Эндрю, простого учителя.

Эндрю по-прежнему был моральным авторитетом, человеком с твердыми принципами, аж до чрезмерности, до чувства собственной непогрешимости. Джен по-прежнему искала у мужчин (сначала у Эндрю, затем у Дэна) одобрения своих действий, сама была не в состоянии с этим справиться. А когда Лайла находила что-то смешным, она смотрела на Натали, потому что знала, что Нат тоже засмеется. У них всегда было одинаковое чувство юмора.

Натали спрашивала себя, не потому ли отношения внутри их компании остались прежними, что их дружба сформировалась, когда центром группы был Конор. Поскольку он уже не мог развиваться, не могли развиваться и они. Или, возможно, это было так же, как в родительской семье: ты волей-неволей возвращаешься в свое подростковое состояние; так Натали начинала вести себя как пятнадцатилетняя девчонка, как только оказывалась в доме у матери.

Впрочем, она-то изменилась. В какой-то момент она стала им чужой.

Она вовсе не мечтала о такой роли. Эта роль не пришла к ней сама собой. Эндрю сказал ей в это утро: почему ты не можешь помнить хорошее? Она могла, могла его помнить, просто, кажется,

больше не в состоянии была его чувствовать, даже не могла представить, каково это по ощущениям — любить их всех.

— Джен, — сказала Натали, делая попытку ступить обратно в круг друзей, — ты что-нибудь знаешь о Мэгги? Или о Ронане?

— С Ронаном я давно не разговаривала. Кажется, он переехал в Дубай или куда-то еще. Но с Мэгги я поддерживаю связь. Я подумываю поехать в Ирландию, когда разберусь тут с делами, побыть с ней некоторое время перед рождением ребенка.

— Извините, — перебил Зак, — а Мэгги — это кто?

— Мама Конора, — ответила Джен. — А Ронан его брат.

— Понятно. Значит, вы очень близки с этой семьей, — сказал Зак, — раз до сих пор продолжаете поддерживать отношения.

— О да. Очень. Я знаю их с шестнадцати лет, так что… — Она замолчала, поднялась с места и начала убирать посуду. Натали тоже встала, чтобы ей помочь. Она ополоснула тарелки и загрузила их в посудомоечную машину, а Джен тем временем приготовила десерт.

— Это ведь было вождение в пьяном виде, да? — спросил Зак, когда Джен поставила перед

ним абрикосовый тарт-татен[11]. — Из-за этого произошла авария?

Натали увидела, как два красных пятна выступили на щеках у Джен; сама же она почувствовала, как кровь отливает от ее лица.

— Нет-нет, — сказала Джен, отворачиваясь.

— Извините, — смутился Зак. Он повернулся к Лайле. — Мне показалось, что ты так сказала…

— Давай оставим это, ладно? — тихо пробормотала Лайла.

Натали снова села за стол, взгляд ее был устремлен на Лайлу.

— Ты сказала ему, что Конора убил пьяный водитель? — спросила она.

— Нет. Я сказала, что…

— Что ж, так оно и было, — вступил в разговор Эндрю. Он посмотрел Заку прямо в глаза. — Это был я. Я был за рулем. Я выпил лишнее. Произошла авария. Конор погиб. — Его голос был тверд и ровен.

— О боже, извините…

— Эндрю не виноват, — настаивала Джен. — Содержание алкоголя не зашкаливало. Они сделали анализ крови. Содержание алкоголя не превыша-

---

[11] Примечания: 11
Вид французского пирога «наизнанку».

ло норму. Это был просто несчастный случай.

— Это была моя вина, Джен, мы все об этом знаем. Анализ крови был сделан через несколько часов, — мягко сказал Эндрю, улыбаясь ей тихой, грустной улыбкой, и Натали почувствовала, как рыдание закипает у нее в горле. Ей было нестерпимо видеть, как он взваливает все на свои плечи.

— Извините, — сказал Зак. — Мне не надо было ничего говорить.

— Да, — тихо согласился Дэн, — вероятно, не надо.

— Все в порядке, — сказал Эндрю. — Это было давно. Мы все уже справились с этим, каждый по-своему, так ведь?

Он попытался улыбнуться Натали, но она почувствовала, каких усилий ему стоило держать голову поднятой, а плечи прямыми. Он выглядел таким уставшим. Сердце ее сжалось. Иногда, особенно когда она была вдали от девочек, или когда испытывала очень сильную боль, или когда сидела за своим письменным столом в воскресенье, наблюдая, как Эндрю добросовестно моет их дрянную старую машину на их дрянной старой подъездной дорожке, находящейся на дрянной старой улице, у нее возникало такое чувство,

будто ее сердце становится все меньше и меньше с каждым ударом. Затем что-нибудь происходило: или Грейс исполняла ей новую пьесу на скрипке, или Шарлотта рассказывала что-нибудь уморительное из школьной жизни, или Эндрю вдруг улыбался ей своей давнишней, только ей понятной улыбкой — и опля! Сердце расширялось и наполнялось снова, и она чувствовала себя исцеленной.

Сейчас она чувствовала, как оно уменьшается и уменьшается. Она слушала, как Джен уводит разговор в другую сторону, подальше от опасной почвы; слушала, как Лайла нервно смеется над какими-то словами Дэна, и ее переполнял гнев. Праведный гнев. Сидя за этим столом, вонзив ногти в ладони, она вдруг испытала внезапное неодолимое побуждение рассказать правду. Не переписанную историю, не прошлое сквозь розовые очки, не отцензурированную версию случившегося, которую все они рассказывают сами себе годами, а правду, которую она носит в себе все это время, некий секрет, во всей его мощи.

— Я не уверена, — начала Натали, громко и резко прерывая Дэна, который рассказывал всем историю о съемках фильма в Австралии, — что

все мы уже справились с этим. Во всяком случае, не очень успешно.

— Нат, давай сейчас это оставим, — сказал Эндрю.

— Я не хочу этого оставлять.

— Пожалуйста, Натали… — умоляюще сказала Джен.

— Нет, Джен, я прошу прощения, но я просто не готова так это оставить. Я не готова позволить Лайле рассказывать своему бойфренду, что Конор был убит пьяным водителем…

— Я не то ему сказала, — выпалила Лайла.

— Тогда что? Ты рассказала ему о гонке? Ты упомянула, что Дэн в своей новенькой машине так горел желанием уговорить Эндрю с ним посоревноваться? — Натали бросила взгляд на Дэна, но он не встретился с ней глазами. — Наверное, не рассказала. Во всяком случае, он исключил этот момент из своей вымышленной версии того, что случилось в тот день.

— Прошу тебя, Нат. — Эндрю потянулся через стол к ее руке, но она ее отдернула.

— Нет, Эндрю, извини. Пора всем здесь собравшимся реально взглянуть на вещи. Например, на тот факт, что Конор не был святым, или на тот, что Джен наказала нас, всех нас, сбежав и не

давая о себе знать… — У Джен был сраженный вид, но Натали было все равно. Ей все надоело. Надоело жалеть Джен, переживать за ее потерю. А как насчет потери, которую испытал муж Натали? Никто никогда не говорил об этом. Потеря Эндрю была такой же глубокой, неизмеримой, бесконечной. Его лучший друг, его карьера, его перспективы, его будущее, та чудесная жизнь, которая могла бы у него быть, та, которой он заслуживал.

— Я не хотела никого наказывать, Нат, — возразила Джен, и ее голос чуть дрогнул. — Я правда ничего такого не собиралась делать. Это было бы неразумно. Просто я сломалась. Мне жаль, что ты чувствуешь, будто я наказала тебя или Эндрю, извини меня…

— Черт возьми! — взорвалась Лайла. — Джен, ты не должна извиняться, ни перед ней, ни перед кем другим. Ради всего святого, Натали! Что с тобой?

Натали отодвинула стул и поднялась с места. Она слегка дрожала, ей подумалось, что лучше бы прямо сейчас выйти из комнаты. Ей хотелось уйти от них, хотелось оказаться на улице, на холоде, и лучше слушать шум ветра, чем этот голос в голове, ее собственный голос, резкий,

задиристый, уродливый. Ей хотелось почувствовать прикосновение снега к своей коже, чистого и освежающего, как ледяная ванна.

— Честное слово! — воскликнула Лайла. Натали услышала чирканье ножек стула по каменному полу, щелканье и шипенье зажигалки. — Постыдись!

Натали остановилась на полпути между столом и дверью черного хода. В течение нескольких секунд ни один ее мускул не шевельнулся, затем она медленно повернулась и встретилась глазами с Лайлой.

— Прости, пожалуйста? — спросила она опасно мягким голосом. — Как ты сказала? — Лайла лишь тряхнула головой и ничего не ответила. — Мне надо стыдиться? Чего я должна стыдиться, Лайла? — Ответа не последовало. Ярость поднималась в ней, горькая, как желчь. Этот секрет, который она хранила, та власть, которой она обладала, пора было ее применить, и наплевать на последствия. Если сейчас она ничего не скажет, это останется запертым в ней навсегда, она будет носить это в своей груди, тяжелое, как свинец, разъедающее, как кислота. — Мне смешно, мне действительно смешно слышать, как ты говоришь о стыде. Именно ты, Лайла.

Лайла поднялась на ноги, обошла вокруг стола и встала перед Натали, не дальше чем в двух футах. Ее подбородок был вызывающе вздернут, но Натали видела, что руки у нее дрожат.

Натали улыбнулась Лайле холодной, бесстрастной улыбкой.

— Джен говорит, что это не так, но я думаю, она винит Эндрю за то, что случилось. Думаю, она винит и Дэна тоже. Впрочем, сомневаюсь, что она винит тебя. — Лайла не смогла больше выдержать взгляда Натали и отвернулась. Теперь уязвимой была она. Если бы Натали по-настоящему захотела, она могла бы порвать ее в клочья. Она этого захотела. — Зато я тебя виню.

Она наблюдала, как по лицу Лайлы пробежала тень паники; она выглядела как человек, которого засасывают зыбучие пески. В комнате стояло странное молчание, словно время остановилось. Никто не шевелился. Было так тихо, что даже с расстояния в пару футов Натали слышала дыхание Лайлы, поверхностное, хриплое, прерывистое. Как предсмертный хрип.

— Я виню тебя, Лайла, потому что не Эндрю должен был вести машину в тот день, ты помнишь? Это был его праздник. Назначенным водителем была ты. Только ты не могла вести машину, так,

Лайла? Потому что потихоньку подливала себе водки в апельсиновый сок и нюхала кокаин в дамском туалете. Ты знала об этом, Джен? Она когда-нибудь говорила тебе об этом? — Джен ничего не ответила, она словно застыла. — Нет, бьюсь об заклад, что не говорила. Не думаю, что она кому-нибудь говорила об этом. Она определенно не упоминала об этом никому, когда Эндрю обвинили в причинении смерти при неосторожном вождении. Я понимаю, что это не изменило бы вердикт. Но это могло бы изменить видение проблемы некоторыми людьми. По крайней мере все бы знали, что Эндрю сел за руль после двух пинт пива не потому, что был долбаный идиот. Он сделал это, потому что знал, что находится в лучшем состоянии для вождения машины, чем та особа, которая пообещала остаться трезвой.

Слезы обильно текли по лицу Лайлы. Но Натали была еще не готова остановиться.

— Я бы, конечно, рассказала об этом на слушанье, если бы помнила. Однако я не смогла из-за потери памяти после аварии. Посттравматический стресс, или ретроградная амнезия, так они сказали. Многое о том дне я не могла вспомнить. Только годы спустя воспоминания вернулись ко мне. Уже после рождения девочек, после того,

как мы поженились. Поначалу я думала, что это, должно быть, ложные воспоминания, что они просто привиделись мне в воображении, потому что она ведь не стала бы так делать. Какая бы Лайла ни была эгоистичная, она ведь не могла так поступить?

Эндрю встал, подошел к ним и взял Лайлу за руку. Он был на ее стороне.

— Прошу тебя, Нат. Довольно. Пожалуйста, прекрати сейчас же.

Он был на стороне Лайлы. На стороне Лайлы. На стороне Джен. Почему он не на ее стороне? Это было уже слишком. Она всегда бывает на его стороне. Господи, она делает это, говорит все это, чтобы они увидели, на ком действительно лежит ответственность. Чтобы заставить их понять, что Эндрю не должен был нести на себе всю эту вину. Она тряхнула головой, все так же не отводя взгляда от лица Лайлы.

— Ты когда-нибудь думаешь о том, как могло бы все повернуться, если бы ты не напилась в тот день? Если бы ты не была под кайфом, если бы хоть раз в своей ничтожной жизни поступила так, как обещала, если бы ты думала еще о ком-то, а не только о себе? Тебе не приходит в голову, что, возможно, пусть только возможно, если бы

ты так поступила, Конор сидел бы сейчас здесь за столом, с Джен? И, возможно, у Эндрю была бы такая жизнь, какой он заслуживает?

Лицо Лайлы начало морщиться, плечи поникли. Она ухватилась за кухонную стойку, вцепилась так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Он был бы сейчас королевским адвокатом, а не просто учителем в какой-то задрипанной слабой школе, а Джен не была бы здесь одна, а я бы не прожила в боли каждый божий день после этой аварии. Я не была бы чертовой калекой.

Пятница, 19 марта 1999 г.

Дорогая Лайла.

Я посылаю это письмо твоей маме. Я точно не знаю, где ты сейчас находишься. Надеюсь, что где бы ты ни была, это письмо застанет тебя счастливой и благополучной.

Я знаю, как ты на меня злишься, я знаю, ты чувствуешь, что я предала тебя, предала нашу дружбу. Так и есть. Этому нет никакого оправдания, кроме любви. Я люблю его всем своим существом. Я всегда буду его любить. Я чувствую, что мы

предназначены друг другу. Можешь смеяться над этим, можешь не придавать этому значения. Это то, как я чувствую, Лайла.

Я понимаю, этого недостаточно, ничто из того, что я могу сказать, не подсластит пилюлю и полностью меня не оправдает. Единственное, на что я могу надеяться и, боже милостивый, горячо надеюсь, это что ты встретила кого-то, кто любит тебя так сильно и делает тебя такой счастливой, что ты сможешь меня простить.

Я хочу этого не только ради себя, я хочу этого ради тебя, конечно, и я хочу этого ради него. Ему пришлось очень нелегко в последние несколько лет, он несет в душе столько вины. Если ты сможешь найти в себе силы простить его, не могу тебе передать, как много это будет для него значить.

Ты можешь на меня злиться и еще больше злиться за то, что я тебе об этом напоминаю, но никто из нас не безупречен в этом деле, Лайла. Пожалуй, мой грех сильнее, но ты наверняка помнишь, как

говорила мне, что у вас с Эндрю практически все кончено.

Я никогда с ним не порву и отчаянно надеюсь, что он чувствует по отношению ко мне то же самое. Мы женимся. Это будет всего-навсего регистрация в Рединге 27 июля. Пожалуйста, приходи. Я так хочу, чтобы ты там была. Я по тебе скучаю, Лайло.

С любовью,

Нат

Глава двенадцатая

Было в нем что-то отвратительное, стыдное, отчего он сидел, затаив дыхание, словно восхищенный зритель. Дэн слушал, как Натали плевалась ядом, наблюдал, как Лайла сломалась, перейдя от пьяной, дерзкой бравады к полному упадку духа, и восхищался. Он восхищался тем, как идеально смотрелось освещение с того места, где он сидел: два главных действующих лица были подсвечены сзади белоснежным светом с улицы, а оранжевый отсвет от дровяной печи добавлял сцене толику тепла. Он восхищался мизансценой, группой людей на переднем плане, сидевших вокруг массивного стола в уютном кухонном интерьере, который идеально контрастировал с морозным, вьюжным пейзажем снаружи, на белом заднем плане.

Худшая часть этой сцены (или же, напротив, лучшая?) завершилась финальным резким обвинением со стороны Натали и ее уходом со сцены вверх по лестнице. Лайла, поддерживаемая Эндрю, всем телом сотрясалась в рыданиях. Она принялась судорожно натягивать сапоги, упала, оттолкнула от себя Эндрю, когда он попытался

помочь ей, поднялась на ноги и вышла из кухни на снег. После этого никто не двигался, воцарилось молчание, и оно все длилось и длилось.

Дэн подумал, что, будь он постановщиком этой сцены, возможно, здесь ему захотелось бы добавить немного музыки, что-нибудь будоражащее, оркестровое или, возможно, песню «Rolling Stones» «You Can't Always Get What You Want». Можно было дать панорамный обзор комнаты, начиная с лица Джен, бледного настолько, что она напоминала призрак, затем на триста шестьдесят градусов вокруг стола, останавливаясь еще раз на лице Джен, которая побелевшей рукой вцепилась в руку Эндрю. После этого съемка на улице: одинокий дом и горы за ним, и, наконец, в саду — Лайла, красивая, сломленная блондинка, стоит одна в снегу и смотрит вдаль через долину, заметаемая метелью.

Но Лайла не стояла в саду, глядя через долину, она направилась по подъездной дорожке к главной дороге. Ее уже не было видно. Дэн ждал, что Зак побежит за ней, но тот не бежал. Здоровенный тупица просто стоял у окна, глядя ей вслед. Эндрю вскочил на ноги и схватил с вешалки у двери свою куртку.

— Идем, Зак, я пойду с тобой, — сказал он. Зак

покачал головой. — Что, ты собираешься вот так дать ей уйти? Вот так пешком? Черт возьми, она может поскользнуться и что-нибудь себе сломать, может упасть с горы, заблудиться — Господи, она пьяная, одна в метель. Все что угодно может случиться.

Зак надул щеки и громко выдохнул.

— Нет. Вы же знаете, какая она. Или, может, вы уже больше этого не знаете, но я-то знаю. Она пройдет пару сотен ярдов вниз с этого холма и поймет, что замерзает, что у нее нет куртки и нет денег и что она повела себя глупо. Она вернется через десять минут, самое большее через пятнадцать. Если ее не будет через двадцать минут, тогда я пойду и приведу ее.

Эндрю негодующе всплеснул руками. Джен поднялась с места.

— Я пойду с тобой, Эндрю, — сказала она. — Мы можем взять мою машину. У меня зимние шины.

— Ты никуда не пойдешь, — отрезал Дэн, резко вставая на ноги и опрокидывая при этом винную бутылку.

— Я единственная трезвая среди нас, — мягко сказала Джен. — К тому же я знаю дорогу лучше тебя.

— Ты также единственная среди нас беременная, — возразил Дэн. — Речи быть не может, чтобы ты вышла в такую погоду.

— Никому не следует выходить в такую погоду, — отозвался Зак.

Дэна внезапно захлестнула неудержимая ярость. Что до сих пор делает здесь этот здоровенный, накачанный кусок мяса? Ответственность за Лайлу лежит на нем. Если кому-то предстоит рисковать жизнью и здоровьем, чтобы вернуть ее обратно, это должен быть он.

— Ради бога, что с тобой? Если бы ты сразу побежал за ней, как сделал бы любой разумный мужик, мы бы сейчас не вели этот разговор. Она твоя девушка, черт возьми, она пьяна, она расстроена, и ты только что позволил ей убежать в метель. Кто так делает?

— Я *знаю* Лайлу…

— Мы все знаем Лайлу. Мы переживаем за нее…

— О, погоди-ка, разве ты не тот парень, который напрочь унизил ее в знаменитом кинофильме?

— Какое, к дьяволу, это имеет сейчас значение? — завопил Дэн, вскидывая руки в воздух. — Ты хочешь сказать, что раз я снял фильм — художественный вымысел — больше десяти

лет назад, то я за нее не переживаю? Ты идиот, знаешь ты это?

Хлопнула парадная дверь. Дэн повернулся и увидел, как Эндрю большими шагами направляется к машине Джен. Джен дернулась было вслед за ним, но Зак схватил ее за руку и остановил.

— Дэн прав. Тебе не следует идти. — Они остались стоять неподвижно, тем временем как Эндрю открыл дверцу машины, запрыгнул внутрь и начал медленно выворачивать на подъездную дорожку. Все трое следили за тем, как желтые галогеновые огни постепенно тускнели, а потом и вовсе исчезли, когда машина свернула на дорогу.

14 сентября 1999 г.
Электронное письмо Эндрю Дэну

Привет, Дэн.

Спасибо за твое сообщение. Мне жаль, что дела так обернулись. Я знаю, для тебя это был важный вечер, надеюсь, он не был испорчен.

Ты должен понимать, однако, что нам было нелегко это смотреть. Да, это художественный вымысел. Да, не ты делал окончательный монтаж. Но ты отвечал за большую часть остального, Дэн,

и я думаю, мы оба можем согласиться, что лишь очень небольшая часть была вымышлена, не так ли? И ты мог бы по крайней мере предупредить нас о содержании.

Мы все считали – так нам намекнули, – что это будет беллетризованный рассказ о твоем детстве. И до некоторой степени так оно и было. Ты должен был предупредить нас, что сюжет будет включать трагическую смерть друга и последствия этого – ты ведь прекрасно понимаешь, что это рассказ не только о твоей жизни, Дэн, он и о наших жизнях тоже.

Я не говорю, что ты не имел права этого делать, «использовать» смерть Конора. Полагаю, писатели и режиссеры так и поступают. Поскольку трагедия – вещь очень яркая, она вызывает к себе такое отношение. Я просто думаю, что если бы ты хотел, чтобы мы правильно отреагировали, тебе следовало дать нам знать, с чем мы столкнемся.

И давай не будем слишком сильно себя обманывать: ты называешь это худо-

жественным вымыслом, но там были определенные люди и ситуации, очень узнаваемые. Твой персонаж, похожий на Лайлу, просто карикатура, ты разнес ее в пух и прах. Я не удивлен, что она так больно задета. Полагаю, поскольку это твоя история, вполне естественно, что ты изобразил себя главным героем, тут я, пожалуй, не имею ничего против. Но что меня задело, так это тот маленький любовный треугольник, который ты туда вставил. Назови это хоть тысячу раз художественным вымыслом, Дэн, но вот что я увидел: я увидел твои фантазии о том, как Джен влюблена в тебя, как она отвергает Конора ради тебя, как остается с тобой. Это было оскорбительно для меня, для Нат, для всех нас. Это было оскорблением памяти Конора. Можешь себе представить, что должна была почувствовать, глядя на это, мама Конора? Или его брат? А что почувствовала Джен? Я лишь надеюсь, что она не видела этот фильм, как мне кажется, она бы больше всех нашла его оскорбительным.

Я полагаю, в каком-то смысле я всегда знал, что ты испытывал к ней чувства, выходящие за рамки дружеских, но она не твоя, Дэн. И никогда твоей не будет.

Я думаю, что встретиться сейчас – не очень хорошая мысль. Нат до сих пор здорово раздражена всем этим делом. Она не очень-то одобряет переписывание истории. Я тоже до сих пор здорово обозлен.

Может быть, через несколько месяцев. Я искренне желаю тебе успеха, Дэн. И надеюсь, что он не будет тебе слишком дорого стоить.

Эндрю

Глава тринадцатая

На дороге был снег, но ехать оказалось не слишком трудно. Видимость была слабая, действительно очень слабая — это явный минус, но положительной стороной было то, что вероятность сильного движения на данном конкретном участке дороги посреди метели очень мала. Другой минус — это, конечно, то, что он выпил три бокала вина. При этой мысли у него перехватило горло, он силился сглотнуть. Как он мог опять пойти на это? С другой стороны, что еще он мог сделать? Не могли же они просто оставить ее здесь. Зак, вероятно, прав, она, вероятно, развернется и придет обратно, но что, если нет? Что, если она поскользнулась и вывихнула лодыжку и лежит сейчас, охваченная болью и страхом? Что, если ее сбила машина? Это же Лайла. Ее нельзя оставить одну, он не оставит ее одну.

Он ехал очень, очень медленно, стрелка спидометра едва достигала пятнадцати километров в час. Сколько это будет в милях? Он напряг мозги в поисках коэффициента пересчета. Вероятно, где-то около десяти. Десять миль в час! Это смехотворно, он мог бежать быстрее. Эндрю надавил

на акселератор чуть сильнее. Он никогда раньше не ездил в сильный снегопад, но помнил, как его учили ездить по снегу и льду на курсах, которые он посещал, когда возвращал водительские права. Если ведешь машину слишком медленно, говорилось там, то теряешь движущую силу и застреваешь. Впрочем, здесь, на горе, этот совет не очень подходил. Нельзя ехать слишком быстро, потому что не хочется использовать тормоза. Просто сними ноги с педалей и правь. И отводи себе больше времени на торможение. Впереди приближался поворот. Он снял ноги с педалей и почувствовал, как машина движется по инерции.

«Была дорожная авария. Я ехал слишком быстро. У меня было повышенное содержание алкоголя в крови». Вот как он рассказывает свою историю, когда приходится это делать. Он рассказывает ее нечасто, но иногда этого не избежать. На собеседованиях при устройстве на работу, например, когда ему приходится объяснять свою судимость.

А вот чего он не говорит, чего он не говорит никогда.

Он никогда не упоминает, что в тот уик-энд отмечали его успех. Он закончил стажировку, и

ему предложили работу у Файнмана и Хикса, в ведущей юридической фирме по уголовному праву и правам человека. О такой работе можно было только мечтать, это была такая возможность, на которую он едва осмеливался надеяться и о которой молился, и вот он ее получил. Родители Натали куда-то уехали; был жаркий июньский уик-энд, и они все взяли дополнительные выходные на пятницу и понедельник. На все четыре дня дом оставался в их распоряжении.

Он никогда не упоминает, потому что это кажется не особенно важным, что Дэн недавно приобрел свою первую машину: красную «Альфа-Ромео Спайдер Велос» 1976 года. Джен и Натали ехали с Дэном (Нат втиснулась на крохотное заднее сиденье, так что коленки упирались в подбородок). Эндрю вел другую машину — меньше приспособленный для гонок автомобиль «Вокс-холл Нова», который принадлежал его матери. Его девушка Лайла сидела рядом с ним, а Конор на заднем сиденье.

План был таков, что он поведет машину до Вейхилла, где собирались остановиться на обед. После этого за руль сядет Лайла, потому что, в конце концов, отмечали его успех и он мог позволить себе выпить пинту-другую.

Он никогда никому не рассказывает об атмосфере, царившей за обеденным столом, странной, натянутой, когда одни говорили слишком громко, другие вообще молчали. Конор был слишком взвинченным, Джен — чуть подавленной, Дэн выпендривался, Лайла то молчала, то громко, визгливо смеялась.

Он никогда не упоминает то, о чем только что сказала Натали: что она застала Лайлу в туалете с кокаином и заставила ее признать, что на самом деле она пила не просто апельсиновый сок, что она украдкой попросила бармена влить ей туда пару порций водки. Он не рассказывает, как они с Лайлой втянулись в спор, во время которого он сказал, что она не в состоянии вести машину. Он был в лучшем состоянии. В конце концов, он не допил свою вторую пинту.

Лайла разозлилась на него, сказала, что он слишком остро реагирует. Чертов Капитан Благоразумие. Она позволила ему вести машину, но настояла на том, чтобы самой пересесть в другую: ей было нестерпимо сидеть рядом с ним, постным, лицемерным кретином. Не поменяться ли ей местами с Натали? К тому же ей хотелось поехать в крутой тачке. Давай, Дэн, давай посмотрим, на что способна твоя малышка.

После выезда из деревни дорога вилась вниз по холму. Дэн вел машину чересчур быстро, совсем не думая о том, что они не знают дорог. Эндрю с Натали под боком и сидящим на заднем сиденье Конором остались далеко позади. У подножия холма был длинный, гораздо более прямой отрезок дороги, бегущий между двумя полями чудесного желтого рапса. Он никогда не упоминает, как Конор подначивал его давить на газ, чтобы догнать Дэна. Давай, железку в пол, дружище. Не дадим этому засранцу уйти, собьем с него спесь. Эндрю придавил педаль, у старенькой «Новы» оказалось больше сил, чем он думал.

Конор подбадривал его криками, Натали смеялась. Они стали нагонять машину Дэна, скорость увеличивалась: шестьдесят миль в час, семьдесят, растущие вдоль обочины деревья слились в сплошное зеленое пятно. Окна открыты, музыка гремит. Конор вопил: «Давай, давай, красотка», словно подбадривал лошадь. Эндрю посмотрел на Натали, и оказалось, что она тоже смотрит на него, проделывая эту свою фирменную штуку: одновременно улыбается и прикусывает нижнюю губу. А когда она так на него смотрит, его это просто убивает. Его сердце рвется на части, его душа парит. Он влюблен в нее, влюблен в нее, этого не

может быть, это невозможно, но он влюблен в нее. Он бы хотел вечно вот так ехать рядом с ней. Он сильнее прижал педаль газа, вывернул руль вправо, обходя быстроходный автомобиль Дэна, а Конор при этом высунулся из окна, осыпая того презрительными насмешками.

Вырвавшись вперед, Эндрю снова замедлил ход, понимая, что опьянение, которое он чувствовал, было вызвано не только ярким солнцем, скоростью и влюбленностью в лучшую подругу своей девушки, была в этом опьянении и пивная составляющая.

Когда он рассказывает эту историю, он никогда не упоминает о том, как Дэн ни за что не желал сдаваться, как чуть не врезался им в бампер, бешено сигналя и дурачась, и наконец промчался мимо них, посылая воздушные поцелуи. Натали помахала ему и тоже послала воздушный поцелуй. Он умалчивает о том, как Конор тоже не желал сдаваться, как подстрекал его с заднего сиденья: «Давай, давай, дружище, еще успеешь побыть старым и скучным, жми».

На дороге был поворот, Дэн свернул, Эндрю за ним. После этого был еще один прямой отрезок. Они оставили позади фермерские угодья и ехали через лес, над головой раскинулся изумрудный

шатер. «Давай, дружище, давай». Он думал о поцелуе, который Натали послала Дэну, спрашивая себя, всерьез ли она. В кассетнике стоял музыкальный сборник, который он записал когда-то курсе на втором, группы «Lemonheads», «Suede» и «Nirvana». Потом группа «Buffalo Tom» запела «Sodajerk», и Натали радостно охнула. «О, я обожаю эту песню, сто лет ее не слышала». Она прибавила громкости и принялась подпевать во весь голос. Эндрю посмотрел на нее, усмехнулся и поддал газу.

Они их почти догнали. Но в конце прямого участка дороги был поворот, и из-за этого поворота выезжал «Лендровер». Да, они их почти догнали. Но «почти» не считается, когда ты гонишь со скоростью семьдесят пять миль в час и места для маневра нет. Эндрю никогда не говорит о том, как он себя чувствовал в тот момент, когда стало ясно, что все кончено, что места для маневра нет: машина Дэна слева, «Лендровер» прямо перед ними. Ему пришлось свернуть вправо, рулить сквозь деревья. Сделать это было невозможно. Но больше деваться все равно было некуда.

Было ощущение, что все в мире сделано из металла. Он сам был из металла, он дышал ме-

таллом, каждый звук, который он слышал, был скрежетом металла, треском металла. Резким, жестким, неумолимым.

Машина перестала двигаться.

Руки Эндрю были на руле, он все еще держался за руль.

Он повернул голову.

Натали смотрела на него; ее губы шевелились, но звуки не вылетали. На ее лице была кровь, кровь была у нее во рту. Она что, откусила язык?

Он чувствовал боль в шее и в ноге, посмотрел вниз — сквозь джинсы вокруг колена проступала кровь.

— Натали? — Его ремень безопасности никак не расстегивался. — Натали? Все будет хорошо. Все будет хорошо.

Кто-то кричал, ему было не видно, кто это.

Медленно обернулся. Конор исчез, его не было на заднем сиденье. Должно быть, уже выбрался.

«Может быть, — рассуждал Эндрю, — я на некоторое время вырубился? Как долго я был в отключке?»

Конор пошел за помощью, сказал он Натали, но она не слушала. Ее глаза были закрыты, и изо рта по подбородку текла кровь.

Господи боже, господи боже.

Ему надо выбраться из машины.

Наконец ремень безопасности щелкнул и расстегнулся. Он повернулся вправо, чтобы открыть дверь, и тут заметил, что лобового стекла нет, совсем нет и что на капоте, прямо на конце капота виднеется пара кроссовок. Черные «Конверс», кроссовки Конора. Он не мог понять, почему они там, спереди, когда Конор был сзади.

Его дверь заклинило, потребовалось некоторое время, чтобы ее открыть. Нога болела, по-настоящему болела. Он вытолкнул себя из машины. Казалось, что на улице темнее, гораздо темнее, чем было, когда они ехали. Который час?

Кто-то кричал.

Он повернулся. По другую сторону машины дрались двое.

Боже милостивый, он не может стоять, он сейчас упадет.

Это был Дэн. Дэн и Джен, они дрались.

Дэн кричал, он не пускал Джен. Она пронзительно вскрикивала.

Дэн орал:

— Он погиб, Джен, он погиб! Не смотри, не смотри! Нет, Джен, не надо!

Не смотри, не смотри, не смотри!

Когда Эндрю рассказывает свою историю, то

никогда об этом не упоминает.

24 мая 1996 г.

Электронная переписка между Эндрю и Конором

Эндрю – Конору

Получил!

Конор – Эндрю

Получил что?

Э. – К.

Работу! Файнман и Хикс. Пришло письмо сегодня утром.

К. – Э.

Вот это результат! Блестяще, дружище. Супер! Ты полностью это заслужил. Напьемся пива?

Э. – К.

Определенно. «Грейхаунд»?

К. – Э.

Звучит подходяще. Я думаю, это заслуживает специального торжества. Вечеринка? Уедем куда-нибудь на весь уик-энд?

Э. – К.

Вечеринок хватает. Лайла неделями не перестает развлекаться… Я вымотан.

Впрочем, уехать на весь уик-энд звучит неплохо. Что, если нам наметить это дело где-нибудь на середину июня? Потому что, когда я выйду на новую работу, у меня, по сути дела, года три не будет никакой светской жизни…

К. – Э.

Середина июня мне подходит. Я свяжусь с остальными и что-нибудь организую. Это действительно ошеломительная новость, дружище. Тебя ждут великие дела. Горжусь тобой!

Глава четырнадцатая

Если она будет идти достаточно быстро, то согреется. В деревне есть гостиница, где предоставляется ночлег и завтрак, и до нее явно не больше пары миль. Ну, может быть, три. Натали когда-то ходила каждое утро туда и обратно, хотя, конечно, она никогда не проделывала это в снежную бурю. Лайла справится, все будет в порядке. Она пробегала шесть миль меньше чем за час, правда, не в уггах и не сквозь метель.

Лайла зашагала бодрым шагом, стараясь не думать о том, как замерзла. Почему она не сбегала за чертовой курткой? Она старалась не пугаться того, что снег валит все сильнее и она рискует застрять посреди бурана. Она старалась не думать о снежных лавинах и о том, что видимость ухудшается, а она одета в темно-синие джинсы и серый свитер и будет совершенно невидима для автомобилистов, пока они на нее не наедут. Больше всего она старалась не думать о том, что сказала ей Натали, и о выражении лица Джен при этих словах.

Ей показалось, что сзади она услышала звук машины, и резко развернулась, чуть не потеряв

равновесие, но машины не было. Только ветер, подгоняющий ее в спину, помогающий спускаться с горы. На ледяных участках она скользила вниз, с трудом удерживаясь от падения. Сердце громко стучало в груди, взбодренное адреналином и злостью. Она сжимала и разжимала кулаки, стараясь заставить себя прекратить плакать — от этого видимость делалась только хуже. Угги начали промокать, ноги в носках захлюпали. Она пожалела, что забыла надеть перчатки. Она точно знала, где они лежат, мысленным взором так и видела их на комоде в гостевой спальне Джен; чудесные, мягкие темно-зеленые перчатки от Шанель из овчины, которые мать купила для нее в прошлое Рождество. Нет, не в прошлое, а на год раньше, в ее последнее Рождество. В последнее Рождество матери.

Помимо Натали и Эндрю, мать Лайлы была единственным человеком, который знал, что произошло в день аварии. То есть она раньше была этим единственным человеком, а теперь она умерла, и вот теперь Джен тоже знает, и Зак знает, и Дэн знает. Они знают, что это ее вина.

Думала ли она когда-нибудь о том, как все могло сложиться, если бы она тогда не пила, не нюхала кокаин? Именно этот вопрос поставила

перед ней Натали. И каков же ответ, честный ответ? Если и думала, то не слишком часто.

Она не отрицала этого. Если она честно задавалась этим вопросом, если анализировала свое поведение в тот день и потом, то понимала, что не права, что по самой крайней мере явилась способствующим фактором, возможно, самым значительным. Она понимала это и не могла с этим жить. Потому-то она этим вопросом и не задавалась. Не анализировала свое поведение. Она жила с этим так же, как жила со всеми остальными неприятными мыслями, просто отодвигая их в сторону.

На первое место она всегда ставила себя. У нее была, как однажды сказала ее мать, нарциссическая личность. Это не мешало матери любить ее и прощать. Много лет назад один из любовников Лайлы, врач, сказал, что ее нарциссизм настолько чрезмерен, что его можно назвать болезнью. Она эгоистична, сказал он, до степени душевной болезни. Из-за этого он ее разлюбил. Из-за этого ее разлюбил и Эндрю. Он выбрал ту, которая умела давать, вместо той, которая умела только брать.

Так вот, если когда-то она и задавалась неприятными вопросами, то по-прежнему ухитрялась найти способ обвинить Эндрю за то, как она вела

себя в тот день. Не только в тот день, но и долгое время после этого. Он перестал ее любить, и она это чувствовала. Она чувствовала, как он ее покидает, медленно, постепенно. Ему следовало поступить честно, сорвать щадящую повязку, цивилизованно разорвать отношения. Он, вероятно, думал, что поступает как джентльмен, предавая ее мало-помалу. На взгляд Лайлы, это было похоже на трусость. По крайней мере так это выглядело постфактум, задним числом. Тогда же, до этого, она поступала так, как поступала всегда: отодвигала проблему в сторону. Так что, пока Эндрю проводил вечера за учебой, Лайла ходила по закрытым клубам и выпивала столько шампанского и принимала столько наркотиков, сколько могли предложить ей новые гламурные друзья. Она искала утешения везде, где оно предлагалось, чаще всего в постелях коллег-мужчин, иногда в их машинах.

Она не знала, насколько Эндрю был осведомлен о ее изменах. Об одной-двух из них она рассказала Натали. Сейчас это кажется глупым, опрометчивым, но тогда они были лучшими подругами, они делились друг с другом. Даже тем, за что чувствовали стыд. Лайла помнила шок Натали, ее негодование, когда сказала ей: «Знаешь, я

думаю, у нас с Эндрю все равно практически все кончено. Думаю, я с ним расстаюсь». На самом деле она так не думала. Она никогда так не думала. Вначале это просто было что-то вроде мести. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что на самом деле она давала Натали зеленый свет увести его от себя.

Лайла остановилась. Она стояла на обочине дороги, дрожа так сильно, что все тело сотрясалось. Начинало темнеть. Она едва могла различить, что делается в нескольких футах. Вдруг оказалось, что она не просто расстроена, она перепугана. Она совершила большую глупость, выйдя вот так из дому. Надо было идти обратно; она понятия не имела, сколько у нее займет времени добраться до деревни. А сколько времени займет добраться до дома? Как долго она уже идет? Казалось, она уже целую вечность погружена в эту белую мглу. Лайла развернулась и зашагала вверх по горе, но теперь ей пришлось идти против ветра, который резал кожу, как ножом. Она постоянно оскальзывалась, дорога была круче, чем ей помнилось. Она упала, попыталась подняться, поскользнулась снова, слепо поползла к краю дороги. На снегу виднелась кровь, ее кровь. Она поранила ладонь; ее руки так замерзли, что она их не чувствовала.

Она поднялась на ноги и решила, что не может возвращаться в дом. Это было слишком тяжело, просто невыносимо. Она не сможет встретиться с ними лицом к лицу. Придется идти в деревню. Она снова начала спускаться по холму, стараясь хоть как-то восстановить темп. Паника начала подниматься от желудка к груди, она чувствовала себя слабой, беспомощной; в голове возникла картина, как она падает и разбивает голову об лед. Только не умереть, только не здесь, в одиночестве. И в то же время у нее было ощущение, что она не одна. Она бросила взгляд на обочину дороги и почувствовала уверенность, просто точно знала, что прямо за линией деревьев кто-то ее поджидает. За ревущим ветром ей слышалось что-то еще: голос или голоса, сердитые, обвиняющие. Или, быть может, кто-то пришел ей на помощь? У Лайлы все время было чувство, что кто-то следует за ней, кто-то находится прямо за спиной, так близко, что, протяни он руку, мог бы коснуться ее, погладить ей волосы, обхватить за шею. Она стремительно обернулась, но ничего не увидела. Ничего и никого.

Впереди дорога начала резко спускаться к крутому развороту на сто восемьдесят градусов. Она подумала, не лучше ли ей сойти с пути, не лучше

ли прямо спуститься по склону, вместо того чтобы идти по дороге. Это было, вероятно, не более опасно, и это могло быть быстрее. Шаркая ногами, чтобы свести к минимуму риск поскользнуться, она стала пересекать дорогу. В тот самый момент, когда она достигла ее середины, слева появились огни двух фар. Она запаниковала, застыла на месте, не зная, вернуться ли ей или идти вперед, но машина ехала так медленно, что остановилась в паре футов от нее. Дверь распахнулась, и она услышала голос, перекрывающий вой ветра:

— Лайла! Какого черта ты тут делаешь?

Это был Эндрю, который приехал ее спасти.

14 декабря 1996 г.

Дорогая Джен!

Твоя мама настойчиво утверждает, что переправляет наши письма тебе, где бы ты ни находилась, поэтому мы все продолжаем тебе писать. Я бы очень хотела, чтобы ты поддерживала с нами связь.

Слушание дела состоялось в четверг. Как мы и ожидали, его приговорили к исправительным работам, к штрафу и запрету на вождение. Он больше не сможет

быть адвокатом-правозащитником, но, думаю, мы об этом и так знали. Не представляю, чем он будет заниматься. Думаю, поработает некоторое время со своим отцом. Он собирается в следующем году переехать обратно в Рединг.

Дэн и Лайла были в суде на чтении приговора. Мэгги и Ронан тоже пришли. Эндрю принял приговор стойко, как и следовало ожидать. Стоял прямо, как солдат, и смотрел судье прямо в глаза. Единственный момент, когда он дрогнул, это когда зачитывали письмо Мэгги, но надо сказать, что оно порядком поразило всех.

У меня все хорошо. Мне требуется некоторое время, чтобы дойти из точки А в точку В, но инвалидное кресло осталось позади, и костыли мне впредь тоже едва ли понадобятся. Есть некоторые провалы в памяти, но не думаю, чтобы я упустила что-то важное. Я до сих пор могу продекламировать речь на День святого Криспина[12]*, что всегда полезно. Я почти ничего не помню о том дне, но*

---

[12] Примечания: 12
Знаменитая речь из пьесы У. Шекспира «Генрих V».

говорят, что со временем что-то может всплыть в памяти. Надеюсь, этого не случится. Хотя я помню твой голос, наверное, это было в больнице. Помню, что ты плакала.

У меня страшные трудности с концентрацией, я перечитываю одну и ту же страницу в книге снова и снова и в конце концов все равно не могу рассказать, что прочла. Надеюсь в новом году вернуться на работу. Там были так терпеливы, сохраняя для меня место, но не думаю, что они смогут держать его слишком долго. Мама очень хочет, чтобы я осталась здесь, с ней, но я этого больше просто не выдержу. Мне надо возвращаться к своей жизни, что бы там от нее ни осталось.

Может быть, мы поселимся вместе с Лайлой, ей нужен соарендатор по квартире, теперь, когда Эндрю ушел. Впрочем, не знаю, получится ли это. Честно говоря, я почти не вижу ее со времен аварии. Она не слишком часто меня навещала. Наверное, занята. Думаю, ей тяжело видеть меня в таком состоянии. Теперь мы с ней не так близки, как были когда-то.

О боже. Мое сердце разрывается, когда я думаю о нас, Джен, о всех нас. Больше всего о тебе. Прошу тебя, пожалуйста, будь на связи. Ради Эндрю.

Мы скучаем по тебе.

С любовью,

Нат

P. S. Прости, что пишу все только о себе, но я не знаю ни где ты, ни что делаешь, разговор неизбежно получается односторонним.

Глава пятнадцатая

Джен согнулась над унитазом в уборной на нижнем этаже и старалась, чтобы ее тошнило бесшумно. Она бы пошла наверх, только не была уверена, что дойдет, а вид рвотных масс, липко стекающих по ступенькам, будет, вероятно, еще менее приятным, чем звук рвоты. В любом случае слышать ее могла сейчас одна Натали. Все остальные отсутствовали.

Рвота прекратилась, и она не без труда поднялась на ноги. Голова кружилась. Она не могла толком сфокусироваться; у нее было ощущение, что земля уплывает из-под ног, качается из стороны в сторону. Инстинктивно она поднесла руку к животу, снизу, как бы поддерживая. Так она стояла, опустив голову и стараясь успокоить дыхание. Дурнота прошла. Она помыла руки, прополоскала рот, поплескала водой в лицо, взглянула на себя в зеркало.

Выглядела она отвратительно, не просто бледной, а серой, цвета диккенсовской каши-размазни. Тошнота подступила неожиданно: только что она наблюдала ужасную, обескураживающую вспышку Натали, а уже в следующую секунду

оказалась здесь и ее стало выворачивать. Это не могла быть утренняя тошнота — ее не было уже несколько недель. Стресс, вероятно. Она приписала бы это стрессу.

Она вышла из ванной и направилась в гостиную, где Натали, примостившись на краешке кресла, смотрела в окно. Смотреть там было особенно не на что. Разыгралась метель. Кругом белым-бело. Они с Натали были одни: спустя некоторое время после того, как Эндрю уехал, Зак и Дэн, уже поздновато, конечно, натянули куртки и ботинки и, по-прежнему пребраниваясь, как пара старух, вышли в метель. Дэн пообещал Джен, как раз когда ее накрыла волна тошноты, что они не двинутся дальше стены в конце сада.

Джен сомневалась, что в такую бурю они смогут найти даже эту стену. Она вообще не понимала, зачем они выходят сейчас из дому, но не стала возражать, отчасти потому что чувствовала себя слишком больной, чтобы спорить, а главным образом потому что это было предпочтительнее, чем слушать, как они ругаются.

Пока разыгрывалась эта драма, Джен не успела толком обдумать то, что сказала Натали. Только теперь, когда дом опустел и тишина заполнила пространство, оставленное гостями, у нее по-

явилось время поразмышлять. И первая мысль, которая пришла ей в голову, состояла в том, что теперь нет никакой разницы. Не имеет больше значения, кто был виноват. Конор погиб, Эндрю наказан, Натали пострадала, они все отбыли свой срок. То, что теперь она узнала о поведении Лайлы, ничего не меняло. Это не могло вернуть Конора, не могло вернуть Эндрю ту утраченную жизнь, которая должна была у него быть, это не избавляло Натали от боли. Все, чего добилась Натали, это растравила старую рану, углубила разногласия между ними, уменьшила шансы на то, что они — все они — смогут обрести будущее, в котором будут друзьями.

Джен вошла в гостиную и встала возле Натали.

— Как ты? — спросила она ее.

— Что ты думаешь? — последовал ответ Натали, чуть громче шепота. Она сидела, наклонившись вперед, локти упирались в бедра, руками она сжимала голову и яростно терла лоб кончиками пальцев. — Не могу поверить, — повторяла она снова и снова. — Не могу поверить.

Джен положила руку ей на плечо, но Натали ее стряхнула.

Много чего Джен хотела бы ей сказать. Ей хотелось сказать Натали, что она никому не принесла

сегодня ничего хорошего. Хотелось выразить свою боль по поводу того, что Натали сказала о ней, до того как принялась за Лайлу, — что ее отъезд был задуман как наказание для остальных, в особенности для Эндрю. Ей хотелось сказать, что, по ее мнению, в данный момент Натали ведет себя как избалованное, вздорное дитя. Вместо этого она произнесла:

— Он сделал то, что считал правильным. Он ведь всегда так поступает, правда?

Натали резко выдохнула, как будто хохотнула.

— Да, всегда, — ответила она жестким, саркастичным тоном. — Он делает то, что считает правильным. И, очевидно, правильным в этой ситуации было не поддержать меня. Правильным было встать на сторону Лайлы, на твою сторону… О господи. Он всегда на твоей стороне, черт возьми.

Джен сделала глубокий вдох, стараясь изо всех сил, чтобы раздражение не взяло над ней верх.

— Подожди, Нат. Я не думаю, что он встал на сторону Лайлы, я думаю, что он старался уладить трудную ситуацию. А что касается моей стороны… с каких это пор мы с тобой на разных сторонах, Натали? Я действительно не понимаю, почему ты так на меня сердита.

Натали покачала головой.

— Почему я сердита? — Она тяжело вздохнула и, подняв взгляд, посмотрела прямо на Джен. — Я умоляла тебя, Джен. Молила тебя просто связаться с ним, дать ему знать, что у тебя все в порядке. Мы ничего о тебе не слышали. Ничего. Годами. Я умоляла тебя приехать на нашу свадьбу, не ради меня, не потому что это так много значило для меня, а ради него. Господи. — Голова ее опять поникла. — Как ты можешь говорить, что не наказала его?

— Я не хотела, — прошептала Джен, и никогда еще ее слова не звучали так бессмысленно. — Я не хотела.

— Джен. — Натали умоляюще подняла руку, вся злость исчезла из ее голоса. — Прошу тебя. Я не могу вести с тобой этот разговор. Буквально не могу в данный момент. Пожалуйста, не могла бы ты принести мне сверху мои таблетки? Они в косметичке в ванной. — Она на секунду согнула спину, и Джен увидела, как боль промелькнула на ее лице стремительной тенью. — Извини, порой бывает по-настоящему больно.

Поддавшись подлым мыслям, Джен готова была утверждать, что Натали придумывает отговорку, ища сочувствия, но в глубине души она знала

точно, что искать жалости не в характере Натали. В любом случае Джен увидела выражение ее лица, узнала эту тень, которую набрасывает боль. И зачем бы стала Нат придумывать отговорки сейчас, когда Джен перед ней в беспомощном состоянии? Джен побежала наверх за таблетками и принесла их вместе со стаканом воды и стаканом виски в другой руке. Нат к тому времени встала с кресла; она стояла у окна, голова опущена, руками она обхватила себя за плечи. Услышав за спиной шаги Джен, она повернулась, с жадной благодарностью потянулась за таблетками и выпила после них глоток виски.

— Не полагается пить вместе с этим лекарством, — сказала она. — Но, думаю, сегодняшний день и так уже порядком испорчен. — Она улыбнулась Джен усталой, горестной улыбкой. На какой-то миг Джен увидела прежнюю Нат, ту, которая всегда была готова посмеяться над собой. Она потянулась к руке Джен.

— Дай мне руку, пожалуйста. Меня совсем заклинило.

Джен хотела помочь ей сесть обратно в кресло, но Нат направила ее к середине комнаты.

— Иногда помогает, если я лягу, распластавшись, — сказала она. Она легла перед камином,

а Джен села на пол рядом с ней. Некоторое время они провели в этом положении, слушая шум ветра, который все громче завывал на низких нотах, стучал в окно, старался сорвать черепицу на крыше. Огонь в камине шипел и потрескивал; Джен хотелось верить, что им хватит дров пережить ночь.

Наконец Натали заговорила, и голос ее был низким и напряженным.

— Ты помнишь то интервью, что давала принцесса Диана?

— М-м. Смутно, пожалуй. А что?

Нат приподняла голову, и Джен дала ей глоток виски.

— Спасибо. Слова о том, что в ее браке было три человека. Именно это чувствую и я порой. — Она улыбнулась, потом начала хихикать.

— То есть Лайла — это Камилла? На твоем месте я бы не стала говорить ей это в лицо.

— Нет-нет. Не Лайла. Камилла — это ты, — сказала она и снова захихикала. Она смеялась все громче и громче и аж вскрикивала от смеха.

— Я не Камилла, — воспротивилась Джен. — Почему я Камилла? — Теперь она тоже смеялась, и минуту-другую обе от смеха не могли говорить, а по щекам их текли слезы.

Когда они наконец перестали смеяться, Нат сказала:

— Ты не Камилла на самом деле. Просто я чувствую, будто делю его с тобой. Даже если тебя нет рядом, может быть, именно потому, что тебя нет рядом. Не то чтобы Камилла — это ты, Камилла — это все наше прошлое. А ты часть этого прошлого — ты, Лайла, Конор… Я хочу, чтобы у нас, у Эндрю, у меня, у девочек была жизнь без этой тени. — Она подсунула обе руки под голову, вытянулась как можно сильнее, потом расслабилась. — Я просто больше не хочу, чтобы все это было частью нас.

Джен глотнула виски, с удовольствием почувствовала, как оно прожигает внутри дорожку от горла до нутра. Ребенку это, вероятно, не так уж нравится. Она поставила стакан на пол.

— Проблема в том, Нат, что все это действительно часть тебя. И ты мало что можешь с этим сделать. Ты не можешь заставить это уйти. Ты не можешь заставить нас уйти.

Натали взяла руку Джен и крепко стиснула.

— Знаю. Я не хочу, чтобы вы уходили. Просто… Знаешь, что по-настоящему ужасно? Когда я думаю обо всем, что случилось, о последствиях, о том, как мы с Эндрю стали вместе, я не могу

отделаться от чувства, что он со мной из чувства вины.

— Нат…

— Нет, послушай. Он человек долга. Как ты сказала, он делает то, что считает правильным. Он чувствует, что его долг заботиться о тебе. Что это в каком-то смысле его долг, потому что нет Конора, который мог бы это делать. Потому что ты его младшая сестренка. И я думаю, — ее голос надломился, — что он чувствует долг и передо мной тоже. А я не хочу быть частью его наказания.

Входная дверь резко распахнулась, металлическая ручка шумно ударилась в стену. Девушки разом подскочили. В дом устало ввалились Зак и Дэн, они топали ногами, отряхивая снег с ботинок, а вместе с ними ворвалась волна морозного воздуха. Зак закрыл дверь; борясь с ветром, ему пришлось привалиться к ней всем своим весом.

— Никаких признаков, — пропыхтел Дэн. — Ни зги не видно.

Натали села, обхватила голову руками.

— О боже, что я наделала? Что я наделала? — заскулила она. — Я не хотела, господи. Я не хотела. — Она подняла взгляд на Джен. И в них стоял страх, настоящая паника. — Что, если с ним что-то случится, Джен?

— Ничего не случится. — Джен старалась говорить ровным голосом, демонстрировать уверенность, которой не чувствовала. — Он не уедет далеко. Он будет сидеть в машине с включенной печкой, пережидая бурю. Там есть бутылка воды, кажется, даже пачка печенья. Ничего не случится, — сказала она, изо всех сил стараясь изгнать из головы картины столкновения с тракторами, сползания машин с горы в ущелье и образ замерзшей Лайлы, лежащей у обочины. Перед ее мысленным взором все маячило то пятно крови на лестнице, которое она вроде бы стерла, а оно появилось вновь. Она пошла в кухню, взяла тряпку и поднялась по ступенькам, но не смогла его найти.

Она ведет себя глупо. Не существует никаких предвестий, и совершенно очевидно, что, как она и сказала, Эндрю, скорее всего, вместе с Лайлой, сидят в машине, едят шоколадные печенья и пережидают буран.

— Я сварю нам кофе, — сказала Джен гостям, которые стояли посреди гостиной, мрачно глядя в окно на снежную бурю. — Кажется, где-то был кекс. Давайте взбодримся. Я уверена, все будет отлично. Мы, вероятно, очень скоро получим сигнал по мобильной связи. Постарайтесь не

слишком переживать. — Она повернулась, чтобы идти в кухню, и в этот момент вырубился свет.

19 апреля 1999 г.

Дорогая Джен!

Эндрю получил вчера твое письмо. Не могу тебе передать, как он расстроен. Я знаю, ты очень занята, я понимаю, что тебе тяжело возвращаться в Англию и кого-то видеть, я это хорошо понимаю, но ведь это наша свадьба. Не верю, что ты не можешь изменить свои планы! Лайла, конечно, не придет, но Дэн будет, и мои родители, а также родители Эндрю будут очень рады тебя видеть. Я хочу с тобой встретиться.

Но больше всех тебя хочет видеть Эндрю. Джен, я пишу, чтобы умолить тебя приехать, потому что если тебя не будет, это разобьет ему сердце, а я не хочу, чтобы он был с разбитым сердцем в день нашей свадьбы. Ну вот, я это сказала. Можешь считать меня эгоистичной, если хочешь, но, пожалуйста, постарайся также подумать о том, что он почувствует, если ты скажешь «нет», какой у

него останется осадок. Ты знаешь, как он к тебе относится, знаешь, как тяжело его бремя. Пожалуйста, облегчи его.

Мы очень по тебе скучаем.

С любовью,

Нат

Глава шестнадцатая

Лайла понятия не имела, сколько времени прошло, с тех пор как она вышла из дома. Казалось, что несколько часов. Несмотря на холод и тьму, несмотря на ее страх и мокрые ноги, она чувствовала странную бодрость. По крайней мере они опять двигались. Очень медленно, но все-таки двигались.

Казалось, они целую вечность простояли, застряв в сугробе на обочине дороги. Эндрю, решительно настроенный вернуться домой, к жене, твердо вознамерился развернуть машину и как можно скорее ехать назад. И сколько она ни просила, ни умоляла, ни умасливала его, сколько потом ни вопила, он отказался везти ее вниз, в деревню, в гостиницу.

Впрочем, в конечном счете она все же своего добилась. Его попытки развернуться в три приема жалким образом провалились: кончилось тем, что они соскользнули с дороги (к счастью, в сторону горы, а не обрыва) в глубокий снег, и потребовалась уйма времени, чтобы вернуть машину обратно, лицом в сторону спуска. Эндрю пришлось в конце концов согласиться, что вер-

нуться назад невозможно, поэтому оставалось только ехать в деревню. Восторга это у него не вызвало.

Это обстоятельство, а также сознание того, что Натали будет смертельно беспокоиться о нем, будет чувствовать себя ужасно виноватой по поводу того, что она сказала и сделала, бесконечно взбодрило Лайлу.

— Было бы быстрее, если бы я пошла пешком, — сухо заметила она, сдвинувшись по сиденью вниз и обхватив себя руками, стараясь согреться. Печка была включена на полную мощность, но лобовое стекло постоянно запотевало, поэтому им пришлось капельку приоткрыть окна.

— Я не очень-то привык водить машину в условиях снежных заносов, — ответил Эндрю. Она посмотрела на него. Зубы были стиснуты, он сгорбился над рулем, словно старик. Он выглядел перепуганным. — И у меня превышена норма алкоголя в крови. Опять.

Она не ответила. Ей нечего было сказать на это, поэтому она просто протянула руку и положила ему на ногу. Этим жестом ей хотелось его приободрить, но он отдернулся.

— Не надо, Лайла.

Было чудно́ находиться с ним в машине по

прошествии стольких лет. Тем более чудно́, что было ощущение, будто они одни в целом мире, медленно дрейфуют куда-то в жутковатой белой мгле, ожидая, что вот-вот рухнут с обрыва где-то на краю света. Она подумала, не спросить ли его, почему это он приехал за ней, а не Зак, но ответ был ей известен. Эндрю не мог этого не сделать. Когда-то он хотел нравиться, хотел, чтобы его любили, хотел быть хорошим; теперь он хотел всех спасать. А Заком было не так-то легко управлять.

Резкий порыв ветра занес в машину через открытое окно Лайлы шквал снежных хлопьев. По какой-то причине это показалось ей забавным, и она захихикала. Эндрю посмотрел на нее и покачал головой.

— Извини, — сказала она, стараясь принять серьезный вид.

— Так-то лучше, — ответил он, но его голос смягчился, с лица ушло напряжение, плечи расслабились. Склон дороги стал не таким крутым, повороты — не такими резкими. Они приближались к деревне, оставалось уже недалеко.

— Эй, — сказала Лайла, подталкивая его ногой. — Ты помнишь, когда мы в последний раз ехали вместе в машине?

Он легонько вздохнул.

— Конечно, помню, — тихо ответил он.

Она снова его подтолкнула.

— Все в порядке, — улыбнулась она, — я больше не сержусь на тебя. Я до сих пор злюсь на нее, но тебя я давно простила.

— Это не очень-то справедливо, — заметил Эндрю.

— Может, и нет, но женщина обычно ожидает предательства от мужчины. А не от лучшей подруги.

— Лайла, все было не так. Натали совершенно не…

— Послушай, — оборвала его Лайла. — Это наши с ней дела. — После того как он вел себя в доме, как ее поддерживал, защищал, после того как приехал в бурю ее разыскивать, ей действительно было нестерпимо выслушивать, как он оправдывает Натали. После того, что только что произошло. — Главное, что я простила тебя.

— Что ж, — вздохнул он. — Я — нет. — Лицо его было сурово и очень серьезно. — Я себя не простил.

— Да ты никогда себя не простишь. Ни за что на свете.

Был январь, жгуче-морозный воскресный вечер. Лайла на машине приехала в Бейзингсток,

чтобы встретить Эндрю на станции. Он возвращался поездом из Шептона, от Натали, но на линии шли инженерные работы, и от Бейзингстока до Лондона вместо поезда пустили автобус. Но она знала, как он устал и как утомительно пересаживаться и ехать на этом автобусе, так что предложила приехать и забрать его на машине. Поначалу он отказался. Он спросил, пила ли она сегодня днем, что ее взбесило. Особенно в данных обстоятельствах. Они помирились по телефону, но она хотела сделать это по-настоящему. Лично. Поэтому потащилась туда, чтобы его забрать.

Он был в странном настроении. Он всегда был немного нервным после своих визитов к Натали, но в то воскресенье он казался другим. Возбужденным, скрытным. Обычно после визита к Натали он болтал без умолку о ее здоровье, о том, как идет выздоровление, что ей надо еще сделать. Но не в этот раз. Он не хотел говорить, не только об уик-энде, но вообще ни о чем. Лайла разливалась соловьем, рассказывая о вечеринке, на которой была в пятницу вечером, о походе за покупками с матерью в субботу. Она чувствовала, что говорит сама с собой, но словно не могла остановиться, и откуда-то из глубины ее существа начал подниматься страх.

Она подумала, что причиной, должно быть, та ссора, что была у них перед этим. Он был все еще раздражен и, кроме того, вероятно, устал. Он определенно выглядел изнуренным, темные круги под глазами обозначились глубже и темнее, чем были даже в последнее время. Она хотела порадовать его, порадовать их обоих и потому прибегла к тому, к чему, похоже, всегда прибегала в последнее время. Положив легонько руку ему на бедро, она сказала:

— Почему бы нам не отдохнуть немного? Мы могли бы остановиться в каком-нибудь паршивом мотеле и сделать вид, что мы разъездные торговцы, у которых страстная интрижка. — Она повернулась к нему и улыбнулась самой дерзкой и соблазнительной улыбкой, но он не смотрел на нее, он смотрел в окно. — Ну же. Будет весело.

— Смотри на дорогу, Лайла, — устало сказал он, по-прежнему на нее не глядя.

— Эндрю…

— Я хочу домой.

Дальше они ехали в молчании. Лайла чувствовала, как слезы закипают у нее в горле вместе с паникой, и толком не понимала, почему ей так плохо, но подумала, что, если Эндрю продолжит вот так барабанить пальцами по приборной дос-

ке, она его треснет.

— Что случилось? Пожалуйста, Дрю, скажи мне, что происходит. Что-то не так с Натали? Ей стало хуже? — Молчание. — Эндрю…

— Лайла, просто веди машину, хорошо? И следи за скоростью, ты выжимаешь девяносто.

Лайла сильнее придавила ногой акселератор. Она видела, как стрелка спидометра подскочила до девяноста пяти, до ста, до ста десяти, почувствовала дрожание в руле и придавила педаль еще сильнее.

— Пожалуйста, Лайла. — Не громче шепота. Его лицо было серым. Она сняла ногу с педали, перестроилась в средний ряд, а затем в крайний, затем съехала с шоссе на следующем съезде. Станция техобслуживания «Флит сервисес».

В сознании Лайлы «Флит сервисес» на шоссе М3 всегда будет пользоваться дурной славой. Они припарковались на почти пустой стоянке и некоторое время сидели, уставясь на удручающе бодрые желтые арки «Макдоналдса», на яркий жужжащий свет ламп, исходивший из ресторанной зоны.

— Пойду принесу нам кофе, — сказала Лайла. Она положила руку на дверную ручку, но сама сидела не двигаясь. Эндрю медленно взял ее дру-

гую руку в свою и крепко сжал. Она сжала ее в ответ и в этот момент не просто догадалась, что сейчас произойдет, она поняла, что у них с Эндрю все кончено. — Скажи, Дрю, — спросила она очень тихо, хотя голос был хриплым от слез, — ты когда-нибудь сможешь меня простить?

— Это была не твоя вина, — ответил он. Эти слова в его устах ничего не означали. Они все так устали от выслушивания этих слов за последние полгода.

— Но ты меня простишь?

Вот тут он это и сделал. Эндрю, мученик, падающий на свой меч и позволяющий ей обратить свое чувство вины в ярость.

— Я больше не люблю тебя, Лайла, — сказал он тихим и ровным голосом, тупо вбивая эти слова, как молотком. Послушал, как она начала плакать. Потом прибавил: — Я влюбился в Натали. — Услышал, как у нее перехватило дыхание, как она беззвучно вскрикнула, точно от боли. — Ты это знала. Не притворяйся, что не знала.

— Ты ее просто жалеешь, — всхлипывала Лайла. — Это не любовь.

Эндрю долго молчал, прежде чем ответить. Наконец сказал:

— Это любовь. И я только недавно понял, что

для меня всегда существовала только она. Прости. Мне очень жаль.

Лайла повернулась к нему. Она перестала плакать; на ее лице было написано выражение подлинного замешательства, недоверия.

— Всегда? Этого не может быть, Эндрю, не может. Мы с тобой четыре года, ты не можешь так думать.

— Прости, — снова сказал он, вышел из машины и зашагал к станции техобслуживания. Лайла несколько минут сидела, ожидая, что он вернется и скажет, что это была ошибка, что он не хотел, что это неправда. Затем поехала домой одна.

Впереди замаячили огни, много огней. Они добрались до деревни. Эндрю широко расставил пальцы на руле, чтобы ослабить напряжение в руках.

— Слава богу, — выдохнул он.

— Ты никогда мне не говорил, как добрался до дома в ту ночь. Из «Флит».

Он улыбнулся.

— Разве это имеет значение? — спросил он, и сразу же после этого они услышали сзади шум, машину залил поток света, последовал глухой удар, не смертельный, но достаточно жесткий, чтобы их обоих отбросило вперед, ремни безопасности

натянулись. Машину повело и вдруг развернуло вправо к краю горы. Эндрю поставил ногу на тормоз, и Лайла почувствовала, как задние колеса заскользили, занося машину к обрыву.

— Не тормози, — беспомощно сказала она, хватаясь за приборную доску и за дверную ручку. — Сними ногу с тормоза.

Он послушался, но было слишком поздно. Лайла закрыла глаза, машина соскользнула с дороги.

24 января1997 г.
Электронное письмо Дэна Эндрю

Привет, дружище.

Черт, когда дела успели так испортиться? Надеюсь, ты в порядке, по телефону ты был совершенно разбитым.

Слушай, она здесь, у меня, с ней все будет хорошо. Я позабочусь о ней, не беспокойся. Она, конечно, пьет по-черному, но я за ней приглядываю. Я убедил ее остаться, по крайней мере до тех пор, пока ее мать не вернется из отпуска, тогда, я думаю, она переедет обратно к ней, и все наладится.

Она явно расстроена. Но ты знаешь, как это у нее бывает: только что разглаголь-

ствовала насчет того, как ты разбил ей сердце и она никогда не оправится, а в следующий момент говорит, что уже несколько месяцев знала, что все кончено, но не хотела рвать с тобой, потому что тебя жалела.

Теперь насчет Нат. Тут сложнее. Я так понимаю, ты регулярно видишься и разговариваешь с Нат – если так, скажи ей, чтобы перестала звонить. Лайла еще не скоро будет готова с ней разговаривать. Может, ей следует написать, или я не знаю что. Честно говоря, я думаю, ей не надо проявляться какое-то время, на несколько месяцев по крайней мере. Подождать, пока Лайла найдет себе нового парня (не хочу быть грубым, но ты же знаешь, ждать не так уж долго), пока немного придет в себя.

Как я уже сказал, я присмотрю, чтобы с ней не случилось ничего плохого. Я старался, как мог, убедить ее посидеть дома и надраться вместе со мной, а не мотаться в город, где она может попасть в беду. На самом деле у нас было несколько хороших, долгих разговоров о

тебе и Коноре и Джен, обо всем. Все было нормально. С ней все будет нормально.

Удачи тебе, старина. Я приеду в Рединг повидаться с тобой, как только смогу (только не сейчас, потому что Лайла воспримет это так, что я на твоей стороне, и выцарапает мне глаза). Передавай привет Нат. Я думаю, это хорошо, что вы с ней вместе. Я правда так думаю. Это уже давно наклевывалось, так ведь?

Дэн

Глава семнадцатая

Откуда-то со двора, из темноты, доносился какой-то шум. Брякающий звук, жутковато ритмичный: бам, бам, бам. Как будто кто-то стучался в дверь, умоляя спасти его от непогоды. Или будто кто-то ломал дверь. Джек Николсон с топором и улыбкой маньяка. Дорогая, я пришел. Волосы на затылке Дэна встали дыбом.

— Что это за шум? — спросил он.

Все четверо были в кухне, копошились в полутьме, едва рассеиваемой остатками огня в дровяной печи, обшаривали каждый ящик и каждый шкафчик в поисках свечей.

— Непонятно, — бормотала Джен. — Куда, черт подери, я их положила? Я знаю, что покупала вчера свечи. Знаю, что покупала.

Стук прекратился. Потом начался снова, на сей раз громче.

— Серьезно, что это? — Дэн бросил взгляд на Натали; она тоже выглядела испуганной. — Там кто-то есть.

— Не смеши, — сказал Зак. — Никого там нет.

— Мне кажется, я видела свет, — сказала Натали. — Некоторое время назад.

— Где? — Дэн чувствовал, что сердце несется вскачь. Это было нелепо, но ему действительно становилось жутко.

— На заднем дворе, ближе к лесу.

Бам, бам, бам.

История была прямо как из фильма ужасов. Группа людей приезжает в дом, находящийся в каком-то богом забытом месте, представляющий собой идиллическую картинку днем, но одинокий и пугающий ночью. Разыгрывается буря. Кто-то из членов группы отделяется. Свет гаснет. За окном раздаются странные звуки. Господи боже, не хватает только маньяка в хоккейной маске с мясницким ножом.

Дэн начинал по-настоящему впадать в параноидальное состояние.

— Пожалуй, нам следует просто затаиться на некоторое время, — сказал он, озираясь и стараясь игнорировать неприятное ощущение, что в доме есть кто-то еще, кто-то стоит в затемненном холле и поджидает их. — Давайте просто посидим немного у огня, выпьем. Свет должны включить через минуту.

Джен скептически фыркнула:

— После прошлой бури электричество вырубили почти на тридцать шесть часов. Нам надо

найти эти проклятые свечи.

— Куда еще ты могла их положить? — спросила Натали. — Может быть, есть какой-то еще шкафчик, где-нибудь в гостиной?

— О черт, — прошептала Джен.

— Что? — в один голос спросили остальные.

— Я их не купила.

— Что? — воскликнул Дэн громче, чем намеревался.

— Я только что вспомнила, что как раз собиралась их купить, а затем увидела тот коврик в витрине дизайнерского магазина… Ах, черт возьми. Не могу поверить, что я забыла. Я не купила никаких свечей.

— У тебя есть фонарь? — спросил ее Зак.

— Где-то был один… — сказала она, озираясь в темноте.

— О, бога ради! — воскликнул Дэн, надеясь гневом заглушить страх.

Джен не смогла найти фонарь, поэтому они освещали себе путь мобильными телефонами.

— По крайней мере они хоть на что-то сгодятся, — бодро заметил Зак. — Поскольку нет сигнала, я имею в виду.

Дэн был уже по горло сыт этим Заком, его бравадой, его оптимизмом, его чертовым бодрым

настроем. Они переместились обратно в гостиную и сели вокруг огня. Дэн захватил из кухни бутылку виски; он налил себе стакан, предложил Натали, которая благодарно ухватилась за предложение. Руки у нее дрожали, дыхание было прерывистым. Пока искали свечи, она держалась, но он видел, что теперь, когда ей стало нечего делать и не было возможности связаться с мужем, а за окном по-прежнему бушевала снежная буря, она начинала сдавать.

Бам, бам, бам.

— Черт, — выдохнул Дэн, проглотив большой глоток скотча. — Это действительно начинает действовать мне на нервы.

— Расслабься, — ободряюще улыбнулся ему Зак. — Я уверен, что там ничего нет.

— Что ты имеешь в виду, говоря «ничего нет»? Как может ничего не быть? Там явно что-то есть. Что-то производит этот звук.

— Чердак, — сказала Джен.

— Ты думаешь, что-то есть на чердаке? — спросил Дэн, а его желудок скрутился в маленький жесткий мячик. — Это доносится не с чердака. Это явно исходит снаружи, а?

— Нет, я не о шуме. Там была пара коробок со всякой всячиной, оставленных прежним

жильцом. Какая-то кухонная утварь и принадлежности. Я поставила их на чердак. Думаю, там могут быть и свечи. Такие тонкие, церковные. Я не стала их вынимать.

— Правильно, — сказал Зак, вскакивая на ноги. — Я схожу наверх и принесу. Как попасть на чердак?

— Я тебе покажу, — сказала Джен, поднимаясь.

— Нет, я помню, — нехотя произнес Дэн. — Там есть люк в потолке как раз перед дверью в твою комнату, верно?

— Верно. Там есть приставная лестница. Коробки, кажется, стоят прямо по левую руку. Там не очень много вещей, так что их будет нетрудно найти.

— Все в порядке, Дэн, — сказал Зак Дэну, который собрался идти с ним. — Ты оставайся здесь, с девушками. Я справлюсь.

Дэн сжал кулаки и стиснул зубы. «Оставайся с девушками»? Снисходительный засранец.

— Нет, я знаю, куда иду. Я сделаю. — Он вынул из кармана телефон, проверил еще раз, нет ли сигнала, а затем выставил его перед собой, освещая дорогу в холл и вверх по лестнице. Он был жалко и позорно благодарен Заку, что тот не позволил ему идти одному.

Им потребовалось некоторое время, чтобы поставить лестницу и открыть дверцу люка. Дэн пошел первым, но ухитрился прищемить палец запорным механизмом, так что инициативу перехватил Зак. Дэн постоянно боролся с желанием сказать Заку, чтобы тот отвалил, хотя и не имел времени проанализировать, почему тот так его раздражает. Дело было не только в том, что он не побежал за Лайлой, когда она ушла, и не в том, что Зак был так красив, хотя Дэн понимал, что, несомненно, все решили бы, что в этом причина. Наблюдая, как он бесстрашно карабкается по лестнице на чердак, где могло быть сколько угодно крайне неприятных вещей (крыс, мертвых птиц, злых духов каких-нибудь давно умерших прежних обитателей дома), Дэн решил, что дело даже не в его презрении к опасности. Дело было в той легкости, с которой он влился в их компанию. Он знал их меньше суток, тем не менее Дэн чувствовал, что все уже смотрят на Зака как на лидера. Да, девушки внизу явно смотрели на него как на человека, который может отогнать опасность и выручить их из беды. Эндрю, Конор — да, они были лидерами, они были альфа, Дэн был на вторых ролях, бета, как называла его Джен. Да, так было тогда. Но сейчас играть вторую скрипку,

при Заке? Это было оскорбительно. Как бы ни был Дэн напуган, он не собирается стоять здесь в холле, держа лестницу, в ожидании, пока Человек Действия спасет положение. Он собрал в кулак всю храбрость, которая в нем была, и тоже вскарабкался.

— Все в порядке, дружище, я справлюсь, — сказал Зак, когда голова Дэна появилась над люком. Дэн проигнорировал его и продолжал подниматься. Сверху раздавался грозный скрипящий звук, это скрипели под порывами ветра стропила.

— Давай поскорее разберемся с этим делом, — пробормотал Дэн.

Информация Джен оказалась неточной; наверху было изрядное количество коробок. Они открыли пару из них, обнаружили, что они наполнены книгами и бумагами, все на французском языке. Наконец нашлась коробка с кухонной утварью и одна особенно отталкивающего вида свеча. Они уже собирались спуститься обратно со своей жалкой добычей, когда Дэн заметил еще одну коробку, задвинутую под одно из стропил. Ему потребовалось некоторое время, но он сумел перетащить ее, а потом вскрыл.

— Удача! — сказал он и, до смешного довольный сам собой, извлек из коробки упаковку с

двенадцатью свечами. Он бросил их Заку, который стоял на верхушке лестницы. Вместо того чтобы последовать за ним прямо вниз, Дэн решил быстро осмотреть остальное содержимое коробки, чувствуя, как любопытство берет верх над страхом. Там были письма, открытки, все на французском, предположительно принадлежавшие прежнему жильцу. Старая банковская карта, фото очень загорелой блондинки в бикини, стоящей возле этого самого дома и улыбающейся во весь рот. На самом дне коробки был сложенный пополам пожелтевший листок линованной бумаги. Дэн извлек его, развернул и почувствовал, как озноб пробежал снизу вверх у него по позвоночнику. Это был список. Написанный его почерком.

23 августа 1995 г.

Вильфранш, Приморские Альпы, Франция

Где мы будем в 2010 году?

Конор будет женат на Джен. Он будет конструировать мебель, которая будет продаваться за непомерную цену. Джен будет переводить великие произведения

современной литературы с французского на английский. Они будут жить здесь, в этом доме, со своими двумя очаровательными детьми, Ронаном и Изабель. Они будут закатывать бурные вечеринки летом и на Новый год, которые мы все будем посещать.

Эндрю будет прославленным на весь мир адвокатом-правозащитником, он будет бороться за права политзаключенных и противостоять несправедливости везде, где только сможет ее найти. За эту работу его будут повсеместно превозносить.

Лайла будет очень богатой. Она выйдет замуж за миллиардера, а потом выгодно с ним разведется. У нее будут дома на юге Франции, возможно, маленький замок в Шотландском нагорье. У нее будет несколько любовников, и одним из них – Эндрю.

Натали станет писательницей и получит Букеровскую премию. Она выйдет замуж за американского военного корреспондента, который делит свое время между Великобританией, Нью-Йорком и

Бейрутом. Это будет превосходно устраивать Натали. Она будет жить на ферме в Йоркшире, в беспорядочно построенном доме, но значительную часть своего времени будет проводить на вилле Лайлы в Кап-Ферра.

Фильм Дэна завоюет приз на кинофестивале «Сандэнс». Он будет жить в Лос-Анджелесе с Вайноной Райдер.

Глава восемнадцатая

Ветер пронзительно выл. Глядя из окна гостиной, Натали уже за несколько футов не могла разглядеть ничего, лишь бесконечные пелены несущегося снега. Она задалась вопросом, сколько таких снежных бурь повидал этот дом, сколько еще выдержит, прежде чем у него сорвет крышу и он еще раз окажется открыт всем стихиям. Ей было слышно, как Дэн и Зак возятся наверху, карабкаясь по приставной лестнице на чердак. И этот чертов стук, зловещий, как барабанный бой, предвещающий беду. Эндрю не было уже два часа.

Джен позвонила в ближайшую гостиницу. Их там не было. «Подождем еще час, — сказала она, — и тогда уже позвоним в полицию. Не то чтобы они чем-то особенно помогут: чем тут можно помочь?» Так или иначе, но Натали не хотелось звонить в полицию, потому что она не могла заставить себя готовиться к плохим новостям. Она тянула виски, но это не помогало; во рту был привкус горечи, то ли желчь, то ли отчаяние, и никакое количество скотча не могло его убрать.

Все эти неприятные вещи, которые она наговорила… Теперь эти слова не шли у нее из головы, они продолжали вновь и вновь прокручиваться в мозгу. «Он был бы сейчас королевским адвокатом, а не просто учителем в какой-то задрипанной слабой школе». Перед всеми во всеуслышание она назвала своего мужа неудачником. Натали в сотый раз позвонила ему на мобильный.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — шептала она себе, в отчаянии и разочаровании кусая губу, когда в очередной раз получала в ответ лишь этот вызывающе-высокомерный повторяющийся сигнал. Она жаждала сказать ему, что не хотела этого. Просто потеряла голову от злости. Ей страстно хотелось поговорить со своими детьми. Так хотелось услышать их милые голоса, их звенящий смех, послушать, как они щебечут о джинсах в обтяжку, которые им непременно нужно иметь. Господи, она все бы отдала, лишь бы послушать, как они канючат, чтобы она разрешила им проколоть уши. Но она не могла им позвонить. Они захотят поговорить с папой (они всегда хотели поговорить с папой), а что она сможет им ответить? Сможет ли она солгать, убедительно и так, чтобы не расплакаться? Сможет ли сказать, что он в душе? Что вышел

прокатиться на машине? Он вышел из дома в снежную бурю, в поисках своей бывшей девушки и так и не вернулся.

Она поставила стакан, подошла к окну и прижалась лбом к стеклу. Ей показалось, что рев ветра ослаб и, кажется, снегопад тоже? Или она просто выдает желаемое за действительное? Она старалась представить их, Эндрю и Лайлу, как они сидят в машине Джен, с включенной на полную мощность печкой, с запотевшими стеклами. Быть может, смеются, вспоминая о старых временах? Или, может быть, осуждают ее за то, что она сказала, за то, что натворила. Может быть, они мирятся. Целуются и мирятся, наверстывают упущенное. Натали пыталась представить своего мужа, обнимающего все еще молодое тело Лайлы; она сосредоточилась на том, чтобы вызвать в воображении эту картину, потому что она была бесконечно предпочтительнее другой, той, что постоянно вставала перед глазами: машина Джен лежит на дне ущелья — покореженная груда металла с разбитым вдребезги лобовым стеклом.

Когда она закрывала глаза, то видела именно это — разбитое лобовое стекло. Но снег не попадал в машину: было тепло, машина неподвижно стояла, залитая солнечным светом вперемешку с

пятнами тени. Там был Эндрю, а потом он исчез. Она слышала, как кто-то кричит, кто-то рыдает, ужасные, отчаянные звуки, а затем — тишина. Затем темнота, а позже Эндрю снова был рядом с ней, он держал ее за руку. Говорил, что все будет хорошо. Что любит ее. Она так давно хотела услышать от него эти слова. Ей бы почувствовать себя счастливой, но все было плохо, все не так, как надо, и эти слова тоже звучали не так, как надо. У Эндрю была кровь на лице, он плакал. Кто-то еще тоже плакал, это был горестный, причитающий вопль. Натали чувствовала запах гари. Правда ли это запах гари? Она была перепугана, она хотела выбраться из машины, но не могла сдвинуться с места, дверь не открывалась, ноги не двигались. Боль поглощала ее, парализовывала, не похожая ни на какие прежние ощущения. Эндрю держал ее за руку и все повторял мягким, негромким голосом, что все будет хорошо. Но это было не так, она знала, что это не так. Знала, что Конор погиб, но не могла думать об этом. Все, о чем она могла думать, это были боль, и запах гари, и страшная уверенность, что она сгорит заживо.

— Зак нашел свечи!

Она обернулась. В гостиной стояла Джен с зажженной свечой в каждой руке, за ней стоял

Зак.

— Нат! Господи, ты дрожишь. О, Нат, все будет хорошо. — Джен отдала свечи Заку и поспешила к Натали, обняла ее. — С ним все будет в порядке. Все будет хорошо.

Натали улыбнулась и кивнула. Ее отвлекло появление Дэна в дверях, у них за спиной, он держал в руке листок бумаги. У него был бледный, потрясенный вид. Словно он увидел призрак.

Зазвонил телефон, и все подскочили.

31 августа 2002 г.

Дорогая Джен!

Мои поздравления. Конечно, я не вижу здесь ничего странного, ты заслуживаешь того, чтобы быть счастливой, я желаю тебе самого большого счастья, какое только можно. Мне не терпится с ним познакомиться. И я вовсе не смущен – тайное бегство с возлюбленным кажется мне прекрасной идеей. Жаль, что немногие так поступают…

У нас все хорошо. Девочкам на прошлой неделе исполнилось два года. У нас на заднем дворе собралось четырнадцать малышей. Это был абсолютный бедлам,

хочу тебе сказать. Я никогда так не уставал за всю свою жизнь. Но все равно это был фантастический день, им все позволялось, и они наслаждались вовсю. Я попрошу Нат послать тебе несколько фотографий.

Нат решила уйти из «Мюррей букс» – она решила, что все-таки будет полностью заниматься детьми. Надеюсь, так ей будет лучше. Я предположил, что, возможно, она найдет время писать, раз не работает, но это не имело успеха. Я выслушал короткую резкую лекцию о том, что быть матерью близнецов – это означает работать с полной загрузкой. Но мне грустно за нее, потому что я знаю, что она недавно попыталась писать и из этого просто ничего не вышло. В последнее время у нее ужасные проблемы со спиной, поэтому она сидит на очень сильных обезболивающих и находит, что они влияют на ее концентрацию. Кроме того, она не может сидеть за письменным столом продолжительное время, потому что начинает болеть спина. Это надрывает мне сердце, Джен. Она такая

сильная, она почти никогда не жалуется, даже когда я вижу, что ей по-настоящему плохо. И она замечательно ведет себя с девочками, никогда не позволяет им видеть, что она устала или страдает. Она всегда готова бегать с ними по саду, как бы это ни было для нее трудно.

Ах, если бы я мог как-то облегчить ее страдания.

Извини. Распустил нюни. В остальном у меня все хорошо. Я сейчас заканчиваю свою учительскую подготовку и в сентябре начну работать в «Грейстоун комп». Жду этого с нетерпением, хотя и страшновато. Я уверен, что мальчики-подростки сейчас очень зрелые. И я знаю, что девочки определенно вызывают больше опасений.

Не хочешь ли ты к нам приехать? Привози с собой месье Жан-Люка! Нам не обязательно оставаться все время в Рединге, я знаю, это не так уж увлекательно. Мы могли бы провести несколько дней в Лондоне или поехать в Котсуолдс или еще куда-то. Я так бы хотел с тобой увидеться, Джен. Мне тебя не хватает.

С любовью,
Эндрю

P. S. Почти забыл сказать: на день рождения Шарлотты и Грейс приезжал Ронан – он был в отличной форме. Много спрашивал о тебе, говорил, что они с мамой очень бы хотели тебя увидеть. Здорово было с ним повидаться: всякий раз, как я его вижу, я чувствую, что как бы мельком снова увидел Конора. Это радует мою душу.

Глава девятнадцатая

В гостинице в деревне оказался только один свободный номер.

— У нас есть для вас люкс для молодоженов, — подмигнув, сообщил Эндрю усатый месье Карон. — Камин, grand lit[13], все в ажуре. — Он одобрительно улыбнулся Лайле, которая как-то ухитрялась выглядеть гламурно даже с прилипшими к лицу волосами и размазанным по щекам макияжем. Лайла оставила Эндрю улаживать формальности, а сама пошла наверх наливать себе ванну.

Гостиница «Ла Пети Оберж» была типично альпийской постройкой на главной улице Вильфранша, между пекарней и табачной лавкой. При ярком солнце она, должно быть, выглядела довольно скучной и невзрачной, но, заваленная снегом, со струящимся из окон теплым светом, показалась Эндрю и Лайле мечтой, настоящим раем.

Им пришлось оставить машину там, где она застряла, — упертой в дерево на склоне горы перед

---

[13] Примечания: 13
Большая кровать (*фр.*).

въездом в деревню. К счастью, они не доехали, как боялся Эндрю, до самого края пропасти. В том месте, где они потерпели крушение, было небольшое понижение от дороги, расстояние метров в десять или больше до того места, где земля обрывалась на сотни футов вниз, до самого дна долины.

Им также повезло, что водитель машины, врезавшейся в них сзади, краснолицый мужчина, от которого сильно пахло бренди, не был заинтересован впутывать в дело полицию. Напротив, он очень извинялся, клялся, что во всем виноват только он один, и оставил им свои координаты, обещая на ломаном английском возместить нанесенный ущерб.

Заполняя бланк за стойкой администратора, Эндрю осознал, что у него нет при себе ни кредитки, ни денег, но, к счастью, когда он объяснил, что гостит у мадам де Шассаньи, что живет выше, месье Карон с радостью поверил, что все будет оплачено.

— Ax! La belle anglaise! Vous êtes son frère?[14] — спросил он, вглядываясь в Эндрю в поисках черт семейного сходства.

---

[14] Примечания: 14
Прекрасная англичанка! Вы ее брат? (*фр.*)

Ее брат.

— Oui, — улыбнулся Эндрю. — Son frère[15].

Когда с формальностями было покончено, Эндрю устало потащился по лестнице на второй этаж. Он толкнул дверь и вошел в рай: люкс для новобрачных был большой комнатой, в центре которой находилась огромная кровать с пологом на четырех столбиках, по бокам камина стояли два потертых кресла, а крохотное окно под самым потолком выходило на дорогу. Здесь было тепло и чисто и пахло древесным дымом и сосной. В своей промокшей одежде, дрожа от холода, эмоционально вымотанный, он мог бы расплакаться от облегчения.

Пока Лайла грелась в ванне, он позвонил на номер Джен со стационарного телефона, послушал, как она кричит:

— Нат, это он. С ним все в порядке!

Во второй раз за последние минуты он почувствовал, что может заплакать. Он извинился за машину, но Джен, похоже, это не заботило.

— Плевать на машину, — сказала она. — Слава богу, что вы целы.

К телефону подошла Нат. Некоторое время

---

[15] Примечания: 15
Да. Ее брат (*фр.*).

никто из них ничего не говорил. Затем самым тихим и виноватым голосом она сказала:

— Прости. Прости, пожалуйста.

— Все в порядке, — заверил он ее. Все было далеко не в порядке, но он не мог сказать то, что чувствует, даже толком не знал, что именно он чувствует, у него не было времени переварить ее слова. — У меня все хорошо. Я в гостинице в Вильфранше. Здесь совсем не так плохо. Очень комфортно. Не знаю, смогу ли я добыть здесь чего-нибудь поесть, но… что ж. Мы плотно поели за обедом. Так что для меня будет, пожалуй, неплохо пропустить одну трапезу. — Он болтал о пустяках, молол жизнерадостный, бодрый вздор, чтобы замаскировать неловкость. — Извини, что заставил тебя волноваться. Сейчас все хорошо?

— Все хорошо, — ответила она, и опять ее голос был едва слышным.

И вдруг раздался голос Лайлы, такой звонкий, что мог бы резать стекло:

— Дрю, дорогой! Тебе оставить воду?

Он закрыл глаза, почувствовал, как сердце проваливается в желудок, и приготовился к нападению.

Ему было слышно, как жена дышит на том конце провода.

— Хм. — Легкий выдох. — Она что, там, с тобой? В твоем номере?

Эндрю набрал в грудь побольше воздуха.

— У них был только один номер, Нат. Гостиница переполнена. Нам приходится делить один номер.

Щелкнув, телефон умолк.

— Твою мать, — тоскливо проговорил Эндрю.

— Что случилось? — Лайла стояла в дверях ванной в нижнем белье, скрестив руки на груди. Эндрю отвернулся.

— Тебе что, необходимо было так вопить? — сердито спросил он. — Теперь она знает, что мы с тобой делим одну комнату, и я теперь пройду все круги ада, когда снова с ней увижусь.

— Откровенно говоря, мой дорогой, мне на это наплевать, — ответила Лайла. — После того, что она мне сегодня сделала…

— Но я-то тебе ничего не сделал, Лайла? Боже мой, хоть бы вы обе не впутывали меня в это.

Он обернулся и посмотрел на нее. Она стояла все там же, в нижнем белье, привалившись к дверному косяку, с волос стекали струйки воды, подбородок был вызывающе вздернут, но в глазах было что-то похожее на раскаяние. Без одежды она была ошеломительно худой, тазовые кости

выпирали над краем розовых трусиков, все ребра четко прочитывались, резко торчали ключицы. Она выглядела невозможно хрупкой, ломкой. У Эндрю возникло самое отчаянное, всепоглощающее побуждение обнять ее, он так явственно вспомнил в этот момент, каково это было, ее любить. Он закрыл глаза и отвернулся.

12 сентября 2009 г.
Электронное письмо Лайлы Джен

Моя дорогая Джен!

Я сегодня думала о тебе и буквально не могла вспомнить, когда мы в последний раз были на связи. Помню, что ты писала мне на Рождество, и я получила от тебя открытку на день рождения, так что, полагаю, точнее было бы сказать, что я не могу припомнить, когда я в последний раз тебе писала. Я плохая, очень плохая подруга. Я очень, очень плохой человек. Но, опять же, ты ведь уже это знала, правда, дорогая?

Ну, все равно, как поживаешь? У меня отвратительный период. Меня в прошлом месяце уволили с моей дерьмово оплачиваемой работы, и я теперь пыта-

юсь найти внештатную работу в сфере рекламы. Будь проклят этот чертов рынок. Честное слово. Почему не может быть, как в 2002 году, когда все брали в кредит кучи денег и бросали их направо и налево? Плюс к тому, мама болеет, что ужасно. Просто ужасно. Она спрашивает о тебе, она всегда тебя любила. Ты бы приехала нас навестить.

Но ты ведь не поедешь меня навещать, верно? Я тебя не виню, я, вероятно, тоже не стала бы себя навещать. Черт, была ведь какая-то причина, почему я тебе пишу, но, хоть убей, не могу вспомнить. А, вспомнила. Я слушала радио, и там передавали песню «White Lines», и я вспомнила, как Эндрю, Дэн и Конор исполняли тот дурацкий танец на том жутком благотворительном конкурсе талантов в колледже, и мы смеялись до слез. Вот что это было. Это навело меня на мысль о том, что я уже больше так не смеюсь, и я подумала, какая жалость. Я скучаю по вам, по всем вам. Даже по подлой корове Натали.

О, Джен. Сколько всего я бы сейчас сде-

лала по-другому. Мне так жаль. Ты даже не представляешь, как я сожалею обо всем, что сделала неправильно, и о той боли, что причинила другим.

Желаю тебе много любви, надеюсь, что ты счастлива.

Ну, пока.

Лайла

Глава двадцатая

Джен медленно двигалась по дому, ведя пальцами по гладкой прохладной поверхности оштукатуренных стен на втором этаже, по шершавому камню стены на лестнице. Она поставила свечи в каждой комнате. Буря начала стихать, скрип балок на крыше стал тише, снегопад ослаб. В доме царила атмосфера странной, напряженной тишины. Натали сидела в кухне, кипя от негодования. Зак потихоньку завертывал картофелины в фольгу, чтобы приготовить в дровяной печи на тот случай, если кто-то проголодается. Дэн сидел в гостиной с бокалом вина. Он был чем-то встревожен, что было заметно с тех самых пор, как он спустился с чердака. Джен задавалась вопросом, не связано ли это с его девушкой.

— Как ты? — спросила она Дэна, садясь в кресло напротив него. Он поднял взгляд и улыбнулся ей очень грустной улыбкой, той, прежней улыбкой. Эту улыбку она помнила. — Что случилось? Что-то, связанное с Клодией?

Он покачал головой:

— Нет-нет. Ничего. Ничего… такого.

Но было очевидно, что это не так.

— Судя по твоему виду, что-то случилось. Ну же. Расскажи мне.

Чуть приподняв брови, он посмотрел прямо на нее и произнес:

— Это было давно.

Джен опустила взгляд.

— Ты тоже так думаешь? Как и Натали, ты думаешь, что я хотела вас наказать?

— Нет. Я так не думаю. Хорошо бы… — начал он и умолк.

— Я знаю, что-то тебя беспокоит. Это ведь не тот стук, правда? — Она улыбнулась ему. — Это может стучать просто дверь сарая. Я могла забыть ее закрыть.

— Нет, дело не в стуке. Хотя приятно сознавать, что это всего лишь дверь сарая. Это облегчение.

— «Она сказала, знаю, там что-то страшное в сарае».

Они пропели это вместе и начали смеяться.

Дрова в камине потрескивали и шипели; большая искра вылетела и упала на коврик. Дэн опустился на колени, чтобы ее затушить. Он очутился у ног Джен. Обхватил руками ее лодыжки.

— Я скучал по тебе, — сказал он тихо. Она наклонилась и взъерошила пальцами его коротко стриженные волосы.

— Я по тебе тоже.

— Плохо, что ты не писала.

— Плохо.

— Я кое-что нашел, — признался он. Он все так же стоял на коленях у ее ног, склонив голову.

— Кое-что нашел?

— Наверху, на чердаке. В одной из коробок. — Он порылся в переднем кармане джинсов, извлек оттуда многократно сложенный листок бумаги и протянул ей.

— О! — Она поднесла руку к губам. — О боже. Список. Твой список. Он был на чердаке?

Дэн поднял на нее взгляд.

— Я не был уверен, надо ли тебе его показывать…

— Да, да. Конечно, надо. — Она наклонилась вперед и обвила руками его шею, прижала к себе, втянула в себя его запах. От него пахло дорого, это был запах кожи. — Я совсем про него забыла. — Она читала и перечитывала, на губах ее играла улыбка. — Мы были так полны надежд! Господи, так молоды! — у нее вырвался гортанный смех. — Это было… за пару дней до отъезда, помнишь? — Дэн кивнул. — Ты сидел примерно там же, где сидишь сейчас. Мы с Коном были на старом диване, который стоял тут, у стены. Ты

решил, что мы должны записать наши желания, наши цели для потомства. Ты постоянно записывал что-то для потомства, верно?

— Я всегда думал, что это может оказаться хорошим материалом. — Он вздрогнул, услышав эти вырвавшиеся у него слова. — Я не имел в виду…

— Я знаю, что ты имел в виду.

— Интересно, как это оказалось на чердаке?

— Понятия не имею. Я помню, как искала этот листок, когда вернулась в Англию. Его не было в моей записной книжке. Я подумала, что мне придется написать все заново, если удастся вспомнить. Должно быть, он как-то попал в вещи жильца. — Джен перечла список, сдерживая слезы, закипавшие у нее на глазах. — Боже. Вы все были такими амбициозными! А мы с Конором, похоже, хотели только спокойной жизни…

— Ну что ж, — Дэн поднялся и устроился в кресле напротив нее, — вам не нужны были амбиции. У вас уже было почти все, что вы хотели.

Она не смогла встретиться с ним взглядом.

— А у вас: Букеровская премия, адвокат-правозащитник, фестиваль «Сандэнс». На самом деле тебе не так плохо все удалось. Может быть, Клодия и не Вайнона Райдер, но, во всяком случае, не магазинная воровка. Она ведь не магазинная

воровка?

— Об этом мне ничего не известно, — усмехнулся он и добавил: — Мне жаль, что тебе не выпала та жизнь, о которой ты мечтала.

Джен пожала плечами.

— Никому не выпадает та жизнь, о которой он мечтает в двадцать три года, Дэн. Ну, почти никому. Если ты посмотришь на имена в этом списке, то вряд ли скажешь, что мне досталось самое худшее, согласен? — После этого оба замолчали.

Помимо воли Джен задавалась вопросом, как разместить их по ранжиру, исходя из того, кому меньше повезло. Конор должен стоять первым, но вот кто должен быть следующим: Эндрю, который принял на себя всю вину, или Нат, которая живет с болью? Дэн и Лайла, похоже, легко отделались, но кто на самом деле знает, через что им довелось пройти?

— Ты винишь Лайлу, Джен? Теперь, когда знаешь всю эту историю, что рассказала Нат.

Джен подумала некоторое время.

— Нет. Ну, она, конечно, могла бы взять на себя часть той тяжести, что легла на Эндрю, правда? Ей следовало все рассказать. Но по-настоящему это ничего не меняет. И ты знаешь, за рулем той машины могла бы оказаться я. Если бы кто-то

предложил мне повести, я бы это сделала. Да, я выпила два бокала вина, но все равно бы повела. Ты помнишь, какое было ощущение в тот день, в то лето, в предыдущее? — Она улыбнулась. — То было как этот список. Никто совершенно не думал, что может случиться что-то плохое. Мы навсегда собирались быть друзьями, вечно любить друг друга. Мы были неуязвимы. Я думаю, все так чувствуют в этом возрасте, а?

Дэн кивнул.

— Я помню ту гонку, тот натиск, ту бесшабашность. Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду.

Джен тоже помнила ту гонку. Когда она садилась в машину Дэна, у нее все еще был на губах вкус вина, вкус поцелуя Конора. Солнце сияло на них с небес. Лайла сидела сзади, боком, закинув свои длинные ноги на спинку, потому что только так она могла уместить их в машине. Джен помнила, как откинулась на сиденье, закрыв глаза, и как хотела, чтобы он ехал все быстрее и быстрее, чтобы все остальное потонуло в этой бешеной гонке.

— Джен? — Это Дэн вернул ее назад, в темноту гостиной. — Все нормально?

— Все хорошо. — Она немного помолчала. — Я

просто думала о том списке. Я не записала ничего для себя лично. Конор и Джен хотят этого, Конор и Джен сделают то…

Они погрузились в молчание, тяжелое от невысказанных мыслей. О том, чего она хотела в то время, когда писала этот список, как все изменилось через полгода, и еще через полгода, а затем, как все, чего она когда-то хотела, уже перестало что-либо значить, потому что той жизни, которую она знала, больше не было. Медленно, робко Дэн протянул ей руку. Она ее взяла.

— Нет такого человека, который хотел бы одного и того же всю жизнь, — сказал он, как будто прочитав ее мысли.

— Я знаю. — В какой-то момент она вдруг подумала, что сможет сейчас рассказать ему, что именно так долго удерживало ее вдалеке, сумеет понятно это объяснить, но тут зазвонил его телефон.

— Ну, наконец-то сигнал! — сказал он, и момент был упущен.

Письмо Джен Конору, датированное маем 1996 г., так и не отправленное

Мой дорогой Кон!
Мне нужно сказать тебе это, но я не

могу. Я не могу сказать это тебе в лицо. Я не могу заставить себя сказать это и увидеть выражение твоих глаз, я не вынесу этого, не вынесу мысли о том, как сильно ты меня возненавидишь, когда узнаешь, что я сделала. О тех ужасных поступках, которые я совершила.

Этому нет оправдания. Все, что я могу сказать, это что по какой-то причине, которой я даже уже не помню, я проснулась однажды, или, может быть, это пришло ко мне постепенно, я не знаю, я сама ни черта не знаю, просто я поняла, что, пожалуй, все то, чего мы хотели, уже не является всем тем, чего хочу я. И дело не в том, что тебя недостаточно, дело в том, что меня недостаточно. Именно так, меня недостаточно.

Я не могу тебе рассказать. Я даже не могу тебе этого написать. Я должна написать эти слова, но мне страшно это сделать, закончить все это, положить всему этому конец, потому что, как только ты об этом узнаешь, это будет конец того, что есть между нами. Я знаю это. Я совершила ужасный поступок.

Я тебя предала. Я должна сказать это тебе в лицо, ведь так? Я не могу этого написать.

Не могу.

Глава двадцать первая

По своему собственному почину жена хозяина гостиницы, крупная, круглая дама, живое доказательство ошибочности утверждения, что француженки не толстеют, принесла им в комнату две тарелки тушеной говядины по-бургундски, а к ней — запеченный картофель и литровый кувшин красного вина.

— Я думать, вы не ели? — сказала она, с приятной, многообещающей улыбкой ставя перед ними поднос.

Эндрю и Лайла набросились на еду, как голодные волки. Они поглощали ее с жадностью, в молчании, сидя на полу перед огнем.

Когда с едой было покончено, Эндрю почувствовал, что молчание перестало быть комфортным, поэтому он сказал:

— Я вызвал такси. Дорога домой обошлась мне в семьдесят фунтов.

— Не поняла.

— Ты хотела знать, как я добрался до дома. От «Флит сервисес». После того как мы расстались.

— А, ну что ж. Ты это заслужил. В конце концов, ты переспал с моей лучшей подругой.

— Справедливое замечание.

— Это ведь было не впервые, да? — спросила Лайла. — В тот уик-энд?

— Впервые. Даю тебе слово.

— Кто… кто был инициатором? Ты? — Она рассмеялась. — Извини, сама не знаю, зачем я это спрашиваю. Просто… не знаю… в то время я постоянно прокручивала это в голове. Не секс, нет, а то, как это началось, кто сделал первый шаг. — Она усмехнулась. — Почему-то я не могу представить, как кто-то из вас делает первый шаг. Во всяком случае, тогда не могла.

— Лайла. — Эндрю укоризненно покачал головой, смущенный.

— Нет, продолжай. Скажи мне.

— Я ее поцеловал. Это была моя вина. Я это начал.

Лайла сидела на полу, привалившись спиной к креслу. Плечи ее были закутаны одеялом, ноги вытянуты вперед, а пальцы чуть касались камина. Она изгибала их перед собой, осматривая темно-красный лак на ногтях, лак, который она нанесла этим утром, после секса, пока Зак был в душе. Это было еще до обеда. До ссоры. До. Она скрестила ступни, посмотрела на Эндрю. Он улыбнулся ей, но, судя по виду, ему было неуютно,

неловко и очень грустно. У нее защемило сердце.

— Ты сделал это из чувства вины, Эндрю?

— Что я сделал из чувства вины?

— Ты поцеловал ее, потому что чувствовал себя неловко из-за нее, из-за всего, что случилось? Ты ведь знал, что она влюблена в тебя, всегда была влюблена? И ты ее пожалел. Вот как это началось, да? Поэтому все произошло?

Эндрю издал звук — нечто среднее между вздохом и смешком. Он встал и отвернулся от нее.

— Я думаю, пора немного поспать, — сказал он. — Я устал. Забирай себе кровать. Я устроюсь в кресле.

— Дрю, я не хотела…

Он снова повернулся к ней, лицо его покраснело от гнева, он опять заговорил, теперь уже громче:

— Ты спрашиваешь, не сошелся ли я с Натали из чувства жалости? Ты серьезно меня об этом спрашиваешь? Ты думаешь, я женился на ней, прожил с ней все это время, вырастил с ней двоих детей, потому что жалел ее? Даже по твоим меркам, Лайла, это большое заблуждение.

Она прикрыла рукой глаза.

— Я не это имела в виду…

— Нет, это, — вздохнул он, уронив подбородок

на грудь. — И это нелепо, Лайла. Не хочу задевать твоих чувств, но я влюбился в Нат задолго до этого. За несколько лет до этого. Я уже говорил тебе. Говорил тебе тогда. — Выражение ее лица, ее взгляд невозможно было вынести. Он опустился возле нее на корточки, едва удерживая равновесие, и покачал головой. — Пожалуйста, не сиди с таким лицом.

— Я тогда тебе не поверила, — тихо и хрипло проговорила она. — Я подумала, что ты просто на меня злишься. Ты действительно хочешь сказать, что никогда совсем меня не любил? Но большую часть четырех лет ты очень убедительно притворялся, что любишь.

Он опять сел рядом с ней, обнял ее за плечи и притянул к себе. Она отстранилась.

— Конечно, я любил тебя, Лайла. Я очень тебя любил. Хотя я не совсем уверен, что ты когда-нибудь меня любила… — Она попыталась возразить, но он продолжал: — Подожди, подожди. Ты помнишь, как мы сошлись? Ты помнишь, что стала флиртовать со мной… ты это сама признавала… только потому, что хотела досадить Карен Сэмюэлс. — Против воли Лайла начала хихикать. — Она в меня втюрилась и действовала тебе на нервы, поэтому ты решила сама меня заполу-

чить. — Лайла позволила ему сильнее притянуть ее к себе. — Вот как начались наши отношения. И я влюбился в тебя, конечно, влюбился. Ты была… ты такая… тебе невозможно сопротивляться. Но где-то, на заднем плане, была Натали. И для меня, каким-то непонятным образом я знал это, всегда существовала только Натали.

Лайла опять отстранилась от него, плотнее закуталась в одеяло.

— Мама это видела. Она меня предупреждала. Я сказала, что она говорит чепуху.

Эндрю почувствовал, как его захлестнула волна стыда.

— О боже. Мне так жаль. Мне нестерпима мысль, что твоя мама считала, будто я вожу тебя за нос. Твоя мама всегда так хорошо ко мне относилась. Так радушно. Я всегда думал, что из нее выйдет идеальная теща.

— Печально, что ее дочь была так далека от роли идеальной жены, — с грустной иронией усмехнулась Лайла. — Не переживай. Не переживай насчет мамы. Она не думала, что ты водишь меня за нос. Она просто видела то, чего не видела я. Видела, что назревает. Она пыталась сказать, что мне следует быть осторожной, беречь то, что есть между нами, относиться к тебе лучше, чем

я относилась.

— Ты прекрасно ко мне относилась, Лайла.

Она рассмеялась, громко и резко.

— О, чушь, Дрю. Я относилась к тебе отвратительно.

Некоторое время они молча смотрели на огонь. Эндрю слышал, как за окном шумит ветер в ветвях елей. Инстинктивно он придвинулся к Лайле чуть ближе, и так они сидели, тесно прижавшись друг к другу, пригревшись у огня. Вдали от вьюги, в уютном убежище.

— Как она, твоя мама? У нее по-прежнему та квартира в Уинчмор-Хилл?

— Нет, Дрю. Я должна была тебе сказать, я хотела с тобой связаться, но… Она умерла полтора года назад. Рак груди.

— Ох, черт, Лайла. Мне так жаль. Мне так жаль. — Он крепко прижал ее к себе, и она положила голову ему на плечо. — Вы с ней были так близки. Тебя это, наверное, подкосило.

— Да, — ответила она чуть надтреснутым голосом. — Подкосило. Слава богу, у меня был Зак. Не знаю, как бы я без него справилась.

— В самом деле? — Он услышал в собственном голосе легкую нотку недоверия. Она тоже ее услышала, и он почувствовал, как она отдернулась.

— Да, в самом деле, — обиделась Лайла. Она встала на ноги, плотнее закутываясь в одеяло. Потом налила себе еще бокал красного, не предложив ему. — Я знаю, вы все думаете, что он безмозглый красавчик, только потому, что он молод и красив, но на самом деле он совсем не такой.

— Извини, не знаю, почему я так сказал, я совсем не думал… я не знал, что это серьезно.

— Да, серьезно. — Она села в кресло перед огнем и принялась задумчиво рассматривать свои накрашенные ногти. — Он спас мне жизнь, знаешь ли. Дважды. — Эндрю ничего не ответил, он ждал продолжения. Она подняла левую руку, одеяло соскользнуло. Он не мог поверить, что не заметил этого раньше: темный рубец, тянущийся на добрых два или три дюйма от запястья к локтю.

— Господи боже, Лайла.

— Да. Глупо, правда? Я сделала только один надрез. — Она подняла другую руку для сравнения. — Не могу представить, как кто-то делает оба. — Она глухо рассмеялась. — Меня остановила не воля к жизни, а боль. Ты не представляешь, как это больно.

— О боже, Лайла. О боже. — Он все повторял и повторял это, глупо, бессмысленно. Как могла она

пойти на такое, как получилось, что он ничего не знал? — Лайла, я должен был быть там, мне надо было поддерживать с тобой связь…

— Дрю, ты сделал много попыток поддерживать со мной связь. — Она улыбнулась ему. — Ты не несешь за меня ответственности и сам это знаешь. Ты не несешь ответственности ни за кого из нас. — Он мог бы с таким же успехом разговаривать с Натали, та постоянно говорила ему то же самое. «Ты за них не отвечаешь, Эндрю». — Это было глупо, настоящая глупость с моей стороны. По сути, непростительная. Потому что я сделала это, когда мама была еще жива. Теперь сама не могу поверить, что я на это пошла. Если бы у меня получилось, это разбило бы ей сердце. Она осталась бы совсем одна.

Тут Эндрю подумал, что Натали была права. Лайла была исключительной эгоисткой. Показательной эгоисткой. Но дело не только в этом. Она была не просто эгоистичной, она была сломленной. Полностью сломленной. Когда он ее любил — потому что он ее любил, нельзя отрицать, он был пленен ею какое-то время, — была ли она душевно здорова? Надломы появились в тот последний год, это было ясно, но можно ли было их залечить, не начнись у него романа с Натали?

Был ли он виновником того, что она надломилась? Ему хотелось произнести эти слова вслух, хотелось спросить у нее, но он боялся ответа.

— Я познакомилась с Заком в больнице, — продолжала Лайла. — Это было… лет около двух назад? Да. Так вот. Я потеряла работу. Я была совсем на мели, я пила, мое сердце было полностью растоптано одним типом, а потом у мамы диагностировали рак, и однажды вечером я взяла и… — Она жестами изобразила, как режет себе запястье. Эндрю вздрогнул. — Так или иначе, меня хватило только на одну руку, и, будучи полной долбаной слюнтяйкой, я не смогла вынести боль и вызвала «Скорую». — Она улыбнулась. — Какое-то время мы с мамой вместе лежали в больнице Святого Фомы. Только она не знала, почему я там оказалась. Я сказала ей, что упала с лестницы, когда несла бокал с шампанским. Думаю, она мне поверила. Надеюсь, что да. — Она ненадолго замолчала, продолжая ковырять лак на ногтях. — В любом случае я была в дерьмовом состоянии, и они продержали меня в больнице несколько дней, чтобы убедиться, что я не совершу еще одной попытки. Однажды днем я вышла выкурить сигарету, а этот парень выходил из главного вестибюля на костылях. Он улыбнулся мне и сказал,

чтобы я бросала, потому что я самая красивая девушка, какую он видел, и будет досадно, если я умру от рака.

— И это был Зак?

— Это был Зак.

— Ловкач.

— Я тоже так подумала. У него было что-то со связками… не помню, какая-то спортивная травма, и он приходил на физиотерапию. Потом мы сталкивались с ним пару раз, когда я приходила навещать маму. Он пригласил меня на кофе, и, конечно, я отказалась, но он был настойчив и… Ну вот. Он оказался для меня самое то, что надо. Добрый, сильный. Без тараканов в голове. Он заботился обо мне. Ему нравилось обо мне заботиться. А ты знаешь, как я люблю, чтобы обо мне заботились.

— Знаю, — кивнул Эндрю.

Лайла соскользнула вниз с кресла, так что они снова сидели бок о бок.

— Так вот, это был первый раз. Первый раз, когда он меня спас.

— А второй?

Она прокашлялась.

— Это было немного позже. Я к тому времени нашла работу, дерьмовую работу в рекламной

сфере, а мама была очень больна. Я не могла приходить к ней каждый день, я имею в виду в хоспис, потому что работала. Зак в то время работал в баре. Ну, немного фитнеса, а так большую часть дня он был свободен. Поэтому он стал приходить и сидеть с ней. Мы тогда по-настоящему встречались с ним только месяца четыре, он едва меня знал. И я уверена, что мама долго не понимала, кто это такой, она к тому времени была уже очень плоха, но он все равно ходил. — Лайла начала плакать, плечи ее вздрагивали. — Каждый день он просто приходил и сидел у ее постели, держал ее за руку, говорил с ней про сериал «Жители Ист-Энда». В течение четырех месяцев, до самого конца, я приходила туда вечером, а он приходил днем. Она никогда не оставалась одна. — Слезы струились по ее щекам, она их не вытирала. — Я буду всегда любить его за это.

Эндрю положил в камин последнее полено.

— Я так рад, Лайла, что у тебя кто-то появился, кто-то у тебя есть. Я так рад, что ты нашла человека, который любит тебя так сильно, как тебе требуется.

Она шмыгнула носом.

— Я тоже. — Она улыбнулась ему, открыла рот, как если бы собиралась что-то сказать, а затем

передумала.

— Что такое?

— Ты не виноват, — сказала она. — В том, какая я. Всегда было ясно, что я буду такой. — Она повернула к нему голову, большие голубые глаза потупились под длинными мокрыми ресницами; они сидели так близко, что он чувствовал кости под ее кожей. Легонько покусывая нижнюю губу, она вложила свою руку в его. — Ты был не виноват. Но я хочу сказать… в противовес тому, что она сказала… То есть я хочу рассказать со своей стороны. Тебе.

— О чем ты, Лайла?

— Тогда, помнишь? С Натали, в пабе.

— Ты не обязана ничего мне говорить, особенно сейчас. Теперь это уже история.

— Послушай. Моя мама, она сказала, что ты от меня отдаляешься, что осталось недолго. Она мне сказала, а я ответила, что это чепуха. Только у меня ее слова застряли в башке. Я думала об этом всякий раз, когда мы собирались втроем, и это было у меня в голове в тот день в пабе. Ты сидел за обедом рядом с Нат, она рассказывала тебе о книге, которую прочла. Не помню сейчас, что за книга, но ты был ею захвачен.

— «Она же Грейс».

— Что?

— Книга, о которой она говорила. «Она же Грейс» Маргарет Этвуд.

— Господи боже, ты помнишь книгу. — Она покачала головой. — Сомневаюсь, что ты помнишь хоть что-нибудь из того, что я говорила тебе за весь тот год.

— Лайла.

— Была причина, почему мне надо было выпить в то утро. Причина, по которой мне надо было понюхать кокаин. Я не оправдываю себя за то, что я делала, нет оправдания ни тому, что я делала тогда, ни тому, что потом. В то время я об этом не думала, наверное, я даже об этом не знала, во всяком случае, не думала об этом сознательно, понимаешь? Но я наблюдала, как ты в нее влюбляешься. Мне было больно. Потому что, — у нее опять надломился голос, — как могло быть иначе, если делать выбор между мной и ею? Как ты мог ее не любить, ее дух, ее силу? Она в тысячу раз сильнее меня. Как ты мог не любить то, что она собой представляет?

— Лайла, пожалуйста, не надо, не думай так.

— Я тоскую по ней, Эндрю. Я так по ней тоскую. Она разбила мне сердце.

— Я знаю.

— Никто, ни один мужчина никогда не причинял мне такой боли, как она. Я ее так любила.

— Знаю.

— Я тоскую по ней гораздо больше, чем по тебе.

— Знаю. — Он снова обнял ее за плечи, притянул к себе, поцеловал ее влажные волосы. От нее вкусно пахло миндалем и яблоками.

— Надеюсь, она с тобой счастлива, Эндрю. Надеюсь, вы счастливы друг с другом.

Какое-то мгновение он не мог сказать ничего, потому что в горле застрял жесткий ком и у него было такое чувство, что, если он заговорит, польются слезы. Они подступали весь день. Эндрю чувствовал себя страшно вымотанным. Он расслабленно привалился к ней, его голова опустилась на маленькое острое плечо.

— Да, я с ней счастлив. Я хочу сказать, мы оба. Оба делаем друг друга счастливыми. Или, во всяком случае, так было. Мы были счастливы: она, я и девочки. — Он прокашлялся. — Хотя теперь… Я не знаю. Она постоянно такая сердитая. Она могла бы затеять спор буквально в пустой комнате. Я правду говорю, иногда я вижу, как она расхаживает по комнате взад и вперед, взбешенная по поводу какого-нибудь будущего

воображаемого спора, который она собирается вести с девочками, или с газовой компанией, или с муниципальным советом, или с каким-нибудь журналистом, который написал колонку в газете. И я чувствую, что ничего не могу с этим поделать. Я постоянно чертовски ее разочаровываю.

— Этого не может быть, — сказала Лайла, поворачиваясь к нему лицом и поднимая пальцами его подбородок. — Как ты вообще можешь кого-то разочаровать?

Она мягко поцеловала его в висок, в щеку и в губы.

15 января 1997 г.

Дорогой Эндрю!

Я начинаю это письмо в четырнадцатый раз. Это не шутка. Я решила во что бы то ни стало его закончить, так что, если я буду писать бессвязно, прости меня.

Я люблю тебя. Ты знаешь это, знаешь, что я люблю тебя уже давно. Но тем не менее произошедшее в этот уик-энд я считаю ошибкой. И ты знаешь, что я имею в виду, говоря это. Дело не в том, что это ощущалось как ошибка, как что-то

неправильное. Наоборот, оно ощущалось как очень правильное, правильнее не бывает.

Ты знаешь, что я имею в виду, потому что знаешь меня лучше, чем кто-либо когда-либо меня знал. Я не могу так поступить с Лайлой, мы не можем так поступить с Лайлой. Мы не простим сами себе, это будет выедать нам мозг, это сделает нас несчастными, и больше всего я боюсь (хотя сейчас это кажется невероятным), что каким-то образом это несчастье уничтожит наши чувства друг к другу. Для меня не может быть ничего хуже, чем перестать любить тебя так, как я люблю сейчас, или почувствовать, что ты меня не любишь.

Я люблю тебя, но я не могу разбить Лайле сердце.

Знаю, что это самое трудное решение в моей жизни.

Я всегда буду твоей.

Натали

Глава двадцать вторая

Это было ужасным клише, но Дэн чувствовал, что стоит на перепутье и в такое время самое подходящее — уединиться для тихого размышления. Он бы никогда в этом не признался, но ему до сих пор было страшно идти одному в амбар, пусть даже неприятный звук получил свое объяснение. Натали ведь сказала, что видела свет? Этому не было уже никакого объяснения, кроме того, что там бродит сумасшедший. Так что тихому размышлению придется отвести место в углу кухни, откуда недавно удалилась крайне раздраженная Натали. Она поднялась наверх прилечь. Зак закончил в кухне свою бойскаутскую задачу с картошкой и ушел в гостиную посидеть с Джен.

Телефон Дэна запищал, это было сообщение от Клодии: «Не сердись, малыш. Я скажу ему завтра. Обещаю. Люблю тебя».

На какой-то момент он был сбит с толку. По поводу чего ему полагалось сердиться? Потом вспомнил, ах да, это по поводу того, что она занималась сексом с мужем. У него возникло ощущение, что тот разговор состоялся очень-очень давно, и странно было бы сейчас переживать на

этот счет; словно это случилось с кем-то другим. Он решил, что это нехороший признак. По правилам, ему следовало до сих пор гореть праведным гневом, ревностью. Почему же ему совершенно наплевать?

Это перепутье, на котором он очутился, на самом деле не имело никакого отношения к Джен. Было бы легко позволить себе думать, что оно связано с ней, потому что он был здесь, с ней, потому что она по-прежнему выглядела такой красивой и по-прежнему так смотрела на него, что у него возникало чувство, будто в сердце у него находится металлический крючок, а у нее в руках — приделанная к нему леска, и она может дергать, дергать, дергать за нее всякий раз, как ей захочется. Но если быть честным с самим собой, в этом чувстве не было ничего особенно нового.

В кухню шумно ввалился Зак. Дэн застонал громче, чем намеревался.

— Ты как? — спросил Зак. Он был такой заботливый. Почему он такой заботливый?

— Прекрасно, спасибо, — ответил Дэн, стараясь изгнать из голоса раздражение.

— Точно?

— Со мной все в порядке, Зак. Я просто… Ну… неприятности с девушкой.

В тот самый момент, как слова сорвались с его губ, он о них пожалел. Зачем он рассказывает Заку?

— Ах да. Актриса. Замужняя актриса.

— Угу.

— Я когда-то встречался с актрисой. Она снималась в сериале «Реанимация», или «Холби-Сити», или каком-то еще.

— В самом деле?

— Да. Она была чокнутая. Твоя чокнутая?

— Нет, с ней все в порядке.

К его досаде, Зак сел по другую сторону стола.

— Она что, передумала? Уходить от мужа?

— Нет.

— Так в чем проблема?

Странным образом стиль расспросов Зака, совершенно лишенный деликатности, вывел Дэна на существо проблемы.

— Дело во мне. Я чувствую… честно говоря… Чувствую, что, возможно, я сделал громадную ошибку. Не в том, что я с ней, а в том, что предлагаю ей, даже убеждаю уйти от мужа. Это большая ответственность, знаешь ли.

— Разрушить чей-то брак, ты имеешь в виду?

Дэн вздохнул.

— Нет. То есть да. В общем… Все это сложно.

— Почему так?

— Ладно. По-твоему выходит, я какой-то подонок, а я совсем не такой. Я не отношусь к этому легкомысленно, понимаешь? Я много думал об этом. Я целую вечность над этим мучился.

— Вечность.

— Да, вечность. Мы познакомились… не знаю, месяцев пять назад.

— Пять месяцев? Так давно?

— Ладно, послушай. Я увидел ее в фильме в прошлом году. Фильм «Голод». Не думаю, что ты его видел. — Дэн не представлял себе Зака в роли фаната немецкого арт-хауса. — Очень интересный, очень эротичный. Она была феноменальна, и я просто никак не мог выкинуть ее из головы. Когда я писал сценарий к «Пропавшей девушке» — это тот фильм, который мы только что кончили снимать, — я писал роль Офелии, держа в уме Клодию. Я связался с ее агентом и убедил ее участвовать в пробах. Не то чтобы пробы были необходимы, потому что я ведь написал роль специально для нее. Но я хотел быть уверенным, по-настоящему уверенным. И все получилось так, как я и представлял, какой я ее и представлял. Она была идеальна. — От одной только мысли об этом у него участилось дыхание. — Между нами

тотчас же образовалось яростное притяжение. Несомненное, явно взаимное, прямо с самого начала. Но мы не предпринимали никаких шагов. Отчасти из чувства уважения к ее браку, но также из-за работы. — Дэн закрыл глаза, вспоминая то время, все эти мучительные часы, проведенные вместе, рядом, что можно было легко коснуться друг друга (и зачастую они действительно друг друга касались, ведь он был известен как режиссер, проповедующий телесный контакт), длинные вечера за обсуждением сценария и репетициями, боль и физическую агонию, которые он ощущал, страстно ее желая. Он стряхнул эти воспоминания. — Только в конце съемок, когда мы осознали, что больше уже не будем видеться каждый день, только тогда мы поняли, что должны быть вместе.

— Звучит… здорово, — сказал Зак. — Вся эта штука по-настоящему заводит.

«По-настоящему заводит», — подумал Дэн. Плечи его поникли. Какого дьявола он взялся распинаться перед этим парнем? Что он вообще может понять?

— Работать вместе, хотеть друг друга, испытывать тайное влечение… звучит завлекательно. Хотя и не похоже на реальную жизнь.

Дэн покачал головой, криво усмехнулся. Он пытался придумать подходящий способ продемонстрировать Заку: то, что было у них с Клодией, было очень даже реально, но запнулся. Со злобной раздражительностью он вдруг понял, что Зак в чем-то прав. Все это не производило впечатления реальной жизни. Даже рассказывая эту историю, рассказывая о своей возлюбленной, он осознавал, насколько это звучит именно как история. С началом, серединой и концовкой. Какой же будет концовка? Они жили долго и счастливо? Это он не вполне мог себе представить. В сущности, если быть честным, всякий раз, как он рисовал в воображении Клодию, всякий раз, как представлял их обоих вместе, они никогда не были в его лондонской квартире за приготовлением спагетти по-болонски, никогда не гуляли по Хэмпстед-Хит, никогда не шли в кино. Они всегда были в номере отеля или в аэропорту, всегда не дома, всегда где-то еще.

Каким бы поучительным ни был этот разговор с Заком, толку от него было мало. Если уж на то пошло, он вгонял Дэна в состояние паники. Ему случалось чувствовать себя так и прежде. На протяжении последних нескольких недель ощущение подлинного ужаса посещало его ночью,

тревожа до бессонницы, даже когда он лежал рядом с Клодией и наблюдал ее: руки и ноги цвета слоновой кости, запутавшиеся в простынях, разметавшиеся по подушке светлые волосы, бледные, чуть приоткрытые губы — идеальный образ. В последнее время бывало, что он чувствовал себя перепуганным, и пугала его финальная сцена фильма «Выпускник», где Дастин Хоффман и Кэтрин Росс садятся в автобус, запыхавшись после своего рывка из церкви, где Росс только что покинула у алтаря будущего мужа, и они просто сидят в автобусе, ничего не говоря, на лицах их явно написана неуверенность, и зрителю понятно, о чем они думают. Дэн тоже знал, о чем он думает… Он думал: черт подери, какого дьявола я натворил? Итак, я ее заполучил, она теперь моя. И что мне теперь делать дальше?

Зак смотрел на него, выжидая, что он скажет.

— Я хочу пива, — сказал Дэн, и Зак услужливо вынул ему из холодильника пару бутылок. Не такого холодного, как хотелось бы. — Я не знаю, что мне делать, — запинаясь, выдавил Дэн.

— Если ты не уверен, тебе надо ей сказать. Не позволяй ей уходить от мужа, если ты не уверен.

Он был прав. Громадный красавчик бойскаут был совершенно прав. Но как воспримет это Кло-

дия? Она не привыкла к тому, чтобы ее отвергали. Если она почувствует, что он отступается от нее, это будет означать конец их отношениям, в этом он был уверен; интрижка закончится, потушенное пламя никогда больше не разгорится. Сможет ли он прожить без нее? Его посетило видение почти такое же пугающее, как сцена из «Выпускника»: он один в тысячефунтовом номере отеля в Париже на Рождество.

Его пальцы коснулись сенсорной панели телефона. Панель загорелась, но больше он ничего не сделал. Он чувствовал себя парализованным, обездвиженным, в подвешенном состоянии где-то между сковородой обязательств и огнем хронического, неослабевающего одиночества.

— Ты вырос в большой семье, да? — спросил он Зака.

— Два старших брата, одна младшая сестра, — ответил Зак. — Откуда ты знаешь?

— По тебе видно. Люди, которые выросли в больших, счастливых семьях, имеют определенную… уверенность, как я понимаю.

Зак пожал плечами.

— Может быть. Мои братья колошматили меня, когда я был маленьким. — У Дэна не укладывалось в голове, что Зак когда-то был маленьким. —

Но сейчас мы отлично ладим. Лиза, моя сестра, она милашка.

— Должно быть, это приятно.

— А у тебя? Ни братьев, ни сестер?

— Ни братьев, ни сестер. И родителей уже нет.

— Черт. Жаль. Это сурово.

— Да, это точно сурово. Мне не хватает семьи. Не моей настоящей семьи, конечно, потому что она никогда не была такой, как надо. Долгая история. Мне не хватает нас. — Он обвел рукой вокруг. — Эти люди, они когда-то были моей семьей. Самые близкие люди, какие у меня были. — Он сделал большой глоток пива. — Вот почему было так больно, когда все распалось. Понимаешь, они считают, я ничего не потерял. Собственно говоря, они думают, что я приобрел. Тот чертов фильм. Я совсем не хотел их обидеть. — Он посмотрел на Зака. — Скажи ей, скажи Лайле. Это совсем не входило в мои намерения. Скажи ей, что я говорю правду. Мне очень неприятно, что я так сильно задел ее чувства. — Он покачал головой. — Я виноват. Это не потому, что она слишком остро среагировала. Я был глуп, я был гребаным идиотом: я использовал то, что она делала и говорила, я взял материал, перекрутил его и создал этот персонаж… Это действительно вымысел. Это не она.

Но слишком много похожих деталей, получилось слишком на грани фола. Господи, даже актриса, которую они подобрали… они подобрали, не я, я не имел к этому никакого отношения… она была похожа на Лайлу. А это ей уж совсем было не в кайф, бедняжке. — Дэн умоляюще развел руками. — Ты знаешь, я пытался с ней связаться. Много раз. Она ни в какую не хотела.

Зак улыбнулся.

— Если бы затаенная злоба была олимпийским видом спорта…

— Лайла получила бы золото, а Натали — серебро? — Оба засмеялись. — Как бы я хотел иметь возможность как-то это загладить.

Зак, откинувшись назад на стуле, изучал лицо Дэна, его собственное выражение лица было непроницаемым.

— Так что? — спросил его Дэн. — Есть такая возможность?

Зак покачал головой.

— Не мне судить, — сказал он тихо. Он прикончил свое пиво и встал, чтобы поставить бутылку на кухонную стойку, рядом с другими пустыми бутылками.

— Нет, продолжай, — настаивал Дэн. — Скажи мне. Я ничего ей не расскажу. В чем дело? Может,

она хочет снова попытать счастья на актерской стезе? Потому что мы пробовали это в колледже, и из этого ничего не вышло. У нее подходящая внешность и есть драматическое чутье, но она не слушается режиссера.

— Это не пойдет, — усмехнулся Зак.

— Что тогда? — По тому, как Зак пожал плечами и опустил взгляд, Дэн даже в полутьме увидел, что он смущен. — Деньги? Ей нужны деньги?

Зак надул щеки и широко развел руки.

— Я могу о ней позаботиться. Я позабочусь. Она в стесненных обстоятельствах. Уже давно. Набрала кучу долгов. Я не очень уж много зарабатываю, но мы сводим концы с концами. Только… понимаешь?.. Ты же знаешь Лайлу. Просто сводить концы с концами не ее стиль.

Дэн слушал вполуха. Он был, пожалуй, доволен, что она хочет попросить у него денег. Это было как-то по-семейному. Когда человек находится в стесненных материальных обстоятельствах, залез в долги, он обращается к родственникам, не так ли? Ведь именно так поступают люди?

— У нее такое соображение, — говорил Зак, — что ты ей должен. — Он молитвенно воздел руки. — Я так не думаю. Я считаю, что она слишком уж негодует по поводу того фильма. Но она,

похоже, считает, что заслуживает чего-то от тебя. Она называет это репарациями.

У Дэна упало сердце. Лайла не собирается обращаться к нему за помощью по-родственному, она смотрит на это как на компенсацию, на возмещение ущерба, который он ей причинил.

— Не говори ей ничего, Дэн. Мне не следовало об этом упоминать.

— Нет-нет, — расстроенно сказал Дэн. — Конечно, нет. — Он снова вынул из кармана телефон, пробежался пальцами по сенсорной панели, чтобы вызвать ее к жизни, нашел сообщение Клодии и нажал «ответ».

Из холла послышался шум, и в дверях появилась Джен. Она привалилась к дверной арке, прядь волос упала ей на лицо. Она выглядела измученной.

— Я иду спать, — сообщила она. — Вы тут вдвоем справитесь?

— Конечно, — сказал Зак. — Думаю, я тоже готов вырубиться.

— Дэн?

— Да, все в порядке. Иди.

— Ладно. — Она подошла к нему, наклонилась и поцеловала в щеку. От нее пахло ванилью и немножко чем-то цитрусовым. — Мне жаль, —

мягко сказала она, проводя большим пальцем по его щеке, — что дела сегодня пошли так нескладно. Я очень рада, что ты приехал.

Учащенно дыша, он поймал ее руку в свою. В комнате было странно тихо — больше не трещал огонь, не завывал ветер. Зак будто растворился в воздухе.

— Я тоже рад.

Она высвободила руку и отвернулась.

После этого он долго сидел в темноте, уставившись в свой телефон, глядя на лестницу, слушая потрескивание дома, передвижения людей на втором этаже: тяжелую поступь Зака, мягкие шаги Джен. Когда она его поцеловала, заговорила с ним этим тихим голосом, когда Дэн вдохнул ее запах, коснулся ее, он чуть с ума не сошел от нахлынувших чувств. Это было откровение. Он получил шанс. И не мог его упустить. Он ответил на послание Клодии: «Не говори ему пока. Нам надо все обсудить. Позвони мне».

Сентябрь 1999 г.
Электронная переписка между Дэном и Лайлой

Дэн – Лайле

Лайла, я звонил сегодня три раза и так понимаю, что ты меня игнорируешь. Мне жаль, что ты обиделась на некоторые моменты в фильме. Знай, что, хотя в образе Зары есть некоторые твои черты, не предполагалось выводить в этом образе тебя. Позволь мне в качестве извинения пригласить тебя куда-нибудь на шампанское. Прошу тебя, я не хочу, чтобы мы из-за этого рассорились.

Дэн

Лайла – Дэну

Тебе жаль, что я обиделась? Ты шутишь? Это не я обиделась, Дэн. Это то, что ты сделал, было обидно. И мне наплевать на то, имеет или не имеет этот образ мои черты. Ты использовал те секреты, которые я доверительно тебе рассказала, ты использовал мои слова, мои реальные слова. Ты использовал то, что я говорила тебе, когда была в отчаянии, придавлена несчастьем. Скажи мне, ты что, делал записи, когда мы подолгу болтали, когда я обреталась у тебя? Может быть, ты записывал меня на диктофон?

Поставил жучка в мою комнату?

Ты задница, и никакое количество шампанского этого не загладит.

Дэн – Лайле

Конечно же, я не делал никаких чертовых записей. Я писатель, Лайла. Мы используем материал из жизни, все художники так делают. Еще раз прошу меня простить, если я тебя обидел (такая формулировка больше подходит?). Это не входило в мои намерения, и, должен сказать, я здорово расстроен, что все то, что ты увидела в фильме, было каким-то образом против тебя. Я надеялся, что там можно было усмотреть не только это.

Лайла – Дэну

Пошел вон, надменный засранец.

Глава двадцать третья

Эндрю уже забыл, как громко Лайла храпит. Было поразительно, как такое изящное создание, с такими красивыми чертами и хрупким телосложением, может производить во сне так много шума, столько хрюканья и храпа. Теперь он вспомнил, что причиной его недосыпа в промежутке между его девятнадцатилетним и двадцатитрехлетним возрастом был не только ненасытный сексуальный аппетит Лайлы, но и состояние ее носовых пазух.

Он выскользнул из постели и подошел к окну. Снег почти прекратился. Он лежал на дороге толстым слоем, почти идеально нетронутый, если не считать единственной цепочки крохотных следов, которые виляли из стороны в сторону — пьяная лиса, что ли? Ветви деревьев прогибались почти до земли под тяжестью снега, и прямо рядом с окном сосульки, в три-четыре фута длиной, свисали с карнизов, мерцая серебром в лунном свете. Он подумал, что можно было бы сделать несколько снимков, чтобы показать девочкам. Тихонько он прокрался обратно к кровати и взял телефон с прикроватной тумбочки.

Ранее он отключил его, чтобы не разряжался аккумулятор. И, включив теперь, обнаружил, что сигнал вернулся. Телефон запищал, сердито и настойчиво, возвещая о пропущенных звонках и сообщениях. Он постарался заглушить его звук с помощью одеяла, которое обмотал вокруг туловища, хотя этого вовсе не требовалось. Лайлу не разбудила бы и взорвавшаяся бомба. Она могла спать под любой шум.

Двадцать четыре пропущенных звонка, большей частью с домашнего телефона Джен, и несколько эсэмэсок, большей частью от Натали. Читая их, он заметил четкую траекторию интонации, от испуганной («Ты ОК? Позвони») до панической («Где ты? Оч беспокоюсь, пжлст перезвони срочно»), затем внезапный переход к ревнивой ярости, и наконец сообщения мало-помалу стали совсем невразумительными.

Было также три сообщения от его дочерей. Грейс писала, что она потрясающе провела время в сафари-парке Лонглит (Грейс до сих пор искренне радовалась детским развлечениям, еще не успев скатиться в подростковый скептицизм), а Шарлотта спрашивала, не может ли он уговорить Натали, чтобы она позволила им пойти на вечеринку к Соне встречать Новый год. Шарлот-

та, совершенно определенно, была подростком. И уже выработала приемы ведения широкомасштабных кампаний «разделяй и властвуй» с целью добиться того, чего ей хотелось. На Эндрю смотрели как на более слабого из двух родителей, поэтому он всегда был первым объектом атаки. Третье сообщение было также от Шарлотты и представляло собой фото сестер, счастливо улыбающихся в бабушкиной гостиной, с текстом «Папа, мы тебя любим». Оно было отправлено за несколько минут до просьбы о новогодней вечеринке, чтобы размягчить отцовское сердце. Что и говорить, девчонка умница, вся в мать.

Он сделал несколько снимков заснеженного пейзажа за окном. Сердце его было переполнено чувствами: красота и любовь, чего еще можно желать? Его друзья (а теперь, выходит, и Натали тоже), глядя на его жизнь, испытывали жалость. Но чего никто, похоже, не понял, так это того, что из них всех он считал себя счастливейшим. Он получил то, чего хотел, получил женщину, которую любил, и двух прекрасных дочек в придачу. Сейчас он жаждал их увидеть, жаждал обнять.

Но вдруг он почувствовал поднимающийся в нем непонятный страх, невыразимый ужас и вздрогнул. Он принялся уговаривать себя, что

все будет хорошо, потому что, хотя Натали будет сердиться на него завтра (уже сегодня), и на следующий день, и, возможно, еще несколько дней, но, как только гнев выгорит, у них все будет хорошо. Они вернутся к нормальной жизни, как только чувство вины будет подавлено, изгнано прочь, сброшено со счетов. У них все будет хорошо. Разве нет? После того что им довелось пережить вместе, они переживут и это. И тем не менее ему было страшно. Он набил сообщение Натали. «Надеюсь, это тебя не разбудило, просто хотел сказать, как сильно я тебя люблю. Всегда твой Э.»

Он отвернулся от окна и грустно улыбнулся, глядя на девушку в кровати, — она лежала, как красивая сломанная кукла. Он забрался обратно в постель, изо всех сил стараясь ее не потревожить, пытаясь найти какой-то уголок кровати, где он мог бы свернуться комочком, не дотрагиваясь до нее. Теперь ему нужно было оставить как можно больше пространства между своим телом и телом Лайлы. Потом он закрыл глаза и стал мечтать о том, что рядом с ним лежит Нат: он представлял, как кладет на нее руки, ощущает ее дрожь.

16 января 1997 г.
Электронное письмо Эндрю Нат

Дорогая Нат!

Вчера я получил твое электронное письмо. Я позвонил вечером, но твоя мама сказала, что ты очень устала и пораньше легла. Вероятно, это правда, но если нет, я могу придумать по крайней мере две возможные причины.

1. Ты не хочешь говорить со мной, потому что, как ты сказала в своем письме, не хочешь продолжать то, что произошло между нами, и разговор со мной все только затруднит.

2. Тебе звонила Лайла, она пересказала наш с ней разговор, и ты злишься на меня за то, что я сообщил ей, не поговорив сначала с тобой.

В обоих случаях я понимаю.

Позволь мне, однако, объяснить насчет Лайлы. Она приехала в Бейзингсток забрать меня, и я понял, что не могу ей лгать. Я просто не мог спокойно сидеть рядом с ней и лгать, не мог притворяться, что произошедшее между нами на самом деле не произошло. Я не мог поехать с ней домой, лечь с ней в постель, заниматься с ней любовью. Не мог. Я не

мог придумывать отговорки, говорить ей, что я устал, что неважно себя чувствую… Ты говоришь, что я тебя знаю. Что ж, а ты знаешь меня. Ты знаешь, что я не мог так поступить, я скроен по-другому. Поэтому я просто сказал ей. Сказал, что влюбился в тебя.

Сделанного не воротишь. К тому времени как я добрался до дома, она уже ушла, забрала что-то из своих вещей и расколотила изрядное количество моих. Дэн рано утром прислал мне сообщение, что она объявилась у него – он сказал, что она собирается пожить там некоторое время. Она тебе звонила? Что бы она ни сказала, знай, что это она сгоряча. Она тебя любит, она тебя простит.

Если ты не можешь быть со мной, я это пойму. Но я этого не приму. Я не уйду. Я не говорю, что собираюсь докучать тебе, или преследовать тебя, или звонить каждый вечер, но я не уйду. Я не буду жить без тебя, Нат. После всего, что мы с тобой пережили, я отказываюсь это делать. Возможно, в свете всего произошедшего я не заслуживаю счастья. Но

ты заслуживаешь, и я верю, точнее, знаю, что могу сделать тебя счастливой, если ты мне позволишь.

Ничто на этой земле не заставит меня перестать тебя любить. Извини, если я говорю, как томящийся от любви подросток, но так я чувствую.

Я обожаю тебя, Нат. Ты создана для меня, а я для тебя.

Вечно с любовью,

Эндрю

Глава двадцать четвертая

Джен лежала на спине, уставившись в потолок, прислушиваясь к звукам затухающей бури, ослабевающему скрипу балок и половиц старого дома, который, пережив еще одно потрясение, приходил в свое обычное состояние. Она устала и чувствовала себя так, словно пробежала марафон, взошла на гору. Ей очень нужен был сон, но она знала, что не заснет, потому что в голове снова и снова прокручивались события последних суток, провал встречи друзей.

Судя по всему, этот уик-энд можно было смело назвать катастрофой. Вздорное начало, ожесточенная стычка в середине, и кто знает, каким будет конец? Она не слишком надеялась на радостное примирение, когда Эндрю и Лайла вернутся. Если им вообще удастся вернуться. Она могла лишь надеяться и молиться о том, что в воскресенье дорогу расчистят.

И все-таки она не солгала, когда сказала Дэну, что рада его приезду. Может быть, ей не стоило собирать их всех в один вечер, как она это сделала, это было глупо, но она не жалела о том, что их пригласила, о том, что рассказала Эндрю

о ребенке, о том, что хохотала на полу гостиной вместе с Натали, что поговорила с Дэном, а он, сидя у камина, держал ее за руку.

Послышался тихий стук в дверь, и на пороге появился Дэн, словно бы вызванный ее воображением.

— Ты спишь, Джен?

— Еще нет. Входи.

Он медленно прошаркал в комнату, держа перед собой телефон, чтобы освещать дорогу.

— Я задул все свечи, кроме одной, — сказал он. — Ее я возьму с собой, когда пойду спать.

— Хорошо. У тебя все нормально?

— Да, все отлично.

— Ты все еще нервничаешь?

— Нет. Что ты имеешь в виду?

Даже в темноте она поняла, что его лицо заливается краской. Она внутренне улыбнулась.

— Да так, ничего особенного. Мне показалось, что ты был немного дерганый.

— Да, правда. У меня сверхактивное воображение. — Он сжал ее ногу через одеяло.

— Знаю. Не беспокойся, я тоже нахожу этот дом жутковатым. Я часто лежу здесь в темноте и боюсь пошевелиться. Мне кажется, я слышу, как внизу кто-то ходит, как кто-то скребет ногтями

по стеклу…

— Господи, прекрати. Не забывай, мне ведь предстоит спать в амбаре.

Джен хихикнула.

— Извини. Но это действительно ощущается как-то… Не знаю… Все это просто глупо.

— Что?

— Знаешь, я ведь не приемлю ничего сверхъестественного. Я не верю в Бога и считаю, что после смерти ничего нет, но тем не менее. Этот дом, есть в нем что-то. Я ощущаю здесь Конора.

— Это не лишено смысла. Каким-то образом этот дом и есть Конор. В нем так многое с ним связано, каждая балка, каждая доска, стол в кухне…

— Правда. И если бы он захотел кому-то являться, это были бы ты и я, так мне кажется? — Она старалась говорить беспечным тоном.

Дэн не ответил, он просто еще раз стиснул ее ногу и подвинулся ближе к ее лицу. Она же села, опершись на подушки, чтобы было удобнее смотреть ему в глаза.

— Ты поговорил со своей девушкой? — спросила она. По какой-то причине ей не хотелось называть Клодию по имени.

Дэн покачал головой.

— Ты не ответила ни на одно из моих писем.

— Прости.

— Это было из-за чувства вины, да? Только ли из-за чувства вины? Или тут было что-то большее? Черт. Не могу поверить, что спрашиваю тебя об этом. — Он тихонько усмехнулся. — На протяжении многих лет после того, как это случилось, я задавался вопросом. Мне просто хотелось знать, отчаянно хотелось знать, может ли у меня быть какой-то шанс или надо забыть о тебе. Я не мог о тебе забыть.

— Прости, Дэн, мне так жаль.

— Тебе надо было отвечать на мои письма. Хотя бы для того, чтобы вывести меня из моей неприкаянности… — Сейчас он наклонялся над ней, их лица были совсем рядом, почти соприкасались их губы.

— Я предала его, — сказала она тихо.

— Он не знал.

— Я знала. И я никогда не могу быть уверена… — Она осеклась.

Дэн еще больше приблизился и поцеловал ее в губы. Она закрыла глаза и втянула в себя его дыхание. Его руки обвивали ее талию, и он прижал ее к себе.

— Мне просто нужен шанс, — сказал он. — У нас никогда не было шанса.

Джен колебалась между искушением уступить ему и ясным пониманием, что это будет громадная, непоправимая ошибка. Она мягко от него отстранилась. Рациональная сторона взяла верх.

— Я… это… ты… — Она была рациональна, но просто утратила способность составлять полные предложения.

— Извини.

— Не извиняйся. — Она улыбнулась ему, провела большим пальцем сверху вниз по его лицу, по губам. — Я не думаю, что ты действительно этого хочешь, Дэн.

— Хочу, поверь мне, хочу.

— В данный момент, может быть, да. Но я уже больше не могу что-либо делать, подчиняясь минутному порыву. Я скоро стану матерью. Мне почти сорок. Пора вести себя по-взрослому.

— Но я тоже, — возразил Дэн. — Именно этого я и хочу.

— В самом деле? Ты хочешь оставить свою красивую немецкую кинозвезду и начать жизнь со мной и моим ребенком в добропорядочном английском предместье?

— Я… я… А это обязательно должно быть предместье? — спросил он. Джен рассмеялась. — Мне нужна семья. Не важно, где мы будем жить.

— Дэн, я понимаю, я знаю, что ты всегда хотел иметь семью, но… ты не можешь отказаться от всего, что имеешь, ради этой своей идеи семьи, ради чужого ребенка, ради кого-то, кого ты уже едва знаешь.

— Я знаю тебя.

Выражение его лица было так серьезно — он говорил искренне, эта его декларация шла от самого сердца. Но это был Дэн; он был романтиком, он позволял себе слишком увлекаться, слишком далеко уноситься в мечтах. И было соблазнительно пойти вместе с ним, позволить ему увлечь и себя тоже. Только она уже проделывала это раньше, и это никому не принесло счастья. На сей раз она должна быть благоразумной.

— Вчера ты был влюблен в свою девушку, — заметила ему Джен. — Ты рассуждал о том, как она тебя вдохновляет, как дает тебе почувствовать…

— С ней не получится семьи. У нас с ней все не так. Она не хочет детей, она не хочет жить семейной жизнью… — В его голосе звучала подлинная тоска.

— И ты вдруг в одночасье изменил решение? Когда ты это решил? Сегодня днем?

Плечи Дэна поникли.

— Ты же знаешь, это то, чего я всегда хотел, чего

хотел на самом деле, — сказал он. Она услышала в его голосе боль и гнев. Он поднялся и повернулся, чтобы уйти.

— Дэн, не уходи. Пожалуйста, подожди минутку.

— Все в порядке, — сказал он, и в голосе вновь появилась небрежность, все чувства исчезли. Словно бы они говорили о погоде или о том, во сколько он собирается завтракать. — Спокойной ночи, Джен.

Прошло несколько часов, прежде чем она заснула. Ей приснилось, что она заблудилась в лесу за домом. Спускалась ночь, и ей было страшно, а единственным способом найти выводящую из леса тропу было идти по кровавому следу.

Фрагменты писем Джен Дэну, так и не отосланных

10 марта 1996 г.

> *Ты у меня в голове, и я не могу не думать о тебе. Почему ты не уходишь? Мне кажется, я в тебя влюблена. Как это возможно, когда я так сильно люблю его? Все это не имеет никакого смысла.*

12 апреля 1996 г.

Извини за молчание. Я отчаянно хочу, чтобы мы могли опять разговаривать, быть в нормальных отношениях, снова быть друзьями. Я скучаю по тебе, Дэн. Я даже не знаю, что ты чувствуешь, печален ты или зол, есть ли тебе вообще до меня дело. Я знаю, что нет ни малейшего шанса на то, что я отправлю это письмо, я слишком большая трусиха, и я боюсь того, что ты скажешь. Все равно, когда я это пишу, мне делается лучше.

4 января 1997 г.

Я совсем не могу приехать. Я не смогу тебя видеть, не смогу смотреть на тебя и не думать о том, что я сделала с ним, а когда я думаю о том, что я сделала, у меня перехватывает горло, и я не могу дышать.

Я надеюсь, что ты счастлив, мой мальчик. Потерянный, заблудший мальчик. Теперь я тоже заблудшая.

Глава двадцать пятая

Кофе был крепким, сладким и вкусным, булочка с шоколадом все еще теплой, а шоколад внутри липким и маслянистым. Лайла ела с жадностью.

— Не могу поверить, что я столько съела за этот уик-энд, — сказала она, набив рот чудесно легкой слоеной выпечкой. — Я, наверно, прибавила полстоуна[16].

Эндрю приподнял бровь.

— Тебе не мешало бы прибавить несколько фунтов, Лайла.

— В моем возрасте, дорогой, все, что набираешь, остается при тебе.

— Я твоего возраста, Лайла. И ты могла заметить, что я уже порядочное время набираю вес.

Лайла засмеялась.

— Ты по-прежнему великолепен, — сказала она, делая знаки мадам Карон, чтобы та подлила ей кофе.

Лайла чувствовала себя на удивление бодрой и жизнерадостной, учитывая все, что случилось вчера: выпивка, стычка, снежная буря, авария,

---

[16] Примечания: 16
Стоун — единица массы, равная 6,34 кг.

снова выпивка… Но было чудесное завершение вечера. Она подумала, что ради примирения с Эндрю перед камином стоило вынести всю ту драму, что этому предшествовала. Только теперь, оказавшись с ним, она поняла, как сильно по нему скучала, как сильно его не хватало в ее жизни. Как много он до сих пор для нее значит.

Впрочем, она была не уверена, что он чувствует то же самое. Он был встревожен, постоянно поглядывал из окна на снег, который лежал на дороге толстым, нетронутым слоем.

— Непохоже, что мы скоро доберемся до дома, верно? — жизнерадостно спросила Лайла.

Он кивнул.

— Нат огорчится.

Лайла пожала плечами.

— Мы ведь никак не можем это изменить, правда? Будешь последнюю булочку? — Он покачал головой. — Не расстраивайся так сильно, Дрю. Все будет хорошо. В любом случае все это в каком-то смысле на ее совести, знаешь ли. — Он промычал что-то нечленораздельное, не желая втягиваться в этот разговор. — Все будет нормально. Я скажу ей, что ничего не случилось. — Она прикусила нижнюю губу и подмигнула ему.

— Лайла.

— Скажу! И она мне поверит. Я буду очень убедительна. Ты знаешь, какой убедительной я могу быть. — Она взмахнула ресницами и с притворной скромностью надула губки.

— Прекрати.

Она захихикала.

— О, успокойся. Она будет так счастлива снова увидеть тебя целым и невредимым, что не станет сердиться из-за того, что ты провел со мной одну ночь в номере отеля.

Эндрю сделал большие глаза.

— О, конечно. Она напрочь об этом забудет. — Он отпил глоток кофе. — В любом случае я не понимаю, чему ты так радуешься. Как насчет Зака? Он, должно быть, будет огорчен тем, что ты провела ночь со своим бывшим?

Лайла громко расхохоталась.

— Дрю, дорогой, мне очень жаль, но просто я не считаю, что Зак видит в тебе серьезную угрозу.

Эндрю уныло улыбнулся.

— Да. Помню времена, когда у меня были такие же накачанные мышцы. Я тогда тоже не волновался по поводу соперников.

— Милый, у тебя никогда не было такого пресса, как у него.

— Молодец, Лайла. Умеешь утешить.

К их столу, широко улыбаясь Лайле, приблизился месье Карон, слегка раскинув руки, словно собираясь ее обнять.

— Bonjour les anglais! Comment ça va? Vous avez bien dormi?[17] — Он подмигнул Эндрю, и подтекст был ясен: если бы я был в постели с ней, мне бы тоже не удалось выспаться.

— Oui, oui, très bien[18], — сказал Эндрю, чувствуя себя со своим французским Дэлом из ситкома «Дуракам везет».

— Bon[19]. Вы… не остаться еще на одну ночь?

— Мы могли бы, — оживленно сказала Лайла. — Это зависит…

— Зависит?

— Возможно ли нам попасть обратно на гору… вверх по дороге… я имею в виду к дому мадам Шассаньи… сегодня?

— Ah, oui. Они иметь… как вы говорить? Chasse neige?[20]

---

[17] Примечания: 17
Добрый день, англичане. Как дела? Хорошо спалось? (*фр.*)

[18] Примечания: 18
Да, да, очень хорошо (*фр.*).

[19] Примечания: 19
Хорошо (*фр.*).

[20] Примечания: 20
Снегоочиститель? (*фр.*)

— Плужный снегоочиститель?

— Да, да, он. Он пойдет, может быть, в обед. Может, позже. Они взять вас, если хотите. Я могу их просить.

Выражение облегчения на лице Эндрю было красноречивее всяких слов.

— О'кей. Я звонить этому человеку, я просить его вас взять.

Лайла надула губы.

— А я-то надеялась провести еще одну ночь здесь, подальше от всей этой драмы. — Она пожала плечами. — Хотя, пожалуй, было бы приятно надеть чистое белье. А чем мы пока займемся? В ожидании снегоочистителя? Не хочешь ли обратно в постель?

27 февраля 1993 г.

Привет, мам!

Спасибо тебе, спасибо! Я в восторге от платья – ведь это Армани! Ты такая славная. Я буду самой шикарной девушкой в университетском баре. Ну, я и так уже самая шикарная девушка в университетском баре, это очевидно, но теперь я буду одета еще лучше.

У меня был чудеснейший день рожде-

ния. Наш новый мальчик, Эндрю, повел меня завтракать в «Дино», который на самом деле является маленькой забегаловкой, но он заказал к моему сэндвичу с беконом бутылку шампанского (сэндвич с беконом! Видишь, я проникаюсь студенческим духом). Когда после этого я вернулась в свою комнату, она была полна орхидей – он тайком завладел моим ключом и попросил друзей прокрасться в мою комнату, пока мы были в кафе, и везде понаставить цветов. Моя комната теперь такая красивая. Я в восторге.

И мне здесь очень нравится. Ты, наверно, засмеешься, когда прочтешь это, но спасибо, спасибо, спасибо за то, что заставляла меня готовиться к выпускным экзаменам. Я даже могу простить тебя за то, что ты заперла меня в моей комнате перед экзаменом по истории, когда Даррен Сэндерс пригласил меня на «Звездные войны». Я здесь просто наслаждаюсь: я познакомилась с крутейшими людьми, честное слово. Они так отличаются от моих лондонских друзей, совсем не помешаны на деньгах, они умные и

интересные, говорят об искусстве и философии и тому подобных штуках, и я половину времени не понимаю, о чем идет разговор, но их, похоже, это мало заботит. Я им нравлюсь! Есть одна девушка, Натали, она учится на моем курсе, и она просто потрясающая, она прочла все, что только можно прочесть, она часами может говорить о политике и поэзии, и она забавная и восхитительная.

А я влюблена в Эндрю! Правда. Кажется, на сей раз это серьезно. И тебе он очень понравится, мам, обещаю. Он совсем не такой, как Даррен, он просто душка. Он по-настоящему умный, спортивный, он упорно трудится и так хорошо ко мне относится. Плюс он ослепительно красивый. Я подумываю пригласить его в Лондон на Пасху – как ты думаешь?

Ну все, побегу, у меня через двадцать минут семинар. Спасибо еще раз за платье, мам, и спасибо за то, что меня подгоняла и терпела все мои фокусы. Я ужасно по тебе скучаю, увидимся через несколько недель.

Люблю, люблю, люблю,

Лайла

Глава двадцать шестая

Окутавшая дом тишина казалась даже глубже обычной. Спокойствие после бури. Джен спала после тревожной ночи, и когда проснулась, было совсем тихо. Она потянулась к лампе на прикроватном столике и щелкнула выключателем. Есть. С облегчением вздохнув, опять ее выключила. Электричество есть! Она могла по крайней мере обеспечить своих оставшихся гостей горячей водой и горячим завтраком.

Джен скинула ноги с кровати и села. Голова немного кружилась, и на какой-то момент ей показалось, что ее сейчас затошнит. Она медленно, размеренно вдохнула и выдохнула, положила руку на живот. Там тоже все было тихо и спокойно. Она долго стояла под теплым душем, закрыв глаза и мягко прижавшись лбом к кафельным плиткам. О, как бы ей хотелось, чтобы мысли ее перестали прыгать, чтобы она могла обрести внутренний покой, под стать покою внешнему.

Но ее многое тревожило: Эндрю и Натали, как там Лайла, смогут ли Эндрю и Лайла вернуться сегодня домой, разговор с Дэном прошлой ночью. Она ощутила легкую вибрацию в животе,

а затем резкий толчок. Плечи ее опустились, она медленно, расслабленно выдохнула. Ей не нравилось, как она чувствует себя последние два дня: головокружение, тошнота. Но это ничего, просто стресс, жирная пища, вероятно, лишний бокал-другой вина.

Спустившись вниз, она увидела, что встала не самой первой. Натали, в спортивных штанах и футболке, сидела за столом в столовой и говорила с кем-то по телефону. Голос ее был тихим и спокойным, так что Джен решила, что это не Эндрю. Но оказалось, она ошиблась.

— Эндрю считает, что они смогут добраться сюда где-то к обеду, — сказала она, усаживая Джен на стул и наливая ей чашку кофе. — Они приедут на снегоочистителе. — Прежде чем Джен успела выразить облегчение, Натали с энтузиазмом пустилась в извинения: — Я вчера вела себя ужасно. Я это понимаю. И я действительно сожалею об этом, сожалею, что причинила столько беспокойства. — Джен попыталась что-то сказать, разуверить ее, но Натали продолжала: — Я надеюсь, ты понимаешь, что некоторые вещи мне надо было высказать, я носила их в себе, и они на меня давили…

— Я понимаю, Нат. Я понимаю.

Натали подняла руку.

— Я выбрала неудачное время, неудачное место. И то, о чем я хотела сказать, я сказала неправильно. Я только огорчила Эндрю. А ведь мне надо его оберегать.

В голове Джен началась болезненная пульсация. Она чувствовала, что не выдержит все это по новой.

— Не расстраивайся, Нат. Все были немного возбуждены. Это большей частью моя вина, я не так взялась за дело…

— Нет. Я понимаю, что ты хотела сделать, я знаю, что твои намерения были добрыми. Это я все испортила.

Джен покачала головой, отхлебнула кофе.

К счастью, Натали сменила тему. Она стала расспрашивать Джен о ее планах: выбрала ли она уже имя для будущего ребенка (нет), будет ли она жить со своей матерью в Танбридж-Уэллс, когда переедет в Англию (определенно нет). Джен объяснила, что, вероятно, обоснуется в Лондоне или, возможно, в Оксфорде. Есть возможность получения работы в «Оксфорд юниверсити пресс». Через несколько минут они впали в более или менее уютное молчание, потягивали кофе и наслаждались спокойствием утра.

Они сварили яйца и приготовили тосты, поговорили о Шарлотте и Грейс и жизни в Англии, о том, чего следует ожидать Джен. Ей доводилось приезжать на несколько дней, например, на похороны отца, но в общей сложности, с того года, когда произошла авария, она провела на родине, наверное, меньше пары недель. Разговор тек приятно, по-компанейски; все было за этим завтраком именно так, как рассчитывала Джен, когда приглашала их в гости, только она представляла себе, что за столом их будет шестеро, а не двое.

— Мальчики заспались, — сказала она, вслух отмечая очевидное.

— Да, точно. Зак недавно вышел из подросткового возраста, правда? А ты же знаешь, как подростки могут спать, — вздернув бровь, усмехнулась Натали.

— Он довольно молод, да?

— Молод и красив. Не могу сказать, что я ее осуждаю, — пожала плечами Натали. — Я имею в виду, что вряд ли у них особенно есть о чем поговорить, но…

— Они выглядят вполне счастливыми, — сказала Джен.

Натали снова пожала плечами.

— Кстати, как тебе Дэн? — спросила она. Джен чуть испугалась. Как это они перешли от Лайлы и Зака к Джен и Дэну? Что она пытается сказать? Знает ли что-нибудь? Джен попыталась понять это по выражению ее лица, но оно у Натали было довольно невинным. — Ты ведь с тех пор его не видела?

— Не видела.

— Вы были так близки какое-то время.

— Да.

— Этот фильм, он был…

— Честно говоря, я не хочу говорить об этом, Нат. — Натали не знала, что Джен так и не посмотрела тот фильм и он ее совершенно не волновал.

— Хорошо, не будем. Но как тебе с ним, не тяжело?

— Все прекрасно, — ответила Джен, стараясь говорить беспечным голосом. К щекам вдруг прилила краска, она почувствовала себя так, будто ее поймали на лжи. Она резко вскочила на ноги и, отвернувшись от Натали, спросила: — Хочешь еще кофе?

— Мне хватит, спасибо. — Джен услышала в ее голосе нотку озадаченности.

И как раз в этот момент вошел Дэн, с чемоданом в руке.

— Всем доброе утро, — буркнул он, проходя через кухню в холл, где оставил свой чемодан. — Кофе найдется?

Джен вопросительно посмотрела на него.

— Конечно, — ответила она, наливая и подавая ему кружку.

— Ваше здоровье, — сказал он, отворачиваясь. Он подошел к окну и посмотрел на улицу. — Сегодня ведь расчистят дорогу? Потому что мне, пожалуй, днем надо трогаться.

— О… Да. Сегодня днем как раз и расчистят, я думаю. Но вот только подъездная дорожка…

— Это ничего. Подъездную дорожку я одолею.

Вот так, значит. Она вглядывалась в его лицо в поисках каких-то следов нежности, которую видела вчера ночью, но их не было. Когда он ей улыбнулся, это была просто вежливая улыбка дружелюбного знакомого, а манера разговора стала такой же, как в первый вечер: гладкой, бойкой, но поверхностной. Он закрылся, отгородился. Он признавал либо все, либо ничего. Она почувствовала страшную печаль, почти опустошенность; ведь только вчера перед ней промелькнуло что-то: дружба или нечто большее. И ей почти удалось это ухватить, а потом это нечто вот так резко выхватили у нее из-под носа.

От этого она почувствовала невозможную усталость, руки-ноги будто налились свинцом. Будь она одна, со спокойной совестью отправилась бы обратно в постель, она была уверена, что сможет проспать весь день. Но были дела, надо было готовить еду, развлекать гостей. Ее ужаснуло, что почти не осталось дров — и рядом с дровяной печкой в кухне, и в гостиной; это означало, что надо идти в гору, до дровяного сарая. Она обрадовалась, когда услышала на лестнице тяжелую поступь Зака: уж он-то ни в коем случае не позволит ей идти за дровами.

В конце концов он взял с собой Нат — той не терпелось выйти из дома после больше полутора суток сидения взаперти. Джен увидела, как на лице Дэна промелькнул испуг, когда он понял, что остается с ней наедине, и на миг она подумала, не отпустить ли его с крючка, поднявшись наверх, но этот импульс прошел.

— Лучше бы ты не уезжал, — произнесла она. Он в это время смотрел в окно и не повернул к ней головы. — Остался бы до завтра.

— Нет. Теперь это было бы неправильным, — сказал он, по-прежнему не оборачиваясь.

— Ты поговорил с Клодией?

— Я позвонил ей вчера вечером. А она звонила

сегодня утром. Она поговорила с мужем. Рассказала ему о нас. Завтра она будет в Париже. — Все это было сказано без эмоций. Ни радости, ни волнения. Он встал из-за стола и наконец повернул к ней голову. — Так что все улажено.

Проходя мимо нее по пути в амбар, он дотронулся до ее руки выше локтя и пожал ее.

— К прошлому теперь нет возврата, — сказал он.

Зак и Дэн потратили около часа, раскидывая снег с подъездной дорожки. Они почти закончили, когда Джен услышала мерное тарахтение, похожее на звук трактора: это снизу, из-под горы, ехал снегоуборщик.

— Нат, — крикнула она. — Они вернулись.

Натали чуть не упала с лестницы. Резко натянула сапоги и выбежала на снег. Джен за весь уик-энд не видела, чтобы она двигалась так быстро.

— Эндрю! — кричала она. — О, слава богу, ты вернулся.

Джен вышла на порог и стала смотреть, как Эндрю и Лайла выбираются из снегоуборщика. Зак подхватил Лайлу на руки, без усилий поворачивая ее в воздухе, поцеловал в губы. Эндрю и Натали стояли рядом и просто обнимались. Джен

пожалела, что у нее при себе нет камеры, они выглядели так красиво на фоне снега, залитые солнечным светом. Дэн, стоящий рядом со своей машиной, повернул к ней голову и улыбнулся, на сей раз настоящей улыбкой, и она почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

— Ты должен остаться, — крикнула она.

— Что?

— Я сказала, ты должен остаться!

Он зашагал к ней, его нагнали Эндрю и Натали. Эндрю хлопнул его по спине, они о чем-то говорили, смеялись, впрочем, Джен не слышала о чем. В ушах у нее появился странный звук, что-то вроде звона, она посмотрела на небо, и оно было ослепительным, а ее сердце — о боже, ее сердце — билось все сильнее, и сильнее, и сильнее, а потом свет померк.

Часть вторая

Глава двадцать седьмая

Май 1996 г.

Она ударилась обо что-то головой. Она чувствовала, как на виске у нее вырастает шишка, а под глазом начинает образовываться здоровенный синяк.

— Джен? Джен, что с тобой?

Она подняла взгляд. Возле нее на коленях стоял Конор. Она не просто ударилась головой, она упала и лежала на полу.

— Господи, Джен. Что случилось?

Она попыталась сесть, но в голове болезненно стучало. У нее было чувство, что ее сейчас стошнит.

— Кажется, я упала, — сказала она.

— Да, малышка, ты упала в обморок.

— О боже. Правда? Я упала в обморок. Как мелодраматично с моей стороны. Как по-викториански. — Она улыбнулась ему, дотронулась до головы. — Конор, все в порядке. Со мной все в порядке. Думаю, в порядке. Я ударилась головой. Но в остальном, думаю, все в порядке. Это просто жара. И выпивка. Мне не следовало пить тот бокал вина. Я сегодня ничего не ела.

Конор помог ей сесть. Она вдруг поняла, что окружена толпой людей, которые встревоженно смотрят на нее. Она ощутила пот на затылке и на пояснице; ей казалось, что она излучает тепло.

— Можно воды?

Перед ней на корточки присела Лайла. Джен увидела загорелое тело, длинные ноги Лайлы, ярко-розовые ногти на ногах, танкетки.

— Вот, держи, лапуля. — Стакан в одной руке, носовой платок в другой. Она легонько прикасалась им к голове Джен. — Ничего страшного, только маленький порез. Зашивать не придется.

Лайла и Конор помогли ей встать на ноги. Она стояла посреди кухни в квартире Эндрю. Сам Эндрю прибежал из сада, где готовил барбекю.

— Что случилось? Проклятье, Джен, что случилось? — Ее отвели в спальню, положили на кровать. Подушка Лайлы пахла духами «Шанель № 5». Конор твердил о том, чтобы отвезти ее к врачу. Лайла наклонилась над ней, положила на лоб мокрую фланель.

— Не смеши, Кон, это просто жара, — сказала Джен. Она опять потянулась к его руке, сжала ее. — Я смотаюсь завтра к врачу, если буду нехорошо себя чувствовать.

Лайла задернула занавески, Эндрю принес ей

еще стакан воды. Конор поцеловал в голову.

— Оставь меня на минутку, ладно? — попросила она его. — Хочу немного полежать. Я через секунду выйду. Хорошо? — Он нехотя вышел, и именно так, как она надеялась (или страшилась?), совсем скоро раздался стук в дверь.

— Как ты, Джен? — На Дэне были джинсы и черная футболка, кожа загорела до темно-коричневого цвета, три недели неустанно палимая солнцем. Он закрыл за собой дверь, сел рядом с ней на кровать, наклонился и поцеловал ее в губы.

— Не надо.

— Извини.

Он положил свою руку, прохладную и сухую, ей на талию, подсунул ее под блузку, как раз над поясом юбки.

— Дэн, не надо.

Он перестал, но она не хотела, чтобы он переставал. В тот момент ей отчаянно хотелось, чтобы он лег рядом с ней, чтобы дверь была заперта, чтобы квартира была пуста, чтобы в ней находились только они вдвоем. Она закрыла глаза и почувствовала, как из-под век потекли слезы.

— Тебе надо идти, — сказала она, и он ушел.

Глава двадцать восьмая

Сентябрь 1995 г.

Половина коробок до сих пор оставалась нераспакованной. Они перенесли их все во вторую спальню и нагромоздили у стены. Вообще-то они намеревались закончить все до прихода гостей, но были слишком заняты, всю середину дня занимаясь сексом.

— Так даже лучше, — сказал Конор, лениво хватая Джен за ногу, когда она пыталась встать с пола. — Если гости чересчур разойдутся, то пострадает только половина нашего скарба.

Джен засмеялась, отбросила его руку.

— Да уж. Непременно разойдутся. Будет ведь всего человек пятнадцать.

— Верно, — согласился Конор, — но один из этих людей Лайла, так что, откровенно говоря, прогнозы здесь бессмысленны.

Джен натянула через голову футболку, надела трусики. Конор скорчил гримасу.

— Ах, не надо. Ты куда красивее без этого.

— Да что ты? Хочешь, чтобы я встречала гостей без одежды?

Конор снова лег на пол, вытянул руки за го-

ловой.

— Нет, пожалуй, лучше не надо, а то у соседа случится инфаркт.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила она, входя в их мини-кухню. — Чашку чая?

Конор оперся на локти и смотрел, как она удаляется. Он обожал смотреть, как она ходит. Он обожал наблюдать, как она подносит руки к затылку над своей идеальной, белой, грациозной шеей и закручивает свои длинные темные волосы в узел. Ему нравилось, как этот узел без шпилек держится у нее на голове. Как по волшебству. При мысли о том, что ему предстоит смотреть на нее каждый день, просыпаться и засыпать рядом с ней, сердце его едва не разрывалось от счастья.

— Чашку чая с удовольствием, спасибо.

Она посмотрела на него через плечо.

— Ты вообще планируешь одеваться? — спросила она, хихикая, отчего на ее левой щеке образовывалась большая ямочка.

— Не сейчас, — сказал он, приподнимая бровь. — Они не появятся еще по крайней мере час. Полно времени.

— В самом деле? Полно времени для чего? — Он снова приподнял бровь. Она хихикнула. — Опять? А ты самоуверен, а?

Он вскочил на ноги, мгновенно пересек комнату и обхватил ее за талию, а она завизжала от смеха.

— Я покажу тебе самоуверенность, крошка, — сказал он, целуя ее в шею и просовывая руку под ее футболку. — Я тебе покажу.

Они едва успели одеться к приходу Натали, которая пришла точно в половине девятого. Нат была очаровательно пунктуальна, приходя точно вовремя даже на вечеринки. Конор разлил напитки, а тем временем Джен повела ее на экскурсию по квартире, которая заняла аж целых шестьдесят секунд. Причина, по которой на вечеринке должны были присутствовать только пятнадцать человек, состояла в том, что невозможно было втиснуть в эту квартиру больше пятнадцати. Теоретически квартира состояла из пяти помещений: внизу гостиная, с кухней-столовой по одну сторону и гостевой спальней — по другую, и наверху главная спальня с крохотным санузлом. В действительности же комнат было всего три: ни кухня, ни душевая из-за своих маленьких размеров не заслуживали этого названия, а свободная гостевая спальня была на самом деле не больше кладовки. В задней части здания был также маленький балкон с видом на сад, принадлежащий

расположенным ниже более обширным и шикарным квартирам, а за садом тянулась ниточка деревьев по краю пустыря.

— Да, здесь у вас особенно не разгуляешься, — улыбнулась Конору Нат, принимая от него бокал.

— Пожалуй, что так. Я говорил, что надо снять квартиру дальше по дороге, примерно раза в два больше, но вот эта мисс Донливи отказалась.

— Но разве здесь не здорово? — спросила Джен, широко улыбаясь. — Я понимаю, что квартирка крохотная, но разве она не прелестна? Вид с балкона, и все это здание, эта площадь… — Они арендовали триста пятьдесят квадратных футов, распределенных по двум этажам в верхней части величественной, старой георгианской террасы[21], которая тянулась вдоль трех сторон площади, а посредине располагался частный сад.

— Мы никогда не могли бы позволить себе снять эту квартиру в нормальных обстоятельствах.

— Под нормальными обстоятельствами подразумевается возможность вместить в наш дом какую-то мебель или бытовую технику, —

---

[21] Примечания: 21

Терраса — *зд.*: ряд примыкающих друг к другу домов.

усмехнулся Конор. И впрямь, квартирка была смехотворно тесной, но он не возражал, не возражал ни капли, когда увидел, с каким выражением лица Джен говорит о «нашем доме». Их дом, совместное жилье. Место, где они будут готовить пищу, пить и планировать отпуска, где они будут развлекать своих друзей, где будут проводить часы, дни, целые уик-энды вместе в постели. Если бы он в шестнадцатилетнем возрасте мог увидеть себя теперешнего, он бы подумал, что умер и попал в рай.

К десяти часам все, кого ожидали, прибыли, и, хотя они пригласили несколько человек с работы и пару старых друзей из колледжа, все, как обычно, кончилось тем, что их шестерка зависла вместе, набившись, как сардины в банке, на балкончик, и все говорили в один голос.

Лайла:

— Я обожаю эту работу. Кто бы что ни говорил, пиар — чертовски увлекательная штука. Главным образом мне приходится много водить людей на ленч или куда-нибудь выпить, я планирую вечеринки и получаю за это деньги, и не только это, мне еще дарят вещи. Вот, посмотрите! — Она вытянула руку; на ней был какой-то кричащий, украшенный бусинами браслет, ко-

торый, по мнению Конора, должен был стоить не больше пятерки, но, судя по реакции девушек (охи, ахи и вопросы: «Это настоящее?»), явно стоил много больше.

Эндрю:

— Это не женоненавистническая книга! Да, она вызывающая, даже трансгрессивная, но не примитивно женоненавистническая. Сказать так означало бы упустить самый главный момент.

Натали (громко):

— Какой главный момент я упускаю? Тот, где женщин мучают для развлечения? Собственно говоря, эта книга — четырехсотстраничный каталог новых и интересных способов травмирования и унижения женской половины человечества. Это…

Лайла (еще громче):

— О боже милостивый. Не могу поверить, что вы двое до сих пор спорите об «Американском психопате»[22]. Вы читали его года три назад. Выбросьте его из головы.

Дэн:

— Эти ублюдки собираются меня вышвырнуть. Мне чертовски хорошо это известно. Состоятель-

---

[22] Примечания: 22

Роман американского писателя Брета Истона Эллиса (р. 1964).

ный говнюк, который владеет зданием, хочет его перестроить. Через несколько недель я останусь бездомным, а я, черт подери, только что въехал.

— Ты можешь переехать к нам, — сказал ему Конор, и все начали смеяться, кроме Джен, которая пристально на него посмотрела. — О, я всего лишь пошутил, — поправился Конор, обнимая ее за талию и притягивая к себе, чтобы поцеловать. От ее запаха дрожь пронизала все его тело; живо вспомнились сегодняшние любовные забавы, закружилась голова. — В любовном гнездышке будем только мы с тобой, обещаю. — Он широко улыбнулся Дэну, который улыбнулся в ответ, а потом отвернулся.

Последними уходили Эндрю и Лайла. Конор выставил их сразу после четырех. При этом Лайла громко протестовала, что еще слишком рано идти домой, а потом споткнулась на тротуаре и яростно взвыла, что это Конор виноват. Первое такси, которое они вызвали, отказалось их везти, шофер только взглянул на Лайлу и отъехал. Эндрю лишь пожал плечами и вызвал другое. У Эндрю было ангельское терпение. Конор первым бы признал, что Лайла шикарная девушка, с которой хорошо посмеяться, но он и представить себе не мог, как его лучший друг изо дня в день

справляется с таким драматическим накалом.

Ему-то повезло. Он еще раз признал это, когда они сели вместе на балконе, завернувшись в одеяло. Джен сидела перед ним, упираясь спиной в его грудь. Глаза у нее слипались, но она отказалась идти спать; сказала, что хочет посмотреть, как взойдет солнце.

— У меня ощущение, как будто что-то начинается, а у тебя? — сонно пробормотала она и обняла его за талию.

— У меня тоже.

Она была права. Они были вместе с тех пор, как шестнадцатилетними познакомились на каникулах, но сейчас все ощущалось по-другому. Все нынешнее: окончание колледжа, переезд в эту квартиру, получение новой работы — воспринималось так, будто начинается настоящая жизнь, без репетиций. Ему повезло. Он поцеловал ее в макушку и сказал это вслух.

— Мне так повезло, красавица. Так повезло.

— А мне еще больше. — Он крепче прижал ее к себе. — Я не хотела бы оказаться ни в каком другом месте.

— Может быть, во Французском доме?

— Нет, даже и во Французском доме. Здесь самое лучшее место. — Небо бледнело на горизонте

— легчайший оттенок теплоты на сером. — В любом случае мы скоро туда поедем.

— Да, — сказал Конор. Он еще не сказал ей и не будет пока говорить. Его мама ни в коем случае не разрешит ему пропустить семейный рождественский праздник и поехать вместо этого с друзьями во Францию. Уже был разговор по поводу того, как он провел там все лето, и о том, что Рождество — это семейный праздник. И церковный. Он сообщит Джен позже, ближе к отъезду. Кто знает, может, даже удастся переубедить маму? Мысль о том, что можно переубедить маму, заставила его громко засмеяться.

— Что тебя рассмешило? — спросила она.

— Ничего, — мягко ответил он. — Ты сейчас заснешь. Будешь встречать восход с закрытыми глазами?

Он помог ей подняться и отвел ее наверх, в постель.

Глава двадцать девятая

Ноябрь 1995 г.

Эндрю стоит как солдат, подумала Натали: с прямой спиной и вздернутым подбородком; она почти представила его себе в военной форме, но все же решила этого не делать, а просто послушать его речь.

— Я помню тот первый раз, когда она со мной заговорила, — рассказывал он. — Я сидел в библиотеке, в самом дальнем конце, глубоко погруженный в книгу законодательных норм по международному праву и правам человека, и, подняв взгляд, увидел, что ко мне направляется эта девушка, эта богиня. Мне показалось, что в ней футов восемь роста, и мне бросились в глаза ее длинные ноги, светлые волосы и ярко-красные губы… — Лайла захихикала, ей хватило скромности покраснеть. — Я, конечно, знал, кто она такая, потому что все в колледже слышали о Лайле Льюис. Лайла Льюис была знаменита…

— Печально знаменита! — перебил его Дэн.

— Ну, это тоже. В любом случае — и я сейчас не шучу — я смотрел, как она идет ко мне, и чувствовал, как мои внутренности превращаются

в желе, потому что она мне улыбалась, именно мне, больше некому, больше вокруг никого не было. Она подошла ко мне, присела на стол, сдвинув мои книги своей великолепной задницей, и без всякого вступления сказала: «Ты ведь не поведешь Карен Сэмюэлс на бал первокурсников, правда? Потому что, дорогой, ты можешь придумать кое-что получше».

— О боже, она беспардонна! Совершенно беспардонна! — рассмеялся Конор. Все смеялись, а Лайла хлопала ресницами, кокетливо улыбаясь им всем. Они уже слышали эту историю раньше, они слышали ее десяток раз, но это была одна из тех баек, которые не стареют, одна из тех историй о первой встрече, первом поцелуе, которые никогда не устаешь слушать.

— Потом она выхватила у меня из руки ручку, — продолжал Эндрю, — и крупно нацарапала номер своей комнаты поверх моих аккуратных и подробных записей, потом наклонилась и поцеловала меня в щеку, а потом соскочила со стола и удалилась. Уплыла прочь, лишив меня дара речи, у меня аж дыхание перехватило. — Он поднял свой бокал с вином и слегка наклонил голову. — И вы можете подумать, что спустя столько времени, спустя четыре года, я должен

был к этому привыкнуть, но она до сих пор на меня так действует. От нее у меня до сих пор может перехватить дыхание.

Конор и Дэн нарочито завращали глазами и сделали вид, что давятся, но тоже подняли свои бокалы, они все их подняли.

— Эндрю и Лайла, — хором пропели они, а Натали провела тыльной стороной ладони по щеке.

— О боже, ты на самом деле плачешь, — рассмеялась Лайла. — Ты самая сентиментальная, сентиментальная… — Но она не смогла закончить предложение, потому что бросилась целовать Натали в губы.

Они сидели за обеденным столом в гостиной у Эндрю, которая недавно стала гостиной Эндрю и Лайлы, о чем свидетельствовали разбросанные по всему дому нераспакованные коробки. Отмечали их четвертую совместную годовщину и одновременно новоселье, это был неторопливый воскресный обед темным и промозглым ноябрьским днем. Было выпито уже три с половиной бутылки красного, и никто не собирался останавливаться.

— Ладно, теперь очередь Лайлы, — сказал Конор, доливая всем бокалы. — Каковы твои самые ранние воспоминания о великом человеке?

— О боже, я не знаю, — покачала она головой. — Он был просто тем аппетитным парнем, который нравился Карен Сэмюэлс, а я ее терпеть не могла, у нее было такое самомнение… — Послышался громкий смех Конора и Дэна, который Лайла проигнорировала. — Ну, и я решила перейти ей дорогу. — Она ласково улыбнулась Эндрю поверх бокала. — И все вышло как нельзя лучше.

Она наклонилась и поцеловала его, а Натали встала и пошла в туалет, потому что почувствовала, что может снова заплакать.

Включив воду, она посмотрела на себя в зеркало и заметила румянец на щеках, красный цвет губ, не только от вина. Это был один из тех дней, один из тех редких моментов, когда ты не просто счастлив, но ловишь себя на ощущении счастья, и она почти испугалась, словно бы ее счастье могло ускользнуть, прояви она небрежность. В то же самое время она чувствовала боль и невыносимую тоску, но она приняла решение не обращать на нее внимания, потому что признавать ее было опасно, да и в любом случае, какая от этого польза? Существовал провал, зияющая пропасть между тем, чего она желала для себя, и тем, чего она желала для своей лучшей подруги, и преодолеть эту пропасть было невозможно.

Когда она вернулась в гостиную, они уже убрали тарелки, и Эндрю открывал следующую бутылку, а Конор рассказывал историю о том, как, будучи первокурсником, познакомился на вечеринке с Дэном.

— Я пошел на кухню за напитками и отсутствовал максимум минуты три, а когда вернулся, он был тут как тут, объявился откуда ни возьмись и уже зажал Джен в угол, паршивец. Я отсутствую всего три минуты, а он уже подбивает клинья к моей девушке, и она тает!

— Ничего я не таяла!

— Ты лгунишка, Дженнифер, я хорошо помню, ты была полностью очарована его болтовней, ты наматывала прядь волос на палец, как ты это любишь делать… — Джен смеялась, краснея, а Дэн отрицательно тряс головой.

— Все это ложь. Все это ложь, — твердил он. — Это она не хотела от меня отставать…

Они отодвинули стол обратно к стене и расселись вокруг искусственного камина. Дэн поставил альбом популярной рок-группы, сел на диван и, завладев рукой Нат, притянул девушку ближе к себе. Лайла лежала на полу, положив голову на колени Эндрю, и просила еще раз рассказать историю Джен и Конора.

— Ну, давайте, я обожаю историю Джен и Конора.

И Джен стала рассказывать, как в то лето, когда ей исполнилось шестнадцать, ее отправили погостить у тети Рут в Балтиморе, Уэст-Корк, и как на вторую неделю своего пребывания они со своей двоюродной сестрой Кей подначили друг друга отправиться купаться нагишом в укромную маленькую бухточку в миле-двух от города.

— И вот мы решили сплавать наперегонки до буйка, который был… не знаю… метрах в ста от пляжа. И когда мы до него доплыли и повернули назад, то увидели, что на пляже сидят люди. Ужас, ужас! Болтаемся мы, значит, в воде возле буйка, а Кей говорит, мол, не беспокойся, они просто гуляют, к тому времени, как мы приплывем, они уйдут. Так что мы поплыли назад, медленно-медленно, и было чертовски холодно. Мне страшно хотелось вылезти из воды, и когда мы приблизились, то увидели, что это два парня и они никуда не собираются уходить. Они просто сидели. Метрах в десяти от того места, где лежала наша одежда. — Она прикрыла глаза рукой. — Господи, это был кошмар, нам делалось все холоднее и холоднее, и было ни капельки не смешно, я видела, что у Кей посинели губы,

поэтому я подумала, да плевать, и выскочила из воды и побежала изо всех сил на берег... — Она засмеялась, качая головой.

— А я сидел там, — подхватил Конор, — со своим братом Ронаном. Он видит эту девушку в чем мать родила и начинает укатываться от смеха. А я так и застыл с разинутым ртом и вытаращенными глазами. Просто не мог поверить. В жизни не видел ничего столь прекрасного. — Он усмехался, глядя на Джен, которая закрыла лицо руками. — А на следующий день я увидел ее в городе, а она увидела меня и вся залилась краской — стала такого цвета, как сейчас. И все. Я влюбился.

Лайла и Эндрю медленно танцевали под музыку, а Конор и Джен, как подростки, целовались на диване, так что Натали и Дэн оказались на кухне в роли мойщиков посуды.

— Надеюсь, они не будут заниматься этим все время, пока я буду жить у них, — сказал Дэн, кивая головой в сторону Джен и Конора.

— О, так ты к ним все-таки переезжаешь? Я думала, Джен наложила вето.

Дэн приподнял бровь.

— Ну, насколько мне известно, нет. Кон сказал, что все будет нормально. Она ко мне привыкнет. — Он подмигнул Натали. — Я могу быть

вполне милым, когда постараюсь.

— Конечно, можешь, малыш, — сказала она, и когда он наклонился, чтобы ее поцеловать, подставила щеку вместо губ.

— Он опять за тобой волочится? — В дверях, наблюдая за ними, стоял Эндрю, танец закончился. — Честное слово, ни на секунду нельзя его оставить без присмотра.

— Ни на секунду. Вот держи. — Дэн бросил в него посудное полотенце. — Принимай эстафету, мне надо сменить музыку.

Эндрю подошел к Натали.

— Брось, — сказал он. — Я потом домою.

— Не глупи, я все равно уже мою.

Он приобнял ее.

— Что бы я без тебя делал?

— Все время мыл бы посуду, потому что вряд ли ты когда застанешь Лайлу в резиновых перчатках.

Его рука все еще обвивала ее плечи, и она опять испытала ту же смесь чувств: счастье и легчайшую тень страха.

— Нам с тобой надо чаще видеться. Мне не хватает тех наших бесед, что мы вели во Франции.

— Да. Мне тоже не хватает. — Она подняла на него взгляд, а он ей улыбнулся, и она почувство-

вала, как горячие слезы закипают в глазах.

— Ой! — В кухню ворвалась Лайла с двумя стопками в руке. — Вот. Текила.

— Я завтра работаю, Лайло, — сказала Натали.

— Мы все работаем! — Она впихнула стопку в руку Натали. — Ну же! Ты должна. Сегодня моя годовщина.

— Вообще-то наша, — заметил Эндрю.

— Да-да, не все ли равно? Пей.

Натали взяла стопку и опрокинула в себя ее содержимое, проглотив его как можно скорее и скорчив гримасу.

— Бэ!

Лайла чмокнула ее в щеку, схватила за мыльную руку.

— Идем. Дрю это доделает. Пойдем потанцуем со мной. — Она потащила Натали в гостиную, и они все вместе запрыгали по комнате под «Диско-2000»: Дэн, Конор, Джен, Лайла и Натали.

Глава тридцатая

Декабрь 1995 г.

— Он доводит меня до безумия. До безумия! — сказала Джен, вдруг осознавая, что говорит слишком громко и что люди за соседним столиком на нее смотрят. Она почти прикончила свой третий джин с тоником, а ведь они пробыли здесь всего час. Ей необходимо было что-то съесть. Но в этом баре, тускло освещенном и людном, едва ли можно было найти что-то съестное.

— Он ведь через неделю-другую съедет? — спросила Лайла, обводя взглядом помещение. — В любом случае ты не связана с ним одной веревкой.

Джен посмотрела на нее озадаченно.

— Да не Дэн, — сделала большие глаза Натали. — Ты что, не слушаешь? Она говорит о Коноре.

— Ну, с ним-то ты действительно связана одной веревкой. Как я с Дрю. Черт подери! Это оказалось совсем не тем, что я ожидала. Я имею в виду — жить вместе. Оказалось, что в этом гораздо меньше… Просто всего меньше, тебе не кажется? Меньше походов в свет, меньше подарков, мень-

ше секса, меньше удовольствия.

— Выходов в свет, — поправила Натали.

— Что?

— Так, проехали.

— Ты поправляешь мою речь, Натали? — Лайла бросила в нее кусочком лимонной кожуры. — Я предупреждала тебя насчет этого. Боже, вы видели вон того? У барной стойки, темные волосы, джинсы, черная футболка, вон там, в самом конце? Клянусь, я бы от такого не отказалась.

— Лайла! — Натали бросила лимонную корку обратно.

Голова Джен слегка кружилась — из-за джина в сочетании с порхающим стилем речи Лайлы.

— Я шучу. Хотя, честно говоря, не отказалась бы. Посмотрите на его зад. У нас на работе есть один тип, у которого самое потрясающее тело из всех, что я видела. Серьезно. Я могу смотреть на него целый день. Но… о чем это я говорила? Ах да. Жить вместе — это совсем не подарок, верно? Не знаю, я просто чувствую, что всю радость будто кто-то выпил, и теперь мы ссоримся. Причем часто. Почти все время. Вы тоже постоянно спорите? — Джен открыла рот, чтобы ответить, но Лайла не слушала. — Я всерьез подумываю переехать обратно к маме. Вот до чего бесит меня

сейчас Дрю. До того сильно, что я готова снова жить с матерью.

— Твоя мама замечательная, — с легкой завистью сказала Натали. — Жить с твоей мамой — это, наверное, как жить с Марианной Фейтфулл или Гретой Гарбо; она смогла бы давать тебе мудрые советы насчет мужчин и одежды. А вот жить с моей матерью это все равно что жить с Фелисити Кендал[23].

Оказалось, что Джен и Конор не спорили. Во всяком случае, не часто. Во всяком случае, не все время. Она была счастлива жить с Конором. Очень счастлива. Правда, Лайла права, все оказалось не совсем так, как Джен ожидала: они действительно меньше выходили в свет, но это было даже хорошо, потому что ни у одного из них не было вагона денег, а Лондон такой дорогой город. И действительно, если не считать первых нескольких недель, они занимались сексом реже, чем раньше, но это было, вероятно, оттого, что им было неловко перед Дэном, который спал внизу, да и к тому же оба сильно уставали, потому что

[23] Примечания: 23

Марианна Фейтфулл (р. 1946) — британская певица, музыкант и актриса; Грета Гарбо (1905–1990) — шведская и американская киноактриса; Фелисити Кендал (р. 1946) — английская театральная и телевизионная актриса.

не привыкли зарабатывать себе на жизнь.

И, таким образом, Кон действовал ей на нервы немного больше, чем обычно. Но это нормально, так ведь? На втором курсе университета она делила жилье с Лайлой, и было множество поводов, ежедневных поводов, по которым ей хотелось задушить свою соседку голыми руками. Выражение, что Конор доводит ее до безумия, было, пожалуй, слишком сильным. Просто жизнь с ним… отличалась от того, чего она ожидала. Но все было нормально. Больше чем нормально — это было хорошо.

— Мы не спорим все время, — тихо произнесла Джен, обращаясь к остаткам своего джина с тоником, но никто ее, в общем-то, не слушал.

Лайла опять принялась рассказывать про того парня на работе, с великолепным телом.

— Он не то чтобы мой босс, но занимает более высокое положение в компании — все занимают более высокое положение по сравнению со мной, потому что я там работаю без году неделя. Так что это не будет проблемой с точки зрения сексуальных домогательств или чего-то в таком роде…

— Лайла, зачем ты вообще говоришь об этом? Ты вовсе не собираешься этого делать, я знаю, что не собираешься. Поэтому прекрати сейчас же,

это глупо. — Лицо Натали покраснело, она уже совсем не шутила.

— О, Нат!

— Она права, Лайла, это глупо. Эндрю наш друг, он лучший друг моего парня, и с твоей стороны вовсе не здорово целый час болтать о том, как ты хочешь наставить ему рога.

— О, девчонки! — Лайла вскочила на ноги и крепко обняла их обеих. — Вы же знаете, что я шучу. Черт! Разве мы не затем здесь собрались, чтобы напиться вдрызг и болтать глупости? Мне просто нравится на него смотреть, только и всего. — Она комично надула губы и посмотрела на подруг из-под опущенных ресниц, но не смогла выдержать этой гримасы больше двух секунд и захихикала. — Я иду в туалет. А когда вернусь, хочу, чтобы вы обе, к чертям, расслабились.

Они наблюдали, как она, покачиваясь, направляется в дамскую комнату, как поворачиваются головы ей вслед. Натали и Джен со снисходительными улыбками посмотрели друг на друга.

— Как думаешь, у нее все в порядке? — спросила Джен.

— Немного в растрепанных чувствах. Эндрю говорит, что она не очень-то ладит с коллегами.

— Все утрясется, — сказала Джен. — Она при-

способится. Это период притирания, только и всего. То же самое постоянно твердит мне Конор. Период притирки. Если он повторит это еще раз, думаю, я убью его сковородкой. — Натали усмехнулась. — А как у тебя дела, Нат? На протяжении всего нашего нытья ты не сказала о себе ни слова. Как работа? Как твоя личная жизнь?

— Четыре с плюсом первое, два с минусом второе, — со смешком промолвила Натали. — На прошлой неделе Эндрю пытался познакомить меня с одним парнем со своей работы, но это было чудовищно. — Смех ее прозвучал неестественно: она посмотрела в стол, потом отвернулась. Джен стало за нее больно, она потянулась к ней, сжала ее руку. Повисло неловкое молчание. Джен хотелось что-то сказать, она стала думать, что бы это могло быть, что-нибудь, что не прозвучало бы покровительственно, не смутило бы Натали. Но она так ничего и не придумала, а потом появилась Лайла с новыми порциями напитков, так что Джен сменила тему.

— Извините, что так получилось с Францией, — сказала она.

— Все в порядке, — ответила Нат. — Понятное дело, что Конору придется поехать домой. Большая католическая семья и все такое. Рождество

— это большой праздник. — Она пыталась говорить ободряюще, но выглядела при этом немного жалко.

— Я знаю, что вы все этого ждали. Я тоже ждала с нетерпением. Но вы, ребята, все равно можете поехать, нет причин отменять мероприятие из-за нас с Конором…

— Это будет не то, — твердо покачала головой Нат.

— В любом случае у меня намечается масса вечеринок в рождественские дни, мероприятия на работе, ну, вы понимаете, так что я не против остаться в Лондоне, — чуть пожала плечами Лайла.

— О, ну…

— Впрочем, Рождество в Ирландии — это, наверно, здорово, а? — спросила Нат. — Ты ведь хорошо ладишь с семьей Конора?

— Да. Просто…

— Что?

— Ничего. Все нормально. Просто я немного раздражена. Обещаю вам перестать жаловаться, но что меня бесит, так это что он даже меня не спросил. Мне просто было сказано: мы не едем во Французский дом, мы едем в Корк! Меня просто поставили перед фактом. Точно так же, как было

с Дэном, не было никакого обсуждения, а просто он объявил: «Дэн поживет у нас пару недель». Это просто… выводит меня из себя. Не то чтобы я против присутствия Дэна. Мне нравится, что Дэн у нас гостит, мне не нравится, что решения принимают за меня, понимаете?

Натали и Лайла обменялись взглядами. Джен не очень поняла, что означают эти взгляды, но они ей не понравились.

— Что? Что?

— Ну… — Лайла пожала плечами, хихикнула и отпила немного из своего бокала.

— Тут ведь нет ничего особо нового, верно? — сказала Натали, поигрывая коктейльной соломинкой.

— Что ты имеешь в виду? — Джен не понимала, о чем это они.

— Он ведь всегда был таким, — небрежно бросила Лайла. — Он берет руководство в свои руки. Он альфа-самец. И тебе это нравится. Ну, во всяком случае, нравилось. Ты всегда позволяла ему решать за тебя.

— Нет, не нравилось. Абсолютно не нравилось. — Она подумала, что Лайла просто сама не знает, что говорит, она пьяна. Но Натали кивала с полуусмешкой на губах, как будто бы соглашаясь

со словами Лайлы.

Потеряв терпение, Джен, раздраженная, отправилась в дамскую комнату. «Неужели я всегда позволяла Конору решать за меня?» — спрашивала она себя, сердито и довольно небрежно подправляя губную помаду. Ей так не казалось. Она ведь совсем не такой человек. Не какая-нибудь послушная маленькая девочка, бегающая за своим бойфрендом. Это полная ерунда.

К тому времени как она вернулась за столик, они заказали еще по одному кругу. Джен слегка подташнивало — она ничего не ела с обеда, пора было, пожалуй, закругляться.

— Ты не можешь сейчас уйти! — запротестовала Лайла. — Сейчас четверть одиннадцатого. Чуть позже намечается вечеринка, некоторые с моей работы туда идут, это в каком-то клубе… — Она подалась вперед и ногтем большого пальца стерла размазавшуюся помаду Джен. — Не сердись, лапуля, — промурлыкала она.

Джен почувствовала на себе взгляды мужчин за соседним столиком, они наблюдали, как Лайла касается ее лица.

— Я не сержусь, просто я очень устала, — улыбнулась она. — Думаю, мне пора домой.

— Ну тогда ладно, — надувшись, сказала

Лайла. — Передавай привет твоему вредному бойфренду. И Дэну. Кстати, а как там с Дэном? Он тоже доводит тебя до безумия?

— Как ни странно, нет. С ним очень мило. Кон часто работает допоздна, поэтому приятно, что есть кто-то, с кем можно потусоваться, сходить в кино, посмотреть по телевизору «Скорую помощь». — Она начала смеяться. — Он так уморительно танцует под музыку из «Скорой помощи»… это надо видеть. И я для него готовлю, потому что, вы же знаете, он совершенно неприспособленный, не может сам для себя ничего сделать. Это мило. Это как ухаживать за беспризорным ребенком. — Она немного тараторила и сама не понимала почему. Она действительно была пьяна и чувствовала горячее покалывание в шее. Нат и Лайла смотрели на нее пристально, насмешливо, по лицу Лайлы расплывалась улыбка.

— О, вот, значит, как, — сказала Лайла, подсмеиваясь. — Вот как ты это делаешь. У тебя два парня, и когда один из них действует тебе на нервы, ты вытаскиваешь со скамейки запасных другого.

— Джен, Дэн и Конор сидят на дереве…[24] — ве-

[24] Примечания: 24

Детская песенка-дразнилка: «Такой-то и такая-то сидят на дереве, целуясь. Сначала приходит любовь, потом женитьба, потом ребеночек в детской коляске».

село пропела Натали.

Они ведь просто шутили. Все изрядно выпили. Так почему же она сидит теперь на заднем сиденье такси, кипя от злости? Почему ее совершенно подвело чувство юмора и она вышла из бара сердитая и раздраженная? Джен чувствовала, как краснеет при мысли об этом. Да, она вела себя странно, и они будут удивляться, почему она была такая странная. Что-то в их поддразнивании больно кольнуло, и в глубине сознания этому была причина. Она не позволила этой причине всплыть на поверхность, так что заноза осталась там, чтобы колоть и вызывать нагноение.

Когда она добралась до дома, в квартире было темно, если не считать голубого мерцания телевизора. Дэн сидел на диване, сбоку от него стояла пепельница, а у его ног — бутылка пива.

— Ты рано вернулась, — негромко сказал он. — Хорошо провела вечер?

— Все нормально, — ответила Джен, чувствуя, как ее гнев утихает; было облегчением вернуться домой. — А где Кон?

— Пошел спать. Такой вот он тусовщик.

— Понятно. — Она постояла на пороге. — Что ты смотришь?

— Да так, переключаю каналы.

— Ясно.

Он поднял на нее взгляд и улыбнулся.

— Хорошо выглядишь. — Он похлопал рукой по дивану рядом с собой и чуть подвинулся. — Посиди со мной? В холодильнике есть еще одно пиво.

Она покачала головой, сбросила туфли на высоких каблуках.

— Думаю, мне сегодня хватит. — Она стояла в дверном проеме, просто глядя на него.

— У тебя все в порядке?

— Я иду спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Джен.

Конор спал, его тело растянулось на кровати, руки широко раскинуты. Шторы были раздвинуты, свет от уличных фонарей заливал комнату оранжевым сиянием. Она задернула их и, раздевшись как можно тише, скользнула под одеяло и придвинулась к Конору, так, чтобы чувствовать его тепло. Он пошевельнулся, обнял ее одной рукой и что-то тихо пробормотал, но она не разобрала что. Сна не было ни в одном глазу. Она слышала тихие звуки телевизора снизу и в какой-то момент подумала о том, чтобы встать, спуститься вниз и посидеть на диване с Дэном. Она знала, что он непременно скажет что-нибудь смешное и она почувствует себя лучше. Джен

закрыла глаза и стала слушать дыхание Конора, медленное и ритмичное. Она чувствовала, как бьется его сердце. Она думала о том, какая хорошая у нее жизнь, как ей повезло и какая это бессмыслица, что сейчас ей так грустно.

Глава тридцать первая

Март 1996 г.

Самолет резко швырнуло влево, и Конор почувствовал, как екнуло сердце. Вцепившись в подлокотники и опустив голову, он прислушивался к изменениям в шуме мотора. Он бросил взгляд влево; сидящая сбоку от него женщина средних лет ободряюще ему улыбнулась. Он не боялся летать. Он никогда не боялся летать. Теперь же его переполнял ужас.

— Всего лишь небольшая турбулентность, — сказала ему женщина. Он кивнул и улыбнулся, почувствовав себя дураком.

Он и был дураком. Ему ни в коем случае не следовало вот так уходить. У него перед глазами до сих пор стояла картина, как она сидит на постели, протягивая к нему руку, зная, что, даже если он рассердится, даже если они сильно поссорятся, он не уйдет вот так, толком не попрощавшись, не поцеловав ее. Он видел, как изменилось выражение ее лица, когда он повернулся, чтобы идти, когда она поняла, что он вот так уходит. Конор до сих пор видел ее боль и чувствовал себя отвратительно.

Если этот самолет упадет в ледяное Ирландское море, он никогда не получит шанса попросить у нее прощения.

Все это началось за ужином. Он собирал вещи для поездки в Ирландию. На сей раз она должна была продлиться неделю, а не уик-энд, как обычно, он должен был помочь с ремонтом в доме своего брата. В последнее время он часто туда ездил и знал, что Джен этому не очень рада, особенно с тех пор, как Дэн от них съехал. Ей было тоскливо одной в квартире. Все были заняты в последнее время, и друзья уже не так часто виделись.

Они с Джен планировали пойти куда-нибудь поужинать, но он устал просто как собака, всю неделю работал допоздна, поэтому предложил заказать еду на дом. Джен не возражала или, во всяком случае, сказала, что не возражает. Ей хотелось карри, но Конор мечтал о пицце. Это было простое, банальное дело — выбор меню. Они немного поспорили, и потом Джен сказала: ладно, хорошо, пицца так пицца, и пошла вниз звонить.

После этого все должно было успокоиться, это ведь пустяк. Только когда пиццу доставили, она села с тарелкой на коленях, откусила кусочек и

отставила тарелку. Лицо ее было твердым, как гранит, зубы стиснуты. Она злилась. Это было глупо. Он так и сказал.

— Ради всего святого, Джен, ты хочешь, чтобы я позвонил и заказал тебе бирьяни?[25] Этого ты хочешь? Давай закажу! Черт, лучше так, чем сидеть и смотреть на твое выражение лица.

— Просто забудь об этом, хорошо? — сказала она, встала и отнесла тарелку в кухню. Там она встала возле кухонной стойки, спиной к нему, как если бы ей было невыносимо на него смотреть.

— Как я могу забыть, когда ты вот так стоишь? У тебя аж пар из ушей валит! — Он рассмеялся. — Ты ведешь себя смехотворно, Джен, это всего лишь какая-то пицца.

Она развернулась и посмотрела на него, в глазах ее был настоящий ад, и он пожалел, что засмеялся.

— Дело не в чертовой пицце! — завопила она, и он пригнулся, потому что кусок этого продукта-виновника полетел в него. Кусок приземлился прямо томатным соусом на диван. Он почувствовал, что лишился дара речи; он был потрясен, он никогда не видел, чтобы она так себя вела, так

---

[25] Примечания: 25
Азиатское блюдо из риса, мяса и овощей.

вздорно, так по-детски.

— Господи, Джен, какая муха тебя укусила?

И тогда она разразилась слезами, отчего он по-настоящему вышел из себя. Он терпеть не мог, когда девушки так поступали: вели себя вздорно, а затем плакали, чтобы тебя уесть. Такое поведение было свойственно Лайле, но не Джен. Он прошел мимо нее в кухню, не прикоснувшись к ней и не попытавшись ее утешить, взял со стойки тряпку и вернулся в комнату, чтобы убрать беспорядок.

— Дело не в пицце, — всхлипывала она, — дело не в этом.

— Хорошо, тогда в чем, скажи на милость, — пробормотал он, яростно пытаясь отчистить пятно на диване и только втирая грязь в ткань. — Я не умею читать чужие мысли, черт возьми.

И тогда она разразилась этой невероятной тирадой; это взялось неизвестно откуда, он с трудом верил своим ушам.

— Дело в тебе, — кричала она. — Ты всегда все делаешь по-своему. О чем бы ни шла речь: о том ли, что мы будем есть на ужин, или где мы будем проводить Рождество, когда и где мы будем путешествовать, когда поженимся, сколько чертовых детей заведем. Все это решаешь ты.

У меня такое чувство, что я больше ничем не управляю. Я чувствую себя твоей проклятой женой! — Она выплюнула в него последнее слово, в гневе выскочила из комнаты и бросилась вверх по лестнице, а потом скрылась в спальне, изо всех сил хлопнув дверью.

Он остался сидеть, ошеломленный. Дело было не просто в несправедливости, дело было в злобности. Его проклятой женой? Она чувствует себя его проклятой женой? Как будто это было что-то мерзкое. Он взял свою тарелку с недоеденным куском пиццы, трясущимися руками отнес ее на кухню и там выбросил пиццу в мусорное ведро. Ему просто кусок не лез в горло. Он постоял там некоторое время, вцепившись руками в кухонную стойку, чувствуя, как его потрясение превращается в гнев.

Он стремительно бросился вверх по лестнице и распахнул дверь спальни, так что дверная ручка врезалась в стену. Она сидела на кровати, глядя в окно. Она не повернула головы, даже не вздрогнула.

— Я думал, что ты хочешь быть моей проклятой женой, — сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал негромко и ровно. — Я думал, что ты хочешь иметь от меня чертовых детей. Я ду-

мал, что ты хочешь меня, хочешь быть со мной, хочешь за меня замуж. А теперь ты говоришь об этом как о тюремном заключении. — Она ничего не ответила и вновь даже не повернулась. Повисло молчание. Но пока он стоял там, в дверях, положив руку на дверной косяк, стараясь успокоиться, он почувствовал, как гнев спадает и его охватывает отчаянная грусть. Почувствовал страх. — Ты меня больше не любишь, Джен? — спросил он, но ему было страшно услышать ответ, поэтому он поспешно развернулся и закрыл за собой дверь. Схватил в холле куртку и вышел из дому.

Когда он вернулся домой после закрытия пабов, она была уже в постели. Ее глаза были закрыты, но он знал наверняка, что она не спит. Он забрался в постель и лег рядом с ней, не сводя глаз с крошечной родинки между ее бледными лопатками, которую так любил целовать. Он хотел, чтобы она повернулась к нему, обвила его руками, извинилась. Но она этого не сделала. В конце концов он уснул.

Он встал рано, чтобы закончить упаковываться; в девять ему нужно было быть в аэропорту Гатвик. Он принес Джен чашку чаю, поставил на прикроватную тумбочку. Глаза ее оставались

закрытыми. Когда ему пришла пора уходить, он долго стоял в дверях, точь-в-точь как накануне, когда задал ей вопрос, на который она не ответила.

— Мне надо идти, — сказал он, и она рывком села в кровати.

— Конор, — тихо сказала она, — пожалуйста, прости. Подожди уходить. Мне очень жаль. Мне так жаль. Я просто почувствовала…

— Я опоздаю на самолет, — резко оборвал он ее. Конор был раздражен, потому что она знала, что он должен идти, и если она хотела поговорить, если действительно хотела с ним помириться, она могла сделать это раньше.

— Пожалуйста, — сказала она слабым, напряженным голосом.

Он покачал головой.

— Я не знаю, что с тобой происходит, Джен. Похоже, что я один прилагаю усилия. И похоже, что бы я ни делал, все выходит не так. — Он подхватил дорожную сумку и, поворачиваясь, чтобы идти, увидел выражение ее лица. Он понял, что она сейчас заплачет, и в эту секунду решил, что не будет ее утешать.

Он ушел, не поцеловав ее на прощанье.

Как только он прилетит в аэропорт Корка, он

позвонит ей на работу и скажет, как он сожалеет о случившемся, скажет, что любит ее больше всего на свете, что всегда будет любить. И извинится за то, что спрашивал ее, любит ли она его по-прежнему, потому что знает, что она любит, он знает об этом в глубине души, как он мог об этом спрашивать? Это было для нее оскорбительно, это было обидно. И хотя он по-прежнему чувствовал, что она была несправедлива, сейчас, в холодном, ясном свете дня, здесь, на высоте тридцать тысяч футов, при надвигающейся смертельной опасности, он признавал, что, возможно, только возможно, принимал такие решения, которые нужно было бы обсудить с ней. Как, например, поездка в Корк на Рождество.

И, размышляя над этим, он абсолютно точно понял, почему она так сказала о женитьбе и детях. Он знал, что она услышала его разговор с матерью и тетками после рождественского обеда, когда они спрашивали, когда будет свадьба и внуки и все такое прочее, а он сказал, мол, скоро, через год-два. Он знал, что ее это немного расстроило, но он сказал так только для того, чтобы от него отстали. Но сейчас до него дошло, что ей он никогда этого не объяснял.

Ах, если бы только они все это обсудили. Короче

говоря, проблема была в том, что они в последнее время мало разговаривают по-настоящему. Это, вероятно, тоже была его вина, или, во всяком случае, большей частью его вина. Он постоянно работал, он часто ездил в Ирландию, плюс еще те месяцы, когда у них жил Дэн (что было еще одним решением, которое он принял единолично, не посоветовавшись с ней), и у них было мало времени на самих себя.

Если только он сможет поговорить с ней, если этот самолет не рухнет в море, он сумеет все уладить.

Глава тридцать вторая

Она позвонила на работу, сказала, что заболела, и даже не испытала чувства вины, потому что на самом деле чувствовала себя больной. Когда она услышала, как закрылась входная дверь, когда поняла, что он действительно ушел, что она целую неделю не сможет его видеть, обнимать, не сможет загладить свою вину, ей сделалось физически плохо.

Она натянула одеяло на голову и лежала, вновь и вновь прокручивая в голове ссору. Она была неблагоразумна. Она была жестока. Она кинула в него кусок пиццы. Она наговорила ужасных вещей. Проклятая жена, чертовы дети. У нее в голове вновь и вновь звучал его вопрос, по-прежнему ли она его любит. Она свернулась калачиком. Если она пролежит так целый день, то будет слышать одно только это, оно не прекратится. Нет, надо встать, надо что-то сделать. Она приняла душ, оделась и спустилась вниз приготовить себе чашку чая. Она позвонила Лайле, с которой на самом деле не хотела бы провести день, и с облегчением услышала, что та никак не сможет еще раз отпроситься с работы, сказав-

шись больной. Она даже не стала звонить Нат или Эндрю, потому что очень хорошо знала — для того, чтобы любой из них отпросился с работы, потребовалась бы лихорадка Эбола или травма с ампутацией конечности. И в любом случае ей не хотелось провести день ни с одним из них.

Ей хотелось провести день с Дэном. Она не стала думать о том, почему с большей охотой проведет время с ним, чем с кем-то из остальных друзей. Эта мысль ее нервировала. Она не могла вспомнить, когда у нее появилось ощущение, что Дэн ближе ей, чем другие. Оно подкралось к ней поначалу едва заметно, а потом был тот вечер в баре с девчонками, когда они стали поддразнивать ее и она так разозлилась. И вдруг оказалось, что она ни о чем другом не может думать, что у нее появились такие чувства, которых быть не должно.

Лучше бы он у них не гостил. Именно постоянное пребывание рядом с ним и привело к таким результатам. Он попадался ей на глаза с самого утра, со своими всклокоченными после сна волосами и бледным, помятым лицом, высокий и тощий, с большими, скорбными серыми глазами, глазами, которые зажигались, когда он смотрел на нее. На нее действовала его безнадежная

неприспособленность, его неспособность сварить себе даже яйцо. Если бы не она, он питался бы едой навынос и лапшой быстрого приготовления. Всему виной были долгие ночные разговоры на диване, когда он рассказывал ей о своей жизни, о том, как рос, вначале без матери, а потом и без отца, когда она осознала, как туго ему пришлось и насколько, по сравнению с ним, были счастливы и избалованы остальные. Ему пришлось так много бороться, и тем не менее вот он, смешной и добрый, и когда он смотрит на нее определенным образом, что-то с ней происходит.

Ей не нравилось думать об этом, не нравилось приходить домой вечером и грустно смотреть на то место на диване, где он всегда сидел, удивительно элегантно закинув ногу на ногу, с сигаретой в руке, смеясь над чем-нибудь в телевизоре. Ей не нравилось, что она так много о нем думает. И особенно не нравилось то, как она проводила сравнения между ним и Конором.

Она знала, что это плохая идея — позвонить ему. Она набрала номер. Положила трубку на рычаг. Снова набрала.

Не прошло и часа, как он уже был в поезде, и в середине дня она встретила его на вокзале Ливерпуль-стрит. Они пообедали в Шордиче,

сходили в галерею «Белый куб» на Хокстон-сквер, прогулялись по Коммершиал-стрит и зашли выпить в «Голден харт». Они проехались на метро и сходили в «Барбикан», где посмотрели невразумительный и крайне эротичный японский фильм. Потом вернулись в квартиру. На автоответчике было три сообщения. Она не стала их слушать. Они с Дэном сидели на диване лицом друг к другу, почти соприкасаясь ступнями, и пили красное вино.

Глава тридцать третья

Ногти на ее ногах были выкрашены в темно-красный цвет. Почти черный. У нее были идеальные белые, аккуратные маленькие ступни, такие, которые могли бы возбудить фетишиста. Не то чтобы Дэн был фетишистом. Но он отдавал себе отчет, что когда он с ней, то фокусируется на мелких деталях. Он думал о том, как она будет выглядеть перед камерой, выискивал ее наилучшие ракурсы. Ни одного плохого ему найти пока не удалось.

Он желал ее так сильно, как никого и никогда на свете. Можно было писать песни об этой девушке, можно было снять фильм о ее лице, о ее смехе, о ее длинной, изящной шее и очертаниях ее губ. Кровь в нем закипала, ему надо было это прекратить. Он резко прикусил губу.

Все это было для него не ново, но всякий раз, как он ее видел, говорил с ней, дела обстояли все хуже и хуже. Когда он целовал ее при встрече, это было самой острой мукой, какую он переживал. Да, это было не ново, но он позволил своему чувству разрастись, он баловал себя мыслями о ней, и эти мысли приняли нежелательное направление. Он

долгие годы не позволял себе так думать с тех самых пор, когда они впервые встретились и когда он очень скоро понял, что она никогда не будет смотреть на него так, как смотрит на Конора.

Только в последнее время он уже не был в этом уверен. Не то чтобы она давала ему повод надеяться. Она его не поощряла. Во всяком случае, до сегодняшнего дня, если можно считать поощрением приглашение побыть с ней, пока ее парень находится в отъезде. Конечно, можно, разве нет? Но он не был в этом уверен. Он так давно был в нее влюблен, что уже сам не знал, не приписывает ли он ей несуществующие мотивы, не вкладывает ли несуществующий смысл в ее слова и взгляды.

Все эти мысли побуждали его писать. Хотя Джен не знала, о ком на самом деле он пишет. Девушка в рассказе, которую любит, но не может заполучить герой, была хорошо замаскирована. Дэн дал Джен понять, что этот образ основан на образе девушки из колледжа по имени Кара Николсон, которая оставила его ради выпускника Хэрроу, имеющего трастовый фонд и семейное шале в Шамони. Джен незачем было знать, что ему начхать на Кару Николсон, что ни к одной из своих девушек или мимолетных увлечений в

колледже он не чувствовал и одной десятой того, что чувствовал к ней.

Он хотел поговорить с Джен о киносценарии, но не был уверен, что сможет поддержать обман, что она его не раскусит. Поэтому когда она спросила его в тот день: «Как идет сценарий?» — он ответил: «Неплохо» — и тут же сменил тему. Она тогда посмотрела на него со странным выражением (или, быть может, ему это только показалось?), потому что он никогда не упускал случая поговорить о своих писаниях, но не стала уточнять.

Ему хотелось поговорить с ней о сценарии, потому что она стала для него как бы тестовым слушателем. Почему-то ему никак не удавалось заставить вторую часть фильма (где шла речь о неразделенной любви) состыковываться с первой (слегка беллетризованным рассказом о его детстве, о смерти матери от рака, когда ему самому было восемь лет и он остался на попечении отца, страдавшего маниакально-депрессивным психозом). Он был совершенно уверен, что это должно сработать, только по какой-то причине тон первой части дисгармонировал со второй.

Но он не мог позволить себе заговорить о так называемой Каре, а в реальности Джен, из опасения себя выдать. В любом случае разговор давно

уже ушел далеко от работы, он затронул друзей и их планы на лето, а сейчас дрейфовал в сторону еще более рискованной темы.

Она рассказывала ему о своих проблемах с Конором, о ссоре, которая у них произошла, и о том, как в последнее время он ее расстраивает. О том, как ей кажется, будто все движется как-то уж чересчур быстро, о том, как это ее пугает и как она чувствует, что теряет контроль.

Это был не первый случай, когда она жаловалась ему на Конора, и ему это не нравилось. Он не хотел этого слышать, потому что это наполняло его надеждой, а с другой стороны подавляло, потому что он любил Конора. Конор был таким другом, который в лепешку расшибется ради него, ради любого из них.

Ей не следовало говорить с ним о Коноре. Но, с другой стороны, ей следовало говорить с ним о Коноре, потому что Дэн ее друг, а друзья должны выслушивать, как человек стонет и жалуется на свои любовные отношения, когда все идет не так гладко, ведь правда? Она не должна узнать, какие чувства в нем вызывает. Между ними ничего нет, никогда не было.

Сейчас, когда пальцы их ног соприкасались, между ними в буквальном смысле ничего не бы-

ло, никакого пространства, никакого расстояния. Он мог бы протянуть руку, если бы осмелился, и дотронуться до ее лица, провести большим пальцем по ее соблазнительной нижней губе, обхватить рукой ее красивую, длинную, цвета слоновой кости шею, притянуть к себе ее лицо, поцеловать.

— Дэн? Я тебя утомляю?

— Что? Нет! Я просто думал, понимаешь… — Он не мог к ней прикоснуться, не мог ее поцеловать. — Я думал, что, может быть, тебе надо дать ему поблажку.

Она нахмурилась; когда она хмурилась, это тоже было очень красиво.

— Я думала, ты будешь на моей стороне, я знаю, порой он и тебя тоже бесит.

— Нет! — со смехом солгал Дэн. — Нет, серьезно, ты должна подумать, каково это все для него. Он ведь был большим человеком в студенческом городке, в колледже. Он и Эндрю… команда по регби, студенческий совет, все эти штуки. Для некоторых людей бывает непросто приспособиться к жизни после этого, к реальному миру, когда ты уже ничего особенного собой не представляешь… то есть я не говорю, что он ничего собой не представляет…

— То же самое и он твердит, — пробормотала Джен, выпятив красивую нижнюю губу. — Год адаптации, бла-бла-бла. Но от этого мне делается еще тревожнее, как будто это у меня на адаптацию только один год. И этот год почти закончился, а я так и не чувствую себя приспособившейся! Я пока не чувствую себя готовой пускаться в путешествие, я чувствую себя так, что мне нужно сначала привыкнуть к нормальной трудовой жизни. А что касается брака…

— Он говорит о браке? — спросил Дэн, надеясь, что она не услышала в его голосе нотку отчаяния.

— Ну, пока ничего конкретного, никаких дат, но… Ты же знаешь, мы всегда об этом думали. Мы этого хотели.

Дэн мысленно отругал себя за трусость, за то, что у него не хватает смелости спросить: «Хотели или хотите?» Впрочем, он знал ответ, знал, что она выйдет за Конора, он всегда это знал. Только сейчас вот она сидит перед ним, уперев подбородок в колени, и смотрит на него, чуть раскрасневшаяся, с улыбкой на губах, и он уже больше ничего не знает.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он ее.

— Просто так. — Она засмеялась (ее смех был

как музыка, саундтрек к фильму, который он снял бы, фильму об очертаниях ее губ).

— Продолжай.

Она набрала в грудь воздуха и выпустила его, раздув щеки.

— Видишь ли. Это звучит глупо. И немного щекотливо…

— Давай, — сказал он, ткнув пальцами ног в ее пальцы, причем от этого физического контакта по его позвоночнику пробежал электрический ток. — Ты можешь мне рассказать.

Еще один глубокий вдох.

— Хорошо. Ну, понимаешь, я с Конором с шестнадцати лет. Это треть моей жизни. Одна треть! И дело в том, что… — Она умолкла. Легкий румянец на ее бледных щеках разгорелся сильнее. Она выглядела красавицей, она и была красавицей — ему пришлось отвести взгляд, ему пришлось сесть себе на руки, чтобы не дотронуться до нее.

— Дело в чем? — Он чувствовал, что беседа скатывается в неисследованные воды, опасные воды. — Ты можешь мне рассказать, — опять произнес он. — Ты можешь рассказать мне все.

Она засмеялась.

— Ничего такого. — Она обхватила руками колени и наклонила голову, спрятав лицо. — Просто

если мы будем вместе, если мы поженимся, как все всегда думали, тогда он будет полностью для меня. А я — для него. Никогда не будет никого другого.

Голос ее слышался нечетко, он не был уверен, что правильно ее понял. Действительно ли она говорит об этом, о том, что хочет быть с кем-то другим? Он нервно рассмеялся.

— Я… э… не думал, что девушек беспокоят такие вещи, — сказал он.

— Да, беспокоят. — Она все еще сидела, уткнувшись в колени, но спустя мгновение подняла голову, лицо ее было ярко-красным. — Глупо, да? Я имею в виду, что это ведь хорошо — всегда быть только с одним человеком. Это ведь хорошо — всегда желать только одного человека, разве нет?

— Ну… — Они оба принялись смеяться.

— О господи, — сказала она, качая головой. — Я веду себя так глупо. Не знаю, зачем я все это говорю. Я слишком много выпила. — Она встала и пошла в кухню, унося пустые бокалы.

Он не позволил себе задаться вопросом, что он делает, а просто тоже встал и последовал за ней. Она поставила бокалы и, повернувшись, подняла к нему лицо, и он понял, что она хочет, чтобы он

ее поцеловал, поэтому он так и сделал. Сначала она не отстранилась, во всяком случае, не сразу, но когда все-таки отстранилась, взгляд ее был опущен, она не смотрела на него, а положила руку ему на грудь и мягко оттолкнула от себя.

— Дэн, — проговорила она низким, хриплым голосом, — не надо.

Больше она ничего не сказала, просто улыбнулась ему и покачала головой, а затем пошла наверх, и он услышал, как закрылась за ней дверь спальни.

Он подумал о том, чтобы вызвать такси и отправиться на вокзал, но было уже за полночь, и до утра поезда не ходили. Он даже не был уверен, что вокзал Ливерпуль-стрит открыт ночью. Он потушил весь свет и сел в темноте, глядя в окно на почти полную луну в темном небе, зная, что не сможет заснуть. Он сомневался, что вообще сможет спать когда-нибудь, будет просто лежать в кровати, мысленно проигрывая этот поцелуй, и эту ее руку, упертую ему в грудь, и то, как она произнесла его имя, прося этого не делать.

Прошло, должно быть, полчаса, когда он услышал скрип и звук поворачивающейся дверной ручки. Он затаил дыхание. Послышался звук шагов на лестнице; она спускалась обратно. Он

слышал тяжелое биение своего сердца.

— Дэн?

— Я здесь, — сказал он. — Прости.

Она стояла перед ним, одетая в майку без рукавов и маленькие шорты, и ее белеющие ноги прижимались к его коленям. Взяв за руку, она заставила его встать и увлекла за собой в гостевую комнату. Это было наяву, это не было его фантазией, ее губы прижимались к его губам, ее руки стягивали через голову его футболку, ее тело прижималось к его телу, он чувствовал ее запах: смесь цитруса и ванили. Она была по-настоящему с ним, и он не смог это остановить, не смог прогнать ее.

Глава тридцать четвертая

О стекло за шторой бился мотылек. Она потерла глаза. Штора была бледной, желтоватый оттенок бежевого. В комнату струился слабый свет. Что было не так? До нее дошло, и она охнула, это было что-то вроде паники. Потом крепко зажмурилась. Ей хотелось, чтобы это был только сон. Но если это не наяву, почему штора желтовато-бежевая? Это был цвет шторы в гостевой комнате, а не темно-синий, как в их с Конором спальне. Тогда она поняла, что когда снова откроет глаза и заглянет под одеяло, то на внутренней стороне запястья обнимающей ее талию руки увидит татуировку. Маленький темный арабский иероглиф, опрометчивое приобретение во время отпуска в Марракеше. В отличие от бледной, нетронутой плоти Конора. Ей не хотелось смотреть. Ее одежда лежала на полу. Она сдвинула руку Дэна, выскользнула из постели, подхватила одежду, вышла из комнаты как можно быстрее и тише и, не оглядываясь, закрыла за собой дверь.

Она побежала наверх, в ванную, заперла за собой дверь и села. Ей хотелось плакать, хотелось, чтобы ее вырвало, хотелось причинить себе

боль, порезать себя чем-нибудь, почувствовать что-нибудь иное, чем это отвращение к себе, этот ужасный стыд. Слезы не шли, дурнота не утихала, но рвоты не было. Она просто сидела, обхватив себя руками, впиваясь ногтями в плечи, пока не появилась кровь.

Когда вчера ночью она спустилась вниз, ей не казалось, что она делает что-то неправильное. Она знала, что поступает безрассудно, но каким-то образом ей удалось убедить себя, что ничего страшного не случится, если она проведет одну ночь с другом, к которому испытывает это мощное, неодолимое притяжение, с мужчиной, который в других обстоятельствах мог бы значить для нее гораздо больше. Она убедила себя, что в каком-то смысле задолжала сама себе этот момент безрассудства: это успокоит ее ум, она не будет так сильно переживать из-за того, что что-то упускает. Она убедила себя, что в конечном счете это укрепит ее отношения с Конором.

Она каким-то образом умудрилась внушить себе, что в результате этой измены Конор станет ей дороже — от этого воспоминания ее чуть не вырвало. Она вела себя глупо и отвратительно. Она все разрушила. Как сможет она теперь взглянуть на Конора, зная, что совершила этой ночью?

Как сможет до него дотрагиваться, как сможет с ним спать без того, чтобы он это почувствовал, без того, чтобы ощущал измену в каждом поцелуе? Она глубже впилась ногтями в тело, крепко зажмурила глаза, пока наконец не потекли слезы и в горле, перехватив дыхание, не поднялись рыдания.

Послышался деликатный стук в дверь.

— Джен?

— Пожалуйста, уходи.

— Все хорошо. Все будет хорошо. Прости меня, Джен. Прости. Мне не следовало…

— Оставь меня в покое, Дэн, пожалуйста. — Он был в их комнате. Человек, с которым она переспала прошлой ночью, в этот самый момент стоял перед дверью ванной, в *их* спальне. — Уходи!

Она услышала, как его шаги удалились, и почувствовала себя еще хуже. Как могла она позволить ему извиняться перед ней? Ведь это была полностью ее вина. Как могла она на него кричать, прогонять, когда он пытался успокоить ее? Она встала и плеснула в лицо воды, стараясь не фокусироваться на том, как чертовски ужасно она выглядит, с красным после рыданий лицом, с тенями под глазами от недосыпа, а губы до сих пор в темно-красных пятнах от вчерашнего ви-

на. Она почистила зубы и прошлась щеткой по волосам. Потом сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Когда она спустилась, Дэн был в кухне, засыпал кофе во френч-пресс. Услышав за спиной ее шаги, он повернулся, обвил ее руками и поцеловал в висок.

— Все хорошо, Джен.

— Нет, не хорошо, — промямлила она. — Не хорошо. И никогда не будет хорошо. — Она была застывшей, как бревно, свисающие по бокам руки сжаты в кулаки. Ах, лучше бы она не ощущала мускулов на его руках, не ощущала его запаха, не чувствовала тепло его кожи. Она отлично помнила минувшую ночь: то, каково это было — быть с ним, какое это было прекрасное ощущение, гораздо лучше, чем все, что она ощущала прежде. Внутри все напряглось, она почувствовала, как поднимается в ней жар, как она заливается краской.

— Ты должен уйти, — мягко произнесла она. — Пожалуйста. Извини, но ты должен уйти. Я не… Я не могу даже говорить об этом. Я не могу находиться здесь с тобой, не могу. Не могу.

— Можно мне сначала выпить чашку кофе? — спросил он.

Они стояли бок о бок в крохотной кухне, прихлебывая кофе. Его рука лежала на кухонной стойке, рядом с ее рукой, они почти соприкасались. Если бы она вытянула мизинец, то могла бы переплести его с мизинцем Дэна. Тишина нарастала, она расширялась, заполнила комнату, заполнила квартиру, тишина была повсюду.

— Мне так жаль, — сказала Джен, когда больше не смогла выносить эту тишину. — Это было отвратительно с моей стороны, моя реакция. Это не… понимаешь? Не потому что я сожалею об этом. То есть я хочу сказать, что сожалею об этом, но не потому, что это было плохо, понимаешь? Это было хорошо. Во всяком случае, мне так показалось.

Дэн улыбнулся.

— Джен, это было потрясающе. — Он отставил свой кофе, повернулся и посмотрел ей в лицо. Дотронулся до ее щеки и медленно провел рукой сверху вниз, до самой шеи. Провел кончиком большого пальца по ее ключице. — Я не знаю, что думать. То есть я знаю, что я чувствую, но я также знаю, что нам не следовало… — Он дышал часто и прерывисто. — Но мне трудно сожалеть об этом. — Он говорил это мягко, ближе придвигаясь к ней, их тела почти соприкасались. Он

обвил руками ее талию, положил ладони на поясницу и привлек ее к себе. Она слегка откинулась, подняла голову и поцеловала его, снова ощущая тот прилив крови, что чувствовала прошлой ночью. Они переместились в гостиную, на диван, ее халат оказался на полу, она не могла, да и не хотела этому противиться.

Зазвонил телефон.

— Пусть звонит, — сказал он, — пожалуйста.

А потом включился автоответчик и за секунду до того, как она услышала голос, она уже знала, кто это будет.

— Джен? Ты там? Я уже начинаю беспокоиться. Ты можешь снять трубку?

— Черт, — выругался Дэн. — Ах, черт. — Джен подняла с пола халат. — Я пойду. Я ухожу.

Долгое время после его ухода Джен сидела на диване, глядя на мигающий автоответчик. Ей надо перезвонить Конору. Ей надо сделать это немедленно, он о ней беспокоится. Но она не могла этого сделать, ей было так страшно. Он поймет, как только услышит ее голос, он поймет, что она сделала, чем она занималась, пока он набирал ее номер, когда произносил ее имя.

Однако этого не произошло. Судя по голосу, он не был обижен или разгневан или о чем-то

догадался. Он был просто раздосадован.

— Черт возьми, Джен. Я по-настоящему беспокоился. Я звонил тебе на работу, они сказали, что ты больна, я десять раз звонил домой, никто не отвечает, я оставлял тебе сообщения, я звонил Нат, звонил Лайле…

— Прости, — сказала она. — Прости. Прости. — Это было все, что она могла сказать.

— Где, черт возьми, ты была? Почему мне не перезвонила?

— Я выходила, — соврала она.

— Ты выходила?

— Да, я… — Ложь подыскивалась с трудом, она где-то застревала. — Я сказалась больной, а потом я просто… бродила одна. Ходила в кино. Потом вернулась и пошла спать, я даже не проверяла сообщения…

Она умолкла в ожидании, что он что-то ответит. Наконец он ответил:

— Ты не проверяла сообщения? Не думала, что я мог тебе звонить, что хотел поговорить с тобой? Ты не хотела со мной говорить?

— Прости, — опять сказала она. — Прости. — И из глаз у нее потекли слезы.

— Мне надо идти, Джен, — сказал он устало. Он терпеть не мог, когда она плачет, она это знала. —

Надеюсь, что с тобой все в порядке.

Она сняла постельное белье в гостевой комнате и положила его в стиральную машину. Она убрала квартиру более тщательно, чем ее когда-нибудь убирали: она отскабливала каждую поверхность, пылесосила под кроватями, столами и шкафами, она мыла пол и вытирала пыль, даже помыла окна, словно бы стремясь очистить дом от всех следов своего предательства. Но все равно она не могла избавиться от образов прошлой ночи, которые приводили ее в смятение и трепет. Шум пылесоса не мог заглушить тех слов, что говорил ей Дэн. И ничто не могло заставить ее перестать прокручивать в голове одну и ту же сцену: они с Дэном в объятиях друг друга, и в качестве саундтрека голос Конора.

Глава тридцать пятая

Апрель 1996 г.

Эндрю никогда прежде не видел Конора таким. Конор был самым неутомимо жизнерадостным человеком, какого он когда-либо знал, его склонность видеть во всем только светлую сторону почти действовала на нервы. Он был уверен в себе, и он знал свое место в мире. Было досадно видеть его сейчас таким неуверенным, таким встревоженным.

— У меня такое чувство, что я ее теряю, — сказал Конор. — Я даже сам не могу поверить, что произношу это вслух. А я знаю, что происходит, когда люди так себя ощущают, они становятся зависимыми, навязчивыми и неадекватными, и это только провоцирует партнера больше отстраняться. Я так усиленно стараюсь не цепляться за нее, а потом начинаю беспокоиться, что веду себя неправильно. Что позволяю ей уйти.

Они сидели в «Грейхаунде», за столиком позади бильярдного стола, и перед ними стояли кружки с «Гиннессом». Паб находился как раз за углом от дома Эндрю и Лайлы. Лайла отзывалась о нем как о «том убогом стариковском пабе», и он становил-

ся убежищем Эндрю, когда его подруга пребывала в трудном настроении, то есть проводил там прорву времени. Трудное настроение сделалось для Лайлы обычным состоянием: она была либо маниакально счастлива, в коем случае имела склонность слишком много пить и становиться громогласной и похотливой, либо несчастна, и при этом также имела склонность слишком много пить, становиться громогласной и злой.

Но сейчас они пришли сюда не для того, чтобы обсуждать проблемы подруги Эндрю. На сей раз была очередь Конора.

— Ты не позволяешь ей уйти, — сказал Эндрю. — И я, честно говоря, не думаю, что она хочет куда-то уходить. В прошлые выходные она говорила о лете, о том, с каким нетерпением ждет возможности поехать во Французский дом. Сказала, что вы разговаривали о том, что неплохо бы перестроить амбар.

— Да. Мы действительно говорили об этом, — сказал Конор, и лицо его немного просветлело.

— Честное слово, она говорила не как девушка, которая собирается от тебя уйти. А уж я бы это заметил, потому что живу с женщиной, которая грозится от меня уйти два раза в неделю.

Конор покачал головой.

— На самом деле, дружище, я не понимаю, как ты живешь с этим. Мне бы это выносило мозг.

Эндрю пожал плечами.

— На самом деле она не собирается уходить. По крайней мере не всегда. Просто Лайла есть Лайла. — Он не сказал, что это самое «Лайла есть Лайла» уже не так его радовало, как когда-то; он не сказал об этом, потому что они пришли сюда обсуждать не его проблемы. — Хотя я думаю, что ты прав, когда говоришь о навязчивости. — Конор бросил на него резкий взгляд. — Не то чтобы я считаю тебя навязчивым. Просто мне кажется, будет полезно, если она почувствует, ну не знаю, что ты на нее не давишь.

— Я и так на нее не давлю.

— Я знаю, что нет. Знаю.

— Самое странное, — сказал Конор, сделав глоток пива, — это что после того, как я вернулся из Корка и мы обо всем поговорили, дела пошли лучше. Похоже было, что мы вернулись в первоначальное состояние. Это было похоже на медовый месяц. — Он усмехнулся Эндрю. — Но при этом… не знаю… у меня такое чувство, что я половину времени отслеживаю то, что говорю. Мы оба очень предупредительны друг к другу, а такого раньше никогда не было. Иногда, знаешь,

я вижу, как она застывает, уставившись в пространство, и вид у нее грустный, по-настоящему грустный, и я спрашиваю, что с ней, но она не говорит… Я знаю, что-то не так. Я просто не понимаю, почему она не может мне сказать.

— Хочешь, я поговорю с ней? — спросил Эндрю. — Может, мне удастся ее разговорить?

— Нет, не стоит. Если ты станешь говорить с ней сейчас, она поймет, что это исходит от меня, а я не хочу ее вспугнуть.

— Она не лошадь, Конор.

Тот засмеялся.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Я подумывал о том, чтобы попросить Дэна с ней поговорить, потому что они были неразлейвода, когда он жил у нас, и если Дэн спросит ее, в чем дело, она не подумает, что за этим стою я.

— Хорошая мысль.

— Да, если бы я только мог его поймать. Он все время где-то бегает, никогда не отвечает на мои звонки. Я послал ему электронное письмо, попросил о встрече — хотелось бы поговорить с ним с глазу на глаз, но, по-видимому, он очень занят следующие пару недель. Прямо не знаю. Я веду себя глупо, да? Слишком много думаю.

— Да, многовато.

На какое-то время они замолчали, только потягивали пиво и наблюдали, как барменша, высокая и фигуристая, с весьма впечатляющими формами, наклоняется над соседним столиком, чтобы забрать пустые бокалы. Конор поймал взгляд Эндрю, и оба начали смеяться.

— Хочешь еще по одной? — спросил Эндрю. — Мне просто невмоготу сейчас идти домой к моей драконше. Мы крупно поцапались по поводу моего неразумного желания смотреть регби, когда по другому каналу шел повтор серий «Жителей Ист-Энда». Я имел неосторожность указать ей, что она уже просмотрела на этой неделе все эпизоды, но, очевидно, дело было не в этом. Она любит смотреть «Жителей Ист-Энда», когда у нее похмелье. Мне бы следовало уже об этом знать.

Конор рассмеялся, качая головой, а Эндрю оставил его и пошел к барной стойке. Сексуальная барменша ослепительно ему улыбалась, пока он заказывал напитки; всякий раз, как он приходил сюда, она была очень дружелюбна. Он обвел взглядом помещение: неудивительно, что ей было приятно его видеть, они с Конором были единственными посетителями моложе сорока пяти во всем пабе. И Лайла была права, это был стариковский паб, все сидели, склонясь над свои-

ми бокалами и газетами, и мало кто даже болтал друг с другом. Возможно, для них это тоже было место убежища от своих драконш.

О боже, он не мог поверить, что превратился в одного из тех мужчин, которые удирают в паб, спасаясь от женщины, которую выбрали себе в спутницы на всю жизнь. Не мог он превратиться в одного из тех зануд, что смотрят на женщину как на неизбежное зло, с которым иногда приходится мириться, потому что она доставляет пищу, секс и комфорт. Он не такой. Он не хочет быть таким. Эндрю забрал кружки, широко улыбнулся барменше и зашагал обратно к своему столику, полный решимости больше не стонать по поводу женщин.

— Расскажи мне о планах на Французский дом, — бодро сказал он, ставя перед Конором его пинту.

— А, хорошо. — Глаза Конора загорались всякий раз, когда упоминалось об этом доме и связанных с ним планах. — Да, как уже говорила Джен, мы раздумывали над тем, пригоден ли амбар в конструктивном отношении. И я не уверен, что пригоден, что мы сможем переделать его в студию, а также в дополнительное жилое пространство, на тот случай если бы нам захотелось

туда поехать, когда ее отец будет жить в самом доме, понимаешь?

Он умолк. Можно было бы снести амбар и построить совершенно новую пристройку — мастерскую для него, рабочее место для Джен. Он хотел еще построить загон, потому что Джен всегда мечтала держать коз. Они могли бы даже переехать туда в следующем году, раньше, чем предполагалось, они могли бы пока не отправляться путешествовать. В конце концов, это было место, где они чувствовали себя счастливее всего.

Друзья просидели в пабе до закрытия. К моменту ухода они были в приподнятом настроении, смеясь над историями, которые уже рассказывали и слышали тысячу раз. Это были истории о некоторых моментах из их жизни в колледже, о летней поездке в Италию в конце первого курса, о том времени, когда они украли из душевой одежду и полотенце Дэна, заставив его пройтись по коридорам нагишом. Помахав барменше, они вышли на улицу. Их обдало холодным воздухом, и они сразу протрезвели настолько, что поняли, как они пьяны. Конор обнял Эндрю за плечи, и они поплелись по улицам к станции метро.

— Я тебе завтра позвоню, — сказал Эндрю, пока

Конор рылся в кармане в поисках проездного билета. — Можем сходить опохмелиться, если хочешь.

— Да, это будет хорошо. — Конор нашел проездной и поднял взгляд на Эндрю. Глаза его были остекленевшими, их выражение нечитаемым. — Она мне солгала, Эндрю, — сказал он.

— Что?

— Джен. На той неделе, когда я ездил к Ронану, я тебе говорил. Когда у нас была большая ссора.

— Ну.

— Она мне солгала. Она сказала, что провела весь день одна, сказала, что просто бродила по улицам и ходила в кино. Но потом… это было через неделю или две… я искал свои водительские права, а в гостевой комнате лежали всякие бумаги, и я подумал, что права могут быть среди них. И там я нашел корешки от билетов на какой-то японский фильм в «Барбикане».

— Ведь она тебе сказала, что ходила в кино.

— Да, но там было два корешка. А мне она сказала, что ходила одна. А фильм был в восемь вечера. Она не сказала, в какое точно время она там была, но мне просто трудно поверить, что она бродила одна весь день, до восьми вечера.

— Ты уверен, что эти билеты от того дня?

— Уверен. Это было восьмого марта, в ту пятницу, что я улетел в Ирландию. И она не была с Лайлой, не была с Нат, и это не мог быть кто-то с работы, потому что в тот день она сказалась больной. И если бы она была с кем-то из них, она бы все равно мне сказала. Почему она сказала, что ходила одна, когда это не так?

Эндрю покачал головой. Он пытался придумать невинное объяснение, но у него ничего не получалось.

— Не знаю, дружище. Не знаю.

Он уныло отправился домой. Он был уверен, что существует невинное объяснение и единственная причина, по которой он не может его придумать, состоит в том, что голова его затуманена алкоголем. Джен не была лгуньей, она не была изменницей и обожала Конора, она никогда не сделает ничего, что причинило бы ему боль. Было не так много вещей на свете, в которые Эндрю непоколебимо верил, и одна из них — отношения Джен и Конора.

Когда он пришел домой, там были включены все лампы, а также телевизор. Лайла спала на диване, на полу стояли переполненная пепельница и полупустой бокал вина. Он навел порядок, выключил свет и телевизор, прикрыл

ее одеялом, пошел в кухню и налил себе стакан воды. На кухонной стойке стояли две пустые винные бутылки. Он вернулся в гостиную и сел за маленький столик. Лайла лежала на боку, одна рука свисала с дивана, изящные пальцы почти касались пола. Даже в пьяной отключке и растрепанная, она была красива; длинные ресницы покоились на тонко очерченных скулах, медового цвета волосы разметались по подушке.

Но красота — это еще не все. Он уже не был больше влюблен в нее, не был уже некоторое время. Она вызывала в нем грустное и тревожное чувство. Тем не менее он не мог ее покинуть. Она то и дело грозилась от него уйти и когда-нибудь могла это сделать. Он и ждал этого дня, и страшился его. Он знал, что если они останутся вместе, то закончат тем, что станут презирать и ненавидеть друг друга, а это было бы последним делом. Но он беспокоился о том, что станется с ней, когда его больше не будет рядом, чтобы ее успокаивать, отвозить домой, собирать осколки. Он беспокоился о том, что она будет делать, когда станет свободна, свободна покинуть любой бар с любым мужчиной по своему выбору. Эндрю беспокоился, что Лайла может сделать не лучший выбор.

Но помимо этого он опасался, что конец отношений Эндрю и Лайлы станет началом конца их маленькой компании друзей. Когда ты в университете, ты думаешь, что это будет длиться вечно, тебе кажется невероятным, что настанет день, когда вы не будете постоянно видеть друг друга, не будете каждый день болтать друг с другом. Но меньше чем через год после выпуска Эндрю понял, как легко могло их разметать в разные стороны. Уже чувствовалось, что Дэн идет своей собственной дорогой; в последнее время они встречались все реже, у него, похоже, уже не было такой потребности видеться, как раньше. А если они с Лайлой разойдутся, тогда он не будет видеть и Нат. Если ей придется принять чью-то сторону, она примет сторону Лайлы. И тогда, мало-помалу, Нат уйдет из его жизни, а это пугало его больше, чем что-либо еще.

Лежащая на диване Лайла пошевельнулась.

— Дрю? — прохрипела она.

— Извини, не собирался тебя будить.

— Ты меня не разбудил. — Она смотрела на него снизу вверх и улыбалась. Ее зубы были в темно-красных пятнах от вина, было впечатление, что у нее кровь во рту. — Иди сюда, — сказала она, протягивая к нему руки. — Иди, ляг со мной.

— Пойдем в кровать, — сказал он, поднимаясь на ноги.

— Я не могу пошевельнуться, — простонала она. — Отнесешь меня? — Он поднял ее, и она обвила его руками за шею. Он чувствовал запах сигарет от ее дыхания и от ее волос. Он отнес ее в спальню, положил на кровать. Она, как была, в одежде, натянула на себя одеяло.

— Ты меня любишь, Дрю? — спросила она.

— Я люблю тебя, Лайла.

Глава тридцать шестая

Лайле стало нехорошо по дороге на работу. Ей пришлось выйти из поезда на станции «Энджел», и ее вырвало на платформе. Это было унизительно, вокруг шли люди, пялились, лица были искажены отвращением. Некоторые смеялись. Симпатичная женщина средних лет в черном костюме наклонилась рядом с ней, положила руку ей на спину и спросила: «Что с вами, голубушка? Вы беременны?» — и Лайла подумала: да, вот оно, это хороший предлог. Это менее неловко, чем блевать на публике по той причине, что закончила пить четыре часа назад.

— Думаю, да, — ответила она, принимая протянутую ей влажную салфетку.

— Бедняжка. Вам надо прямиком отправиться домой и лечь. Утренняя тошнота просто ужасна.

Лайла кивнула и храбро улыбнулась.

— О, мне нельзя. У меня важная встреча сегодня утром.

— Ваш начальник мужчина, да? — спросила женщина и, когда Лайла кивнула, сочувственно поцокала языком. — Тогда вы не дождетесь от него понимания.

Ей было нестерпимо снова садиться в поезд, поэтому она взяла такси, что означало, что она прибыла на место, опоздав на двадцать пять минут и став на двенадцать фунтов беднее, а она и так уже сильно превышала свой кредитный лимит. Все было так запущено, так чертовски запущено, что просто непонятно, как из этого выпутаться.

Она бросила сумку на свой стол, перекинула пальто через спинку стула, одернула юбку, последний раз проверила свое дыхание (она сжевала четыре палочки жевательной резинки) и побежала со всех ног в конференц-зал. Когда она толкнула дверь, все подняли на нее глаза.

— Мило с вашей стороны к нам присоединиться, — сказал босс.

— Извините, метро, — сверкнула она в него извиняющейся улыбкой и заняла свое место.

— Да, мы все ездим на метро, Лайла, и тем не менее ухитряемся приезжать сюда к девяти.

«Черта с два ты на нем ездишь, — так и подмывало ее сказать, — ты приезжаешь из Суррея в своем большом гребаном «Ренджровере».

— Извините, — снова сказала она кающимся тоном, потупив взор. Когда она опять подняла взгляд, на нее смотрел Мартин, тот самый, с

потрясающим телом, тот, о котором она рассказывала девчонкам, тот, которому удавалось, всего лишь поведя бровью, превращать ее внутренности в желе. Сейчас он подмигнул.

Именно он был виноват в том, что в голове у нее каша. Похоже, всякий раз, как она, оборачиваясь, натыкалась взглядом на него, он улыбался ей и нагло осматривал с головы до ног, задерживаясь взглядом на ногах. Он сводил ее с ума, она не могла перестать о нем думать. И ведь он ей даже не нравился. Он не был особенно умен или забавен, он был, если уж говорить откровенно, туповат, но она ничего не могла с собой поделать. Всякий раз, когда она на него смотрела, ей хотелось содрать с него одежду. Она думала о нем все время, она мечтала о нем на работе, она думала о нем, когда бывала в постели с Эндрю. Что самое отвратительное, она понимала, что это отвратительно.

Она вела себя ужасно по отношению к Эндрю, это она тоже знала. Бывали дни, когда ей было невыносимо находиться с ним рядом; один только вид его, элегантного, чистого и трезвого, в костюме от «Маркс и Спенсер», вызывал в ней желание чем-нибудь в него кинуть. Она находила его скучным и даже не старалась это скрывать. А затем, по утрам, после пьянок, когда она не могла

вспомнить, что произошло накануне и как она добралась домой, когда она чувствовала дурноту и страх, мысль о том, что его не будет рядом, ее ужасала. Она протягивала к нему руку, и он был тут независимо от того, насколько отвратительна и ужасна была она перед этим и как скверно себя вела. Он делал ей завтрак и держал в объятиях, когда она просила, и сидел с ней на диване, держа ее за руку, и смотрел с ней всякую ерунду по телевизору. Она спрашивала его, любит ли он ее, и он говорил, что любит, и она знала, что он лжет.

Мартин пригласил ее сходить выпить после работы.

— Не заскочим вместе в «Кос-бар»? — спросил он небрежно, проходя мимо ее стола в конце дня. У него это прозвучало так, словно он предлагал ей не выпивку, а что-то другое. На какой-то кратчайший миг она подумала, не позвонить ли Нат и не отменить ли их совместный ужин, но в голове звучали слова матери: «Что бы ты ни делала, никогда не бросай друга ради мужчины. Мужчины всегда тебя подведут. Друзья — нет».

Лайла заметила Нат, как только вошла в ресторан. Сидя за столиком в дальнем конце, она наклонялась вперед, поглощенная разговором с каким-то мужчиной, смеялась над чем-то, что он

говорил. Лайла усмехнулась. Давно пора, подумала она, пробираясь между столиками, а затем до нее дошло, что этот мужчина — Эндрю.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, подходя к ним.

— И я тоже рад видеть тебя, дорогая, — сказал он, вставая, и небрежно ее чмокнул. — Нат спросила меня, не хочу ли я к вам присоединиться.

Лайла улыбнулась Нат, расцеловала ее в обе щеки.

— Прелестно, — сказала она, но в душе была разочарована. Ей хотелось рассказать Нат о Мартине. Она ждала возможности обсудить и проанализировать свою зацикленность на нем. Она спрашивала себя, уж не потому ли Нат пригласила Эндрю? Чтобы избежать еще одного разговора об увлечении Лайлы?

Впрочем, в конечном счете она осталась довольна, что они трое провели вечер вместе; им было хорошо, и Эндрю казался таким счастливым. Он рассказывал смешные истории, и они смеялись, он казался более веселым и расслабленным, больше похожим на себя самого, чем в последнее время. После ужина Лайле не захотелось продолжать пить, ей захотелось пойти с ним домой, прямо домой. Она уже не помнила,

когда ей в последний раз хотелось пойти домой до закрытия пабов.

Взяв друг друга под руки, они все трое пошли к метро и там разделились. Эндрю и Лайле надо было ехать на север, Натали — на юг. Они стояли и смотрели, как она удаляется от них, маленькая и аккуратная, в своей узкой черной юбке и сером джемпере, немного покачиваясь на каблуках. Лайла повернулась к Эндрю и улыбнулась ему. Он еще немного посмотрел вслед Нат, затем повернулся и посмотрел на нее.

— Домой, — сказал он, целуя ее в голову.

— Домой.

В метро они сидели бок о бок, ее голова покоилась на его плече.

— Мы должны чаще с ней видеться, — тихо сказал Эндрю. — Я думаю, ей грустно жить одной.

— Нат? Нисколько. Она обожает жить одна. Ее это устраивает. Ей просто нужно найти себе мужчину, только и всего. Думаю, она не трахалась примерно с ноября.

Последовала коротенькая пауза, потом Эндрю спросил:

— А с кем она трахалась в ноябре?

— С тем другом Дэна, помнишь? Парень, с которым он работал? Темные волосы, высокие скулы,

худощавый, беспокойный, немного чудаковатый. Ты же знаешь, Нат таких любит.

После этого он будто воды в рот набрал; он совсем не говорил весь оставшийся путь до дома, а когда добрался туда, было ощущение, что он находится где-то еще. Лежа рядом с ним в постели, она долго не спала, но на сей раз, в кои-то веки, думала не о Мартине из офиса. Она думала о том, как Натали и Эндрю сидели, когда она вошла в ресторан, как их головы почти соприкасались. А затем, позже, когда они попрощались с Нат в метро, это выражение в его глазах, когда он смотрел ей вслед, — была ли это просто привязанность? Потому что, когда она думала об этом сейчас, она была не уверена, что это выглядело как привязанность, это было немного похоже на вожделение.

На следующий вечер, когда Мартин опять пригласил ее выпить, она согласилась. Выражение лица Эндрю, когда он провожал глазами Нат, то, как он ушел в себя, как только они остались с ним наедине, — все это прокручивалось у нее в голове, когда они с Мартином вошли в тускло освещенный подвальный бар за углом от офиса. Все это продолжало прокручиваться, когда она согласилась на второй коктейль, и на третий. Все это продолжало прокручиваться, когда она

согласилась пойти к Мартину домой и когда у них случился отчаянный, безрадостный секс прямо на полу его гостиной.

Утром в субботу, двумя днями позже, когда она вошла в спальню из ванной в одном полотенце, Эндрю спросил:

— Лайла, что случилось? Ты упала? — У нее были отметины на коленях. Тогда Эндрю улыбнулся и обнял ее. — Эти твои каблуки когда-нибудь тебя угробят, — сказал он, потом поцеловал легонько в голое плечо, а она разрыдалась.

— Пожалуйста, давай уедем, — попросила она его, когда перестала плакать. — Я так устала, я просто хочу ненадолго уехать, чтобы были только ты и я. Пожалуйста, Дрю. Не обязательно что-нибудь особенное или дорогое, мы можем просто поехать во Французский дом, пусть даже только на длинный уик-энд[26].

Он, конечно, сказал «нет», он никак не мог в тот момент вырваться с работы. Но он поймет, если она захочет отдохнуть. Он знает, что она устала. Может быть, ей поехать куда-нибудь с мамой?

В тот день она пошла в гости к Нат, в ее крохотную квартирку в Воксхолле. Она находилась

---

[26] Примечания: 26
Дни с пятницы до вторника.

на третьем этаже одного из капитальных викторианских домов, с видом на четыре полосы дорожного движения. В углу гостиной Нат оборудовала маленький офис на дому: компьютер и принтер, стопка книг по пояс высотой на полу, вырезки из газет, открытки и какие-то маленькие листочки («для вдохновения», — сказала она), прикрепленные к пробковой доске над столом. И еще фотография: Натали, Лайла и Эндрю, сидящие на лужайке перед Французским домом. Лайла широко улыбается в камеру, рядом с ней Эндрю, его лицо немного повернуто к Нат, а Нат, в свою очередь, смотрит на него. Лайла видела это фото много раз раньше, но никогда не задумывалась над тем, как они должны смотреться со стороны. Эндрю и Натали вместе, Лайла будто посторонняя.

— Я очень люблю эту фотографию, — сказала Натали, протягивая ей чашку чаю. Лайла взяла чай и повернулась к ней лицом.

— Я переспала с Мартином, — ответила она.

Нат рассвирепела.

— Как ты могла, Лайла? Как ты можешь так поступать с Эндрю? И тебе ведь даже не нравится этот Мартин, ты сама говорила. Он придурок. Я не понимаю, почему ты так себя ведешь, ты как

будто стараешься все разрушить…

— Иногда мне кажется, что так и есть, что я хочу все разрушить, расколотить все на кусочки. Начать сначала.

— Почему, Лайла? Что не так с твоей жизнью? У тебя хорошая работа, славная квартира, потрясающий парень…

Лайла издала короткий визгливый смешок.

— Что? — возмутилась Натали. — Ты хочешь сказать, что Эндрю не классный парень?

Лайла покачала головой. Ей хотелось спросить напрямую: «Ты влюблена в него?» Но она знала ответ, и было бы жестоко заставлять Нат произносить его вслух. Они стояли, молча глядя друг на друга, гнев Натали спадал. Она не могла долго сердиться на Лайлу, просто не могла. В конце концов она забрала у Лайлы чашку с чаем, пошла на кухню и принесла бутылку вина и два бокала.

— Ну, и каков он оказался? — спросила она, и губы ее тронула тень улыбки.

— Дерьмо, — с усмешкой ответила Лайла.

— Значит, ты не собираешься повторять?

— Боже, нет.

— Если ты потеряешь Эндрю, то будешь жалеть.

— Еще бы, конечно.

Натали отвернулась. Стоя спиной к Лайле, она сказала:

— Ты сама не знаешь, какая ты счастливая.

Глава тридцать седьмая

Жизнь Натали была организована по строго заведенному распорядку. Будильник звенел в семь, она бежала в душ, варила кофе и, сидя в халате, час проводила за писанием. Затем она одевалась и точно к 8.40 была уже в пути на работу. Дорога от дома до офиса занимала двадцать минут, и хотя, возможно, это был не самый красивый из маршрутов — он был унылым большую часть пути, кроме моста и короткого пространства вдоль реки, — ей он нравился. В это время она могла подумать о словах, которые только что написала, взболтать их в голове.

Она работала помощником младшего редактора в издательстве. Это была, наверное, самая скромная должность, какую можно было получить, но она не переживала. Она работала, весь день окруженная книгами. Они высоко громоздились вокруг нее, сложенные стопками на полках и под столом, она могла вдыхать их аромат, и гладить их, и брать с собой домой. Она болтала в курилке с редакторами, она стояла в лифте рядом с авторами, в том числе знаменитыми. Это была не та работа, о которой можно мечтать, но она

чувствовала себя на своем месте.

Если коллегам не удавалось уговорить ее пойти с ними в паб, Нат съедала обед одна, наедине с книгой. Каждый день она сидела за одним и тем же столиком в глубине одного и того же кафе, ела сэндвич с соленой говядиной и корнишонами, запивая это бутылкой воды, и всегда читала. Никто ее не тревожил.

Она уходила из офиса в шесть, и если на вечер не намечалось каких-либо встреч или других развлечений (а она старалась сводить выходы в свет по будням к минимуму), то шла пешком домой, дома отправлялась в душ, а затем готовила ужин и писала еще час.

Она не чувствовала себя одинокой, хотя все думали, что ей одиноко — ну, все, кроме Лайлы, которая понимала ее лучше, чем кто-либо другой. Она была счастлива. Ей нравился заведенный ею порядок. Если бы на первом курсе университета ее спросили, где она хотела бы работать, когда закончит обучение, она бы ответила: «Я хочу жить в Лондоне, работать в издательстве. Хочу писать». И вот теперь она делала именно это. Один ее рассказ приняли для включения в антологию молодых писателей, до тридцати лет, и письмо, уведомляющее об этом, было пришпиле-

но к маленькой доске над ее письменным столом. Каждое утро, когда она на него смотрела, сердце начинало биться сильнее и на лице появлялась улыбка. Она не могла до конца поверить в этот успех. Ее напечатали! Уже! Она никогда и не мечтала, что это произойдет так скоро, что ей повезет уже со второго раза. Она находилась именно там, где хотела находиться, она чувствовала, будто стартовый пистолет только что выстрелил и она мчится вперед.

Она стояла у кухонной стойки и ела творог из коробочки, когда зазвонил телефон. Она не стала брать трубку, а подождала, пока включится автоответчик.

— Нат, как дела? — Это был Дэн. — Сто лет тебя не видел. Не хочешь приехать ко мне в Норвич в ближайшие несколько недель? Было бы здорово встретиться и наверстать упущенное. Я… — Последовала долгая пауза. — Я был… Я не знаю… Было бы приятно с тобой встретиться. Позвони мне, хорошо?

Нат постояла некоторое время, потом пошла в гостиную и снова прослушала сообщение. Значит, теперь даже Дэн думает, что ей одиноко? Если только у него нет какого-то скрытого мотива. С Дэном никогда нельзя быть уверенным. Она

прослушала сообщение в третий раз. В голосе слышалась нервозность, раздражение, как если бы он хотел что-то сказать, но не мог заставить себя это сделать. Возможно, это он чувствовал себя одиноко. В колледже он то и дело пытался, правда, без особого энтузиазма, с ней переспать. Не возвращаются ли они снова к этому? Нат подумала, что надо бы ему перезвонить, но она была не в том настроении, чтобы ее завлекали и уговаривали. Ей не хотелось спать с Дэном, ей ни с кем не хотелось спать в данный момент. Ей нравилось нынешнее положение вещей. Этого Лайла не могла понять. И Джен тоже. Еще бы. Они никогда не были без партнера. Они не понимают, как это раскрепощает.

Ужин у Конора и Джен в пятницу вечером снял часть глянца с дорогой ее сердцу раскрепощенности. Она наблюдала, как они бок о бок хозяйничают на своей маленькой кухне, шинкуя и пассеруя, легонько подталкивая друг друга, когда нужно было разойтись в узком пространстве, смеясь над шутками друг друга, завершая фразы друг друга. Она наблюдала их и после ужина, когда они сидели рядышком на диване, переплетя пальцы. Она видела, как Конор смотрел на Джен, когда она встала, чтобы добавить им вина, как

Джен смотрела на Конора, когда он рассказывал Нат о своей работе. Это была дружба, увенчанная обожанием. У Нат душа радовалась при виде их отношений.

И ее сердце отозвалось болью, когда она вернулась домой, открыла входную дверь и лишь темнота да тишина встретили ее в квартире. Она села у окна и, закурив сигарету, напомнила себе, что любит темноту и тишину. Что любит одиночество, что не чувствует себя одиноко, пускай даже другие думают иначе. Она уже собралась идти спать, когда заметила, что на автоответчике мигает лампочка.

— Нат. Ты там? — Небольшая пауза. — Ты прячешься? Не прячься от меня, я этого терпеть не могу. — Это был Эндрю, она слышала смех в его голосе и так и видела расплывающуюся по его лицу широкую улыбку. — Ладно. Вижу, тебя нет. Ведешь великосветскую жизнь. Послушай, я позвонил, чтобы тебя поздравить! Лайла рассказала мне о твоем рассказе. Не могу поверить, что ты мне не позвонила. Это потрясающе, Нат. Это чертовски великолепно. Жду с нетерпением возможности его прочитать. Короче. Мы собираемся устроить маленькую вечеринку в твою честь. Ты можешь десятого? Мы подумали, что соберемся

у нас на барбекю. Позовем всех наших. Пришли нам свой список гостей! Может, есть какие-то люди с работы, которых ты хочешь пригласить, или, может быть, молодой человек? — Последовала короткая пауза, и он засмеялся. — А сейчас я, пожалуй, выключусь, пока в твоем автоответчике не кончилась лента или еще что. Молодец. Ты умница, знаешь об этом? Ты потрясающая. Перезвони мне поскорее. Спи крепко.

Она закурила еще одну сигарету и несколько раз прокрутила сообщение от Эндрю. Она вслушивалась в тепло его голоса, представляла себе его улыбку, когда он произносил эти слова. Она видела, как во время этого монолога он стоит у окна гостиной, высокий и широкоплечий, с прямой спиной — у него всегда была выправка, как у солдата. Она слушала, как он засмеялся, упомянув о том, что, возможно, она захочет привести на барбекю своего молодого человека. Почудилось ей или впрямь этот его смех прозвучал несколько глуховато и нервно? Она слушала запись снова и снова. Она ничего не могла поделать со своими чувствами. И продолжала надеяться, что эти чувства уйдут. Уйдут ли?

Глава тридцать восьмая

Май 1996 г.

По дороге в Лондон в поезде Дэн слушал альбом «Music for the Jilted Generation» группы «The Prodigy». Он не слушал этот альбом уже лет сто, но в тот день эта музыка почему-то казалась подходящей. Он вновь и вновь, громче и громче проигрывал композицию «No Good», пока сидящая напротив него женщина не встала и не удалилась. Дэн ее не винил. Он понимал, что выглядит не лучшим образом, возможно, даже слегка угрожающе, в своей черной футболке и черных джинсах, с мешками под глазами, с легкой щетиной на лице и стоящим у ног пластиковым пакетом, полным банок с пивом.

В поезде было тесно и душно, пахло потом и куревом. Он вынул из пакета банку и на несколько секунд приложил ее ко лбу, чтобы холод перешел на кожу, а потом открыл ее и сделал глоток. Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, ощущая, как пиво струится вниз по горлу, а от сидящих рядом попутчиков исходит неодобрение.

Он прибыл к Эндрю и Лайле чуть позже семи. Все собрались в их маленьком садике, вокруг

мангала. Дэну пришло в голову, что, пожалуй, следовало привезти с собой какой-нибудь еды, а не только банки с пивом.

— Глупости, — сказала Лайла, распахивая объятия и целуя его. — Тут и так слишком много еды. А выпивки никогда не бывает слишком много. — Она подмигнула ему и взяла за руку. — Ты выглядишь измотанным, Паркер. Что, поздно ложишься и рано встаешь? — На Лайле была открытая ярко-зеленая блузка с воротником-хомутиком, джинсовая мини-юбка и высокие каблуки; она выглядела как супермодель. Или как дорогая проститутка. — Хотя я надеюсь, ты принес что-нибудь для Нат. — Черт. Ведь они собрались по поводу Нат, отмечать опубликование ее рассказа. Он должен был принести что-нибудь ей в подарок. Порывшись в своем пакете, он извлек диск «The Prodigy». Лайла вытаращила глаза.

— О, ты чертовски бесполезен, — рассмеялась она, взяла его под руку и повела в сад.

Дэн чувствовал нервную дрожь, а во рту у него все пересохло. Он страшился увидеть Джен и умирал от желания ее увидеть. Он обвел взглядом сад и заметил Эндрю и Нат, которые сидели на разборном столе на козлах и над чем-то смеялись.

Было здесь несколько парней из колледжа, которых он знал смутно и не имел большого желания с ними разговаривать, была Лайла, разливающая напитки и флиртующая со всеми подряд. Но нигде не было видно ни Конора, ни Джен. Он почувствовал одновременно и разочарование, и облегчение.

Взяв себе пива, он присоединился к Натали и Эндрю.

— Мои родители уезжают, — говорила Нат. — Где-то в конце июня. Мы можем устроить там вечеринку с бассейном. Будет весело, весь дом в нашем распоряжении.

— Звучит неплохо, — ухмыльнулся Дэн, а затем, сообразив, что это прозвучало не так восторженно, как от него ждали, добавил: — Звучит грандиозно. — Не сразу, но он все-таки вспомнил, что надо ее поздравить. — Мои поздравления, Нат, — сказал он, целуя ее в щеку. — Блестящая новость насчет твоего рассказа.

— Спасибо, — она улыбнулась ему, а затем повернулась к Эндрю, который обнял ее за плечи.

— Она у нас звезда, правда? — сказал он, и Натали покраснела.

Дэн поднял голову и увидел Лайлу, которая стояла в тени дома и наблюдала за ними, а позади

нее — Джен и Конора, рука об руку спускающихся по ступенькам из кухни. Он почувствовал нечто, чего не чувствовал уже долгое время: злость и зависть, от которых думал, что избавился. Конор направился к ним, ведя Джен за руку, расслабленный, уверенный в себе, с высоко поднятой головой, с широкой улыбкой на лице. Джен шла на шаг позади него; длинные ноги на низких каблуках, серая юбка, облегающая белая блузка, волосы собраны сзади. Она была прелестна. Взгляд ее был опущен, она не смотрела на Дэна, когда он обменивался рукопожатием с Коном, она не смотрела на него даже тогда, когда шагнула вперед, чтобы он поцеловал ее в щеку. Он испытал невыносимое желание схватить ее за плечи, встряхнуть, крикнуть: «Посмотри на меня!»

Вместо этого он повернулся к Натали и сказал:

— Значит, в эти выходные у тебя? Можно мне привести кого-нибудь?

Тогда Джен на него посмотрела: только на миг глаза их встретились, а потом она снова потупила взгляд. Ее щеки покраснели, и она сделала длинный глоток вина.

— Конечно, можно, — сказала Нат. — А кто она?

Все смотрели на него и улыбались в ожидании. Дэн не сводил глаз с Джен.

— Еще не решил, — сказал он. — Есть некоторые соображения.

Губы Джен дрогнули, как будто она собралась что-то сказать, но потом отвернулась и легонько чмокнула Конора в щеку.

— Боже, как жарко, — сказала она и отошла.

Конор и Эндрю отвечали за барбекю. Два альфа-самца, перевертывавшие ломти мяса на горячих углях. Дэн сидел сбоку, потягивая пиво, и слушал, как Натали и Лайла болтают о фильмах, о платье, которое Лайла планирует купить. Он мысленно отключился от них, но при этом не спускал глаз со ступенек, ведущих в кухню, ожидая, когда Джен выйдет из дома. Он подумывал о том, чтобы самому пойти ее поискать. Он хотел посмотреть ей в лицо, хотел извиниться, хотел чего-то определенного. Хотел находиться к ней так близко, чтобы почувствовать запах ее кожи. Он допил пиво и собрался уже встать, чтобы идти в дом, когда девушки решили, что они пойдут готовить «Пимз»[27], и шанс оказаться с Джен наедине был упущен.

---

[27] Примечания: 27
Фруктовый коктейль на основе джина или водки.

Натали вышла через несколько минут, неся кувшин и бокалы. Она налила бокал ему и, усевшись возле него на стол, стала задавать вопросы о Норвиче и девушках, о которых он упомянул, но на протяжении всего времени наблюдала за Эндрю, и Дэн почувствовал боль за нее и за себя. Они с ней были похожи, никогда не получали того, что хотели. Он смотрел на нее, маленькую и хорошенькую; сейчас волосы у нее были подстрижены короче, чем обычно, отчего зеленые глаза казались больше. Он подумал о временах, когда пытался сблизиться с ней в колледже; сейчас он уже не смог бы этого сделать, это было бы неправильно, странно. Но он ощущал родство между ними, связь, близость.

— Бедная Нат, — сказал он, обнимая ее за плечи.

— Что ты хочешь этим сказать, «бедная Нат»?

— Ты и я, дорогая… О, это я так. Просто так. — Он наклонился и поцеловал ее в щеку и крепко прижал к себе, и в этот момент Эндрю обернулся и посмотрел на них. Что-то промелькнуло в его лице, быстрое, мимолетное, какая-то тень. Гнев. Дэн улыбнулся ему недоуменно, задавая безмолвный вопрос, но не успел получить ответ, потому что из дома раздался грохот. Эндрю закатил глаза.

— Это, видимо, Лайла бьет посуду, — пробормотал он.

Однако это была не Лайла. Это была Джен. Эндрю и Конор пошли в дом посмотреть, что случилось. Через некоторое время они вернулись.

— Она потеряла сознание, — сказал Конор. — Похоже, ударилась головой. Пусть полежит. Надеюсь, все будет в порядке. Думаю, это просто жара и алкоголь без еды. Последнюю неделю или две она чувствует себя неважно. — Должно быть, Дэн выглядел расстроенным, потому что Конор улыбнулся и похлопал его по руке. — С ней все нормально, дружище. Она через минуту выйдет. Просто оставим ее в покое на время.

Дэн выждал несколько минут, пока Конор снова не занялся барбекю, пока Эндрю и Натали снова не погрузились в разговор. Он проскользнул в дом, прошел по коридору и вошел в спальню Эндрю и Лайлы. Тихонько постучал и толкнул дверь. В комнате царил полумрак, занавески были задернуты. Она лежала на боку, к нему спиной.

— Как ты, Джен? — спросил он, и она повернулась к нему лицом. Она ничего не сказала. Медленно, чуть дыша, он приблизился к кровати. Ее взгляд был устремлен на него; она улыбнулась, но в глазах стояли слезы. Он сел рядом, накло-

нился и поцеловал ее.

— Не надо, — сказала она.

Он ничего не мог с собой поделать, ему надо было прикоснуться к ней, снова почувствовать ее кожу кончиками пальцев. Он положил руку на ее талию, по-прежнему не сводя с нее глаз, но она покачала головой.

— Не надо, — снова сказала она и произнесла его имя. — Дэн, не надо. — Он хотел что-то сказать, ему нужно было сказать, что он ее любит. На миг он запнулся в нерешительности, стараясь найти слова, это было так глупо, ведь это была простейшая в мире вещь — сообщить ей, что он чувствует. Она отвернулась, перекатившись на другой бок, попросила его уйти, и он ушел.

В коридоре он столкнулся с Конором.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Конор.

— Просто хотел убедиться, что с ней все в порядке.

Конор стоял перед ним, меньше чем в футе от него, загораживая путь.

— Я же велел оставить ее одну, — настаивал он.

— Извини, — Дэн ненавидел себя в этот момент за то, что опустил взгляд, за то, что подчинился.

Конор глубоко вдохнул, выдохнул.

— Да ничего. Я понимаю. Ты тоже извини. Немного нервничаю. Беспокоюсь за нее.

— Конечно, — Дэн посмотрел ему в глаза и улыбнулся. Конор улыбнулся ему в ответ, но его глаза будто что-то искали в лице Дэна. — Иди посиди с ней, — сказал Дэн, и улыбка улетучилась с лица Конора.

— Да. Я так и сделаю.

Дэн и Лайла напились в тот вечер и вели себя шумно. Еще долго после того, как остальные ушли, они танцевали в саду. Когда на следующее утро он проснулся, то не мог точно вспомнить, чем закончился вечер. Он не помнил, как прощался с Конором, не помнил, видел ли вообще Джен после того, как побывал в спальне и поцеловал ее. Он помнил, как Лайла сообщала ему какой-то секрет, нечто такое, что он ни под каким видом не должен передавать остальным. Но он в любом случае не мог никому его передать, потому что не помнил, в чем этот секрет состоял.

Глава тридцать девятая

В понедельник, через три дня после случая с обмороком, Джен пошла к врачу. Это не был ее обычный врач, это был частный кабинет в шикарном таунхаусе неподалеку от Линкольнс-Инн-Филдс, где ей задавали вопросы и дали бланк для заполнения. Они списали с ее карты 390 фунтов и вручили ей коробочку, содержащую четыре пилюли, две из которых надо было принять сразу, а две — через двенадцать часов. Все началось в середине ночи. Конор спал, она взяла одеяло и сидела на унитазе, пока ребенок с кровью выходил из нее.

Она ожидала, что будет что-то чувствовать, ожидала, что будет плакать, испытывать опустошенность, но вместо этого была странно оцепенелой. Казалось, в ней не осталось никаких чувств; она была истощена, измучена, прошедшие шесть недель вытянули из нее все.

Ночь, проведенная с Дэном, казалась теперь такой далекой — та ночь и день после нее, и день после этого дня, когда она пыталась представить себе, как все это будет выглядеть, если она оставит Конора и уйдет к одному из его ближайших

друзей. Когда она рисовала себе свою жизнь после этого, ей представлялось нечто унылое и безрадостное. Злой Конор, с разбитым сердцем, сторонящиеся ее друзья, а ее отношения с Дэном были бы изрядно исковерканы, еще не начавшись, потому что все то, что они испытывали друг к другу, было бы отравлено чувством вины. Она писала письма Конору и Дэну, а потом рвала их. Она думала о том, как бы пошел разговор с Конором, если бы она рассказала ему о том, что сделала, в подробностях изложила бы, как его предала.

Она думала о письме Конора, которое он написал среди ночи, после ссоры и того телефонного разговора, письме, где каждая строчка дышала любовью и радостью. Она помнила его слова, когда он перечислял, как и чем она делает его счастливым, когда говорил, что ее смех — это самый прекрасный звук на свете, говорил, как сильно ее желает.

В первый раз она прочла это письмо в слезах, при этом ее чувство вины увеличилось тысячекратно. Но оно вернуло ее к себе, на то место, которое ей полагалось занимать. Было так, словно кто-то нажал кнопку возврата в исходное положение. Она почувствовала ясность. Она

уже не пребывала в смятении чувств. Да, она не испытывала счастья, и чувство вины никуда не делось, не изменилось и то, что она испытывала к Дэну, но она читала слова Конора, и они ее успокаивали. Она любила их обоих. Всякий, кто говорит, что нельзя быть влюбленным в двух людей одновременно, идиот: это неправда, что существует ограниченное количество любви, которое можно испытывать. Итак, она любила двух мужчин. И ей надо было сделать выбор. Если ты не хочешь лгать, и изменять, и причинять людям боль, ты должен сделать выбор и его держаться. Джен выбрала Конора.

Теперь, после того как выбор был сделан, ей предстояло сообщить об этом Дэну. Они встретились за день до того, как Конор должен был вернуться из Ирландии; Джен послала Дэну электронное письмо, прося о встрече, и Дэн прибежал, не задавая вопросов. Она стояла возле станции метро «Ричмонд», ожидая его. Был красивый, свежий весенний день, небо цвета кобальта, самый подходящий день для того, чтобы бродить вдоль реки и пообедать где-нибудь в пабе, прогуляться по Ричмонд-парку и полюбоваться оленями. Джен нервничала, беспокоясь, что Дэн не появится, и страшась момента его появления.

Когда она увидела, как он размашистым шагом выходит из метро, с руками, засунутыми в карманы, с поднятым воротником куртки, этакий Джеймс Дин, возвращающийся после загула, худощавый, бледный и немного потерянный, она почувствовала, как у нее дрогнуло сердце. Когда он заметил ее и улыбнулся, она подумала, что не сумеет этого сделать, не сумеет удержаться от того, чтобы его расцеловать.

Но она сумела. Она не могла сказать ему, что влюблена в него, потому что кто знает, куда бы это привело. Она поступила правильно: она ему солгала. Она сказала ему, что всегда была влюблена только в одного человека и всегда будет любить только его. А Дэн повел себя идеально, он не разозлился и не умолял, просто обнял ее и сказал, что все в порядке, что он понимает, а она не могла взглянуть на него, не могла смотреть ему в глаза, потому что ей невыносимо было видеть их выражение; обидела она его или нет — в обоих случаях это надрывало ей сердце.

Казалось, все это случилось с кем-то другим, потому что это было до того, как она осознала, что непоправимо все испортила, когда еще думала, что все может вернуться к нормальному состоянию. Она думала, что если сможет поехать

во Французский дом и провести некоторое время наедине с Конором, вдали от Дэна, то все уляжется, и когда они с Конором вернутся в Лондон, Дэн будет с другой девушкой, и она уже больше не будет его любить, и все вернется на круги своя.

Она верила, что все это возможно, пока однажды апрельским днем, после выволочки от стервы начальницы, она не вбежала в дамскую комнату и не расплакалась. И даже не понимала, почему плачет, ведь ее начальница всегда была абсолютной стервой и ничего нового не произошло.

Вернувшись за свой стол, она посмотрела на настольный календарь и улыбнулась сама себе. ПМС, вот в чем дело. Она перелистнула календарь назад, на март, ища красноречивый красный кружочек вокруг даты (обычно это бывало в районе двадцатого), чтобы лучше сориентироваться. Но красного кружочка там не было.

Она похолодела. Желудок сжался в жесткий маленький шарик. Она смотрела на те числа, когда в прошлом месяце у нее должны были быть месячные, но глаз снова и снова сбивался на уик-энд за две недели до этого, тот самый уик-энд, когда у нее был Дэн. Она опять побежала в туалет, игнорируя насмешливые взгляды коллег, и ее

вырвало.

Это невозможно. Она принимает противозачаточные таблетки. Да, она порой пропускала день или два, но она это учитывала. Это невозможно. Просто всему виной стресс после трудностей с Конором и происшествия с Дэном, ее паршивая работа, поздние укладывания спать, алкоголь и неправильная еда. Должно быть, так.

И именно это твердила она себе весь тот день, а также ночью, когда пыталась уснуть в объятиях Конора; она твердила это себе на следующее утро в метро по дороге на работу, а также на работе, тщетно пытаясь сосредоточиться. Она раз пятьсот бегала в туалет, чтобы проверить, не началось ли. Когда настала пора уходить из офиса, она поняла, что больше не выдержит. По дороге домой она зашла в аптеку и купила две упаковки тестов на беременность. Придя домой, сделала все четыре теста. Она сидела на полу ванной, уставившись на тест-полоски и пытаясь выплакаться до прихода Конора.

И вот теперь, несколько недель спустя, она снова сидела в ванной комнате, на сей раз не плача, уже без отчаяния и без паники, просто оцепеневшая. Ребенка больше не было.

Обстоятельства уже не вернутся в нормальное

русло. Она поняла это, когда увидела Дэна на барбекю, когда заметила краску гнева на его лице, когда почувствовала укол ревности, услышав, что он говорит о других девушках, когда пережила тот отчаянный момент с ним наедине в затемненной комнате. Она не знала, как долго это продлится, полгода, год или всю жизнь, но знала, что для нее с Дэном норма в ближайшем будущем невозможна.

Она должна сфокусироваться на том единственном, что ей доступно — загладить вину перед Конором. Она никогда не рассказала бы ему о беременности, потому что он считал неприемлемым избавляться от ребенка. Вместо этого она поклялась себе в ту ночь в ванной, после того, как ребенок с кровью вышел из нее, что всю оставшуюся жизнь она будет делать все, чтобы он был счастлив. Он никогда не узнает о том, что случилось, и она одна будет нести эту ужасную, проклятую вину. Она найдет способ ее искупить.

Глава сороковая

Утром 21 июня Дэн проснулся в страшном похмелье, таком, при котором трудно двигаться. Впрочем, он и не мог особенно двинуться, потому что на его руке лежала девушка. У нее были мышиного цвета волосы и круглое лицо, по скулам размазалось немного туши. Она была милой, и они хорошо провели время. Но будь он проклят, если помнил ее имя.

Он поднял голову с подушки (боль, тошнота), оперся на левый локоть, правая рука была по-прежнему зажата. Комната незнакомая, должно быть, они у нее дома. Он понятия не имел, где это. Он помнил, как вышел из клуба, как садился в такси, помнил, как приехал к многоквартирному дому, спотыкаясь, поднялся по ступенькам, но у него не осталось никаких воспоминаний о том, что произошло потом.

Он осторожно попытался высвободить руку, не разбудив девушку. Когда он потянул, она перекатилась на бок, спиной к нему. Слава богу, не проснулась. Он спустил ноги с кровати, щурясь на солнечный свет (ужасная боль, невыносимая тошнота). Девушка слегка пошевельнулась,

издала странный жующий звук, но глаза ее по-прежнему оставались закрытыми. Как можно тише и осторожнее он подобрал одежду с пола и голый выскользнул в холл. Прямо напротив была ванная. Он прошлепал по холлу, проскользнул в ванную, запер за собой дверь, и его вырвало.

Он оделся, сполоснул лицо, съел солидную порцию зубной пасты и прокрался обратно в холл. Там он помедлил в нерешительности. Входная дверь была прямо перед ним, он мог уйти незамеченным. Возможно, она даже будет этому рада, вероятно, ей не захочется переживать неловкость утреннего момента после вчерашнего происшествия и последующего разговора. Именно это он твердил себе, шагая по дороге и испытывая при каждом шаге пульсирующую боль в голове.

Круглолицая девушка прошлой ночи была девятой после Джен. Девятой или десятой. Кто считает? Он знал парня, одного из приятелей по колледжу, который держал рядом с постелью записную книжку. Записывал в нее имена девушек, если мог их вспомнить, или их характерные черты, если не мог. Он присуждал им баллы, от одного до десяти. Жалкое существо. Дэн не пошел этим путем. Он просто выкидывал все из головы. Выкидывал из головы очередную девушку. И,

в сущности, после попоек и разгульной жизни конца марта — начала апреля ему в последние недели стало лучше. Но эта новая встреча с Джен отбросила его назад.

Все старания держаться подальше, все самоуговоры, что между ними ничего не может быть, что между ними ничего не было, пошли прахом в те несколько коротких мгновений в жаркой полутьме в спальне Лайлы и Эндрю. Бывали моменты, когда он, занимаясь самообманом, воображал себе тайную жизнь с ней, где они были любовниками и каким-то образом все по-прежнему оставались друзьями. Он мечтал о романтических жестах, щедрых подарках, тайно проведенных вместе выходных. Он даже записал ей музыкальный сборник. Это было весьма плачевно. А когда реальность возвращала его на землю, он писал ей и говорил, что просто хочет, чтобы она признала, что между ними что-то было, но никогда так и не отсылал этих писем. Он не смог бы перенести, если бы они остались без ответа. Так что он вновь возвратился к старому, к случайным девушкам, чьих имен не помнил, к неумеренному пьянству. Он даже купил автомобиль, темно-красный «Альфа-Ромео Спайдер». Все это было похоже на преждевременный кризис

среднего возраста.

У него заняло почти полчаса дойти пешком от квартиры круглолицей девушки до своей собственной. Был теплый, душный день, и, стаскивая с себя одежду, чтобы встать под душ, он ощутил в запахе своего пота запах алкоголя. Это снова вызвало у него тошноту. Ему надо было как-то пережить выходные. Затем остальные поедут на лето во Французский дом, а он, получив стажировку в лондонской кинокомпании, имел теперь идеальную уважительную причину с ними не ехать. И, может быть, к тому времени, как лето кончится, у него уже не останется этих чувств, не будет он так болезненно ее желать. А сейчас самое главное — пережить уик-энд в доме родителей Нат.

Из вечеринки у бассейна уик-энд превратился в празднование по поводу того, что Эндрю получил работу у Файнмана и Хикса, в адвокатской фирме, занимающейся уголовным правом и защитой прав человека. О такой работе можно было только мечтать, к ней он шел годами. Это было Очень Большое Событие. Дэн не мог просто позвонить и сказать, что занят или что неважно себя чувствует. Его присутствие было обязательным.

Он поехал на машине в Лондон и прибыл на

квартиру к Эндрю и Лайле в районе семи. Они с Эндрю сидели в саду, ощущая, как дымный лондонский воздух начинает охлаждаться. Они были вдвоем: Лайла отсутствовала, и Эндрю, похоже, не знал, ни где она, ни когда вернется.

— Объявится, — сказал он, слегка пожав плечами.

Дэн испытал невероятное облегчение оттого, что они вдвоем, и оттого, что Эндрю был совершенно счастлив просто сидеть и пить пиво и не говорить ни о чем существенном.

— Похоже, автомобиль Конора вконец заглох, — говорил ему Эндрю. — Так что придется мне взять мою машину. Думаю, ты будешь рад взять свою?

— С нетерпением жду этого, — сказал Дэн, — хотя на заднем сиденье немного тесновато, так что…

— Да, я думал об этом, но у нас нет другого выхода. Разве что нанять машину, а это ужасный геморрой. Ты ведь сможешь втиснуть кого-то сзади?

— О да. Конечно.

— Отлично. Тогда если мы с Лайлой подхватим Нат, ты сможешь забрать Конора и Джен из Клэпхема?

— Хм. — Ему это не нравилось. Совсем не нравилось. — Может быть, я заберу Нат? А вы четверо тогда поедете в вашей машине, там больше места сзади.

— Конор и Джен не будут возражать, если придется немного стиснуться, — сказал Эндрю, вставая. — Думаю, Конор ждет не дождется увидеть твою «Альфу».

Было в тоне Эндрю нечто, сказавшее Дэну, что разговор окончен.

Дэн пролежал без сна полночи, стараясь придумать убедительные причины, почему он не может поехать с ними на этот уик-энд. Но так ничего и не придумал.

Он припарковался у здания, где жили Конор и Джен, в половине десятого. Ему даже не пришлось подниматься наверх; они, должно быть, следили за ним из окна.

— Вот это да! — воскликнул Конор, выскакивая из дверей. — Подходящее авто. Можно мне повести? — Он подошел осмотреть машину, дружески ткнув Дэна в плечо.

— Нет, нельзя, — ответил Дэн. Это вышло резче, чем ему хотелось. — Извини, старина, страховка, сам понимаешь.

— Да, я знаю. Просто пошутил, — с нервным

смешком сказал Конор. Дэн не сводил глаз с двери, ожидая появления Джен. Она появилась через пару секунд, голова ее была опущена, на плече болталась сумка. Она на секунду подняла на него взгляд, и у Дэна замерло сердце. Она выглядела бледной, усталой, под глазами тени, волосы забраны назад.

— Привет, — мягко сказала она. — Как дела?

— Хорошо, спасибо, — ответил он. — А у тебя?

— Да, хорошо.

— Точно? Ты чувствуешь себя лучше?

— Лучше? — Она резко посмотрела на него, потом отвела взгляд.

— Прошлый уик-энд. Барбекю.

— О, пустяки. Жара, усталость. — Она упорно не смотрела на него. Он опять испытал побуждение сгрести ее в объятия, приподнять ей подбородок, повернуть к себе ее лицо. Вместо этого он положил ладонь ей на руку пониже плеча. — Все в порядке, — заверила она, отстраняясь, — честное слово. — Она сверкнула в него быстрой улыбкой, вежливой, стерильной. Пустой.

— Ну, тогда поехали, — позвал их Конор. — Давайте посмотрим, на что эта штука способна.

Когда они тронулись, Дэн заметил, что слишком сильно сжимает руль, даже костяшки пальцев

побелели.

Чуть попозже он немного расслабился. Они с Конором говорили о планах на лето.

— Жаль, что ты не сможешь поехать во Францию, — сказал Конор.

— Да, жаль, конечно, но стажировка — это удача. К тому же я на мели, не могу себе позволить поездку.

— Ты мог бы приехать на время, а? Вырваться на недельку-другую?

— Ну…

— Не приставай к нему, Кон, — безжизненно сказала Джен. Это была первая фраза, которую она произнесла за все путешествие. — Если ему надо работать, значит, надо работать. — Она была довольна, что он не едет. Она была счастлива, что не придется его видеть, с ним общаться.

— Поставим музыку? — предложил Дэн Конору. Ему не хотелось больше разговаривать. Не хотелось слышать ее голос.

Раньше он такого не чувствовал. На протяжении последних нескольких месяцев он чувствовал к ней только любовь, страстное желание, затем грусть. Но сейчас он был чертовски зол. Это она была виновата. Это она заставляла его все это чувствовать. Она заставляла его желать ее.

Она пришла к нему в ту ночь, целовала его, клала руки ему на плечи, увлекла его в ту комнату. А сейчас она просто его отсекает. Она получила то, что хотела, маленький отдых от Конора, маленький взгляд за забор, чтобы проверить, правда ли там трава зеленее, а затем вновь вернулась к своему мужчине, отбросив Дэна, как нечто несущественное. Конор поставил диск «The Holy Bible» группы «Manic Street Preachers». Дэн прибавил звук до максимума.

Глава сорок первая

Он с нетерпением ждал этого уик-энда. Целых четыре свободных дня, ничего не делать, только пить пиво, плавать и тусоваться с лучшими друзьями. А вот теперь этот уик-энд наступил, и все ощущалось как-то странно. Джен казалась замкнутой и немного грустной, и Конор не мог понять почему. В последнее время он никогда не знал, будет ли она сама собой, смешливой, беззаботной, расслабленной или напряженной и тревожной. Все это менялось без всякого смысла и причины. И вот сегодня, похоже, был такой тревожный и напряженный день.

И что происходило с Дэном? Он был такой раздражительный. Этот вопрос насчет вождения машины был совершенно явной шуткой, а он так резко отреагировал. И сейчас столь же явно не хотел разговаривать. Они не видели друг друга несколько недель, и тем не менее, как только они отъехали, он так громко врубил музыку, что не было слышно собственных мыслей, не говоря уже о том, чтобы поговорить.

Все беспокоило Конора. Дэн вел машину агрессивно, резко переключал передачи, поддавал газу

вплоть до того момента, пока не оказывался в футе от едущей впереди машины. Конор испытывал искушение попросить его сбавить скорость, но не хотел показаться хлюпиком. В конце концов, это была новая машина, Дэн имел право немного повыпендриваться. Конору надо просто расслабиться и получать удовольствие. Он откинулся на сиденье. Наслаждайся поездкой, сказал он себе.

Стоял прекрасный день, ясное небо и теплое солнце, прогноз погоды предсказывал один из самых жарких уик-эндов года. Он представлял, как они резвятся в бассейне, музыка играет, жарятся сосиски, в руках у них банки с холодными напитками, рядом девушки в бикини… На миг он задумался о Джен в бикини, задаваясь вопросом, взяла ли она с собой черный купальник или тот темно-красный, что купила прошлым летом, и одна лишь мысль об этом заставила его расплыться в улыбке. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и в это время заметил, что Дэн смотрит в зеркало заднего вида и, похоже, совсем не смотрит на дорогу. Он смотрел на Джен, и в течение какой-то доли секунды, прежде чем она повернула голову к Конору, он мог бы поклясться, что она тоже смотрела на Дэна. Затем ее взгляд переместился на лицо Конора, она улыбнулась

ему и покраснела.

Конор немного приглушил музыку. Дэн бросил на него взгляд, но ничего не сказал. Все это не было плодом его воображения. Что-то было не так. Что, к примеру, происходило перед тем, как они сели в машину? Он не мог быть абсолютно уверенным, потому что был занят осмотром машины, но мог бы поклясться, что, когда он посмотрел на них, Джен отдернулась от Дэна. Джен на него злилась. Должно быть, между ними произошла ссора. Должно быть, так. Вот почему Дэн так громко включил музыку, вот почему Джен сидит так тихо, вот почему они так сердито смотрят друг на друга в зеркальце заднего вида.

Вероятно, это что-то, связанное со сценарием, который пишет Дэн. С прошлого лета Джен была его официальным рецензентом; несомненно, она была его самым проницательным критиком. По-видимому, она сказала что-то, с чем он не согласился. Джен не очень-то церемонилась, когда дело касалось того, что ей нравилось или не нравилось. Разобравшись с этим, Конор почувствовал облегчение. Ссора по поводу художественных разногласий. Она затихнет сегодня к вечеру.

Конор прислонил голову к окну и наблюдал,

как мимо, вдоль шоссе М3, проносятся поросшие кустарником насыпи и автозаправки. Он вроде расслабился, однако беспокойные мысли не оставляли его.

Было довольно странно, что Джен не упомянула о ссоре с Дэном. О таких вещах она обычно ему рассказывала. Всякий раз, когда у нее возникал спор с Лайлой или она за что-то злилась на Эндрю, Конор получал подробнейший отчет. Даже излишне подробный, если честно. Так почему же она не упомянула об этом?

Немного поразмыслив, он уже не был полностью уверен, что дело в сценарии. Или, в самом крайнем случае, не что-то тривиальное, потому что теперь, по зрелом размышлении, выходило, что отношения между Дэном и Джен были не в порядке уже некоторое время. Когда Дэн жил у них, эти двое были неразлейвода, а потом, когда Дэн съехал, похоже, всякий раз, как Конор поздно возвращался с работы, Джен сидела на диване, подсунув под себя ноги, и болтала с Дэном по телефону. Но вот уже долгое время такого не было.

Он выпрямился на сиденье и немного приоткрыл окно, чтобы впустить воздух. Снаружи ревела магистраль. Как же он не заметил этого прежде? Что-то произошло между Дэном и Джен,

и уже довольно давно. Что-то такое, о чем Джен ему не рассказывала. Беспокойство его стало расти, превращаться во что-то другое, во что-то похожее на страх.

Конор немного передвинулся на своем сиденье, так, чтобы оказаться ближе к пассажирской двери. Из этого положения ему стало практически видно лицо Джен в боковом зеркале заднего вида. Она смотрела в окно, лицо ее ничего не выражало, но рука сжимала горло. Она нервничала, чувствовала себя уязвимой. Он-то ее знал.

Он выключил музыку и стал вспоминать, когда в последний раз разговаривал с Джен о Дэне, когда она в последний раз упоминала его имя. Он не смог этого вспомнить. Он не мог поверить, что был так погружен в себя, что не заметил подобной перемены. У Конора пересохло во рту, взмокла поясница. Он еще немного приотворил окно, глотнул большую порцию горячего, грязного воздуха. Сплошная окись углерода.

Это было неправдой, что он не заметил перемены. Он заметил перемену в Джен, он просто не связал ее с Дэном. Раньше он думал, что настроения Джен, ее переходы от радости к грусти не имеют ни смысла, ни причины. Возможно, здесь он ошибался. Быть может, эти самые смысл

и причина сидели рядом с ним на водительском сиденье?

Он бросил взгляд на Дэна, который бросил на него ответный взгляд, чуть склонив голову в немом вопросе. Он улыбнулся, но улыбка тут же замерла на губах.

— Все нормально? — спросил Дэн, и когда Конор не ответил, Дэн снова перевел взгляд на дорогу, но Конор все-таки заметил, как изменилось выражение его лица. Что это было? Желание защититься? Чувство вины? С чего бы Дэну испытывать чувство вины? Конор продолжал пристально смотреть на него, увидел, как Дэн с трудом сглотнул, вид у него при этом был такой, будто его застали за чем-то неблаговидным, застигли на месте преступления. Он уже видел раньше такое выражение лица у Дэна, и не так давно. Та вечеринка с барбекю, когда он застал Дэна выходящим из спальни, вскоре после того, как Конор просил его дать Джен отдохнуть. Тогда выражение его лица было точно таким, как сейчас. А когда Конор вошел, чтобы проведать Джен, он увидел, что она плакала.

Что-то было неладно.

Конору показалось, что там, где прежде он мог различить только кусочки пазла, теперь начина-

ла вырисовываться картина. Джен солгала ему. Они поссорились, и на следующий день, когда он уехал, она ходила в кино и солгала ему, что ходила одна. Она ходила в «Барбикан», она смотрела японский фильм. Дэн был единственным человеком, какого он знал, который по-настоящему любил японское кино, который часами (претенциозный долдон!) мог толковать о Куросаве. А с тех пор Конор не мог вспомнить, чтобы Дэн и Джен сказали друг другу хоть два слова.

Конора бросило одновременно в жар и в холод, как будто кто-то облил его бензином. Он почувствовал тошноту, у него перехватило дыхание, голова плыла, ему хотелось выйти из машины. Снаружи шпарило солнце, и тем не менее он не мог отделаться от предчувствия, что собирается гроза, он ощущал ее, ощущал темные тучи, собирающиеся где-то вне поля зрения. Ему нужно было поговорить с Джен, посмотреть ей в глаза, спросить ее, что случилось, спросить, почему она лгала. Ему хотелось схватить Дэна за горло и крепко стиснуть.

— Что с тобой, Конор? — Дэн смотрел на него, чуть нахмурившись. — Тебе нехорошо? Хочешь остановиться?

Конор посмотрел на лицо Дэна, на искреннее

участие в его глазах и не мог поверить, что секунду назад у него в голове промелькнула эта мысль. Дэн его друг. Джен его любит. И Конор ей доверяет, он доверяет им обоим. Все это нелепо. Он не прав, очевидно не прав. Дэн никогда так не поступит. Джен никогда так не поступит. Она скорее умрет, чем причинит ему такую боль. Он отпустил дверную ручку и просунул руку между дверью и своим сиденьем, дотянулся до Джен, и она взяла его руку и сжала ее, и он почувствовал, как воздух вновь входит в его легкие.

Глава сорок вторая

Джен казалось, что они едут слишком медленно. Ей хотелось сказать Дэну: «Быстрее, быстрее, быстрее!» Она не могла дождаться, когда выберется из машины, выберется с этого нелепо стиснутого неудобного заднего сиденья, вытянет ноги и когда между ней и Дэном окажется чуть больше физического пространства, потому что эта близость была ей невыносима.

Она не могла перестать смотреть на него. Она старалась, она фокусировалась на автозаправках и поросших кустарником насыпях, на спинке сиденья Конора, на облупившемся темно-красном лаке на ногтях, но, как бы сильно она ни старалась, ее взгляд вновь и вновь притягивался к нему, к мускулам на его загорелых руках, когда он переключал передачи, к тому маленькому шраму, крохотной изогнутой отметине сзади на шее, прямо под линией волос. Поножовщина, сказал он ей в тот первый раз, когда она спросила, как он ее получил. Нападение злой собаки. Несчастный случай с вилочным погрузчиком. Всякий раз у него была другая история, они становились все более и более нелепыми. В зеркале

заднего вида она поймала его взгляд и поняла, что он улыбается.

Ее лицу стало жарко. Всему телу стало жарко. Господи, как ей хотелось выйти из машины. Конор немного приоткрыл свое окно, и когда в салон ворвался воздух, наступил момент облегчения. Она глубоко вдохнула, это были выхлопные газы и слабый привкус бензина.

Она хотела выбраться из машины, и в то же время ей было страшно, потому что, как только они выйдут, ей придется посмотреть в лицо им обоим, а она не будет знать, как себя вести, она уже забыла, как вела себя с ними обоими, когда все было по-старому. Она не могла вспомнить, как она смотрела на Дэна, но была уверена, что, когда посмотрит на него сейчас, это будет по-другому и Конор все поймет. Он заметит что-то в ее лице, когда она не сможет выдержать взгляд Дэна, и все поймет.

Именно тогда, в этот самый момент Конор взял ее за руку, и ее обдало чувством вины. Она почувствовала себя так, будто тонет. Она сильно прикусила губу, крепко сжала его руку и, почувствовав на себе взгляд Дэна, который все смотрел на нее, на ее лицо, закрыла глаза.

Они остановились в Уэйхилле, где должен был

состояться ленч и где они договорились встретиться с остальными. Джен торопливо выбралась с заднего сиденья, чуть не вывалившись на парковку.

— Осторожно, — сказал Конор, хватая ее за руку и притягивая к себе. — Все в порядке?

— Эта машина — настоящий кошмар, — пробормотала она, откидывая волосы с лица.

— Эй! — протестующе сказал Дэн, похлопав по капоту. — Она может тебя услышать.

— Да, но она не создана для троих, верно? — Сказав это, она тут же пожалела, ей показалось, что она указывает на неловкость, на неправильность нахождения вместе их троих.

Они заняли стол в ресторанчике под открытым небом в саду. Джен угнездилась на краешке лавки, под боком у Конора, справа от нее сидела Нат. По другую сторону стола сидела Лайла, направо от нее — Дэн, так далеко от Джен, как только было можно. Появился Эндрю с подносом напитков, поставил его перед ней и уселся рядом с Лайлой. Они чокнулись, раздались приветственные восклицания «Поздравляем!», Джен сделала длинный глоток ледяного горького джина с тоником и почувствовала себя лучше.

Рука Конора легонько покоилась на ее поясни-

це. Напротив нее, освещенный ярким солнечным светом, потягивая пиво, сидел с широкой улыбкой виновник торжества Эндрю. Сияющий, победоносный, вознагражденный за свои тяжкие труды, достигший всего, к чему стремился последние годы. Рядом с ним сидела Лайла в ярко-желтом мини-платье, время от времени она дефилировала на другой конец лужайки, чтобы заказать новые напитки, причем все присутствовавшие мужчины поднимали головы и провожали ее взглядами. Натали смеялась над чем-то, сказанным Конором, смеялась, пока слезы не потекли по щекам. Конор повернулся к Джен, улыбнулся и посмотрел прямо на нее.

— Все хорошо? — пробормотал он беззвучно, одними губами.

— Все хорошо, — мягко ответила она и легонько поцеловала его в губы.

Конор не спускал с нее глаз еще несколько секунд.

— Ты уверена? Ты мне показалась…

— Просто усталой, Кон, — сказала Джен и поцеловала его снова, почувствовав на себе взгляд Дэна.

Ей хотелось бы находиться чуть подальше от Дэна, так чтобы не слышать его разговора с Лай-

лой, который с головокружительной скоростью перешел с машин на вечеринки, потом на обоюдные контакты, потом на похмелье, потом на девушек, потом на девушку, с которой он познакомился вчера вечером, потом на ту, с которой познакомился в прошлые выходные, и на ту, с которой познакомился до этого, роскошные ноги, фантастическая грудь, блондинка, брюнетка, рыжая. Как звали рыжую? Он не помнит. Но все равно прикольно. Джен против воли задавалась вопросом, как бы он описал ее кому-то, кто никогда ее не видел, если вообще бы стал заморачиваться на эту тему. Дотягивала бы она до остальных или нет? Попала бы в первую десятку или двадцатку? Она спрашивала себя: если все это правда, старается ли он вызвать в ней ревность или ему вообще все равно?

Она допила свой джин-тоник и с благодарностью приняла следующий. Конор, улыбаясь, отвел с ее лица выбившуюся прядь.

— Притормози, — сказал он. — Ты не завтракала.

— Все будет нормально, — заверила она и позволила ему обнять себя сильнее. Положила голову ему на плечо. Три недели. Еще три недели — и они будут во Французском доме. Закрыв глаза,

она так и видела их там: как они работают бок о бок в амбаре, загорают на лужайке перед домом или проводят весь день в постели, потому что есть такая возможность.

— Говорю тебе, притормози, — сказал Конор, толкая ее коленом в колено. — Ты уже засыпаешь. — Он усмехался, глядя на нее, взгляд его голубых глаз был теплым, веснушки на переносице чуть потемнели на солнце. Ее сердце переполнилось чувствами.

— Я мечтала о Франции, — мягко сказала она.

Идеальный момент, однако, был испорчен, потому что когда она подняла взгляд, то увидела, что на них смотрит Дэн, холодные серые глаза устремлены на ее лицо, губы подергиваются в легкой усмешке. Он смотрел на ее лицо, на ее шею голодным, хищным взглядом. Джен поднялась с места.

— Только схожу в туалет, — сказала она и удалилась как можно быстрее, едва не побежала.

Некоторое время она посидела в кабинке, глубоко дыша, выжидая, пока сердце немного уймется. Она слушала, как распахивается и захлопывается дверь дамской комнаты. Кто-то рылся в сумочке, затем последовал резкий вдох. Снова распахнулась дверь, и послышался голос Натали: «Лайла!

Какого черта?» Потом последовал шепот, затем снова хлопнула дверь, и все стихло.

Джен вымыла руки и ополоснула лицо, пощипала щеки, чтобы вернуть им цвет. Она вышла из туалета и направилась обратно, через паб, к их столику. Прямо перед задней дверью кто-то схватил ее за руку, грубо потянул в маленькую нишу.

— Я не могу это выносить, — сказал Дэн. Он чересчур крепко стискивал ей руку.

— Пусти, ты делаешь мне больно. — Он не отпустил, но ослабил хватку. Он проводил большим пальцем вверх и вниз по внутренней стороне ее запястья.

— Я не могу это выносить, — повторил он. Они стояли друг против друга, очень близко друг к другу — так близко, что если бы она поднялась на цыпочки, то могла бы поцеловать его в губы.

— Прости, — сказала она. — Пожалуйста, прости.

— Нельзя ли нам просто… Я не знаю… Я не хочу, чтобы так было.

— Так надо. Прости. Это была ошибка, Дэн. Я совершила ошибку и прошу прощения.

— Это не была, не была ошибка. — Он отпустил ее руку и дотронулся до ее лица. Она отдернулась. — Я влюблен в тебя.

— Нет.

— Джен.

— Нет, ты не влюблен в меня. — Она знала, что он влюблен, что говорит правду. Тень пробежала по его лицу, не просто раздражение, а настоящий гнев. Он начал что-то говорить ей, но потом остановился и покачал головой.

— Все это чушь, — сказал он тихим, мягким голосом. — И ты это знаешь. Мы оба знаем, что это была не просто ошибка.

— Я не люблю тебя. Не люблю. Не буду любить. — Ложь сорвалась с ее языка, горькая, резкая. Дэн дотронулся большим пальцем до основания ее шеи и посмотрел ей в глаза; потом наклонился и приблизился к ее губам.

— Нет, Джен, будешь. — Он повернулся и отошел, оставив ее стоять там, в нише у стены, с закрытыми глазами, с бешено бьющимся сердцем.

— Джен? — перед ней появился Конор. Наступила тишина. Ей показалось, что сердце сейчас разорвет ребра, вырвется из груди. Она стояла, неподвижно уставившись на него, с заледеневшей кровью. Открыла рот, хотела что-то сказать, но ничего не вышло. — Тебе нехорошо, Джен?

Она собралась с силами, вытерла слезы, заста-

вила себя улыбнуться.

— Все нормально. Все в порядке. Ты был прав. Джин с тоником в середине дня, без завтрака… Плохая идея. Плюс, мне кажется, у меня сенная лихорадка. Глаза слезятся. — Она говорила немного сбивчиво и чувствовала, что лицо покраснело.

Конор слегка кивнул, сделал к ней шаг и, глядя ей прямо в глаза, протянул руку.

— Хорошо. Ты можешь идти?

— Да, конечно.

Он повел ее к их столику в саду, до боли сжимая руку.

После ленча на автостоянке у Лайлы и Эндрю возник спор.

— Боже правый, Лайла, — говорил Эндрю, — ты что, не могла сегодня воздержаться? Мы же договорились… Ты сказала…

— Ой, ладно, Эндрю. Я в порядке! Давай мне ключи. Дай мне чертовы ключи!

— Нет, нет. Посмотри на себя, ты не можешь…

— Черт подери, ты доводишь меня до белого каления! — Лайла отошла от Эндрю и направилась к машине Дэна.

— Конор! — крикнула она. — Давай поменяемся с тобой машинами, ладно? Если я просижу рядом с ним еще пять минут, я его придушу.

Конор помедлил в нерешительности. Он посмотрел на Джен. На какой-то момент Джен подумала о том, чтобы вызваться поехать в машине Эндрю вместо него, но она боялась — боялась оставить Конора и Дэна вместе в машине, боялась того, что может быть сказано. Она пожала плечами. Конор сделал к ней шаг, улыбнулся и погладил ее по лицу.

— Я поеду с Эндрю, — сказал он. — Не волнуйся.

— Ладно.

Он не сразу ушел; сначала постоял перед ней, улыбаясь, затем обхватил обеими руками за талию и поцеловал, прижимаясь лицом к ее лицу.

— Моя красавица. Ты не представляешь, как я тебя люблю.

Ее щеки были мокрыми, но она не плакала. Конор поцеловал ее еще раз и еще, а потом отошел.

Часть третья

Глава сорок третья

Июль 2013 г.

Дэн чувствовал, как его веки тяжелеют и опускаются. Мягкое жужжание пчел над лавандой действовало на него усыпляюще. И еще жара. Он работал в амбаре, раздвижные двери которого были широко раскрыты, впуская внутрь легчайший из ветерков, а вместе с теплым воздухом внутрь входил аромат трав. Он купил горшки с лавандой и розмарином, чтобы поместить во дворе — пчелы их обожали, как и кошка, которая появилась неизвестно откуда три недели назад. Она лежала, гладкая и черная как уголь, под цветущей лавандой, время от времени вытягивая лапу, чтобы ударить по насекомому, или поднимая голову, чтобы понюхать цветы. Кошка была дикая и не подпускала Дэна близко к себе, но с удовольствием съедала объедки, которые он ей выставлял. Дэн находил ее присутствие успокаивающим, у него никогда не было домашних животных. Он подумывал о том, чтобы завести собаку, но спрашивал себя: не уйдет ли в этом случае кошка?

Он отпил большой глоток теплого кофе и по-

думал, не сделать ли себе еще, но для кофе было слишком жарко, больше тридцати градусов, а не было еще и половины одиннадцатого утра. Может быть, Лайла права, может быть, ему все-таки придется построить бассейн. Для этого есть превосходное место, прямо перед дубами, на южной стороне дома, довольно ровный кусок земли, весь день освещенный солнцем. Не в этом году, подумал он, хотя если не в этом году, Лайле будет от него мало пользы. Он покачал головой, крутанул пару раз плечами и снова вернулся к своему сценарию.

Сценарий шел хорошо. Он не стыдился признаться себе в том, что это была лучшая работа, какую он делал на протяжении очень длительного времени. Текст тек ровно и гладко, работа шла устойчиво на протяжении дней, недель, без остановки, без желания остановиться. Он искренне не мог вспомнить, когда в последний раз испытывал такие чувства по отношению к работе, такого не было годами, с того самого времени… Ну, словом, уже долгое время.

Работа оказывала катарсическое действие. Омолаживающее. Сейчас он чувствовал себя сильнее, чем все последние годы, жил правильнее, чем жил годами: вставал рано, бегал, меньше

пил, хорошо ел. Яйца, молоко и куры с фермы выше по дороге, пернатая дичь от охотников.

— Эта штука, которую ты пишешь, — сказала Лайла, — надеюсь, это не год в чертовом Провансе?[28]

Нет, это было не то, но могло бы быть, судя по тому, что он чувствовал. Он был влюблен в эту сельскую местность, в причудливые деревни на склоне горы, в каменные фермы. Ему нравилось покупать на рынке сыр и оливковое масло и колбасу из диких свиней, он даже пытался выучить французский.

Он купил дом, подчинившись мимолетному порыву, неожиданно для самого себя. Проснулся однажды утром, примерно месяц спустя после того, как Клодия его бросила, прошелся по квартире в боксерках, сосчитал пустые бутылки из-под скотча в мусорном контейнере, проверил свой телефон и обнаружил, что набирал ее номер прошлой ночью между половиной первого и двумя восемнадцать раз. Если дела пойдут так и дальше, он либо упадет пьяный с винтовой лестницы и сломает шею, либо Клодия предъявит ему иск за домогательство. Ни то ни другое не было вдох-

---

[28] Примечания: 28

«Год в Провансе» — книга английского писателя Питера Мейла.

новляющей перспективой.

Поэтому он позвонил Джен. Когда она в январе переехала в Оксфорд, то прислала ему электронное письмо. Он на него не ответил. И вот в конце марта он набрал ее номер.

— Ты его продала? — спросил он. — Дом, я имею в виду. Он ушел?

— Ничего подобного, — сказала она. Голос звучал устало. — Было одно предложение, на пятьдесят тысяч евро ниже запрашиваемой цены. Погода там была чертовски скверная; думаю, у агента было не больше трех потенциальных покупателей. Я думаю, он собирается забыть о нем на несколько месяцев, а летом попытаться снова.

— Я возьму его. Я его куплю. Я хочу купить Французский дом.

— Что? Не глупи. Мне не так уж нужны деньги, Дэн. Во всяком случае, пока.

— Нет, я его хочу. Я хочу там жить. Я его беру.

Поначалу она отказалась. Возможно, подумала, что он покупает его из жалости к ней, или, может быть, заподозрила какой-то другой, скрытый мотив. Способ заполучить кусочек ее, нерушимую связь с ней. Он повысил цену, что лишь усилило ее решимость не продавать дом ему. Тогда он

сказал: «Это не ради тебя, Джен, я делаю это не ради тебя. Я хочу этот дом, у меня такое чувство, что он мне нужен. Я отчаянно хочу уехать. Пожалуйста».

И она уступила.

Он переехал в дом первого мая. Дом был не похож на тот, что он оставил в декабре, зато похож на тот, что он оставил шестнадцать с лишним лет назад. День прибытия прошел будто во сне; он ходил из комнаты в комнату, в шортах и футболке, ступая босыми ногами по холодным каменным плиткам, и глазел в окна. Он так и ожидал увидеть остальных, ухватить обрывки разговора, услышать звенящий с верхнего этажа смех. Теперь он понял, что имела в виду Джен, когда говорила о призраках. Дом был жутковатым.

Он нашел это таким нервирующим, что сразу же переехал в амбар — постройку, которой не было в те далекие дни и в которой, таким образом, не могло быть призраков прошлого. У амбара тоже был совершенно другой характер летом, чем зимой; он был наполнен теплом и светом и доносящимся время от времени запахом усадьбы. Дэн переехал в амбар и начал писать и с тех пор почти не останавливался.

Порой ему требовалось выезжать в Лондон,

чтобы встретиться со своим агентом или с продюсерами, посетить какое-нибудь светское мероприятие. Впрочем, он свел социальные контакты к минимуму; было так мало людей, которых он желал видеть, и так много тех, кого хотел избегать. На последней вечеринке, которую он посетил, дело кончилось тем, что он получил бокал шампанского в лицо и двухдюймовую царапину на шее — знак внимания от Клодии.

Да и здесь тоже были свои потрясения. Самое большое случилось через три недели после того, как он переехал, в виде неожиданного телефонного звонка от Зака (кто бы мог подумать?), который просил об одолжении. И вот так получилось, что то место, куда он сбежал, чтобы быть в одиночестве, обернулось местом, в котором он начал строить что-то вроде семьи.

15 июня 2013 г.

Дорогой мой Дэн!

Case passe bien à Villefranche?[29] *Я надеюсь, ты полностью обжился на новом месте. Если тебе что-нибудь понадобится, обращайся к месье Карону. Его английский*

---

[29] Примечания: 29
В Вильфранше все в порядке? (*фр.*)

совсем неплох, и он абсолютный душка, к тому же знает всех местных мастеров и договорится о выгодных сделках для тебя, если тебе понадобится что-то сделать. Не пытайся ничего организовывать напрямую, они за версту чуют наивного англичанина.

Что касается главной новости: ребенок родился в среду. Это девочка, ее зовут Изабель, она весит шесть фунтов и четыре унции[30]*. Десять пальчиков на руках, десять на ногах, карие глаза и на удивление густая шапка темных волос. Я скоро пришлю тебе фото по электронной почте.*

Эндрю и Нат приехали навестить меня в больнице, и Нат побудет со мной несколько дней, пока я буду привыкать быть мамой. Думаю, через несколько дней я уже освоюсь. Поразительно, до чего я вымотана. Я знаю, все всегда говорят, что ты, мол, будешь измучена, но такого я не ожидала. Тем не менее это чудесное чувство. Сколько бы раз тебе ни твердили, что ты будешь чувствовать, ты все

---

[30] Примечания: 30
Приблизительно 2,8 кг.

равно не вполне готов к этому. Я знаю, это тоже все всегда говорят, но это правда. Потому-то об этом все и твердят, как я полагаю. Это неописуемо.

Надеюсь, что пребывание в горах дает тебе то, что тебе необходимо. Там так красиво, так тихо, но также ужасно одиноко. Я от души надеюсь, что у тебя все хорошо.

С огромной любовью,

Джен

Глава сорок четвертая

У Лайлы в голове уже несколько дней звучала «Баллада о Люси Джордан», и она ее постоянно мычала — отчаянно хотелось спеть, но не все слова помнились. Что-то насчет проезда по Парижу в спортивной машине, о старении, о лишении себя таких вещей, о которых всегда мечтал.

Она не могла вспомнить, где слышала ее в последний раз, но песня приводила ее в уныние, больше, чем можно было ожидать. Проезд по Парижу не относился к вещам, которых она себя лишила. Да, то было не в спортивной машине, а на заднем сиденье мотоцикла, но это не важно. Главное — быть девятнадцатилетней и ехать по набережной Целестинцев на закате, или на восходе, или неважно когда с красивым мужчиной в кожаной куртке. Это с ней было. Она лишила себя других вещей.

Сейчас они ехали обратно с пляжа. Дэн одолжил им свой «Ауди», у которого они опустили верх. Был красивый жаркий день. Когда она закрывала глаза, мир был оранжевым. Мягкий теплый бриз обвевал ее, кожа казалась туго натянутой от песка и соли. Она могла быть где угодно, в какое угодно

время. Ей могло быть семнадцать лет, когда все еще впереди, включая парня с мотоциклом и кожаной курткой на набережной Целестинцев.

Она постарается сохранять это ощущение. Она теперь все будет делать по-другому.

— Все путем, крошка?

Зак протянул руку и сжал ее бедро. Она на секунду открыла глаза и улыбнулась ему, насколько можно ободряюще. Ну, может быть, не все так уж по-другому. Если бы ей пришлось жить заново, ей бы все равно понадобился Зак.

— Тебе не холодно? — спросил он. — Я могу достать одеяло, если хочешь.

— Все хорошо, — сказала она, накрывая его руку своей. — Спать хочется.

— Поспи, крошка. Еще пара часов.

Они были на пляже в Ментоне. Выехали вчера рано утром, провели весь день, лежа на солнышке, и все сегодняшнее утро тоже. Она даже немного поплавала в море. Средиземное море оказалось холоднее, чем ей помнилось, холоднее и прозрачнее; ныряние вызвало у нее шок. Она вскрикивала, и хватала ртом воздух, и брыкала своими слабыми ногами, молотила руками, но через некоторое время расслабилась и, закрыв глаза, стала покачиваться на спине, а Зак кружил

вокруг нее, словно дружелюбная акула. Когда она довольно наплескалась, то обнаружила, что у нее нет сил выйти на берег, и ему пришлось ее понести.

Она никогда прежде не бывала в Ментоне, но поехала бы еще, будь у нее время. Здесь не было той гламурности, что в Кап-Ферра, но, видит бог, она и не чувствовала к этому склонности. Ментона была истинным морским курортом, многолюдным, оживленным и довольно итальянистым, всего в миле или двух от границы — некоторым образом более дружелюбным, чем большая часть Лазурного Берега, хотя Лайла подозревала, что ей так показалось потому, что она пребывала в более сентиментальном настроении, чем обычно.

Они остановились в отеле типа «ночлег и завтрак», в номере с балконом, выходящим на площадь Сен-Мишель, и с видом на море. Она бы осталась здесь еще на день, два или три, но не привезла с собой все свои таблетки и боялась очередного приступа сильной головной боли.

— Мы приедем еще, — сказал Зак. — И поживем подольше в следующий раз.

Она открыла глаза и посмотрела на него; брови его были слегка нахмурены, потому что он

щурился на солнце. Она привыкла к этой нахмуренности, которая теперь все время омрачала его лицо, похоже, он постоянно смотрел на нее с беспокойством. Было больно это видеть, но, сколько она ни пыталась, никак не могла его прогнать. Он любил ее, любил так, как никто никогда не любил, и с этим ничего нельзя было поделать. Он никуда не уходил. Лайла утешалась мыслью, что, будучи таким молодым и красивым, он оправится.

Это была идея Зака — приехать во Францию. Когда она получила окончательный диагноз, тот важный, тот скверный диагноз, он сказал: «Мы можем поехать во Французский дом. Можем провести лето там, это будет намного лучше, чем оставаться в Лондоне. Дэн тебе должен, ты так сказала, и он это знает. У нас даже был разговор об этом». Лайла сказала ему, что об этом не может быть и речи, она еще никому не сообщала, она не готова к этому. Но Зак взял на себя инициативу и все равно связался с Дэном. Лайла была в ярости; последовала ужасная ссора, самая худшая, какая у них была, она продолжалась не один день. Она отказывалась с ним разговаривать, она вышвырнула его из квартиры, отобрала у него ключи. Он спал в коридоре возле их квартиры. Она на-

говорила ужасных вещей, сказала, что его не любит, никогда не любила. Он покупал цветы и провизию и говорил ей: что бы она ни делала, он будет рядом с ней. Наконец она сдалась. Его воля оказалась сильнее, чем ее, кто бы мог подумать?

Она погрузилась в сон. А когда проснулась, машина уже не двигалась. Она была припаркована в тени у обочины, но не шоссе, а маленькой дороги.

— Зак?

— Ты дрожала, — раздался у нее за спиной его голос. Он рылся в багажнике и появился перед ней с шерстяным одеялом. — Вот, возьми. Теперь уже недолго. С полчаса или около того. Может, поднять верх?

— Нет. Оставь опущенным.

— Ладно. — Он перегнулся через дверцу и нежно поцеловал ее в губы.

Она уютно свернулась под одеялом, и они снова тронулись в путь.

— Когда они приезжают? — спросила она. — Я забыла.

— В четверг.

— А сегодня что?

— Понедельник, любимая.

— Хорошо.

— Ты нервничаешь?

— Да.

Эндрю и Натали присоединятся к ним через три дня, вместе со своими дочерьми. А через некоторое время, она не помнила точно когда, Джен тоже приедет, с малышкой. Лайла не могла вспомнить имя ребенка. Она постоянно что-то забывала, информация просто стиралась у нее из памяти, и когда ей напоминали, это было как открывать что-то в первый раз, не было чувства знакомости, отрадной вспышки узнавания. Она ненавидела это ощущение каши в голове больше всего, это было похоже на страх, хуже, чем головные боли, хуже, чем изнурение. Оно напоминало ей о провалах в памяти, которые были у нее, когда она пила. Это было ощущение, что время теряется навеки и никогда не вернется.

Она крепко зажмурилась и опять открыла глаза, откинула голову назад и посмотрела на небо, по-прежнему густо-лазурное и совершенно безоблачное. Сосчитай свои подарки судьбы, Лайла. Мужчина, который тебя любит, который останется с тобой, несмотря ни на что. Крыша над головой, и не просто какая-нибудь крыша. Друзья.

Она не была полностью уверена в том, чего

ожидать от друзей. Она написала Натали, рассказав ей о своей болезни и о том, что гостит у Дэна, и попросила приехать. Им надо было расставить все точки над «и», привести в порядок все дела. Она не могла сделать это по телефону, она не могла сделать это в письме или по электронной почте, это надо было сделать с глазу на глаз.

Когда они ехали по подъездной дорожке, солнце как раз опускалось за выступ горы; Лайла увидела, что Дэн стоит у кухонного окна и ждет их. Через несколько секунд он появился в дверях, хмурясь.

— Я уже начал беспокоиться, — крикнул он. — Хорошо провели время?

— Изумительно, — хрипло ответила Лайла. Она кашлянула. — Это было чудесно. Ты должен тоже поехать в следующий раз.

В следующий раз. Они все время строили планы, она и Зак. Зак не поставил на ней крест. И почему бы не строить планов, подумала Лайла. Она знала, что Дэна это приводит в замешательство, но почему бы не строить планов? Не то чтобы они назначали точную дату, предельный срок. Будет время для еще одной поездки на пляж, будет время и для нескольких.

Дэн открыл дверь машины с ее стороны, помог

ей выйти.

— Ты загорела, — сказал он, целуя ее в щеку.

— Надеюсь, что так, — улыбнулась она ему своей самой ободряющей улыбкой. Было видно, что он вглядывается в ее глаза, в ее лицо. Как она себя чувствует? Правда ли хорошо? Он делал это всякий раз, когда они расставались больше чем на день. Зак тоже так делал.

Это выглядело нормальным у Зака, но было забавно, когда такое внимание исходило от Дэна, потому что на протяжении лет, долгое время они не были близки, и она забыла, каким милым он может быть, каким заботливым. В своем гневе по поводу того глупого чертова фильма Лайла полностью забыла, как добр был к ней Дэн, когда ее бросил Эндрю, когда ее предала Натали, когда Джен уехала и она осталась совсем одна.

Именно Дэн убедил ее приехать во Францию. Он написал ей электронное письмо, приглашая приехать, а затем, когда она отказалась, позвонил и умолял ее, что само по себе было приятно. А когда она все равно отказалась, он принялся объяснять, что это ради него, рассказывал ей, как он сходит здесь с ума совсем один, как он одинок. Разве она не помнит, спрашивал он, как он больше всего ненавидел быть один? В тот момент

она ему поверила, хотя как только они с Заком приехали, стало ясно, что он совершенно счастлив здесь и совсем не чувствует одиночества. Все равно ей понравилось, что он старался.

И она чувствовала к нему жалость. Бедный старина Дэн, никогда-то он не получал того, чего хотел, а когда получал, ему это было больше не нужно. Он был одним из тех людей, которые не созданы быть счастливыми.

Они пришли к такому выводу с ним вместе, однажды ночью, вскоре после того, как они с Заком приехали. Зак пошел спать, а Лайла с Дэном остались пить вино и рассуждать о том, как они безнадежны, и обо всем том, что они сделали неправильно, и о том, как некоторые люди просто не способны к счастью, оно просто обходит их стороной, в отличие от других. Потом они решили, что все это чушь собачья и они занимаются саможалением, а это глупо, и если они несчастны, то это полностью их собственная вина. Они говорили о том, что, если бы у них был такой шанс, они все переделали бы по-другому или по крайней мере большую часть. Затем Дэн поставил песню Эдит Пиаф «Je Ne Regrette Rien», и они танцевали в гостиной и хохотали до слез.

16 июля 2013 г.

Дорогая Натали!

Мне трудно писать это письмо по многим причинам. Поэтому я постараюсь короче. Мне нужно тебя увидеть; есть дела, которые нам с тобой нужно уладить. Ты можешь думать, что все уже сказано, но у меня такое чувство, что если ты дочитаешь это письмо до конца, то изменишь свое мнение.

Я не собираюсь впадать в мелодраматизм или что-то подобное, но я умираю. Нет, серьезно, это так. Не смейся.

Но и не печалься. Просто приезжай со мной повидаться. Я во Французском доме, у Дэна. Я пробуду здесь еще некоторое время, несколько недель по крайней мере. Пожалуйста, приезжай, привози Эндрю, привози своих дочерей. Я бы очень хотела с ними познакомиться. Если ты не приедешь, я просто-напросто объявлюсь у твоей двери в Рединге, а ты только подумай, как неудобно это будет.

Мне нужно тебя видеть, Нат. Мне действительно нужно.

С любовью,

Лайло

Глава сорок пятая

Август 2013 г.

Дежавю. Аэропорт, автостоянка, бесконечные поиски серебряного «Ситроена». Точно, как в прошлый раз, только хуже, потому что теперь они путешествовали во влажной, удушающей жаре с двумя несчастными девочками-подростками, которые нехотя тащились за ними, когда каждое движение давалось с усилием, каждое выражение лица было брюзгливым, каждый ответ на каждый вопрос сопровождался пожиманием плеч или закатыванием глаз. А Эндрю был не расположен никого умиротворять, ни своих дочерей, ни Натали.

Он трижды огрызался на нее за время короткого, но напряженного переезда от аэропорта до шоссе. Он резко выражал недовольство, и не в первый раз, что она снова решила взять билеты на рейс до Марселя, хотя до Ниццы было куда более удобно. Она четырежды объясняла ему, что цены на билеты до Ниццы были вдвое выше, чем до Марселя, но он не слушал. Это был новый стиль их отношений. Не было больше мягкого хождения Эндрю на цыпочках вокруг нее.

Натали сосредоточилась на карте, стараясь ничего не напутать. Машина была нестерпимо горячей оттого, что простояла несколько часов на незатененной автостоянке, поток холодного воздуха от кондиционера, похоже, мало помогал, от него разве что мерзли руки, а остальная часть тела оставалась перегретой, причем по шее и по спине струился пот. Теперь, когда они выехали на шоссе и почти отпала необходимость выполнять обязанности лоцмана, над всеми ними нависла тяжелая, гнетущая тишина.

Или, возможно, другие этого не замечали, возможно, тишина давила только на нее. На заднем сиденье девочки, не расставаясь со своими телефонами, сидели в зеркальных позах: прислонив головы к окнам, они смотрели на выжженный кустарник вдоль дороги, на их лицах читалась скука и пренебрежение. Они не хотели ехать. Две недели во французской сельской местности, где нечем заняться? Нет телевизора? Нет даже бассейна?

Эндрю в последнее время всегда принимал их сторону. Негласно, разумеется. «Им незачем ехать, — сказал он, — они могут погостить у твоей матери или у друзей». Натали расстроилась: «Что, у нас уже больше нет семейного отпуска? Девоч-

ки поступают по-своему? Им скоро тринадцать, Эндрю, а не восемнадцать. У них впереди вся жизнь, чтобы ездить без родителей». Она была на грани слез, а он раздражен, но в итоге уступил.

Теперь она не так часто побеждала в спорах, как раньше. И даже когда это происходило, он больше не принимал поражение с достоинством. Так обстояли дела последние полгода, со времени их последнего визита во Францию. Обстоятельства поменялись: теперь он был сердитым, а она вела себя как миротворец. Натали казалось удивительным, что после всего пережитого ими вместе один этот уик-энд мог так радикально сместить баланс их взаимоотношений, так фундаментально эти взаимоотношения изменить.

Она полагала, что тут наложились друг на друга разные обстоятельства: ее выплеск эмоций в день бури, ночь, проведенная им с Лайлой, стычка, которая была у них на следующий день, после прихода врача.

Когда он только вернулся, она была так рада его видеть, что побежала по снегу ему навстречу. Они долгое время не отпускали друг друга, и он был вроде бы счастлив вернуться к ней, хотя в объятии присутствовала некоторая напряженность, и он первым разомкнул это объятие. Затем

Джен упала в обморок, и у всех началась паника, особенно у Эндрю, как будто он был тому виной.

Джен пришла в себя. У нее просто упало давление, что нередко бывает при беременности. На что несколько раз указывала Натали, хотя никто ее не слушал. Но когда пришел врач и занялся ею, все успокоились. Джен отправилась прямиком в постель, а Дэн уехал, сказав, что ему надо двигаться в Париж, что явно было неправдой, потому что зачем отправляться в четыре часа дня, когда уже темнеет и полно снега на дорогах, коль скоро перед тобой восьми– или десятичасовое путешествие? Ему просто хотелось уйти от них всех. Лайла и Зак тоже отправились в постель, поэтому Натали как можно громче включила радио на кухне, чтобы не пришлось слушать их сексуальные выкрики. Но Эндрю выключил радио.

— Джен пытается уснуть, — сердито сверкнул он на нее глазами, как если бы она была каким-то легкомысленным ребенком.

— Я знаю, просто… мне не хотелось слышать… Лайлу.

— О, пора повзрослеть, Нат, — сказал он. — Это всего лишь секс.

Всего лишь секс. Она не стала спорить, а приготовила им обоим несколько сэндвичей, которые

они съели, сидя перед огнем, поставив тарелки на колени. Снова пошел снег, ничего похожего на предыдущую ночь, просто густой снегопад.

— Интересно, сможем ли мы уехать завтра, — сказала Натали. — Я имею в виду снег.

Эндрю пожал плечами.

— Возможно, нам придется задержаться еще на одну ночь. Мы можем спуститься в гостиницу, если будет необходимо. Я так себе представляю, что Джен будет рада от нас избавиться. — Говоря это, он посмотрел на Натали, и было в его лице что-то такое… Выражение разочарования, которого она никогда не видела раньше.

— Ты сердишься на меня, — мягко сказала она.

Он снова пожал плечами.

— Ты извинилась перед Джен? — спросил он.

— Да. Мы разговаривали вчера ночью. Все в порядке.

— В порядке ли? — сказал он, глядя в сторону, в огонь очага.

Они молча доели свои сэндвичи. Натали унесла тарелки.

— Прости, Эндрю. Я наломала дров. — Он в очередной раз пожал плечами. Ее это начинало раздражать. — Я слишком много выпила. — Мы все…

— Да, но только ты одна стояла посреди комнаты, выкрикивая обвинения, — ровным голосом сказал он.

— Я пыталась показать им… — Ее голос чуть надломился, она кашлянула. — Я хотела помочь тебе, показать им, что это несправедливо, эта вина, которую ты несешь, она не твоя, не должна быть…

— Конечно, должна, Натали, — резко оборвал он ее. — Это постоянное стремление избавить меня от всякой вины нелепо. Это утомительно. Ты что же, всерьез думаешь, что мне помогает, когда ты извиняешь мой поступок? Не имеет значения, что сделала Лайла. Имеет значение, что сделал я. Это я был за рулем, я ехал слишком быстро, у меня было превышено содержание алкоголя в крови. Черт. Это была моя вина. Тот факт, что ты… — Он внезапно замолк.

— Что я?

Он встал у окна и отвернулся от нее. Натали не могла сказать, смотрит ли он на снег или на свое отражение.

— Тот факт, — тихо продолжал он, — что ты «чертова калека», как ты выразилась, а у меня паршивая работа, тот факт, что я являюсь для тебя таким разочарованием, это моя вина. Это не

вина Лайлы. Тот факт, что Конор мертв, а Джен одинока, все это моя вина. Не имеет значения, что сделала Лайла.

— Эндрю, — сказала она, становясь позади него и обнимая его обеими руками, — ты не являешься для меня разочарованием, никогда не являлся.

— Ну, судя по тем твоим словам, являюсь, Нат. У тебя это прозвучало так, будто ты меня стыдишься. Я и не подозревал до вчерашнего дня, что ты считаешь нашу жизнь маленькой, что она меньше, чем должна была быть, что я меньше, чем должен был быть.

— Эндрю…

— Дай мне закончить! В любом случае это достаточное потрясение — узнать, что женщина, которую ты любишь, так думает, но услышать это при всех, при Джен, при Дэне? Это было чересчур. — Натали прислонилась головой к его спине и начала плакать. Он не стал утешать ее, а просто высвободился из ее объятий.

— Я так не думаю, не думаю.

— Ну, в таком случае, Нат, не следовало этого говорить. А если ты в действительности так не думаешь, тогда я уверен, что единственная возможная причина, по которой ты это сказала, состоит в том, что ты хотела как можно сильнее

уязвить Лайлу, насыпать ей побольше соли на раны. Ты думаешь, это было необходимо? — Он мягко, но решительно отстранил ее и направился к двери.

— Подожди…

— Я хочу проверить, как там Джен.

Она сидела одна перед камином, чувствуя себя ничтожной, полностью потерянной. Она никогда не видела его таким, с ней он никогда таким не был. У них бывали мелкие разногласия, но она никогда не видела, чтобы он был в ней разочарован. Она чувствовала себя так, словно потеряла его уважение. Словно она это заслужила. И было ощущение, что, должно быть, что-то еще не так, что-то помимо того, что она наговорила накануне, потому что, когда он вернулся в дом, он сначала вроде бы рад был ее видеть, словно она была прощена, словно все уладилось.

Сверху донесся смех Лайлы. Как так получается, что с нее все скатывается как с гуся вода? Все, что наговорила ей Натали, то, как выставила ее перед всеми — все это она просто стряхнула прочь и продолжает вести себя как ни в чем не бывало. Словно ничто не имеет последствий. Натали это мучило.

Было и еще кое-что. То, что он сказал ей недав-

но в кухне. Эти слова не давали ей покоя, они, словно докучливое насекомое, проникли ей под кожу и вызывали зуд. «О, пора повзрослеть, Нат, это всего лишь секс». Всего лишь секс.

К тому времени как Эндрю спустился вниз и предложил приготовить ей чаю — крохотная заявка на примирение, — этот зуд разросся до таких масштабов, что требовал царапанья.

— Что произошло прошлой ночью? — спросила она его. — В отеле?

Его плечи приподнялись и опали, он медленно выдохнул.

— Мы добрались до гостиницы, прошли в номер, нам принесли поесть, мы пошли спать. Мы оба были изрядно усталые.

— Вы не разговаривали?

— Конечно, мы разговаривали.

— О чем?

— Ах, Натали! — Он всплеснул руками. — Мы говорили о многом.

— Обо мне?

— Да, о тебе, она была по-настоящему огорчена по поводу того, что ты сказала.

— О, бедная Лайла!

— Да, бедная Лайла. Черт возьми! Ей уйму всего пришлось пережить, Нат.

— Ей пришлось многое пережить? Что ей пришлось пережить? Что она потеряла? Ты слышишь, как она сейчас трахается и смеется? Ее ничего не заботит. Она думает только о себе. Не могу поверить, что ты ее защищаешь.

— Я никого не защищаю, Нат, но я думаю, что ты немилосердна…

— Что произошло прошлой ночью? Что произошло?

— Эй, эй! — Натали обернулась. Позади нее стоял Зак в спортивных штанах и футболке, с взъерошенными на затылке волосами. — Не могли бы вы потише, ладно? Кажется, Джен пытается уснуть.

Они безмолвно кипели некоторое время, но спор не был окончен.

— Так ты не хочешь мне сказать? — прошептала ему Натали. — Хочешь, чтобы я молча задавалась вопросами…

— О, ради всего святого, Нат. Мне не следует… — Он оборвал себя, покачал головой. Лицо его было ярко-красным. Он поднялся на ноги и зашагал к двери. — Думаю, пора спать, тебе не кажется? Так мы ни до чего не договоримся, мы оба устали, у тебя болит спина, я это вижу…

— Не отговаривайся моей болью. Не ищи оправ-

даний. И не говори мне, что ты видишь, когда ты даже не можешь на меня посмотреть.

— Я вижу, когда дело плохо, Натали. Я переживаю это с тобой шестнадцать лет…

— О, мои поздравления, — сказала она, и голос ее прозвучал надтреснуто. Что-то внутри ее сломалось, просто сломалось. — Ты переживаешь со мной? Переживаешь что? Это моя жизнь, я ее не переживаю, я просто живу. И тут выступаешь ты, весь из себя положительный, принимающий на себя все удары, изображающий мученика. Я устала чувствовать себя так, будто я твое наказание, Эндрю, будто я та цена, которую тебе приходится платить за то, что ты сделал.

Она никогда не видела, чтобы он смотрел на нее так, как в ту ночь, и никогда больше не хотела бы этого видеть.

Они уехали на следующий день. Они не разговаривали по дороге в аэропорт и почти не разговаривали на борту. Едва приземлившись в Англии, они тут же занялись практическими вопросами: забрали девочек, принялись делать покупки, погрузились в Рождество. Они никогда больше не говорили о той ссоре, просто оставили все в непроясненном состоянии. Они позволили жизни течь дальше, новой жизни, жизни мень-

шей, чем была у них до этого, более темной, с более острыми краями.

Но то насекомое никуда не делось. Оно жило у Натали под кожей, копошась себе дальше, не давая ей спать по ночам. Быть может, ей придется теперь всегда жить с этим, она ничего не могла изменить. Она не могла спросить его и не могла спросить Лайлу. Не потому, что Лайла разозлилась бы на нее, и не потому, что она бы не ответила, а именно потому, что ответила бы. Лайла могла рассказать ей правду, и что тогда? Она не могла злиться на нее сейчас, не могла ее ненавидеть. Не время.

Они прибыли во Французский дом около пяти, солнце все еще высоко стояло в бледно-голубом небе, жара и не думала спадать; наоборот, казалось, что она усилилась. Лужайка выгорела, полиняла до бледно-желтого цвета. Серые каменные стены отражали свет, а внутренняя часть дома выглядела чернильно-черной, пещерообразной. Кто знает, что таится внутри?

— Вот это он и есть? — спросила Шарлотта. Натали, подкрашивавшая губы, мельком увидела отражение своей дочери в противосолнечном козырьке: на лице ее было написано то самое пренебрежительное выражение, которое было на

нем всю дорогу от аэропорта. Эндрю посмотрел на жену, приподняв брови. Его лицо выражало: «Я же тебе говорил. Не надо было везти с собой девочек».

Они выбрались из машины, разминая ноги и распрямляя спины, вдыхая запах лета. Натали охватила волна ностальгии по Французскому дому, такому, каким он был когда-то, такому, каким они его когда-то знали. Ностальгию вызвал запах розмарина и лаванды, отдаленный звук колокольчиков, жужжание насекомых в клумбах. Она бросила взгляд на Эндрю и увидела, что он улыбается. Его улыбка чуть замерла, когда входная дверь распахнулась и появился Дэн, сияющий и загорелый, в пляжных шортах и футболке, радостно раскрывающий им свои объятия. Радушный хозяин, владелец поместья.

Натали ожидала, что Эндрю будет в восторге оттого, что Дэн купил дом, но этого не случилось. По какой-то причине он почувствовал беспокойство. Когда Джен в первый раз позвонила ему, чтобы рассказать, что Дэн хочет купить дом, он отделался смехом.

— Этого никогда не случится, — сказал он Нат за обедом. — Ты же знаешь, какой он. Когда мы виделись с ним на Рождество, он поговаривал

об Итальянской Ривьере, вспомни. Или это была Коста-де-ла-Лус? А на следующей неделе это будет Хорватия, или остров в Карибском море, или еще что-нибудь. — Затем, когда Джен позвонила и сказала, что дело в шляпе, контракты подписаны, деньги в банке, он был разъярен. — Он испортит дом, — проворчал он. — Во всех комнатах будут плазменные экраны, световые люки на крыше. Чертова джакузи. Вот увидишь.

В гостиной и на кухне не было плазменных экранов, казалось, в доме не было и джакузи. Дэн, однако, оснастил дом акустическими системами, потому что Натали заметила, что повсюду можно было слышать напевы Адель. Везде очень чисто и опрятно, чище и опрятнее, подумала Нат, чем когда здесь жила Джен. У нее даже мелькнула мысль, не обзавелся ли он прислугой.

Дэн вручил им холодные напитки и принялся суетиться вокруг девочек, источая обаяние, говоря им, какие они красивые, прямо как их мама. Сестры выглядели счастливее, чем на протяжении всего пути из Хитроу; перспектива увидеть кинорежиссера — это было практически единственное, что их привлекало в предстоящей поездке.

Натали потягивала что-то холодное и слушала,

как ее дочери взволнованно болтали с Дэном, спрашивая, когда он в последний раз был в Голливуде и правда ли, что он встречался с Робертом Паттинсоном? Так прошло минуты три. Она не могла больше стоять здесь, притворяясь, что все в порядке, что они просто приехали в отпуск.

— Где она, Дэн? — спросила Натали.

— Наверху, дремлет. Зак пошел в деревню, к мяснику, мы собираемся устроить вечером барбекю. Вы не против, девочки? Вы ведь не вегетарианки?

— Дэн…

— Поднимайся, если хочешь. Она в старой комнате Джен. Не бойся ее разбудить — она будет этому рада. Она с нетерпением тебя ждала.

Посредине лестницы Натали остановилась. Положила руку на прохладную каменную стену, сделала глубокий вдох, подготавливая себя. Она чувствовала, как сердце бьется слишком быстро, несется вскачь. Ей было страшно. Идущий за ней Эндрю ободряюще сжал ее руку.

— Идем, — мягко сказал он. — Мы поднимемся вместе. — У нее перехватило дыхание, от такого маленького момента доброты ей захотелось заплакать, потому что он наглядно демонстрировал ей, что она потеряла. Потеряла то время,

когда такие моменты были обыденностью, когда они с Эндрю были постоянно добры друг к другу. Она сжала руку мужа и стала подниматься дальше. Негромко постучала в дверь спальни и толкнула ее.

В комнате было тепло и темно, в открытом окне трепетала на ветру занавеска. Лайла лежала на боку спиной к ним. Натали оглянулась на Эндрю.

— Может, лучше оставим ее, пусть спит? — прошептала она. Эндрю пристально посмотрел ей в глаза.

— Вперед, — сказал он, кладя руки ей на плечи. — Давай поздороваемся.

Лежащая на кровати Лайла шевельнулась, задвигала ногами и перекатилась на спину. Натали сделала несколько шагов к кровати, и Лайла приподнялась на локтях.

— Вот и вы, — сказала она, и вместо голоса раздался только хрип. — Подойдите, повидайтесь со мной.

Натали подошла чуть ближе, глаза ее привыкали к полумраку, и она чувствовала на лице натянутую улыбку.

— Привет, Лайло, — сказала она. Ее руки были сжаты в кулаки, и ногти врезались в ладони.

— Привет, Нат.

Лайла была похожа на сидящий в полутьме призрак, такая худая и бледная, что казалась почти нематериальной. Щеки ввалились, губы были серого цвета, кожа — суха, как бумага. Ее длинных светлых волос не было, их сменили короткие, клочковатые космы, которые лишь подчеркивали ее исхудалость. Секунду-другую Натали не могла говорить, даже с трудом могла дышать; она опустилась на кровать рядом с подругой и попыталась улыбнуться, но не смогла. Она обняла Лайлу и прижала к себе, шепча: «О, Лайло. О, моя бедная девочка».

Когда Лайла наконец отстранилась от нее, она улыбалась.

— Итак, — сказала она, приглаживая Натали волосы и вытирая слезы у нее со щек, — оказывается, можно быть совсем худой.

21 июля 2013 г.

Дорогой Дэн!

Лайла написала мне. Она мне сообщила. Я поговорила с Джен, и та сказала, что это правда, истинная правда. Я не могу ясно мыслить. Не могу это переварить.

Я пишу тебе, потому что Лайла по-

просила меня приехать погостить, а я понимаю, что это не ее дом и приглашение не может исходить от нее. Я хотела справиться у тебя. Эндрю говорит, конечно, мы должны поехать, не будь смешной, тебе незачем спрашивать Дэна, но я все-таки решила спросить.

Не знаю, забыл ли ты то, что я сказала тебе в тот первый вечер во Французском доме в декабре, но я много раз прокручивала это у себя в голове, вместе со множеством других ужасных вещей, что я наговорила в тот уик-энд. Я сказала тебе, что мы не друзья, что тебе нет места в нашей жизни, и мне очень стыдно за свои слова.

За эти последние несколько месяцев я очень многое подвергла самокритическому анализу и обнаружила, что помню такие вещи, которые, казалось бы, давно забыла. Например, как в те первые годы после аварии ты был очень добр к нам с Эндрю, как ты сохранил нейтралитет, когда произошел разрыв между Лайлой и нами с Эндрю, как ты стремился удержать нас вместе. Помню, что даже

после того, как мы все негативно отреагировали на твой фильм, я часто думала о тебе – когда девочки делали или говорили что-нибудь забавное, я представляла себе, как бы ты смеялся, если бы увидел или услышал это.

Ты есть и всегда был частью нас всех, неотъемлемой частью, как любой другой из нас, и я понимаю, что отрицать это было очень несправедливо с моей стороны. Поэтому, прежде чем я спрошу тебя, можно ли мне привезти всю мою семью погостить в твоем доме (твоем доме! с трудом могу в это поверить!), я должна попросить у тебя прощения.

Позаботься о Лайле за меня, за всех нас.

С любовью,

Натали

Глава сорок шестая

Они лежали в гамаке, Джен и Лайла, а между ними была аккуратно втиснута Изабель. Дело было под вечер, солнце как раз начало соскальзывать за гору, и тени были длинными. Изабель и Лайла спали, малышка дышала легко и ровно, тогда как Лайла — прерывисто, со свистом и хрипом. Джен полулежала на подушке, а на коленях у нее была книга. Она, в сущности, ее не читала, ей довольно было наблюдать за ними.

Гамак был огромный, ярко-красный и совсем новенький, купленный Дэном в подарок Лайле. Он висел между дубами на северной стороне дома, в идеальном месте для того, чтобы укрыться от дневной жары, здесь была тень деревьев и прохладный ветерок, дующий с побережья. Со времени своего приезда неделю назад Джен и Изабель полюбили лежать вместе с Лайлой в ее гамаке; они проводили там середину дня, спали или же Джен и Лайла разговаривали, наблюдая, как ребенок спит. Иногда к ним присоединялась кошка; она забиралась на дуб и смотрела на них сверху.

Лайла была влюблена в Изабель, она не могла

с ней вдоволь натешиться. Она дотрагивалась до нее при любой возможности, постоянно всовывала свои тонкие, как у скелета, пальцы в пухлые ручки Изабель или сжимала толстенькие пальчики у нее на ногах, кончиками своих пальцев рисовала кружочки на гладкой, как фарфор, коже малышки. Джен не могла в это поверить — Лайла прежде никогда не любила детей.

— Я люблю младенцев, — сообщила ей Лайла. — С младенцами легко, при условии, что они не твои собственные. Они просто спят, и ты их тискаешь. Не надо придумывать, что бы такое умное сказать, чтобы их развлечь, или играть в бесконечные игры. Они как кутята. — Она также очень хорошо поладила с Шарлоттой и Грейс, что, по словам Натали, объяснялось тем, что у нее всегда был ум девочки-подростка.

Натали и Эндрю сновали по дому, подобно слугам, редко когда останавливаясь, чтобы передохнуть. Казалось, они каким-то любопытным образом отделены друг от друга, почти целиком сфокусированные на своих детях и Лайле. Натали взяла на себя роль нянечки; она бесшумно и ловко перестилала постели, приносила еду и давала лекарства, после чего исчезала в кухне, чтобы приготовить еду, помыть посуду или постирать.

Эндрю постоянно что-то чинил, приделывал отвалившиеся дверные ручки и смазывал петли, чем доводил Дэна до умопомрачения.

— Это мой дом, черт возьми, — то и дело бормотал он, что вызывало у Джен улыбку, потому что на самом деле это было неправдой, она знала, что этот дом никогда не будет его домом, потому что принадлежит им всем.

Джен была слишком измотана, чтобы быть по-настоящему полезной. Они с Изабель стали постоянными компаньонами Лайлы, выходя с ней на очень медленные и очень короткие прогулки по утрам, отдыхая с ней в гамаке во второй половине дня, совершая время от времени короткие экскурсии в деревню, чтобы навестить хозяев гостиницы месье и мадам Карон и взять себе café[31] и pains au chocolat[32] в кондитерской на площади.

Лайла шевельнулась, лениво вытянула одну руку и открыла глаза.

— Вот ты где, — улыбнулась она Джен. — А мы думали, куда ты подевалась.

— В самом деле? — спросила Джен. Она протя-

---

[31] Примечания: 31
Кофе (*фр.*).

[32] Примечания: 32
Булочка с шоколадом (*фр.*).

нула руку и дотронулась до клочковатых волос Лайлы.

— Мы везде тебя искали. — Лайла частенько вела себя так спросонья, путая сны с реальностью. — Конор сказал, ты ушла в деревню за едой для вечеринки, но я сказала ему, что это было вчера.

— Конор?

— Да. Он в лесу. Мы разговаривали в лесу.

— Понятно. — Джен закусила губу и снова легла, так чтобы Лайла не заметила навернувшиеся на глаза слезы.

Они старались, насколько возможно, не сломаться в ее присутствии, но это не всегда было легко. Спутанность сознания — вот чего приходилось ожидать. Жестокие головные боли, тошнота, потеря памяти, затрудненность речи, потеря аппетита — всего этого приходилось постоянно ожидать. Джен читала соответствующую литературу. Они не знали, как долго это продлится, но опухоль была очень агрессивна. Пока что с болью Лайлы можно было справляться дома, но в конечном счете ей придется отправиться в хоспис. Они говорили об этом шепотом, так чтобы не разозлить ее.

— Не беспокойся, — сказала Лайла. Она улы-

балась Джен, нежно чертя пальцем кружочки на щечке Изабель. — Он не сердится. Он рад ребенку.

— Это хорошо.

— И он подумал, что нам надо устроить вечеринку здесь, на воздухе, он подумал, что это будет лучше всего.

— Хорошая мысль, — сказала Джен.

Вечеринка должна была состояться на следующий день, вечеринка-сюрприз, в честь четырнадцатой годовщины свадьбы Эндрю и Натали. Это была идея Шарлотты и Грейс. Самое грустное, что, если бы девочки не упомянули, вряд ли кто-нибудь об этом вспомнил. Возможно, даже сами Эндрю и Нат.

Зак повез Эндрю помочь выбрать новую плитку для верхней ванной комнаты, а Шарлотта упросила мать отвезти ее аж в Ниццу, чтобы купить там одежду. Джен, Дэн и Грейс тем временем развесили украшения и установили гриль, сделали салаты и замариновали ребрышки молодого барашка. Они соорудили костер рядом с гамаком, развесили по деревьям фонарики, вынесли на лужайку коврики и диванные подушки, наладили аудиоколонки, так чтобы можно было слушать музыку.

Когда все было готово, Джен и Дэн уселись на ковриках, положив между собой Изабель, а Грейс пошла в дом, чтобы разбудить Лайлу. Впервые с тех пор, как Джен приехала, они с Дэном остались совершенно одни. Некоторое время они сидели в неловком молчании, а потом оба заговорили одновременно.

— Я не уверена, что это такая уж хорошая идея, — сказала Джен.

— Николя давал о себе знать? — спросил Дэн.

Они неловко рассмеялись, затем оба замолчали, выжидая.

— Не уверена насчет чего? — спросил наконец Дэн.

— Насчет этой вечеринки. Кажется, у Нат и Эндрю что-то не ладится. Тебе не кажется? Не очень-то правильно обрушивать на них все это.

Дэн пожал плечами.

— Не знаю. Я думал, это просто из-за Лайлы. Я не думал, что это что-то между ними.

Джен покачала головой.

— Дело не только в Лайле. В трудных обстоятельствах Эндрю и Натали опираются друг на друга. Я знаю об этом из того, что он на протяжении лет писал мне в письмах. Но они не опираются друг на друга сейчас. Или, скорее,

выглядит так, что Натали пытается опереться на Эндрю, а он от нее отстраняется. Я не припомню, чтобы он был таким раньше. Он кажется совсем другим.

Дэн посмотрел на дубы, на свисающие с ветвей разноцветные фонарики.

— Поздновато отменять мероприятие, — сказал он.

Они опять замолчали. Был чудесный вечер, более прохладный, чем предыдущие, из долины дул ветерок, по небу быстро плыли рваные облака.

— Я говорила с ним перед отъездом из Оксфорда, — промолвила наконец Джен. — Я имею в виду Николя. С тех пор он не звонил.

— Мне жаль, — сказал Дэн. Он накрыл ее руку своей.

— Я не переживаю. В смысле не переживаю ради себя. Думаю, отвратительно, что он проявил так мало интереса к своей дочери, но для меня это не такой уж большой шок. Мы почти не говорили с тех пор, как я в прошлом году уехала из Парижа, и он всегда ясно давал понять, что ребенок не входит в его планы. Он предложил финансовую помощь, — сказала она с кривой усмешкой. — Но я, пожалуй, обойдусь без нее. Честно говоря, думаю, без него нам будет лучше.

— Вы справитесь, — сказал Дэн, сжимая ей руку. Это прозвучало как пустая банальность, но когда она посмотрела на него, на лице его было выражение, позволяющее предположить, что это не так.

Вечеринка прошла с успехом. Джен напрасно опасалась. Лайла была в чудесной форме, она проспала весь день и была такой веселой, забавной и шумной, как в былые времена. Она сидела в гамаке, потягивая шампанское и рассказывая истории о богатом виноделе из Барселоны, о фотографе из Парижа, в кожаном пиджаке и с мотоциклом, о том времени, когда ее арестовали в Берлине за нарушение общественного порядка в пьяном виде и дело кончилось страстным трехнедельным романом с арестовавшим ее офицером. Шарлотта и Грейс были охвачены благоговейным ужасом. Позже Джен случайно услышала, как Грейс в кухне разговаривает с Эндрю.

— Мне кажется, я хочу выучить испанский, папа, — говорила она. — Чтобы я могла жить в Барселоне.

— Хорошая мысль, — согласился Эндрю.

— И заведу себе много любовников, — прибавила она, присваивая себе подхваченный у Лайлы устаревший оборот речи.

— Черта с два.

Но он смеялся — смеялся весь вечер, Джен уже давно не видела его таким. Они с Натали окунулись в дух вечеринки, они расслабились, они держались за руки. На несколько часов они перестали проявлять внимание ко всем остальным и были нежны друг с другом.

Дэн рассказал им всем о своем провале с Клодией.

— Это было скверно с самого начала. Я запланировал всецело романтическое — и чертовски дорогое — Рождество в Париже в отеле «Ритц», которое оказалось просто отвратительным. Рождество в отеле — это уже достаточно паршиво, но когда твоя партнерша все время либо истерически рыдает, либо вопит в телефон на своего мужа — на немецком, не забывайте, не самом мелодичном из языков, — это кошмар. Тем не менее я думал, что все наладится, когда она поселится со мной в Лондоне, но стало еще хуже. Мы ссорились по поводу всего, от погоды до работы, и это было постоянно. Беспросветно. И душераздирающе. Однажды вечером я встречался в пабе с продюсером, с которым вел переговоры по работе, и вернулся домой чуть позже, чем планировал. Так она перебила всю посуду у меня в кухне. Все до

единого предмета.

— Черт подери! — сказал Эндрю.

— Вот именно. Все это, весь этот абсолютный ужас длился пять недель, затем она вернулась к мужу. Сначала он не желал принимать ее обратно, велел ей проваливать, так что она имела наглость вернуться ко мне! На этот раз она выдержала дней десять.

— О боже, — сказала Натали и слегка похлопала его по спине.

— Понимаете, мы совершенно, абсолютно не подходили друг другу. Понятия не имею, как я мог не понять этого раньше. — Джен показалось, что она уловила полуулыбку на лице Зака, но он тут же отвернулся. — Она была так экстравагантна, сказала, что не может жить в моей квартире, пока она в таком виде. Хотела сделать там полный ремонт, хотела продать всю мебель. Без всяких разумных объяснений! Она была занята только собой. — Теперь уже все старались сдержать улыбки, кроме Лайлы, которая громко захохотала. Дэн обвел их взглядом и вскинул руки. — Она гораздо хуже, чем я, — пробормотал он.

После торта Джен пошла в дом приготовить бутылочку для Изабель. Она как раз проверяла ее температуру, когда рядом появилась Натали. Она

обняла Джен за талию и прижала ее к себе.

— Тебе не надо мыть посуду, — сказала она. — Матери младенцев не должны мыть посуду.

Джен улыбнулась ей.

— Я и не мою. Но мне не хочется видеть и тебя за уборкой. Люди, отмечающие четырнадцатую годовщину свадьбы, определенно не должны мыть посуду.

— Верно, — сказала Натали. Она привалилась к кухонной стойке и отпила большой глоток вина. — Этим должен заняться Дэн, — сказала она, и обе рассмеялись. — Не могу поверить, что прошло уже четырнадцать лет. Четырнадцать лет! Кажется, что…

— Что это было только вчера и одновременно сто лет назад? — спросила Джен.

— Да. — Натали улыбнулась. — Это был великий день… — начала она и замолчала. Джен вытерла руки о кухонное полотенце и повернулась к ней лицом.

— Прости, — сказала она, но Нат протестующе подняла руки.

— Нет-нет. Я не собираюсь погружаться в прошлое. Нам хорошо сейчас. Нам всем хорошо сейчас. Так ведь?

— Надеюсь, что так.

— В любом случае атмосфера немного другая, чем в декабре.

Джен засмеялась.

— Трагедия и маленькие дети, — сказала она. — Вот что создает эту атмосферу. Трагедия сплачивает людей.

— Кроме тех случаев, когда она разбрасывает их в стороны, — заметила Нат.

— Это так глупо, правда? — сказала Джен. — Одна смерть вбила между нами клинья, другая — снова сплотила.

— Она еще не умерла, — грустно улыбнулась Нат, взяла Джен за руку, и вместе они снова вышли во двор, где продолжалась вечеринка.

Спустилась ночь, стало довольно прохладно. Они завернулись в одеяла и придвинулись ближе к костру. В своей переносной колыбельке тихонько посапывала Изабель, то распрямляя пальчики, то опять сжимая их в кулачки. Джен задавалась вопросом, можно ли видеть сны в возрасте десяти недель, и если да, то о чем? О маминой груди, наверное. О чем еще?

Лайла выпила больше шампанского, чем было желательно в сочетании с ее лекарствами. Ее речь сделалась невнятной, и было все труднее понимать, что она говорит. Зак сказал, что пора

идти спать.

— Разве мы не можем лечь здесь? — спросила она его и, когда он сказал, что нет, велела ему отвалить. Она потребовала, чтобы ей дали послушать Марианну Фейтфулл, и, когда Дэн принес записи, она настояла на том, чтобы ей несколько раз поставили «Балладу о Люси Джордан». После того как она прослушала ее в третий раз, Зак поднялся.

— Пойдем спать, родная, — сказал он и легко, как ребенка, поднял ее на руки.

Пока он нес ее в дом, она декламировала стихи, перевирая Сильвию Плат.

— Искусство умирания, — провозгласила она. — Я делаю это так… исключительно… как там? Я делаю это исключительно хорошо. Иксключительно. Экс-ключительно. — Она запнулась на этом слове, Зак пытался ее утихомирить, и Лайла принялась хихикать. — Но я действительно делаю это иск-лю-чи-тельно хорошо. — Он уже нес ее вверх по ступеням, а до них все еще доносился ее голос. — Я умираю лучше, чем я жила, не так ли, милый?

После этого Натали отвела девочек спать, а Эндрю начал складывать одеяла и собирать бокалы.

— Нет-нет, оставь это, Эндрю, — сказал ему

Дэн. — Это точно не твоя забота. Мы уберем все утром.

Они с Джен лежали на спине на ковриках, глядя на звезды.

— Ты делаешь хорошее дело, — сказала Джен.

— Что именно?

— То, что ты пригласил пожить Лайлу и Зака, что собрал нас всех в своем новом доме.

— Это не мой дом, — сказал он, легонько подталкивая ее локтем. — И в любом случае это не такое уж тяжелое испытание, — мягко добавил он. — Мне хорошо с ней здесь. Мне нравится, что она вернулась, понимаешь? Обстоятельства, бесспорно, трагические, но дух, которым она обладает… А Зак! — Дэн рассмеялся. — Господи, когда я познакомился с ним перед Рождеством, я думал, что он такой… пресный. Это только показывает, как хреново я разбираюсь в людях.

— Ну, я думаю, все мы грешим тем, что судим о книгах по обложке.

— Он такой сильный, и я имею в виду не только бицепсы. Он никогда не позволяет ей видеть себя сломленным, понимаешь? Я видел его таким после нескольких кружек пива, когда он уложил ее спать, но от нее он это скрывает. Он постоянно старается доставлять ей радость. — В голосе Дэна

послышалась хриплость, и он засмеялся, чтобы это скрыть. — Это вызывает воодушевление.

Не отрывая глаз от звезд, Джен потянулась рукой к руке Дэна.

— Что будет с ним после, хотела бы я знать.

— Я даже не хочу думать об этом.

Некоторое время они лежали в молчании, бок о бок, держась за руки. Потом Дэн сказал:

— Я ей должен.

— Не поняла.

— Это не то, почему я пригласил ее сюда, но настала пора мне сделать что-то хорошее для Лайлы.

Джен выпустила руку Дэна и, опершись на локоть, заглянула в колыбельку. Изабель крепко спала. Она нежно коснулась ее лба, чтобы проверить, не холодно ли ей, но лобик был теплый.

— Я не думаю, что ты что-то кому-то должен, Дэн, — прошептала она. — И вообще, пора всем выбросить из головы эти мысли о расплате за то, что они совершили, тебе не кажется?

— Не-а, — сказал он, чуть тряхнув головой. — Ты не… ты даже не знаешь, что я сделал. — Он замолчал. Джен пребывала в нерешительности: то ли подстегнуть его, то ли оставить все как есть. — Я ее использовал, — сказал он. — После их с Эндрю

разрыва она пришла пожить у меня… Я использовал ее слова. Я использовал ее поступки.

— В фильме?

— Угу. Это, может быть, и не так легко заметить, но Лайла заметила. Она знала. Я снимал с нее копии, когда она была в самом тяжелом, самом уязвимом состоянии. Это было гнусно. — Он приподнялся и оперся на руку, так что они оказались лицом друг к другу. — А сейчас, — продолжал он, — сейчас она хочет, чтобы я о ней написал. Она постоянно рассказывает мне все эти истории, говорит, что хочет, чтобы я ее обессмертил. Иногда она только шутит об этом, но иногда, мне кажется, она говорит серьезно. Она разглагольствует о том, какая она порочная женщина и как ее жизнь должна послужить поучительной историей.

Джен улыбнулась.

— Что ж, у нее есть о чем порассказать.

— Да, есть.

— И все мы были по-своему порочными, так ведь?

Он приблизил к ней лицо, теперь их разделял лишь дюйм или два.

— Так ли это? — произнес чей-то голос, они посмотрели вверх и увидели, что всего в несколь-

ких футах стоит Эндрю и наблюдает за ними.

Письмо Дэна Джен, датированное 18 мая 1996 г., так и не отосланное.

Джен!

Я надеюсь, что ты чувствуешь себя лучше. Я беспокоюсь о тебе.

Я все еще о тебе беспокоюсь. Ты мне небезразлична. Это чертовски невыносимо, что я не могу больше с тобой разговаривать, одна ночь – и все кончено.

Я люблю тебя.

Я знаю, так же как и ты, что, даже если ты чувствовала то же, что и я, нам нельзя быть вместе, потому что это будет катастрофой для тебя и для меня. Я потеряю мою семью – потому что вы, друзья, являетесь для меня именно семьей, в моей жизни не было ничего более похожего на семью, чем вы. Поэтому я понимаю, что мы с тобой не можем быть вместе.

Но это меня убивает. Знаешь, что меня убивает? Это когда я смотрю на тебя, а ты не смотришь на меня в ответ, ты едва вообще меня замечаешь, отвергаешь

меня.

Я люблю тебя.

Я не хочу, чтобы дело кончилось ненавистью к тебе.

Да, когда я болтал в твоем присутствии о других девушках, я пытался задеть твои чувства.

Удалось ли мне это? Задевает ли это тебя?

Ведь задевает, да?

Я люблю тебя.

Я найду кого-нибудь еще, найду обязательно.

Только перед этим я хочу услышать, как ты говоришь это, говоришь, что любила меня, даже если это длилось совсем недолго, я хочу, чтобы ты признала, что не всегда были только Джен и Конор, что однажды были также Джен и Дэн.

Я хочу, чтобы ты посмотрела мне в глаза и сказала, что я был достаточно хорошим для того, чтобы ты меня любила.

Я люблю тебя.

Дэн

Глава сорок седьмая

В магазине в Драгиньяне Дэн заранее купил два велосипеда. Один для себя, другой — для гостей. И не какие-нибудь подержанные. Дорогие велосипеды. Эндрю нашел эту экстравагантность излишней, даже слегка раздражающей, по нему, это выглядело выпендрежем.

— Гостевой велосипед? — сказал он Натали. — Это нелепо.

— Не знаю, — пожала она плечами. — У него уйма денег, почему бы ему их не тратить? В любом случае ты любишь кататься на велосипеде. Теперь ты можешь этим заняться.

Через несколько дней после вечеринки Дэн предложил Эндрю поехать на велосипедах в Вильфранш.

— По телевизору будет матч по регби. Франция против Англии. Мы можем посмотреть его и попить пива, оставим девушек справляться самостоятельно некоторое время.

— Ты же не любишь спорт, — заметил Эндрю. — Ты никогда не любил спорт.

— Я могу смотреть регби за пивом, Эндрю. Спорт любишь ты, и это главное. Я подумал, что мы

могли бы спуститься вниз и немного оттянуться.

Эндрю не мог понять, почему его раздражает явное старание Дэна делать то, что будет приятно ему, Эндрю, но это было так. Складывалось впечатление, что он слишком усердно старается быть жизнерадостным, панибратским, свойским парнем, это производило впечатление фальши. Это и было фальшью. Дэн никогда не был таким. Дэн не любил регби. Он любил художественные галереи и японские фильмы. Тем не менее Эндрю мог по крайней мере быть доволен, что тот вид развлечений, который предлагает Дэн, не требует разговоров. У Эндрю не было настроения разговаривать. В сущности, он не мог припомнить, когда в последний раз ему хотелось поговорить.

Они отправились примерно в полдень, в одну из знойных суббот, легко скатились с горы и мгновенно прибыли в деревенский бар. Пока они попивали пиво, Эндрю прикинул, что обратная поездка — вверх по горе, в разгар дневной жары, с пивом в животе — будет потяжелее. Дэн был весьма подтянут; пожалуй, он весил ненамного больше, чем в двадцать три года, ему, вероятно, это не составит труда. Эндрю вдруг понял, что задается подленьким вопросом, не в этом ли все дело. Не потому ли Дэн купил велосипеды и пред-

ложил посмотреть матч? Он заметил, что Зак приглашен не был. Зак без труда бы расправился с подъемом в гору. Зак без труда бы расправился с горными этапами «Тур де Франс». Эндрю не мог отделаться от чувства, что Дэн что-то старается ему сказать, более подтянутый, более богатый хозяин дома. И не просто какого-то дома, а Французского дома.

Они сидели на террасе; владелец бара повесил на одном ее конце плазменный экран.

— Ты не думаешь завести такую же штуку в доме? — спросил Эндрю.

— Какую? Плазму? Может быть, в амбаре. Только не в самом доме. Понимаешь, я хочу сохранить дом таким, какой он есть, таким, каким я его помню. Каким мы все его помним.

— Таким, каким планировал его Конор? — сказал Эндрю, и это прозвучало глумливой насмешкой, он сам не понимал почему. Дэн посмотрел на него с недоумением.

— Да, думаю, так. Я просто хочу, чтобы он был… Французским домом. Прелестным, старым, деревенским, пахнущим розмарином. Удобным.

— Славное место для семьи.

Дэн натянуто засмеялся.

— Ну, не уверен, что смогу обеспечить этому

дому семью… Мой послужной список в этом отношении… сам знаешь. С родичами у меня плохо.

— Да уж.

Эндрю знал, что ведет себя не по-доброму, но в нем нарастал гнев, и не только с того момента, как он увидел Дэна и Джен почти целующимися на вечеринке. Это началось раньше, когда Дэн купил дом. Он тысячу раз прокручивал это у себя в голове и не мог постичь: почему Французский дом? Почему не Ривьера, что было бы гораздо больше в духе Дэна? Почему не какое-то место, где он мог бы заниматься серфингом или выходить в город, встречаться с девушками? Почему? Он продолжал возвращаться к одной и той же мысли — о Джен, и к гораздо более старому гневу, который уходил корнями в тот дурацкий фильм, в котором (вымысел, как же!) Дэн в итоге получал девушку Конора.

Вот почему он купил дом. Это был кусок Джен. Дом привязывал его к Джен.

Матч начался, но Эндрю не испытывал большого интереса. Он заказал еще два пива, откинулся на стуле, ощущая горячее солнце на руках и шее. Он закрыл глаза; было слишком ярко даже в солнечных очках, от зноя у него начинала болеть голова.

— Все нормально, дружище? — спросил его Дэн.

Заслонив глаза от солнца, Эндрю посмотрел на Дэна, который широко и примирительно ему улыбался. Умиротворяюще. Эндрю почувствовал, что он все больше выходит из себя.

— Скажи мне кое-что, — сказал он. — Почему ты его купил?

— Почему я купил?..

— Дом, Дэн. Почему ты купил дом?

— М-м-м. Ну, понимаешь, у меня было нелегкое время после ухода Клодии, и я подумал…

— Да, я понимаю, ты хотел куда-то сбежать, но почему этот дом, Дэн? Почему Французский дом? — Его тон был резким и неприятным, и по выражению лица Дэна он видел, что тот не понимает, почему Эндрю ведет себя так агрессивно. Но Эндрю не мог остановиться; если уж на то пошло, это только больше его злило: маленький, неуверенный в себе Дэн, разыгрывающий чувствительную карту. Как там называла его Джен? Потерянный мальчик.

— Мне здесь нравится, — сказал Дэн. — И я подумал…

— Ты подумал, что, если будешь владеть домом, у тебя будут нерушимые узы с Джен.

Дэн грустно посмотрел на свое пиво.

— Ну, не только с Джен. Со всеми вами.

— Ясно.

Эндрю решил, что пора остановиться. Он все больше заводился и задевал чувства Дэна, это было ни к чему. Подняв глаза на экран, он постарался сосредоточиться на игре. Французы выиграли подряд два очка. Молодые люди за столиком, стоявшим в нескольких футах от них, приветствовали свою команду громкими криками, и один из них обернулся и поднял свой бокал в их сторону. Эндрю сердито глянул на него, махнул официанту, заказал еще пива.

— Это звучит глупо, — промолвил Дэн, — но когда я раздумывал о том, что произошло после ухода Клодии, я понял, что много написал летом, пока был здесь.

— Конечно же, шедевр.

Дэн издал короткий, раздраженный вздох.

— Не то чтобы шедевр, просто у меня возникла уйма идей, пока я был здесь, я почувствовал, что это место, где мне хорошо работается, место вдохновения.

— Причина твоего вдохновения именно в этом месте? Или же причина в людях, с которыми ты был?

Дэн пожал плечами.

— Ну, в людях, я полагаю, но также и в месте, оно благоприятствует… — Он замолчал, снова вздохнул, развел руками. — Я думал, ты будешь доволен, что я его купил. Думал, будешь рад, что сможешь по-прежнему сюда приезжать. Потому что ты можешь это делать в любое время, когда тебе захочется. — Эндрю кивнул и прихлебнул пива. — Чем ты так раздражен? Ты думаешь, что я собираюсь каким-то образом его испортить? Или запустить? Что тебя напрягает? — Дэн тоже начал сердиться, он больше не старался все сгладить. — Или, может быть, это не имеет отношения ко мне или к дому — может быть, это связано с тобой и Натали, потому что у вас явно что-то не так…

Эндрю резко подался вперед на своем стуле, приблизил лицо к лицу Дэна и заговорил тихо и угрожающе:

— Ты ничего о нас не знаешь, так что не смей соваться в нашу жизнь. Ты понятия не имеешь, что такое настоящие отношения, чего они требуют. У тебя никогда не было ничего, кроме фантазий. — Дэн примирительно вскинул руки, но Эндрю еще не закончил. — Поскольку ты спрашиваешь, что меня напрягает во всем этом, так скажу, что мне не очень-то нравятся твои мотивы покупки

этого дома. Ты ведь знаешь, что жить здесь всегда входило в планы Конора и Джен. Ты помнишь, как они говорили об этом?

— Да, конечно, помню. Это было в том списке, что мы составляли…

— Вот именно. Они собирались жить здесь и растить здесь своих детей, а теперь здесь ты и здесь Джен со своим ребенком, и почему-то у меня такое чувство, что ты пытаешься занять его место. Пытаешься занять его место с тех самых пор, как он умер.

Дэн поставил свое пиво, оттолкнул его на середину стола.

— Я честно не знаю, в чем твоя проблема. — Он поднялся и пошел прочь.

Эндрю глубже обмяк на своем стуле. Французы были теперь на восемнадцать очков впереди, англичане терпели поражение. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь выключил телевизор. Он жалел о том, что пришел, о том, что выпил за сорок минут три пива. Он жалел, что вел себя так неприязненно с Дэном, что не может смотреть на Джен так, как смотрел когда-то, но что-то, связанное с прошлым вечером, вызывало в нем беспокойное чувство. Ему хотелось снова найти себя, потому что он ощущал себя потерянным. Кризис среднего воз-

раста, быть может? Может, ему следует купить машину, как у Дэна? Ну, не как у Дэна, конечно, потому что такую он не может себе позволить. Или завести любовную интрижку? С кем? С мисс Гейтскилл, преподавательницей английского? С мисс Тернер, учительницей по французскому двадцати с чем-то лет? Его проблема состояла и всегда будет состоять в том, что он любит свою жену, несмотря ни на что. Он осознал это тогда, в декабре, в номере отеля, неподалеку от того места, где сидел сейчас.

Он заказал еще одно пиво. Переставил стул, так чтобы сидеть спиной к телевизору. Он заметил, что велосипед Дэна по-прежнему стоит на месте. Ему было интересно, куда подевался сам Дэн. За жужжанием речи комментатора и ревом толпы он различал звук церковных колоколов, пыхтение трактора где-то вдалеке. Глаза стали слипаться.

Чья-то тень заслонила свет, и кто-то пнул его по ступне.

— Пойдем. — Перед ним, заслоняя свет, стоял Дэн. — Едем обратно. Не знаю, как ты, а я бы не отказался от тех макарон с сыром, что приготовил вчера вечером Зак. Думаю, в холодильнике еще осталось. — Он протянул ему руку, и Эндрю

ухватился за нее. Дэн потянул его вверх, и у Эндрю все поплыло перед глазами. Футболка прилипла к потной спине и животу, во рту было такое ощущение, будто кто-то заполз туда и издох. Ему хотелось пить.

— Мне надо чего-то попить, прежде чем мы отправимся наверх, — сказал он Дэну. — Не пива, я имею в виду воду. И кофе.

Они вышли из бара и повели велосипеды к маленькому кафе на противоположной стороне площади, заказали по чашке эспрессо и по стакану воды.

— Я сожалею о том, что сказал, — промолвил Эндрю. — Сам не знаю, что за чертовщина со мной в последнее время, все время глажу людей против шерсти.

Дэн пил кофе, он ничего не ответил.

— Серьезно, Дэн…

— Нет. Не надо. В какой-то мере то, что ты сказал… что-то из твоих слов не совсем верно, но и не совсем неверно.

Эндрю потер глаза кулаками, тяжело моргнул, поднял глаза на Дэна.

— О'кей, — сказал он.

— На самом деле это совершенно не твое дело, — продолжал Дэн ровным, глухим, лишенным

эмоций голосом, — но поскольку, похоже, это так тебя напрягает и поскольку… То есть… Поскольку я бы не хотел, чтобы между нами были неприязненные отношения, поскольку я хочу, чтобы все мы снова вошли в жизнь друг друга, почему бы мне не внести полную ясность?

— О'кей, — снова повторил Эндрю.

Дэн прокашлялся, и Эндрю едва устоял перед искушением заорать: «Да выкладывай же, черт побери!»

— Я влюблен в нее. Уже давно. С университета. Я не вижу здесь ничего стыдного, не считаю, что мне следует извиняться перед тобой за это. Ради всего святого, она была замужем, у нее есть ребенок. Я знаю, что ты всегда будешь видеть ее определенным образом, но прошло много времени с тех пор, как она была девушкой Конора.

Эндрю ничего не сказал, ему нечего было сказать. Но он знал, что эти слова Дэна звучали неправильно.

— Мне жаль, что тебя раздражает, что я купил этот дом. Мне жаль, что тебя раздражает, что мы с Джен… хм. На самом деле между Джен и мной ничего нет, так что я не понимаю, с чего тебе так беспокоиться. В любом случае сейчас между нами ничего не происходит. Я не собира-

юсь притворяться, во мне живет надежда, что когда-нибудь между нами что-то будет. Что же касается дома, Эндрю, я купил его не потому, что хотел быть Конором. Я купил его потому, что он кое-что значит для меня, и да, он кое-что значит для Джен, он кое-что значит для всех нас. Я не хотел, чтобы все это исчезло. Так же, как и ты, насколько я помню. Разница между нами в том, что у меня были средства это сделать, только и всего. Тебя удовлетворяет мое объяснение? — Эндрю ничего не ответил. — Знаешь, на самом деле меня не волнует, удовлетворен ты или нет. Ты готов идти? — Он поднялся и зашагал к велосипедам, прежде чем Эндрю успел ему ответить.

Дэн поехал сначала потихоньку, но как только уклон начал увеличиваться, он атаковал холм, как настоящий профессионал, стоя на педалях и усердствуя вовсю. Эндрю старался не отставать, но с каждым поворотом ему становилось все яснее, что Дэн больше и больше удаляется от него. Его ноги налились свинцом, пот катился в глаза, сердце билось так, словно готово было разломать грудную клетку. Впереди него плавилась под жарким солнцем дорога. Его одолевали головокружение, удушье, паранойя. Он умрет от сердечного приступа, здесь, на обочине, глотая

пыль. Он слез с велосипеда и отошел вместе с ним в тень дерева. Откуда-то далеко сверху раздался голос: «Ты там как, в порядке?», — и ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы не схватить велосипед и не сбросить его с обрыва.

Загоревший и страдающий от похмелья, он урывками спал в ту ночь и поднялся на рассвете, чувствуя неловкость и отчаянную жажду. Он выскользнул из постели, оставив спящую Натали, и прокрался в кухню, чтобы сделать себе кофе. В гостиной сидела Джен, она дремала в кресле с Изабель на руках.

— О, извини, — увидев его, прошептала Джен. — Она тебя разбудила?

— Вовсе нет, ничего не слышал. Она плакала?

— Угу. Тяжелая ночь.

— Хочешь кофе? — спросил он.

— На самом деле я подумывала пойти с ней погулять, может, удастся заставить ее поспать несколько часов. Хочешь пойти?

Они уложили вяло протестующую Изабель в коляску и покатили по подъездной дорожке. Над долиной поднималось солнце, но воздух был все еще прохладным, а трава — мокрой от росы. Пахло свежестью. Они дошли до дороги и повернули направо. Первый крутой участок подъема,

пару сотен ярдов, они преодолевали в молчании. Когда дорога выровнялась, они остановились перевести дыхание, и Эндрю спросил:

— Ты разговаривала с Дэном вчера вечером?

— Нет вообще-то. Я была в комнате у Лайлы, когда он вернулся. Он заглянул к нам на минутку. Лайле было очень нехорошо вчера вечером, так что нам с ним не удалось поболтать.

— О, извини. Я не знал, что ей было плохо вчера.

— Все в порядке. Она в конце концов заснула и, кажется, беспробудно спит до сих пор. Мне не давала спать Изабель, и я не слышала Лайлу. — Она повернулась и посмотрела на него. — Почему ты спрашиваешь? Про Дэна, я имею в виду?

— Мы с ним немного поссорились. — Он подумал, что лучше все ей расскажет, изложит ей свою версию, прежде чем она услышит версию Дэна, которая обречена быть приукрашена его воображением.

— Правда? Из-за чего?

— Вообще-то из-за тебя.

— Из-за меня? — рассмеялась она. — Что же я сделала?

Эндрю пожал плечами.

— Понятия не имею. Что ты сделала?

Джен на миг остановилась. Эндрю повернулся и посмотрел на нее.

— Эндрю, о чем ты?

— У нас был спор по поводу тебя. По поводу вас с ним, по поводу того, что он к тебе чувствует…

Ее глаза расширились, она выглядела потрясенной.

— Я не хочу говорить с тобой об этом, — резко сказала она, затем развернулась и поспешно зашагала прочь от него вниз по дороге, энергично толкая перед собой коляску.

Он позвал ее, немного нерешительно, но она не ответила, поэтому он продолжил путь один. Он шел долго, до самой вершины холма за домом, затем повернулся и зашагал обратно вниз, медленно, прокручивая все в голове: слова Дэна, странную реакцию Джен, болезненную реакцию. Что-то грызло его изнутри. «Дэн не любит регби, Дэн любит художественные галереи и японское кино». Он прошел три четверти пути с холма, когда увидел идущую ему навстречу Джен. Она была одна, без ребенка, и несла фляжку.

— Я подумала, ты захочешь чашку кофе, — крикнула она, увидев его. — И еще я подумала, что, пожалуй, нам надо поговорить.

Они сошли с дороги и стали карабкаться по

зеленой обочине, прошли через поле и вошли в лес. Они шли, пока не набрели на опушку, где сели, прислонившись каждый к стволу дерева. Джен налила им обоим по кружке сладкого черного кофе.

— Она опять говорила о нем вчера вечером, — сказала Джен. — Лайла. Она постоянно говорит о Коноре в лесу. Не имею представления, откуда это взялось. Он ведь даже не особенно часто бывал здесь, правда? Никто из нас не ходил сюда часто, разве что, может, за дровами.

Эндрю покачал головой.

— Не помню. Я думаю, она просто видит тени, видит движущиеся предметы. Так бывает, если долго смотришь на деревья, особенно ночью.

— Да, я имела обыкновение так себя стращать, когда жила здесь.

— А находясь здесь, с нами, она должна часто думать и о Коноре, разве не так? Воображать его себе.

— Наверно, так. — Она отпила кофе. Голова ее была опущена, волосы падали вперед, а когда она снова посмотрела на него, рот ее был сложен в твердую прямую линию. — Извини, что я сегодня так от тебя убежала. Я была немного… захвачена врасплох. Я не подозревала, что ты все знаешь.

Про меня. Про меня и Дэна. — На щеках ее горели два темно-красных пятна.

Она и Дэн. Было тихо, лишь легчайший ветерок вздымал сухие листья, да раздавались время от времени голоса птиц. Джен и Дэн. Дэн, который любит японское кино. Джен, которая солгала.

— Я ничего не знаю, — сказал он. — Про тебя и Дэна. А что надо знать?

— Забудь это, Эндрю, — сказала она, тряхнув головой. — Забудь, и все. — Она поднялась на ноги. — Идем?

— Нет, погоди. Что, по-твоему, я знал?

— Послушай, я вообще не понимаю, зачем мы об этом говорим. Ты сказал что-то насчет спора с Дэном по поводу меня. Может быть, я тебя не поняла. Это не имеет значения. Давай просто пойдем домой, ладно? Дэн присматривает за Изабель, я не хочу оставлять их надолго.

— Играет роль папаши?

Джен посмотрела на него таким взглядом, какого он не видел многие годы. В последний раз, когда он его видел, она так смотрела на Конора; обычно этот ее взгляд означал, что человек приблизился к опасной черте.

— Не глупи, Эндрю.

Он по-прежнему сидел у ствола дерева и смот-

рел на нее снизу вверх.

— Значит, ты и он. Ты и Дэн. Когда это случилось?

— Эндрю…

— Когда? В колледже? Здесь? Когда?

— В Лондоне, — тихо сказала она.

— В Лондоне? Когда, Дженнифер? Когда?

— За несколько месяцев до аварии.

Эндрю показалось, что под ним закачалась земля, он даже отставил кружку и положил ладони на влажную землю рядом с собой, как бы стараясь обрести устойчивость. Именно в этот момент он увидел кадр из прошлого, ярчайшее воспоминание, как он стоит возле станции метро после вечера в пабе и как Конор, нетвердо держась на ногах, смотрит на него с выражением раненого животного и повторяет: «Она мне солгала, Эндрю, она мне солгала».

— Ты хочешь сказать, что изменила Конору?

— Это была ошибка. — Голос ее звучал слабо, надломленно. Она стояла в нескольких футах от него, упершись взглядом в землю; возможно, она тоже ощущала ее колебания.

— Он знал? — Она переступила с ноги на ногу, отвернулась от него. Эндрю вскочил на ноги, схватил ее за локоть и грубо развернул лицом к

себе. — Джен, он знал? Он знал это перед смертью?

— Нет, — сказала она, — нет. Я не думаю… Нет, не знал.

— Ты так не думаешь или он не знал?

— Господи, Эндрю. Какое это теперь имеет значение?

Она заплакала. На долю секунды он ощутил прежний импульс подойти к ней, помочь: это была Джен, его младшая сестренка, девушка, которую он должен был защищать. Только доля секунды — и побуждение прошло.

— Какое это имеет значение? Как ты можешь так говорить? Проклятие! — закричал он на нее. — Все это время я так тебя жалел, зная, что твое сердце разбито, что ты из-за меня потеряла любовь всей своей жизни, а это была неправда. Это была неправда! И ты считаешь, что это не имеет значения? Это имеет значение для меня, Джен.

Он зашагал прочь от нее, прочь из леса; он слышал, как она плачет позади, и от этого ему захотелось ее ударить. Она побежала за ним, схватила его за руку, но он ее отдернул.

— Мое сердце и было разбито, — сказала она. — Конечно, было, черт побери. И я действительно

его любила, ты знаешь, что любила, не смей предполагать, что нет. Мы с Дэном совершили ошибку, одну глупую ошибку, вот и все. Ты не думаешь, что она мне дорого обошлась? Ты не думаешь, что она все усугубила? — Эндрю остановился на краю леса, глядя на ослепительный солнечный свет прекрасного августовского утра. Она стояла вплотную за ним, он слышал ее дыхание, частое и прерывистое. — Прости, Эндрю. Я знаю, что совершила ужасную вещь, знаю, что разочаровала тебя.

— Мы все… все мы… вели себя мерзко, так ведь получается? — сказал он. — Все не без греха.

Она издала резкий, сердитый вздох.

— Конечно. Ты что, всерьез думал, что можно дожить до таких лет и остаться безгрешным?

Он покачал головой.

— Возможно, я думал, что мы могли бы быть лучше.

— Ох, Эндрю. Лучше, чем что? Ты прожил хорошую жизнь, также и Нат. Также и Дэн, если уж на то пошло. Черт, ошибки, совершенные нами двадцать лет назад, это всего-навсего ошибки, совершенные нами давным-давно. Это не какие-то несмываемые пятна.

Он обернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты можешь считать меня глупым, или наивным, или еще каким-то, но правда состоит в том, что я разочарован. Я разочарован в тебе. В себе. Я разочарован во всех нас.

Джен зарылась руками в волосы, она выглядела другой, усталой, постаревшей лет на десять.

— А он когда-нибудь разочаровывал тебя, Эндрю? Скажи мне, совершал ли Конор когда-нибудь что-нибудь, на твой взгляд, нехорошее или неблагородное? Был ли он святым? Знаешь, мне кажется, в какой-то момент ты его канонизировал. Всегда ли он поступал безупречно?

— Нет. Конечно, нет, но он не предавал тебя, Джен.

Она взяла его за руку, стиснула ее, потом отпустила.

— Нет, не предавал, это правда. — Она опустила голову, подбородок почти касался груди. — Мне жаль, что я недотянула до твоих стандартов, Эндрю. Но иногда я задаюсь вопросом, может ли кто-нибудь до них дотянуть. — Он принялся было возражать, но она его остановила. — Я никогда не просила тебя быть за меня ответственным. Я думаю, пора тебе перестать думать обо мне как о своей младшей сестренке. Мне не нужно, чтобы ты меня оберегал. И мне также не нужно,

чтобы ты меня судил. — Она прошла мимо него и вышла на солнечный свет, а потом обернулась и посмотрела на него. — Ты знаешь, я ведь именно поэтому уехала. Я не могла, после того что сделала, находиться среди вас, жалеющих меня, сочувствующих.

Она стала спускаться с холма, с флягой в руке, с рассыпавшимися по спине длинными волосами, и снова была молодой. Эндрю сморгнул слезы с глаз и чуть прищурился; он мог бы вот так же смотреть на Джен двадцать лет назад.

Он долго сидел в лесу, вглядываясь в самую его сердцевину, в темноту, нелепым образом надеясь, что, как Лайла, сможет ухватить взглядом старого друга. В тени было прохладно, и если ты сидел неподвижно достаточно долго, начинала давать о себе знать другая жизнь, какие-то существа сновали в подлеске, перекликались на верхнем ярусе птицы, тащились по листьям насекомые. Его охватило медитативное, магнетическое состояние. Он не знал, сколько времени просидел так — у него не было с собой ни часов, ни телефона, но, по-видимому, достаточно долго. Он почувствовал, как его кровь начинает остывать, какая-то часть гнева и чувства вины улетучилась. Осталось что-то похожее на грусть, смутное

недовольство. И еще — ощущение собственной глупости, ощущение, что он был наивен, идеалистичен, хуже того — лицемерен. Он смотрел на всех через розовые очки, а потом их содрали, и теперь мир выглядел серым.

В конце концов он услышал приближающиеся шаги, и ему сделалось по-настоящему страшно, пожалуй, он все-таки ожидал увидеть призраков. Однако это была Нат, она пошла его искать.

— Я начала беспокоиться, — сказала она, тихонько садясь рядом с ним. — Джен сказала, что, возможно, я найду тебя здесь. Она не сказала почему. — Эндрю не мог заставить себя что-то объяснять, ему не хотелось ей говорить. — Ты думаешь о Лайле? — спросила Нат, беря его под руку и притягивая чуть теснее к себе.

— Нет, не то. — Он глубоко вздохнул. — Я думал о том, что мне следует отправиться домой с девочками в понедельник.

— Вот как.

Они планировали отослать детей на неделю к родителям Натали, а сами Эндрю и Нат должны были вернуться домой на следующей неделе, когда начнется школьный семестр. Но он не был уверен, что сможет хотя бы день вынести пребывание рядом с Джен и Дэном, не говоря уже о

десяти днях.

— Я не уверен, что нам стоит отправлять их обратно одних, — сказал он, глядя прямо перед собой и избегая смотреть на жену. — Им здесь пришлось нелегко, ты не находишь? Я знаю, они отлично справились, со всеми общались и хорошо переносили здешнюю ситуацию с больной Лайлой и все такое, но, думаю, будет лучше, если я поеду с ними обратно, пусть побудут дома перед началом семестра.

— Ты, вероятно, прав. Поедем в понедельник. Я объясню Лайле, она поймет. Я всегда смогу приезжать на выходных, чтобы проводить с ней время.

— Нет, — сказал Эндрю, высвобождаясь от ее руки и поднимаясь на ноги. — Я не это имел в виду. Я имею в виду, что лучше мне повезти девочек домой. А ты оставайся здесь. Так будет лучше. — Он никогда не умел ей лгать, так почему бы не сказать правду? — Мне бы хотелось некоторое время побыть одному.

— Вот как. — Наступившее молчание растянулось, казалось, на несколько дней. — Ты имеешь в виду, некоторое время вдали от меня. — Она взглянула на него снизу большими зелеными молящими глазами.

— Да, — сказал он и увидел, как она вздрогнула, словно от боли, и это ударом ножа отозвалось в его груди. — Мне нужно некоторое время побыть вдали от тебя. — Он протянул руку, чтобы помочь ей встать, но она отмахнулась. Когда она поднималась на ноги, он увидел боль в ее лице. Они молча пошли обратно к дому.

Накануне отъезда он повел Лайлу на ленч. Они поехали в Динь-ле-Бен[33] и там, сидя в кафе, на пропитанной солнцем террасе с видом на реку Блеон, ели устриц. Лайла выпила три бокала шампанского и после ленча заявила, что ей хочется пройтись, так что они неторопливым шагом прогулялись вдоль реки. Она тяжело опиралась на его руку, останавливаясь через каждые десять шагов, чтобы отдышаться. Через несколько сотен ярдов они подошли к скамейке, где сели и стали смотреть, как мама-утка заботливо подгоняет своих утят с берега в воду.

Лайла положила голову на плечо Эндрю и вложила свою худую маленькую руку в его ладонь. Ее кожа была на ощупь сухой и бумажистой, как старый пергамент.

— Что происходит, Дрю? — спросила она его и,

---

[33] Примечания: 33

Один из старейших во Франции бальнеологических курортов, находится в Провансе.

прежде чем он успел ответить, продолжала: — Не говори, что ничего, потому что я не дура. Твои дела с Нат совсем плохи, и так было с тех самых пор, как вы сюда приехали. А теперь ты уезжаешь раньше, без нее. И не думай, будто я не замечаю, что происходит у тебя с Джен — всякий раз, как она входит в комнату, ты выходишь. И всякий раз, как в комнату входит Дэн, твои челюсти напрягаются, а руки сжимаются в кулаки. Ты злишься на всех. На всех, кроме меня, что создает приятное разнообразие. — Она крепче прижалась к нему и закрыла глаза. — Но я не хочу, чтобы ты уехал в таком настроении, таким сердитым. Расскажи мне, пожалуйста, а?

И он выложил ей все. Свой иррациональный гнев из-за того, что Дэн купил дом, и гнев этот теперь выглядел совсем не иррациональным, потому что он оказался прав в отношении скрытых мотивов. Рассказал об истории с Джен, которая — он это понимал — совсем его не касалась, но он не мог ощущать ее иначе, чем как предательство его самого, не мог не чувствовать себя оскорбленным, взбешенным от имени Конора. И от своего собственного имени тоже, потому что чувствовал себя одураченным. Ведь получалось, что он провел все эти годы, заботясь о женщине, которая

на самом деле не существовала. Лайла, широко раскрыв глаза, рассмеялась.

— Ты что, думал, Джен идеальна? Да брось ты, Эндрю.

— Ты знала?

— Нет. Черт, я не знала об этом. Я знала, что Дэн был малость одержим ею… Он постоянно о ней говорил — ты, вероятно, этого не помнишь, но после нашего с тобой разрыва я некоторое время жила у него.

— Я помню.

— Ну, он тогда постоянно разглагольствовал о ней, он говорил о ней все время. Впрочем, тогда это не казалось таким странным, мы все беспокоились о ней, и было очевидно, что он всегда чувствовал что-то по отношению к ней. Хотя я не думала, что это было взаимно. Я никогда не думала, что она может… ну, ты понимаешь. Я понимаю, почему ты потрясен, почему ты расстроен, я бы никогда не подумала, что Джен может сбиться с пути истинного. Но тем не менее. Она это сделала. Она совершила ошибку.

— Именно так она и сказала.

— И она права. Дрю, милый мой, ты знаешь, как я тебя люблю, но ты устанавливаешь невозможно высокие стандарты…

— Это она тоже сказала, — ответил Эндрю. — Но откровенно говоря, я не думаю, что это «невозможно высокий стандарт» — требовать от кого-то, чтобы он не изменял своему партнеру с одним из его близких друзей.

Лайла посмотрела на него с ленивой улыбкой, приподняв бровь.

— Со мной все было по-другому, Лайла.

— В самом деле? Лучше или хуже?

— Так сложились обстоятельства.

— Дрю. Обстоятельства есть всегда. И даже когда нет обстоятельств, разве ты никогда не совершал по-настоящему глупой ошибки?

— Тебе очень хорошо известно, что совершал.

— Ладно. Я тоже, как тебе хорошо известно. Я совершила их сотни. Может, тысячи. Так что действительно ли это так ужасно, то, что она сделала? Подумай, если бы не то, что случилось потом, если бы мы не потеряли его таким ужасным образом, мы все могли бы видеть вещи в несколько другом свете, правда? И, конечно же, Джен не знала, что это произойдет, верно? Только попытайся представить, насколько тяжелее это для нее.

Он посмотрел на нее, на ее клочковатые светлые волосы, на ее заострившиеся черты.

— Когда ты стала такой мудрой и рациональной? — спросил он.

— Надвигающийся конец, — сказала она с улыбкой, — дает человеку перспективу. — Она немного дрожала; он снял пиджак и накинул на нее.

— Хочешь, поедем домой?

— Нет, не хочу. Я хочу сидеть здесь с тобой, на солнышке, пока мы все это не разберем. На самом деле я бы с удовольствием сидела здесь, на солнышке, вечно, если бы была такая возможность.

Он почувствовал, как на глазах у него закипают горячие слезы. Сморгнув их, он притянул ее к себе и поцеловал в макушку.

— Самое главное во всем этом, Эндрю, это что Конор ничего не знал.

— Она не была уверена насчет этого…

— Но мы бы знали, если бы он знал, согласись? Начать с того, что он бы отделал Дэна по первое число. И он бы сказал тебе. Разве ты не помнишь, — спросила она, снова открывая глаза и глядя на него, — в день аварии, когда мы были в пабе и они целовались на стоянке, я крикнула Джен, чтобы она поторопилась? Помнишь это? Они бы не вели себя так, он бы не целовал ее так… — Лайла была права. Конечно, она была

права. Конор не знал. Он не мог знать. — Так что она разочаровала и разозлила тебя, но не его. Он умер, думая, что она любит его точно так же, как всегда любила. И даже если она любила его меньше — а мы не знаем, так это или нет, — но даже если не любила, это не имеет значения. Значение имеет только то, что он знал.

— Значит, — сказал он, откидываясь на спинку скамьи и подставляя лицо солнцу, — не имеет значения, что ты делаешь, а имеет значение только то, застукали тебя или нет? Это ты хочешь сказать?

— Именно это я хочу сказать.

Она шутила, но в ее словах была логика, особая логика, свойственная Лайле. Значение имело только то, что Конор, заканчивая жизнь, не чувствовал, что потерял Джен.

— В любом случае, — сказала Лайла, и голос ее начал немного замедляться, а язык — слегка заплетаться, — все это дело второстепенное. Ты уладишь дела с Джен и Дэном, и даже если не уладишь, это не конец света. Но вот то, что у тебя с Нат, — это серьезно. Вот это действительно имеет значение.

Они посидели так еще немного, пока она не уснула. Эндрю подхватил ее на руки и отнес в ма-

шину; она не проснулась вплоть до того момента, когда Зак на руках вынес ее из машины.

Именно Зак спустился за Эндрю в тот же день поздно вечером.

— Она зовет тебя, — сказал он.

В ее комнате было темно, она освещалась только падающим из окна серебряным светом луны. Лайла полулежала на подложенных подушках, укрытая одеялами и покрывалами.

— Не зажигай свет, — прошептала она, когда он вошел в комнату, — у меня болит голова.

— Лайла, — мягко сказал он, — мы можем поговорить утром, перед моим отъездом.

— Нет, — прошептала она. — Нет-нет. Я могу не проснуться.

— Лайла…

— Я не имею в виду, что я умру, идиот. Я просто хочу сказать, что иногда мне требуется целая вечность, чтобы раскачаться утром, а тебе надо ехать рано, а я не хочу оставлять дела как они есть. Я хочу, чтобы ты сказал мне, как дальше будешь с Натали.

Голова его упала на грудь.

— Не знаю. Что-то сломалось… Я… мы что-то сломали. Мы с ней, я имею в виду, не мы с тобой. Мы что-то сломали, и я не знаю… не знаю, есть

ли у меня силы это починить. Я чувствую себя так, словно больше не могу бороться. Я всегда все скреплял, удерживал от распада, понимаешь? Я не уверен, что способен на это теперь.

— Эндрю. — Голос Лайлы был больше похож на выдох. — Тебе не надо постоянно быть таким сильным. Ты не несешь ответственности за всех.

— Она так говорит, ты так говоришь, Джен так говорит… — Голос его оборвался, ему казалось, что он сейчас заплачет, и он не понимал почему. — У меня ощущение, что я потерял себя где-то в тот уик-энд перед Рождеством и в последующие недели. Я думаю, что очень сильно зависел от того, каким видит меня Нат, от того, какова наша совместная жизнь. Ты знаешь, что она мне сказала, Лайла? Что не хочет больше быть моим наказанием. Я не знаю, что с этим делать. Она говорит такие вещи, она говорит о нашей жизни так, словно она была нехороша, и я просто не знаю, что ответить. Это так, будто мы с ней все это время жили в каких-то разных браках, как будто мы жили не одной и той же жизнью.

— Некоторые вещи… — Она запнулась, голова упала, пальцы прижались к вискам.

— Лайла?

— Болит.

Он придвинулся ближе к ней, обнял за плечи и прижал к груди.

— Некоторые вещи говорятся в гневе. Но, Эндрю, в тебе есть что-то такое… — Она перестала говорить и глубоко задышала.

— Лайла, тебе нужно лечь, нужно отдохнуть сейчас. Мы договорим завтра.

— Нет-нет! — вместо голоса у нее раздавалось шипение, хриплый шепот, как у старухи. — Мы должны разобраться с этим, ты должен разобраться с этим. Какая-то часть твоего существа настроена только на искупление вины, и она это видит. Ты сделал достаточно. Ты заплатил свою цену. Теперь остановись. Сейчас ты исчерпан. Ты все сделал правильно. Ты женился на такой женщине! И она тебя любит. Ты вырастил красивых умных дочек. Они — лучшая часть вас обоих, эти двое, они энергичны, они умны, они красивы. Ты усердно работал. Ты прожил хорошую жизнь. — Она сидела, прижавшись к нему лицом, и ее слезы намочили ему рубашку. — Я тебе завидую. Как жаль, что я не прожила такую жизнь, как у тебя. Я все время собиралась совершить что-нибудь правильное, но как-то так и не собралась. Ну не глупо ли?

Они сидели в темноте, он обнимал ее и негром-

ко говорил о том, что она сделала правильно: о том, как она любила людей, беззаветно, безудержно, о том, как заботилась о своей матери, говорил о ее щедрости. Он не был уверен, что она слушает, не был даже уверен, что она его слышит, но наконец плач прекратился, ее тело обмякло, и она уснула у него на руках. Высвободившись из ее объятий и осторожно поднявшись с кровати, он долгое время стоял у двери, наблюдая за ней. Ему было страшно уходить, потому что он был уверен, что уже никогда ее не увидит.

19 июля 2013 г.

Дорогой Дрю!

К этому времени ты уже знаешь, Натали должна была тебе сказать. Не грусти. Ну, ты можешь немножко погрустить, но не слишком долго. Как я все время говорю Заку, я все равно не слишком преуспела в чем-либо.

Смейся. Ты должен смеяться.

Это письмо только для тебя. Не показывай его никому и, если ты зачитываешь его вслух за семейным завтраком, ради бога, остановись.

Пусть это будет только между нами.

Я хотела сказать тебе об этом прежде, чем мы снова соберемся все вместе, прежде, чем твоя жена сядет у моей постели. Я хотела сказать тебе, что прошу меня простить, но что я ни о чем не жалею. Что я ни на что не променяла бы той ночи в отеле. Ну ладно, это неправда. Я бы променяла ее на отсутствие опухоли в мозгу или на жизнь Конора. Не так уж много есть вещей, на которые я бы ее променяла.

Я не жалею об этом, потому что то, как мы с тобой расстались, было ужасно неправильно, а эта ночь неправильной не была. В ней ощущалась дружба, в ней ощущалась любовь, было ощущение того, что нам по двадцать одному году. И за это, милый Дрю, я благодарна.

Пожалуйста, не рассказывай ей.

Надеюсь скоро тебя увидеть.

С любовью,

Лайла

Глава сорок восьмая

Сентябрь 2013 г.

Отдыхающие уехали, пляжные бары закрылись, они собрали свои столы, стулья и шатры и ушли туда, куда все они уходят до следующего лета. Следующее лето. Земля обетованная.

Лайла, Натали и Джен были одни на пляже, если не считать немногих пенсионеров, шаркающих по песку или сидящих на набережной и кормящих чаек. Подруги нашли себе укромное местечко на самом дальнем конце полоски бледно-желтого песка, и Джен с Нат взяли пляжную ширму для защиты от ветра, хотя дул всего лишь легкий бриз. Но все равно так было приятнее, это давало ощущение того, что они одни в мире, и компанию им составляют только песок, вода да чайки. Лайла сидела в шезлонге, ноги ее были прикрыты полотенцем. Ей было уже нестерпимо на них смотреть.

— Как у цыпленка, — сказала она Натали. — Я выгляжу точно как цыпленок.

Когда накануне утром она встала на весы, то весила девяносто семь фунтов.

— И по крайней мере три фунта от этого состав-

ляет опухоль, — сказала она.

Ее уже клонило ко сну — они встали рано, чтобы поехать на пляж. Поездка должна была продлиться целый день, и Джен с Нат не были уверены, что это хорошая идея. Лайла, однако, настояла. Последнюю пару дней она чувствовала себя немного крепче, и ей хотелось воспользоваться хорошими днями, она была полна решимости сделать это. И, кроме того, ей хотелось провести драгоценное время с девочками: в выходные Зак вернется из Лондона, а Нат в понедельник уедет, так что кто знает, когда их троица снова соберется вместе. Да и соберется ли вообще?

Джен выглядела встревоженной. Она то и дело проверяла свой телефон. Это был первый раз, когда она оставила дочку больше чем на час или два, и оставила она ее с Дэном.

— С Дэном, подумать только, — волновалась она. — Он, наверно, увлечется своим писанием и напрочь про нее забудет. К тому времени как мы вернемся домой, она будет вопить, мокрая и голодная.

Натали завела глаза кверху.

— Глупости. Он и не приступит к работе, будет весь день сидеть с ней, агукая и строя смешные рожи. Мне кажется, я никогда не видела мужчи-

ну, так очарованного младенцем. Эндрю никогда так не сюсюкал с нашими.

— Из него выйдет хороший папочка, — сказала Лайла. Джен резко посмотрела на нее. — Я не говорю, что обязательно для Изабель. Господи, ты такая чувствительная. Я говорила вообще. Хотя, если уж зашла речь, он, вероятно, был бы хорошим отцом для Изабель. Я просто хочу сказать, что, когда с ним это случится, у него хорошо получится.

— Я не уверена, однако, что с ним это случится, — сказала Натали, бросая искоса взгляд на Джен. Джен либо его не заметила, либо предпочла проигнорировать. Нат подождала пару секунд, а затем спросила: — Как ты думаешь, с ним это случится?

— Откуда я знаю? — сварливо спросила Джен. — Почему ты меня спрашиваешь?

Нат с виноватым лицом посмотрела на Лайлу, которая лишь засмеялась.

— Почему, как ты думаешь, она тебя спрашивает? Ты ведь понимаешь, что тайна Дэна и Джен вышла наружу?

— Нет никакой тайны Дэна и Джен, — пробормотала Джен.

— Ну, если ты так говоришь, — лукаво сказала

Лайла, закрывая глаза и снова откидываясь в своем шезлонге.

Когда она снова открыла глаза, Джен сидела неестественно прямо, сдирая лак с пальцев на ногах, а между бровями у нее залегла глубокая морщина.

— Джен, — сказала Лайла. — Остынь. Мы просто шутили.

— Это не смешно, — сказала та.

Лайла бросила взгляд на Натали, которая пожала плечами.

— О, брось ты. Из-за чего ты так беспокоишься? Из-за Эндрю? Ничего не поделаешь, ему придется это пережить.

— Не в этом дело, — сказала Джен, качая головой и щурясь на море. — Проблема в другом. — Она помолчала несколько мгновений, глядя на горизонт, потом заслонилась рукой от солнца. — Просто это трудно. Все трудно. Да, у меня есть чувства к Дэну, но я просто не знаю, могу ли я быть с ним. Это сложно.

— В каком смысле? — спросила Натали. — Это не связано с Николя?

— Боже, нет. Если я не увижу его до конца своих дней, ничего ужасного не произойдет. — Едва произнеся эти слова, она метнула на Лайлу

встревоженный взгляд. Лайла с улыбкой покачала головой. Теперь такое случалось часто. Они краснели при словах «до конца своих дней», они нервничали, если кто-то говорил: «Да я скорее умру, чем…» Конечно, это было мило с их стороны, но также действовало Лайле на нервы.

— Тогда в чем дело? Причина в Изабель? Потому что, говорю тебе серьезно, кажется, он действительно ее обожает, и дело не только в том, что она ему в новинку и ему весело с ней играть.

— И давайте взглянем правде в глаза, — сухо заметила Лайла, — с ней не так уж весело играть пока что.

— Лайла! — укорила ее Нат.

— Нет, это правда, — признала Джен. — С ней действительно пока еще не так уж весело.

— Как бы там ни было, — со вздохом сказала Натали, — я имела в виду, что он рад выполнять и скучные обязанности. Я легко вижу его меняющим памперсы, и натирающим яблоки, и встающим среди ночи, если ты слишком устала.

— О, я знаю. Знаю. Я думаю, у него хорошо получатся все домашние дела. Честно говоря, я даже не рассматривала практические вопросы, я вовсе не потому…

— Раздираема противоречиями? — подсказала

Лайла.

— За неимением лучшего слова.

— Ты его не любишь? — предположила Нат.

— Любит, — сказала Лайла. — Я видела, как она на него смотрит.

Забавно, но Лайла заметила одну особенность: когда ты болен, люди становятся менее осторожны в твоем присутствии. Ну, то есть в некотором отношении они ведут себя более осмотрительно: всякое обсуждение здоровья, или смерти, или планов на следующий год были у ее друзей под негласным запретом. Но она чувствовала, что порой они словно забывали о ее присутствии, о том, что она наблюдает, быть может, потому, что она вела себя тихо, неподвижно, словно некий предмет мебели. В любом случае она видела, какими взглядами обменивались между собой Дэн и Джен, как соприкасались их руки, когда они передавали друг другу Изабель, то, как смотрела на него Джен, когда он сидел у окна гостиной, записывая что-то в записную книжку. Тут невозможно было ошибиться.

Джен оставалась безмолвной, она продолжала разрушать свой педикюр.

— Так в чем же тогда дело? — спросила Натали. — Если дело не в практических вопросах и ты

испытываешь к нему какие-то чувства, тогда…

Джен бросила на нее взгляд, лицо ее было мрачно.

— Есть вещи, которых ты не знаешь. Которых никто не знает, — сказала она.

— Звучит зловеще, — сказала Лайла. — Но если ты говоришь о том, что было у вас с Дэном, Эндрю мне рассказал. А я рассказала Нат. Так что все мы знаем об этом. То есть мы не знаем подробностей… но не думаю, что нам надо их знать…

Натали, заметив выражение лица Джен, сказала:

— Ты не обязана говорить нам, если не хочешь.

— Она хочет, — сказала Лайла.

— Лайла!

— Если не сейчас, то когда? Скажи мне, это может помочь.

— Я забеременела. — Джен выпалила это так громко, что все они подскочили. — Извините, — прошептала она. — Я забеременела.

— Ты имеешь в виду до Изабель? — спросила Лайла.

— Ясное дело, — сказала Натали, взглядом останавливая Лайлу.

— Да. — Джен положила подбородок на коле-

ни и закрыла глаза. — В девяносто шестом. За несколько месяцев до аварии. Я сделала аборт. Конор об этом не знал.

— О! — выдохнула Натали.

Лайла некоторое время молчала, потом сказала:

— И все? Я не понимаю. То есть я понимаю, что это не очень симпатично и все такое, но каким образом это влияет на тебя сейчас, как это влияет на тебя и?..

— Я не знаю, — сказала Джен. Она подняла на них глаза, сгорая от стыда. — Это звучит как самая отвратительная вещь на свете, самая ужасная, чудовищная вещь…

— Нет, Джен, это не так.

— Я не знала, кто был отец. Черт подери, Лайла, конечно, это звучит ужасно, это звучит так, словно меня должны показывать в шоу Джереми Кайла.

Лайла рассмеялась.

— Тебе далеко до шоу Джереми Кайла, голубка, ведь отцом твоего ребенка не был ни твой брат, ни твой кузен. Ты спала с двумя мужчинами, к обоим из которых питала чувства и по крайней мере в одного, а возможно, и в обоих, была влюблена. Вряд ли это тема для большого скандала.

Натали немного подвинулась назад, так что все трое могли сидеть лицом друг к другу, в крохотном замкнутом кругу.

— Джен, почему ты ничего нам не сказала? Мы могли бы тебе помочь.

— Нат, ты пришла бы в ужас. Я сама пришла в ужас. Мне было стыдно. — Она глубоко вздохнула. — И, честно говоря, я даже не позволяла себе думать об этом. Я узнала о беременности, записалась к врачу и как можно скорее все проделала. Я даже не давала себе возможности лишний раз подумать об этом, потому что это было невыносимо. Но сейчас… Вы же знаете, как Дэн относится к семье, что он думает о своем детстве, о том, как был лишен семьи? И когда я думаю о своей совместной жизни с ним… смогу ли я пойти на это, ничего ему не рассказав? Я имею в виду, что рассказать ему об этом было бы ошибкой, это было бы ужасно, потому что тогда он будет знать, что был лишен того ребенка, или по крайней мере будет задаваться таким вопросом. Но если не рассказывать, то как начинать совместную жизнь с обмана?

В ее речь вмешалась Лайла.

— Не смей ему говорить. — Голос ее прозвучал почти угрожающе. — Никогда ему не говори.

Ничего, абсолютно ничего хорошего не может из этого выйти.

На солнце набежало облачко, на несколько секунд сделалось прохладно, затем тень ушла, и опять стало тепло. Джен снова заговорила:

— Я так давно хотела вам рассказать. Не потому, что хотела, чтобы вы все узнали о моем отвратительном поведении, а потому, что это могло бы помочь всем понять, что произошло после, почему я сбежала.

— Ты не должна была объяснять… — начала было Натали, но ее перебила Лайла:

— Нат, дай ей сказать. — Джен улыбнулась ей и взяла за руку.

— Я ведь думала, — сказала она, бросая еще один взволнованный взгляд на Лайлу, — что еще будет время искупить свою вину. Вину перед Конором. Загладить то, что я сделала, пусть даже… пусть даже он не знал об этом. Я подумала, что будет свадьба, ребенок. Другой ребенок. А потом ничего этого не было. Все ушло. Та жизнь, которая, я думала, меня ждет, просто отменилась. — Она перевела дух и обхватила лицо руками, как делают женщины, когда стараются не плакать. — Это одна причина, и она уже достаточно скверная, но самое худшее, то, чего я никак не могла пере-

жить, это как небрежно я к этому отнеслась, как беспечно. За несколько месяцев до его смерти я предала его и избавилась от его ребенка, как от какого-то пустяка. Я относилась к тому, что имела, как к чему-то несущественному. К такому, что можно заменить. Как будто бы его, Конора, можно было заменить. — Она так сильно сжимала руку Лайлы, что той было больно. — Долгие годы я не могла себе этого простить. Я чувствовала, что заслужила все то, что получила, что я заслужила свое одиночество, свое наказание. А сейчас я постоянно думаю, что было бы, если бы я осталась, если бы не сбежала? Может быть, все было бы по-другому, может быть, я могла бы…

— Могла бы что? Удержать нас всех вместе? — Лайла покачала головой. — Нет, ты не могла бы, Джен. Ты думаешь, что, если бы ты была рядом, Эндрю и Нат не полюбили бы друг друга, или Дэн не снял бы свой фильм, или не произошел бы миллион других вещей, которые нас разделили? Нам было двадцать с чем-то, ради всего святого. Редко кто остается в дружеских отношениях с людьми, которых любил в двадцать лет. И если остается, значит, очень повезло. Откровенно говоря, я думаю, это чудо, что мы все разговариваем друг с другом.

Они молча посидели минуту-другую, затем Лайла нарушила молчание:

— Помни, что я тебе сказала, Джен. Не смей говорить Дэну о ребенке. И Эндрю тоже не говори. Для них это иначе, они не поймут. И Дэн будет считать это потерей, неважно, что ты не знаешь, чей это был ребенок, и неважно, что, даже если ребенок был его, он, вероятно, не захотел бы его в двадцать четыре года. Ты не обязана быть честной во всем, когда находишься в отношениях, Джен. Если правда — это единственное, что удерживает тебя, выбрось ее из головы.

…Джен пошла поплавать, Нат пошла купить всем мороженого, Лайла задремала на солнышке, наблюдая, как пятна оранжевого и вспышки пурпурного чертят узоры в темноте. Затем последовала вспышка слепящего, мучительного белого.

Она проснулась как будто с похмелья, голова болела, руки тряслись, на периферии зрения колыхались белые линии. Она попросила свое мороженое.

— Я его съела, — робко ответила Нат. — Ты спала три четверти часа. Хочешь, я схожу и куплю еще?

— Просто воды было бы неплохо.

Нат вручила ей бутылку. Глотать было больно; уж не подхватила ли она инфекцию или, может, просто уснула с открытым ртом?

— Джен все еще плавает?

— Нет, она пошла прогуляться на другой конец пляжа. Думаю, пошла поискать, где бы пообедать. Ты хочешь есть?

— Не особенно, — сказала Лайла. Мысль о том, чтобы встать и дойти до ресторана, вызывала в ней усталость. Черт, даже мысль о том, чтобы пережевывать пищу, вызывала в ней усталость. Если бы можно было остаться здесь, на солнышке, это было бы хорошо.

— Сядь, посиди со мной, Нат, — попросила она.

Натали придвинула свой шезлонг так, чтобы они сидели бок о бок. Лайла прильнула к ней и прошептала:

— Ты должна уладить это, Нат. Свое расхождение с Эндрю. Ты должна его уладить.

— Мы уладим, Лайло. — Натали похлопала Лайлу по руке. — Не беспокойся о нас.

— Не надо этой снисходительности, Натали, — огрызнулась Лайла, отдергивая руку. — Я говорю серьезно.

— Я знаю. Я знаю. Я сделаю… я ведь не могу обещать, верно? Но я сделаю все, что в моих силах.

— Этого недостаточно. Ты должна мне обещать. Ты должна уладить это ради меня.

— Лайла, не расстраивайся. Все будет хорошо. Мы не собираемся разводиться. Довольна? Ничего плохого не случится. Нам просто надо проработать некоторые вещи и надо найти способ это сделать, мы должны найти на это время. Это, видишь ли, не так-то просто, когда он много работает, а я занимаюсь девочками, и всегда так много дел дома.

— Не надо. Не говори так, не заявляй, что у вас нет времени это уладить, уладить самую важную вещь в вашей жизни.

— О'кей. Ты права. — У Натали был взволнованный вид; она пристально вглядывалась в лицо Лайлы. — Лайла, ты не хочешь идти?

Лайла покачала головой, отпила еще глоток воды из бутылки. Она чувствовала, как будто песок у нее под ногами движется, а горизонт опрокидывается. Качать головой не стоило, ей следовало об этом помнить.

— Я должна тебе кое-что сказать, — прошептала она.

— Что именно, Лайло?

— О той ночи, в декабре, в гостинице.

— Не надо, Лайло. Все в порядке.

— Я хочу рассказать тебе…

— Я не хочу этого знать. — Натали протестующе подняла руку.

— Ты никогда не была его наказанием, — сказала Лайла.

— Что?

— Я сказала, ты никогда не была его наказанием. — Она отпила воды и посмотрела вдаль, на море. Горизонт встал на место. Натали стояла и рылась в корзинке, пытаясь что-то найти. Что именно? Что ей там нужно? Лайла должна была что-то сказать, она никак не могла вспомнить, что именно.

— Вот оно, — сказала Нат, укутывая одеялом плечи Лайлы.

Вот оно, теперь она вспомнила. Одеяло на ее плечах. Только тогда она была перед камином, а не на пляже.

— Я не скажу, что ничего не случилось, — сказала Лайла, — потому что это было бы неправдой.

— О, Лайла. Пожалуйста, не рассказывай мне.

— Я пыталась, — хрипло прокаркала Лайла, игнорируя мольбы Натали, — его соблазнить. — Она издала звук, полусмех-полукашель. — Я знаю, что я омерзительна. Омерзительна.

— Нет, Лайла…

— Да. Я так злилась на тебя, так злилась, Нат. — Натали сидела рядом с ней, они держались за руки. — Это был такой бурный день. А потом снежная буря, я шла сквозь метель, я так замерзла, мне было так страшно. — Она поднесла пальцы Натали к губам и поцеловала их. — Это была не просто озлобленность. Я вспомнила, как сильно я его любила. Вспомнила, как много он когда-то для меня значил.

По щекам Натали текли слезы, или по крайней мере так казалось Лайле, но она не была уверена, потому что не могла ясно видеть, все выглядело не в фокусе, словно мерцающем, как если бы она смотрела сквозь знойное марево или выгнутое стекло.

— Я выпила слишком много вина, я хотела быть с ним. Он отказался. Он позволил мне поцеловать его, один раз, а затем отдернулся. Он не хотел меня, он совсем меня не хотел.

— Ш-ш-ш, Лайла.

— Это правда. Он сказал мне, что никогда меня не любил…

— Лайла! Это неправда, он, конечно же, тебя любил, я знаю, что любил.

Лайла ей улыбнулась.

— Ну, а он говорит, что нет. — Она почувствова-

ла, что у нее в голове проясняется; с моря подул ветерок, и она вдруг почувствовала себя лучше, лучше, как по волшебству, как будто бы могла встать на ноги, могла побежать. — Он был совершенно уверен, что никогда меня не любил.

Итак, это была ложь. Как она ранее говорила Джен и Эндрю, как она постоянно и многократно для себя открывала, правде придавалось преувеличенное значение. Правда же состояла в том, что тот поцелуй длился слишком долго, и когда Эндрю отстранился, он отстранился лишь на секунду-другую, а затем она поцеловала его снова, и на сей раз он ей позволил. И не просто позволил: он подхватил ее на руки, одеяло упало с нее, и с него тоже. Он опустил ее на кровать и накрыл своим телом. Такова была правда. Это была та разновидность физической измены, которая происходит иногда, когда былые любовники снова сходятся вместе. Это была дружба, это было раскаяние, исцеление, страсть. Это не было любовью, это не было той любовью, которую он питал к Натали и которая, как чувствовала Лайла, единственная имела для него значение.

Натали теснее прижалась к ней, и Лайла взяла одеяло, которым была прикрыта, и накинула его на подругу; они были как две старые дамы,

сидящие на пляже в ожидании заката. Они долго сидели молча, пока Лайла наконец не заговорила:

— Ты должна с ним помириться. Не говори, что ты не можешь мне обещать, потому что ты можешь.

— Хорошо.

Лайла не была уверена, но у нее было ощущение, что температура падает, что небо темнеет. Во рту пересохло, она не могла вспомнить, куда дела бутылку с водой.

— Где, черт побери, Джен? Я устала, Нат. Я так устала. Я готова ехать.

Вторник, 10 сентября 2013 г.

Привет, красавица!

Надеюсь, у тебя все в порядке. У меня работа до четверга, я собираюсь вылететь вечером в четверг, но если не получится, то тогда в пятницу, самым ранним рейсом. Я звонил сегодня утром, Дэн сказал, ты с девочками поехала на пляж. Надеюсь, ты себя не перегружаешь. Сбереги немного энергии для меня, хорошо? Потому что я скучал по тебе эти последние дни. Я скучаю по твоей сладостной

улыбке.

Я люблю тебя, Лайла, я люблю тебя.

Увидимся очень скоро.

Зак

Глава сорок девятая

Лайла умерла в четверг днем, чуть раньше четырех, когда солнце еще высоко стояло в небе.

Джен увидела, как Натали поспешно собирает вещи и машет ей, чтобы она поторапливалась. Что-то случилось, пока она бродила по пляжу.

— Надо ехать, — крикнула Натали, и Джен пустилась к ним бегом. — Что-то не в порядке.

Лайла по-прежнему сидела в шезлонге, но кренясь на одну сторону, свесив голову вперед и водя пальцами по песку, точно марионетка без кукольника.

— Хорошо, хорошо. Мы отвезем ее в больницу. Это в центре города, мы ее проезжали…

С губ Лайлы сорвался негромкий стон.

— Лайла? — Нат опустилась перед ней на колени. — Лайло, все хорошо. Все хорошо.

— Нет, нет, нет, нет, нет.

— У тебя болит, Лайло? Милая, скажи мне. — Натали положила руки на плечи Лайлы и заплакала. Джен почувствовала отчаяние.

— Не надо в больницу. — Лайла произнесла это громко и отчетливо, подняв голову. — Не надо в

больницу.

— Так надо, Лайла, просто чтобы проверить…

— Нет! Нет! — Она начала вырываться из рук Натали. — Пожалуйста. Пожалуйста. Отвезите меня домой. Пожалуйста, отвезите меня домой. — Лайла начала всхлипывать, ее худое тело содрогалось. — Пожалуйста, Нат. Отвезите меня домой. Отвезите меня домой, к Заку.

Она забыла, что его там не было.

Джен вела машину, как сумасшедшая, быстрее, чем когда-либо в своей жизни, руки ее вцепились в руль, костяшки пальцев побелели. Всю дорогу она молилась: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не дай мне разбиться, пожалуйста, не дай ей умереть, не в машине, только не так, только не так, только не так». Натали сидела на заднем сиденье, на коленях у нее лежала голова Лайлы, а рукой она вцепилась в спинку сиденья Джен.

— Скорее, — повторяла она. — Нам надо спешить. — Натали, которую прошибал холодный пот при скорости больше шестидесяти миль в час, побуждала подругу жать на педаль акселератора. Джен могла только догадываться о глубине ее ужаса.

Лайла теряла и вновь обретала сознание. Она не вскрикивала, она вела себя спокойно. В тот

момент, когда они согласились, что не повезут ее в больницу, она обрела хладнокровие. Почти умиротворение. Джен боялась, что это может быть смирение перед неизбежным.

— Подожди, — шептала она себе под нос. — Пожалуйста, Лайла. Подожди.

Натали позвонила Эндрю со своего мобильника. Звонок был переключен на голосовую почту. Она позвонила Заку. Голосовая почта.

— Голосовая почта, проклятая голосовая почта! — прокричала она с заднего сиденья.

— Позвони Дэну, Нат. Позвони Дэну, пусть попробует с домашнего телефона, задействует электронную почту, что угодно. Пусть вызовет их сюда.

Когда они подъехали к дому, Дэн ждал их на лужайке. Втроем они извлекли бесчувственную Лайлу из машины и отнесли по лестнице в ее комнату. Оставив ее с Нат, Дэн и Джен внизу начали спорить о том, что делать.

— Вы должны были отвезти ее в больницу, — шипел Дэн.

— Она умоляла нас, Дэн. Она нас умоляла. Ты бы сделал то же самое на нашем месте. Ты ее не видел. Она была в отчаянии. Она не хочет… Они сейчас все равно уже не смогут ей помочь, —

сказала Джен, подавляя перехватившее горло рыдание и сползая по кухонной стойке на кафельный пол. — Она умирает, они ничего не смогут сделать.

— Я иду звонить доктору Улесу. — Дэн скрылся в гостиной и вышел через некоторое время со спящей Изабель на руках. Джен о ней совсем забыла.

Доктор Улес сказал, что, вероятно, осталось недолго. Он настоятельно советовал отвезти ее в больницу, чтобы там купировали боль. Но Лайла упрямо отказывалась. Доктор горестно покачал головой, но разрешил ей остаться при условии, что они пообещают позвонить ему или в «Скорую помощь», если дела станут совсем плохи. Когда врач уходил, позвонил Эндрю, чтобы сообщить, что летит первым рейсом. Никому не удавалось связаться с Заком.

Лайла спала.

Джен, Натали и Дэн не ложились всю ночь. Дэн предложил им дежурить по очереди, но Натали ни в какую не хотела уходить от постели больной, ее не удавалось переубедить, поэтому Дэн и Джен стали по очереди сидеть с ней, тогда как другой приглядывал за Изабель, которая спала в своей колыбельке на первом этаже. Они переместили

малышку из соседней с Лайлой комнаты, чтобы ее плач не разбудил Лайлу.

Когда Лайла проснулась, начался кошмар. Она вскрикивала. Она вопила. Ее тошнило, она билась в конвульсиях, она умоляла их прекратить все это. Она требовала Зака. Снова и снова она спрашивала о нем. Она орала на них, чтобы они убирались, чтобы оставили ее в покое, кричала, почему они не приведут ей Зака. Почему они прячут его от нее? И все это время находившаяся возле ее постели Натали — с белым лицом и трясущимися руками — ни разу не крикнула, не дрогнула, даже когда Лайла плевала в нее, ругалась на нее, царапала ей лицо. Джен в оцепенении стояла в дверях, но Натали забралась на кровать и, притянув к себе истощенное тело Лайлы, держала ее и физически смиряла, гладила ее по волосам, шептала слова утешения, слова любви. Она целовала ее голову и лицо, она говорила об их первой встрече, о поездке в Сен-Мало, о том лете, когда они ездили на Ибицу и Нат потеряла в море нижнюю часть своего бикини. Лайла смеялась. И наконец Лайла уснула.

Джен спустилась вниз. Дэн спал на диване, с Изабель на груди. Было начало пятого утра, легкий оттенок серого только начал пробиваться

из-за горизонта на чернильно-черное небо. В комнате было холодно; они еще не топили камин, но Джен чувствовала, что недалеко то время, когда он им понадобится. Теперь уже скоро. Ей хотелось взять малышку, поднять на руки и прижать ее сладкое, мягкое, теплое тельце к своей груди, но она не хотела ее будить, поэтому вместо этого села в кресло и стала наблюдать за спящими, прижимая ко рту одеяло, чтобы они не услышали ее рыданий.

Изабель зашевелилась незадолго до пяти. Джен мягко сняла ее с тела Дэна, но, лишившись ощущения ее тепла, он тотчас проснулся.

— Как Лайла?

— Еще спит. Я так думаю. Час назад спала. Я больше там не была.

Джен стала кормить ребенка, а он пошел наверх и через несколько минут вернулся.

— Все еще спит, — кивнул он. — Можно сделать тебе чай?

Джен покачала головой и протянула к нему руку. Он опустился на колени возле ее кресла.

— Я не поблагодарила тебя. За то, что присматривал за ней вчера, пока мы были на пляже.

— Тебе не за что меня благодарить, — сказал он. — Будь у меня такая возможность, я бы при-

сматривал за ней каждый день.

— Тебе действительно это нужно? — спросила Джен. — Ребенок другого мужчины?

Дэн уселся на пятки, легонько вздохнул.

— Не так. Она не ребенок другого мужчины. Она твой ребенок. — Он поднялся на ноги. — Ты точно не хочешь чаю? — Она покачала головой.

— Знаешь, я действительно тебя люблю, — тихо сказала она, когда он направился в кухню, но он не обернулся.

В половине шестого Дэн позвонил Заку, но звонок переключился на голосовую почту.

Когда вскоре после шести Лайла проснулась, ей было немного лучше. Она села в кровати и попросила воды. Она спросила, нельзя ли ей видеть Изабель, и Джен принесла ребенка.

— Я лучше не буду ее брать, — прохрипела Лайла. — Вдруг меня стошнит.

— Ее несколько раз тошнило на тебя, — слабо улыбнулась Джен. — Едва ли она станет жаловаться.

— У меня может начаться приступ, — сказала Лайла, поэтому Джен забралась на кровать рядом с ней и, поднеся Изабель к ней поближе, так держала, чтобы Лайла могла вдыхать ее запах,

чувствовать ее тепло. — Он ведь не приехал, правда? Зак не приехал? — сказала она, и по щекам ее текли слезы.

Эндрю и Зак прибыли в середине дня. Зак не остановился, чтобы с кем-то поговорить, он даже ни на кого не посмотрел, из такси он прямиком ринулся в дом, вверх по лестнице, в спальню Лайлы, Эндрю остался стоять на лужайке. Он смотрел на дом так, как если бы ему было страшно войти внутрь.

— Он вчера упал с велосипеда, — объяснял Эндрю, когда Джен сопровождала его в дом. — Разбил свой телефон. А еще ему накладывали швы на голову. Он вернулся домой только рано утром, но нам удалось успеть на рейс.

Шаркая вниз по ступенькам в замызганных спортивных штанах, с висящими немытыми волосами, появилась Натали. Лицо ее представляло собой грязно-серую маску, под глазами залегли темные круги.

— Господи, Нат, — только и смог вымолвить шагнувший ей навстречу Эндрю. Джен оставила их там, у подножия лестницы, в объятиях друг друга. Ей было слышно, как Натали тихонько плачет, а ее муж повторяет: «Мне не следовало тебя оставлять, прости меня, любовь моя, мне не

следовало тебя оставлять».

Джен не могла поверить, что всего несколько часов назад она подумывала о том, чтобы разжечь камин. Было удушающе жарко, воздух был насыщен влагой. Они с Дэном ходили по кухне, передавая друг другу Изабель. Малышка капризничала и никак не могла угомониться. Она плакала, плакала и плакала. Ничего не помогало; ее лицо становилось все краснее и краснее, ее яростные крики пронизывали воздух. Джен выпила несколько стаканов ледяной воды, жалея, что не может выпить джина с лаймом и горьким тоником, чего-нибудь, что избавило бы от неприятного привкуса во рту; она не понимала, в чем дело, но никакая чистка зубов не помогала. Никогда в жизни ей так не хотелось забыться.

Когда Изабель наконец-то уснула, Джен поставила на поднос стаканы и кувшин воды со льдом и отнесла наверх. Воздух в комнате был затхлый, спертый; пахло потом и рвотой. Лайла лежала на боку посредине кровати, простыни и одеяла были откинуты, кожа ее была серой и лоснящейся. Зак держал ее за руки, Натали скрючилась позади нее, прижимая влажную ткань к ее затылку.

— Она… с нами? — спросила Джен.

— Что это за «она»? — раздался хрип с крова-

ти. — Вас не учили, что так говорить невежливо?

Она дрейфовала туда-сюда, из ясного сознания в состояние галлюциноза; жизнь в ней то пробуждалась, то угасала.

— Где Кон, Джен? Он на заднем дворе?

— Конора здесь нет, Лайла. Его тут нет, родная.

— О, ты уверена? Вчера он был здесь. Просто вышел… — Она пыталась поднять руку, чтобы указать на лес, но рука поднималась не больше чем на несколько дюймов. — Он там. На краю леса. Ты увидишь его, если посмотришь. Красная толстовка с капюшоном. На нем та красная толстовка, в которой он всегда ходит. — В ней он был и в день своей гибели.

— Хорошо, Лайла. Я потом схожу и найду его.

Снизу Джен услышала плач.

— Это Изабель, дорогая. Я схожу принесу ее, хорошо?

— Поцелуй ее, — сказала Лайла. — Поцелуй ее от меня.

Джен поскользнулась на верхней площадке лестницы. Она схватилась рукой за каменную стену, чтобы удержать равновесие, содрав ноготь до мяса. С силой прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, и заковыляла вниз, оставляя пятно крови на стене, там, где поранилась. Ноги дрожали.

Она была вымотана. Она не спала больше суток, почти ничего не ела. Она смыла кровь с рук и пошла успокоить Изабель. Ей не хотелось нести ребенка наверх в душную, вонючую комнату; она боялась, что снова может упасть, что может ушибить свою дочь.

Вместо этого она вынесла ее на улицу и поспешила к тени гамака. Она улеглась в него, положив разгоряченную, сердитую, извивающуюся Изабель себе на грудь. Джен прикрыла глаза, и они качались и качались, пока наконец малышка не успокоилась.

Чуть позже из дома вышли Дэн и Эндрю. Они принесли с собой холодной воды и сели на траву рядом с гамаком. Никто ничего не говорил, они сидели в молчании, слушая, как легчайший ветерок шелестит листвой у них над головами, как время от времени чирикнет птица и замычит вдалеке скотина. А затем они услышали ужасный крик — крик мучительной боли, словно рев раненого медведя. Это был Зак, и тогда они поняли, что Лайлы больше нет.

27 июня 1995 г.

Приветствую тебя, моя дорогая Нат, со склонов солнечного холма Уинчмор-

Хилл.

Здесь моросит, не переставая, и у меня такое чувство, что я торчу здесь всю жизнь. Мне так чертовски скучно. Столько времени мечтать, чтобы выпускные экзамены закончились, а вот теперь они закончились, а я торчу в Лондоне, и мне не с кем пообщаться, потому что Дрю в Рединге, у своих родителей, а ты в чертовом Уилтшире или где там еще, а Джен и Конор уехали в Корк навестить маму Конора. Дэн здесь, но у него какая-то девушка, и он слишком занят, трахаясь с ней, чтобы тусоваться со мной.

Я не могу дождаться, когда мы поедем во Францию. Пусть даже нам придется провести лето, занимаясь физическим трудом. И еще там нет бассейна. Но ничего, мы заставим Дрю возить нас на пляж (в наши выходные) и будем вовсю тащиться.

И (барабанная дробь, силь ву пле!) у меня есть работа! Я буду низкооплачиваемой шестеркой в «Ред», рекламной фирме в Сохо, начиная с сентября.

И еще (снова барабанная дробь!) мы

с Дрю собираемся поселиться вместе. Это решено. Я подумывала о том, чтобы остаться с мамой ради экономии, но она доводит меня до белого каления – всякий раз, как я наливаю себе выпить, она цокает языком и закатывает глаза (как будто сама она не законченная выпивоха!).

Как же чертовски здорово это будет! Вечеринки у нас дома. Мы познакомим тебя с каким-нибудь изумительным молодым человеком, как только ты переедешь в Лондон (при условии, что ты не подцепишь кого-нибудь знойного на пляже во Франции…).

Я осознаю, как мне повезло в жизни.

Мне никогда больше не придется сдавать экзамены.

У меня есть работа.

У меня потрясающий парень.

Я вешу 117 фунтов (Есть! Осталось сбросить еще только пять).

У меня лучшие друзья, чудеснейшие друзья, и главное, Нат, моя дорогая, у меня есть ты. Ура-а-а-а… Но это правда, Нат, ты на вершине моей пирамиды, моя са-

мая лучшая подруга, во веки веков.

У нас намечается замечательное лето. Это будет грандиозно, детка.

С безумной любовью,

Лайло

Глава пятидесятая

В ночь после смерти Лайлы и две ночи после этого Натали спала в гамаке. Она почти не заходила в дом. Эндрю приносил ей еду, большую часть которой она не ела. Ночью он сидел с ней, пока она не засыпала, затем шел в дом, где лежал без сна, с тяжелым камнем на сердце. Жара упорствовала, словно окутывая дом толстым шерстяным удушающим одеялом.

На четвертый день они развеяли пепел Лайлы в лесу. В конце она нечетко выразилась о том, чего хочет: быть ли перевезенной обратно в Англию или остаться здесь. Зак принял решение, что ей следует остаться во Франции. В конце концов, это было то место, где она захотела провести свои последние дни. Кремация была организована в трехдневный срок; она была проведена быстро и без всякой мороки, совсем не так, как ожидал Эндрю от французской бюрократии. Они никого больше не приглашали. Никому больше не сообщали.

— Она бы никого больше не хотела, — сказал Зак.

Под ярким солнцем ветерок унес то, что от

нее осталось, а они стояли в полном молчании, даже Изабель не издала ни звука. Это было мало похоже на церемонию. Лайла вполне могла бы предпочесть шикарные лондонские похороны, где все одеты в черное, с шумными поминками.

— Похороны ведь не для мертвых, верно? — сказал Зак. — Они для живых.

Зак задержался в лесу на некоторое время после того, как все остальные уже вернулись в дом. Подождав час-другой, Эндрю пошел его искать. Тот сидел на поваленном дереве, спокойный и с виду совершенно умиротворенный, и просто слушал лес. Увидев Эндрю, он ему улыбнулся.

— С тобой все в порядке? — спросил его Эндрю.

Тот пожал плечами.

— Думаю, да. Я сам не знаю, что делаю. Не знаю, что делать. — Эндрю сел рядом с ним. Шатер леса смягчал солнечный свет, древесные кроны не шевелились. — Нас так долго было двое. Мы совершенно обособились от остального мира. Она стала для меня всем. — Он чуть покачал головой в тщетной попытке стряхнуть горе. — Ты ведь понимаешь, да?

Эндрю кивнул. Он чувствовал на себе взгляд Зака, который испытующе вглядывался в его лицо.

— Она особенная, — сказал Зак. — Любить ее

было чем-то особенным. — Он замолчал.

Спустя долгое время он сказал:

— Я знаю, что произошло на Рождество.

У Эндрю пересохло во рту, сердце вдруг стало маленьким и твердым, как персиковая косточка.

— Это не важно, — продолжал Зак. — Я хочу сказать… Это не важно. Верность никогда не была ее сильной стороной.

— Черт, Зак, прости, — сказал Эндрю, и слетевшие с губ слова прозвучали глухо и неуместно.

Зак покачал головой.

— Честное слово, это не важно. Она рассказала мне об этом только тогда, когда пыталась заставить меня ее бросить. Она не хотела, чтобы я… — Он замолчал и перевел дыхание. — Чтобы я наблюдал, понимаешь? Чтобы был рядом.

— Но ты все равно остался. — На какой-то ужасный момент Эндрю показалось, что он может заплакать; он почувствовал, как у него перехватывает горло, перехватывает голос. Зак положил руку ему на плечо.

— Я рассказываю это не для того, чтобы тебе было больно. Я знаю, так выглядит, но это неправда.

Эндрю не мог до конца поверить, что Зак его утешает, что он позволяет Заку себя утешать. Он

поднялся на ноги.

— Пожалуйста, прошу тебя, не говори больше ничего. Я чувствую себя ужасно из-за того, что случилось, я тогда просто повел себя бездумно, это был такой ужасный день…

— Я все это знаю, и я знаю, почему она это сделала и почему ты это сделал. Дело не в этом. Я рассказываю тебе не поэтому. Она говорила со мной, рассказывала обо всем, что происходило здесь с тобой, Натали, Джен и Дэном. Я просто… — Он запнулся, чуть качнул головой, посмотрел на Эндрю и улыбнулся ему слабой, грустной улыбкой. — Для нее это кое-что значило, та ночь, что вы провели вместе…

Эндрю опустил голову, он не помнил, когда еще был так пристыжен. А затем Зак протянул руку и коснулся его плеча, и стыд усугубился.

— Для нее это было хорошо, — сказал Зак. — Это… дало ей что-то, чего не мог дать я, какое-то утешение. Помогло залечить очень старую рану, такую, о которой я даже не знал, такую, с которой я бы никогда ей не помог. И я рад тому, что произошло, в самом деле рад. Я не вру, Эндрю, — сказал он, а Эндрю стоял перед ним, безвольный, безмолвный, ошеломленный глубиной его великодушия. Единственное, что имело для него

значение, это Лайла. — Я рад, что ты любил ее. Я рад, что она узнала это в конце концов.

Под конец голова Зака упала на грудь, плечи затряслись.

— Что мне теперь делать? — спросил он. — Что мне делать?

Эндрю постарался, как мог, обхватить рукой громадные плечи Зака и прижал его к себе — так, как прижимают испуганного ребенка. Он ожидал сопротивления, но его не последовало. Так он сидел, обнимая Зака, этого большого нежного мужчину, с которым обошелся нечестно.

— Я не знаю, — сказал наконец Эндрю. — Я не знаю, что тебе делать. Но ты можешь приезжать сюда. Ты всегда можешь приезжать сюда. Когда тебе станет плохо, приезжай сюда.

Эндрю лучше многих понимал, как важно иметь какое-то место, куда можно прийти, даже если это не место погребения. Кладбище в Ирландии, где был похоронен Конор, покрытое пышной зеленью и усеянное торжественными плитами из серого камня, было красивым и безмятежным, но не трогало Эндрю, не побуждало его почувствовать себя ближе к старому другу. Для этого ему надо было приехать сюда, во Французский дом. Тем не менее он иногда наведывался на то

кладбище; он был там совсем недавно, после того, как уехал из Франции, после озлобления на Джен и Дэна, после размолвки с Натали. Ему надо было куда-то прийти.

У Конора не было для него ответов, но Мэгги, мать Конора, знала что сказать. Он, конечно, не мог поведать ей, в чем суть проблемы, но выдал секрет, что его брак, впервые за все время, перестал быть тем раем, каким был раньше.

— Ты помнишь, Эндрю, как я когда-то давно говорила тебе, чтобы ты нашел кого-то, кто бы тебя ценил? Помнишь это? У меня теперь нехорошо на душе, потому что я никогда особенно не любила ту блондинку, а теперь, когда она нездорова, я чувствую себя настоящей старой ведьмой, но ничего не поделаешь. Когда вы приехали ко мне в гости сразу после рождения ваших девочек, помнишь, ты и Натали — что ж, я увидела вас тогда и подумала, что все идеально. «Он поступил точно так, как я ему велела».

Эндрю улыбнулся. Это было так похоже на Мэгги — ставить себе в заслугу то, что не имело к ней абсолютно никакого отношения. Она постоянно заявляла, что Конор никогда не стал бы таким хорошим регбистом, если бы не ее стряпня.

— Я не знаю, что происходит, но я знаю, что дело

не в отсутствии уважения. И она дорожит тобой. А ты теперь достаточно взрослый… что это я говорю? Ты уже давно достаточно взрослый, чтобы понимать, что ваши отношения не поддаются замене. Ты не относишься к любви беспечно. У тебя не просто брак, а партнерство. Партнерство. Мне доставляло счастье видеть это столько лет, и мне разобьет сердце — разобьет сердце! — если я увижу, как ты теперь отбрасываешь это прочь. А ты ведь не захочешь разбить сердце старой женщине? — Она налила ему еще одну чашку чая, а затем вдруг забрала ее, прежде чем он успел отпить. Скрывшись в кухне, она вернулась с бутылкой «Бушмилса» и двумя стаканами. — Я скажу тебе, что меня печалит, Эндрю. Это то, что Дженнифер так и не нашла такого партнерства, как у тебя. А теперь она одна с ребенком. Ужасно, не правда ли? Эта красивая девушка, одна поднимающая ребенка, — это так неправильно. Мой сын бы этого не хотел.

По пути обратно в Англию Эндрю сочинял письма Джен и Дэну, в которых просил прощения за то, что им наговорил. Он был тупым идиотом, как кто-то однажды сказал, и хуже того — ханжой и дураком. Он не отослал эти письма. Он не написал Натали; невозможно было сказать в письме

то, что ему нужно было сказать, не было способа заделать брешь между ними, если только она не стоит перед ним собственной персоной.

Он постоянно думал о том, что сказала Лайла в тот вечер, перед тем, как он покинул Францию, когда он сидел в темноте на ее постели. Она была немногословна, но предположила, что проблема была не в них обоих: Эндрю и Натали, она была в нем. Его потребность загладить вину заставляла Натали чувствовать себя ужасно, как будто она была ценой, которую надо заплатить. Но ведь она не всегда так себя чувствовала. Тогда бы они не были счастливы, а ведь они были, долгое время. Но, кто знает, может быть, это ощущение приходило к ней время от времени, может быть, это было нечто, с чем она жила, не высказываясь об этом или, во всяком случае, не высказываясь до поры до времени. Поразительно, с чем мы можем жить, когда настроимся на это, будь то боль, или чувство вины, или призраки, или подозрение, что тот человек, за которым ты замужем, не любит тебя так, как ты хотела бы.

Он понял, что должен снова найти себя, найти способ жить без чувства вины и призраков прошлого, тогда, может быть, она увидит, как он ее любит. Он купил билет на самолет во Францию:

он полетит в следующие выходные, он поговорит с Нат. В голове его все выстроилось по порядку, и этим порядком он, как ни странно, был обязан Лайле. Он спокойно занимался повседневными делами, отвозил девочек в школу, работал, спал. А затем он получил сообщение от Натали с просьбой приезжать как можно быстрее и понял, что в выходные будет слишком поздно.

Он был в ужасе, что может не успеть, не только не успеет попрощаться с Лайлой, но не успеет быть там ради Нат, что в конечном счете ей придется пройти это в одиночку и он снова ее подведет. Но он успел. Он успел и привез с собой Зака, так что по крайней мере что-то сделал правильно.

Эндрю молча довел Зака до дома. Свет как раз начал меркнуть, и ему показалось, что впервые с момента своего возвращения он уловил в ветерке прохладу, тончайший привкус дождя. Он нашел Натали перед домом, она сидела в гамаке, поджав под себя ноги, с идеально прямой спиной, и смотрела вдаль, на долину. Увидев его, она улыбнулась.

— Прошу тебя, приходи на ночь в дом, Нат, — сказал он. — Ночевки в гамаке не для твоей спины. И в любом случае, думаю, пойдет дождь.

Натали посмотрела на идеально чистое небо, затем — опять на него, склонила голову набок.

— Ты так думаешь?

— Пожалуйста, Нат. — Он сел рядом с ней.

— Хорошо, — сказала она и чуть улыбнулась. — Так или иначе, сейчас ее уже больше нет. Вчера она еще была тут, я это чувствовала. Но теперь она ушла.

Эндрю ничего не сказал, он просто улыбнулся ей, прикоснулся к ее лицу. Это было не похоже на нее, так говорить; она не верила в духов или в загробную жизнь, она была сугубо рациональна. Но никогда не знаешь, как будешь чувствовать, когда потеряешь навсегда кого-то, кого потерять невыносимо.

— Как ты себя чувствуешь? — нахмурила брови Натали. Она подалась ближе к нему и обхватила его руку. Гамак мягко покачивался из стороны в сторону. — Ты выглядишь усталым.

— Все в порядке. Я просто думал о… практических вопросах, — солгал он. — Послезавтра мне надо уезжать. Я хочу, Нат, чтобы ты поехала со мной. Я хочу, чтобы ты теперь поехала домой.

— Конечно, — сказала она, как если бы тут никогда не существовало никакого вопроса, как если бы она напрочь забыла о том, как ужасно он

обошелся с ней, когда уезжал в прошлый раз. — Конечно, я вернусь с тобой. Я не видела девочек три недели.

Он чуть вздрогнул, не очень-то поняв, что она имеет в виду. Она возвращается ради девочек или ради него?

— Я жду не дождусь возвращения домой, — сказала она. — Просто не могу дождаться, — и улыбнулась ему, глядя зелеными глазами из-под полуопущенных ресниц. Тогда он понял, что это не только ради девочек, это и ради него тоже, и у него замерло сердце.

Натали в ту ночь легла в доме, она крепко спала у него под боком. Эндрю опять лежал без сна, слушая звуки дома и звуки ночи. Он слышал, как Джен ходит в соседней комнате, успокаивая ребенка. Слышал какие-то приглушенные крики вдалеке, странные, призрачные звуки, которые вызывали в нем иррациональный страх. Натали ни разу не пошевельнулась.

Когда же он заснул, сон его был прерывистым, и проснулся он, рывком очнувшись от страшного сна, которого не мог вспомнить. Но Натали по-прежнему спала. Он выскользнул из постели и прокрался вниз. В гостиной Джен возилась с Изабель. У него возникла вспышка дежавю — так

это было похоже на тот день, когда они с Джен поссорились, когда Джен рассказала ему про Дэна.

— Привет, — негромко сказал он, и обе они обернулись и посмотрели на него — две пары огромных карих глаз на бледных, обескровленных, несчастных лицах. — Плохая ночь?

Джен кивнула.

— Что-нибудь принести? — спросил он.

Она покачала головой.

Он все равно приготовил ей чай, принес и сел в кресло напротив. С момента его приезда они по-настоящему не разговаривали, во всяком случае, не разговаривали ни о чем, кроме Лайлы. Не до того было. Возможно, сейчас, зяблым ранним утром, когда не было никого, кроме них и малышки, он мог бы извиниться перед ней, сказать, что был не прав, категоричен, недобр, был ханжой. Но он не мог найти слов, поэтому они сидели молча, и только недовольное хныканье Изабель нарушало тишину.

— Это тяжелее, чем ожидаешь, да? — сказала наконец Джен. — Дети, я имею в виду. А у вас было сразу двое. Ума не приложу, как вы справлялись.

— Нас тоже было двое, а это совсем другое дело. В одиночку невозможно. То есть возможно, конечно, люди справляются…

У него не было для нее ничего, кроме банальностей — прошло столько времени с тех пор, как девочки были в этом возрасте, он едва помнил, как это было. Он помнил огромное счастье, удивление, это постоянное чувство изумления, что они действительно здесь, после стольких ожиданий, и такие маленькие, такие невозможно крохотные, такие хрупкие. Он не помнил изнурения, он не помнил, чтобы Натали когда-нибудь выглядела так, как Джен. Вероятно, выглядела, причем постоянно, но единственное, что ему сейчас помнилось, было счастье.

Джен улыбнулась ему медленной, бесцветной улыбкой.

— Это странно, — сказала она, — но я чувствую, что она как будто знает о Лайле. Как будто по ней скучает. Она такая беспокойная последние пару дней.

— Это не нелепо, Джен. Они ведь все чувствуют. Во всяком случае, так говорят. Твое страдание, твою грусть, может быть, она все это чувствует.

Джен пожала плечами.

— Я не уверена, что так. Думаю, здесь что-то большее. Мне кажется, Изабель скучает по ней. Ты ведь знаешь, как Лайла ее обожала, как всегда любила к ней прикасаться. Как любила лежать

с ней в гамаке… — Тыльной стороной ладони Джен стерла слезы со щек. — Я думала, — тихо сказала она прерывающимся голосом, — раз мы знали, что это приближается, раз это не было неожиданностью, я думала, будет легче…

Эндрю забрал Изабель у плачущей Джен, но малышка воспротивилась, громко, сердито. Ее маленькое личико скривилось и покраснело от злости. Он встал на ноги и постарался ее успокоить, но она лишь сильнее плакала. Джен не двигалась, она сидела, опустив голову и вцепившись руками в подлокотники кресла. Эндрю понес Изабель в кухню, он качал ее, он ворковал и агукал, а Изабель лишь громче вопила. Эндрю вынес ее во двор, он ходил с ней кругами, пытаясь отвлечь, до тех пор пока из амбара не вышел Дэн и не взял ее на руки. И тогда в течение нескольких секунд, буквально секунд, она успокоилась. Дэн посмотрел на Эндрю — вид у него был сконфуженный, почти виноватый — и сказал: «Иногда им просто надо сменить руки», и Эндрю начал смеяться.

— Должно быть, так, — сказал он и неловко похлопал Дэна по плечу. Потом повернул обратно в кухню. Там стояла Джен, наблюдая за ними, и выражение ее лица было невозможно разгадать.

Письмо Эндрю Джен, датированное 17 сентября 2013 г., неотосланное

Дражайшая Джен!

Я был дураком. Я не имел права говорить с тобой так, как я говорил. Пожалуйста, прости меня.

Я пишу это в самолете, я только что побывал у Мэгги. Она вправила мне мозги. Я не говорю, что рассказал ей о чем-то, пожалуйста, так не думай, но она увидела, что у меня с головой не все в порядке, и догадалась, совершенно справедливо, что это связано с Нат, и она поговорила со мной о том, как должно быть, и вправила мне мозги.

Но она также говорила и о тебе, Джен. После стольких лет она по-прежнему говорит о тебе с такой любовью. Я думаю, ты для нее как дочь, которой у нее никогда не было. Она желает тебе счастья, она говорила о том, как сильно она хочет, чтобы у тебя в жизни была большая любовь, и мне стало стыдно, потому что я знаю, мне следовало желать тебе того же, а не судить тебя и не пытаться

задушить твое счастье.

Я был дураком. Я сказал, что ты меня разочаровала. Это не так и никогда так не будет. В последнее время я сам себя разочаровываю, но я думаю, что теперь знаю, что мне надо делать, знаю, где мне надо быть.

Я желаю тебе любви, моя девочка. И ты всегда, что бы ты ни говорила, будешь моей маленькой сестренкой.

С любовью и извинениями,

Эндрю

Глава пятьдесят первая

Жара закончилась. Ночью с побережья надвинулись полчища свинцовых туч, они скопились над горами и разразились дождем. Дождь был сильный и лил не переставая, холодной пеленой затянув все вокруг. Потоки воды, бегущие по дороге, превратились в реки, и было темно даже в середине дня.

Натали искала Зака. Он уезжал в этот день; его чемоданы были упакованы и стояли в холле, но его самого нигде не было видно. Его не было ни в доме, ни в амбаре у Дэна, он не брал машину. Нат надела свои туристские ботинки, одолжила у Джен куртку и по скользкому склону за домом поднялась к лесу. Она нашла его там, на поляне, где они развеивали прах Лайлы. Он сидел на стволе поваленного дерева, сцепив перед собой руки и наклонив голову, словно молился. Его одежда насквозь промокла.

Натали села рядом с ним, и он промокшей рукой обхватил ее за плечи.

— Я постоянно спрашиваю себя, — сказал он, — постоянно спрашиваю всех, что мне делать? Она была… она стала для меня всем. Я просто не знаю,

что делать.

— Поезжай домой, принимайся за работу. Обопрись на свою семью, на друзей. Обопрись на нас. У тебя есть мы. Мы с Эндрю живем в Рединге, девочки будут очень рады тебя видеть. Они будут рады похвастаться тобой перед своими друзьями. Дэн с радостью примет тебя здесь в любое время, ты это знаешь.

Он кивнул, но не поднял на нее глаз, а сильнее обмяк на бревне. Казалось, он вот-вот соскользнет с него прямо в грязь. Ее это испугало, но ей больше нечего было сказать, у нее больше не было слов утешения, поэтому она поднялась на ноги, взяла его за руку и сказала:

— Пожалуйста, пойдем в дом, ты здесь насмерть простудишься.

Он поднял на нее взгляд и улыбнулся, она не могла понять, плачет он или это просто дождь.

— Я буду по вам скучать, — сказал он. — По всем вам. И это странно, потому что, если бы вы спросили меня в декабре, я бы сказал, что век бы мне вас не видеть.

Он встал, наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Я так рад, — сказал он, — что в конце вы все были с ней.

По пути обратно, когда они выходили из леса,

Натали поскользнулась и упала в грязь. Зак подхватил ее и нес всю дорогу до дома.

Дэн отвез его в аэропорт. Было темно, когда он вернулся, ветер крепчал, дождь долбил по земле, вздымая грязные брызги аж до окон. В доме было тихо: Изабель и Джен спали наверху, Эндрю читал в гостиной. Тишина была тягостной. Натали поднялась по лестнице и прошла по коридору в главную спальню, которая когда-то принадлежала Джен, а недавно — Лайле. Дверь была закрыта. Она не заходила в эту комнату почти неделю, с самой кончины Лайлы.

Натали открыла дверь и закрыла ее за собой. Комната была пуста — вещей Лайлы не было, они были упакованы в коробки Джен и Дэном и в чемоданы Заком. Кровать была голой. Натали не знала, куда подевались простыни, те, в которые они ее завернули. Будут ли они выстираны и вновь использованы или выброшены, сожжены? Она села на голый матрас, поджала под себя ноги и прилегла. Ничего не осталось здесь от Лайлы, ни запаха ее духов, ни пряди волос, ни эха ее смеха, не было ничего.

Натали плакала до тех пор, пока в ней ничего не осталось.

Ей страстно захотелось быть со своими дочерь-

ми, сидеть между ними на диване, накинув на ноги одеяло — голова Грейс покоится на ее плече, рука Шарлотты переплетена с ее рукой, — и смотреть «Икс-фактор». Она тосковала по их семейной жизни, по той хорошей жизни, что они построили, по тому, как Эндрю моет машину воскресным днем, по прогулке после воскресного обеда. Она тосковала по Эндрю. Натали встала и пошла его искать.

Прошла половину лестницы и остановилась, потому что услышала, как Эндрю разговаривает, он был в кухне и говорил с Дэном. Она села на ступеньку и прислушалась. Разговор шел о Джен.

— Она останется с тобой? — спрашивал Эндрю.

— Мы это не обсуждали, — сказал Дэн ровным, невыразительным голосом.

— Это было бы хорошим разрешением, — сказал Эндрю.

— Хорошим разрешением? Что, черт возьми, это означает?

Эндрю вздохнул.

— Ладно, Дэн. Я пытаюсь сказать… Я думаю, тебе следует быть с ней. — Последовала долгая пауза. — Я пытаюсь извиниться.

— О? Так это было извинение? — засмеялся Дэн.

— Мне очень стыдно за то, что я наговорил.

— Я знаю, парень. Знаю, откуда все это пошло, знаю, как ты к ней относишься, я все знаю. Я разозлился, но не так чтобы очень. Я понимаю, что все это для тебя значит: этот дом, Джен, память о Коноре.

— Но это ведь хорошо, что она будет здесь, правда? Она и ребенок, это будет хорошо.

— Надеюсь, что так.

— Будет приятно знать, что она с кем-то, кто ее любит, кто любит Изабель.

— А я люблю.

— Я знаю, что любишь.

Какое-то время было тихо, потом Дэн сказал:

— Я вот о чем беспокоюсь, постоянно себя спрашиваю… — Он умолк.

— Что? О чем?

— Что, если она никогда не будет смотреть на меня так? Так, как она смотрела на него?

Натали услышала, как открывается холодильник, услышала звяканье бутылок.

— Знаешь, иногда я боюсь, что не смогу выкинуть это из головы, что это будет мешать нам…

Звяканье пивных крышечек в мусорном ведре.

— А ты помнишь, как она смотрела на Конора? — спросил Эндрю. — Я серьезно, неужели

ты действительно можешь точно вспомнить, как она на него смотрела? Я вот вряд ли смогу. Возможно ли, что она не будет любить тебя точь-в-точь, как любила его? Да, я бы сказал, возможно. Разве это имеет значение? Нет. Имеет значение, что ты чувствуешь, здесь и сейчас, обязательства, которые ты на себя принял, что ты готов отдавать, чем готов пожертвовать. А не то, как ты на кого-то смотришь.

Сердце Натали колотилось в груди, она была уверена, что оно бьется так громко, что они ее услышат. Вот какой он, ее муж, хороший человек, который знает, что имеет значение, знает, что такое любовь. Именно так он всегда рассуждал, и в этот момент она поняла, как она его обидела этими своими словами о наказании, поняла, что для него важно отдавать и жертвовать, это было то, что составляло их брак, это было ценно.

Она встала и тихонько спустилась к подножию лестницы. Сунула голову в кухонную дверь. Они сидели за кухонным столом, бок о бок, перед ними стояли бутылки с пивом.

— Привет, — негромко сказала она, и они дружно обернулись, а Эндрю поднял руку, приглашая ее войти. Он встал и обнял ее за талию, приподнял над полом, поцеловал в шею и прошептал

ей в волосы:

— Думаю, пора нам с тобой собираться домой.

14 октября 2013 г.

Дорогие Дэн, Джен и Изабель!

Мы с Эндрю хотели бы пригласить себя провести Рождество с вами во Франции. Как вы на это смотрите? (Мы привезем с собой девочек и Зака.)

Шлю много любви всем вам.

Нат (и Эндрю)

Глава пятьдесят вторая

Ноябрь

Было все еще темно, когда она проснулась. Через щель в занавесках было видно, что начал падать снег. Она шевельнулась, откинула одеяло, осторожно приподняла руку, обнимавшую ее за талию, теперь уже знакомую руку, со старым чернильным пятном на запястье. Высвободившись из объятий, она посмотрела на него; он крепко спал. Она спустила ноги с кровати и сунула их в отделанные овчиной тапочки, затем потянулась за висящим на спинке стула халатом и закуталась в него. Склон холма за окном был уже белым, надвигалась снежная буря.

Первая снежная буря для Изабель. Не то чтобы она это поняла, но все-таки. Некая веха, новый этап жизни. Ее дочь, не подозревая об этом, крепко спала в своей кроватке в соседней комнате. Несколько недель она не желала засыпать, а затем вдруг, по непостижимым для Джен причинам, угомонилась и теперь спала хорошо, иногда всю ночь напролет. Он казался сверхъестественным, этот дар сна, в доме сразу воцарилась тишина. Джен казалось, что они впадают в спячку, гото-

вясь к долгой, темной зиме.

Она находила в этом свою приятность, она предвкушала эти изменения: приготовление сытных блюд из тушеного мяса, вечера у камина, дни и недели отшельнической жизни, когда не видишь ни единой посторонней души. Она сказала Дэну, что они останутся здесь до Рождества, а там посмотрят, но в глубине души знала, что, когда настанет Рождество, ей все равно не захочется уезжать. Ее ждала работа, та, что она оставила в Оксфорде, там хотели, чтобы она к ним вернулась. Они сказали, что она может приступать в январе. Ей придется подыскать ясли или приходящую няню; она будет жить в идеально удобной квартире в перестроенном викторианском доме где-нибудь в Саммертауне или Хедингтоне. Будет одиноко.

Несколько дней назад, перед тем как погода изменилась, они пешком ходили в Вильфранш, полакомиться пирожными и кофе в кондитерской на площади. На обратном пути проходили мимо маленькой деревенской начальной школы. Дети играли во дворе во время перемены, кричали, смеялись и бегали, и Джен поймала себя на том, что засмотрелась на них. Дэн тоже это заметил; он улыбнулся про себя, хотя ничего

не сказал.

Дэн знал о работе, предложенной ей в Англии, но Джен не сказала ему, что связалась и с той фирмой, на которую работала в Париже. Те были рады принять ее на работу фрилансером, на дистанционной основе. Тогда не понадобятся няни и бебиситтеры, не будет одиноких ночей в Саммертауне. Она сможет остаться здесь, с Дэном. Она не очень понимала, почему не сказала ему об этом, ведь она знала, что он будет рад, если она останется. Возможно, сегодня они решат этот вопрос.

Они все еще немного осторожничали друг с другом. Они все еще привыкали друг к другу, живя здесь вдвоем, наконец-то вместе после стольких лет. Они все еще решали для себя, сохранились ли те чувства, что были между ними много лет назад, или им только так кажется. Когда он смотрел на нее определенным образом, так, как ей помнилось с тех давних лет, она чувствовала, как у нее что-то сжимается в животе и сердце начинает учащенно биться, а щеки заливаются краской. Это было волнующе, но не такой она помнила любовь.

Прошло долгое время с тех пор, как она кого-то любила, она не помнила, каково это — узнавать

это чувство, каково это — знать точно. Она думала, что любила Николя, но теперь ясно видела, что это было просто увлечение; и она знала, что никогда по-настоящему не любила Жан-Люка. И это возвращало ее обратно к Конору, а она не вполне доверяла своей памяти в отношении того, как это было. Иногда надо посмотреть со стороны. Иногда другие могут увидеть что-то, чего не можешь увидеть ты сам. Лайла увидела, она сказала об этом в тот день на пляже, сказала, что каждому видно, что Джен в него влюблена.

Это случилось в первые дни, когда они остались одни, после того как Лайла умерла, а все остальные уехали. Они сидели в гостиной после обеда, слушая музыку, и зазвучала песня «Hey That's No Way to Say Goodbye», и Дэн склонил голову и заплакал. Джен не могла вспомнить, чтобы он когда-нибудь плакал, никогда за все те годы, что его знала. Она опустилась на колени у его ног, а он смотрел на нее и улыбался сквозь слезы.

— Она была на том диске, — сказал он. — На том, что я записал для тебя. После того. Я так и не отдал его тебе. Но я все время его слушал, все время после гибели Конора. Он воскрешает в памяти все, что было тогда. И все теперешнее. Не могу поверить. Не могу поверить, что ее действи-

тельно больше нет. — Он покачал головой, и она обняла его обеими руками за шею и поцеловала в губы, тихонько бормоча ему, что она его любит, что хочет быть с ним. Она не знала точно, были ли то просто слова утешения, продлится ли это только одну ночь или две или будет длиться всю жизнь, но они были вместе, а там будет видно. Они получили свой шанс.

И когда на следующий день она нашла засунутую в книгу записку от Эндрю, это показалось ей знаком, хорошим знаком. Он вложил записку в ее замусоленный том франко-английского словаря, точь-в-точь, как делал Конор, только это была не любовная записка, а извинение и благословение. Вообще-то ей должно было быть безразлично, одобряет ли Эндрю ее чувства к Дэну или нет, но ей не было безразлично.

Итак, теперь они получили свой шанс зажить нормальной жизнью. Джен включила кофемашину и разожгла дровяную печь, она села за стол и посмотрела в окно на лужайку перед домом. Спустилось облако и заслонило вид на долину, видимость была не дальше каменной стены. Она вспомнила, как ощущала себя в это же время в прошлом году, когда жила здесь совсем одна, ожидая ребенка, и каким пугающим казался ей

дом. Вспомнила темноту, тишину, запах холодного камня, завывающий в ветвях ветер, тени по углам. Теперь таких ощущений у нее больше не было: с разожженным огнем здесь было так тепло, гостеприимно и уютно, как только можно себе представить, дом утратил дух заброшенности, сделался настоящим домом. Здесь больше не было тихо, ведь постоянно щебетала Изабель и играла музыка Дэна.

В прошлом году ее терзали призраки прошлого, и, хотя они остались, она чувствовала, что уже не слишком возражает против их присутствия. Она испытывала смятение, конечно, испытывала — по поводу переезда обратно в свою старую комнату, в комнату, которую она делила с Конором много лет назад, комнату, где умерла Лайла. Смогут ли они с Дэном спать в этой комнате мирно и спокойно? Оказалось, что прекрасно могут. Она уже не так возражала против ощущения, что они не совсем одни, что здесь постоянно живут тени, живет эхо — в темных углах и на чердаке, на лужайке возле дубов и в лесу, за домом. В конце концов, это было не так уж страшно; в этом была своя отрада, что-то хорошо знакомое, подаренное старыми друзьями.